

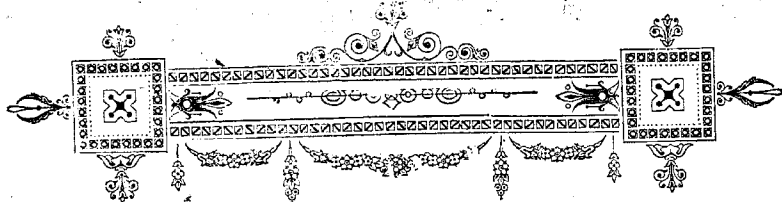
В. Александров

Медуза

Медуза, роман из уголовной хроники, в 2-х частях

Сочинение В. Александрова

**// Ежемесячное литературное приложение к журналу «Живописное обозрение» № 9 и 10 за
1890 год. СПб, тип. С. Добродеева, 1890**

МЕДУЗА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УБИЙСТВО.

I.

2007465997

АОМЪ Петра Сергѣевича Тименева находился на одной изъ лучшихъ улицъ губернскаго города К. По веселому, свѣжему виду этого, хотя небольшого, но красиваго одноэтажнаго зданія, сейчасъ было замѣтно, что оно недавно выстроено или, по крайней мѣрѣ, заново отдѣлано. Рядомъ съ господскимъ домомъ выходили на улицу ворота, а около воротъ приютилась будка дворника.

Обстановка комнатъ показывала, что Тименевъ человекъ со средствами и любитъ комфортъ, но не тотъ изысканный, аристократическій комфортъ, который встрѣчается у людей пзящихъ и со вкусомъ, а бросающійся въ глаза и бьющій на эффектъ. Расположеніе комнатъ было весьма удобно. На улицу, начиная отъ воротъ, выходили въ рядъ: кабинетъ хозяина, парадная или, какъ говорятъ, чистая прихожая, зала, гостиная и будуаръ молодой жены Тименева, Вѣры Аркадьевны. Во второмъ ряду, окнами на дворъ, спальня хозяина,

столовая, прихожая черного хода со двора, комната Антонины Аркадьевны, младшей сестры Вѣры, уборная и, наконецъ, спальня хозяйки. Единственное окно этой спальни выходило не на дворъ, а на пустынный, глухой переулокъ. Подобные переулки часто встрѣчаются въ губернскихъ городахъ рядомъ съ большими, красивыми улицами. Этимъ первобытнымъ пассажирамъ неизвѣстны ни мостовыя, ни троттуары, ни фонари. По сторонамъ ихъ украшаютъ исключительно заборы, мѣстами обвалившіеся и полуразрушенные. Когда проѣзжающему удастся выбраться изъ такого пассажа на большую улицу, онъ весело прибодряется, чувствуя въ сердцѣ пріятное облегченіе, какъ человѣкъ, успѣшно перебравшійся въ утлой ладѣ черезъ бурную рѣку.

Высокій заборъ, украшенный большими иглами для обезпеченія отъ посѣтителей, имѣющихъ дурное обыкновеніе являться недозволенными способами, въ недозволенное время, окружалъ небольшой дворъ дома, на которомъ находились двѣ постройки меньшей величины: одна за господскимъ домомъ, гдѣ помѣщалась кухня съ людскими, и другая, гдѣ были сарай, конюшни и погребъ, такъ что выхода со двора, кромѣ воротъ на большую улицу, не было.

Въ концѣ мая 188* года, около семи часовъ утра, камердинеръ Тименева, Григорій, вышелъ изъ людской и направился къ накрытой доскою кадкѣ съ водой, стоявшей у двери кухни. Его заспанные глаза и всклокоченные волосы достаточно ясно свидѣтельствовали, что онъ только что возсталъ отъ сна и намѣревался приступить къ церемоніи умыванья.

Григорій уже нѣсколько лѣтъ жилъ у Тименева. Своею честностію и умѣньемъ угодить барину онъ заслужилъ его довѣріе и приобрѣлъ авторитетъ между прислугой, которая величала его не иначе, какъ Григоріемъ Ивановичемъ. Онъ былъ небольшого роста, широкоплечій, съ длинными, сѣдоватыми волосами, густыми, нависшими бровями и глазами неопредѣ-

ленного цвѣта. Нѣкоторая важность и сановитость въ обращеніи не только съ прислугой, но даже съ господами, совершенно подходила къ его степенной наружности. Говорилъ онъ не много, не потому собственно, чтобы былъ молчаливъ отъ природы, а больше для сохраненія достоинства. Если же вступалъ въ разговоръ, то сразу давалъ замѣтить, что ему не безъизвѣстны житейскія тревоженія и что онъ много повидалъ на своемъ вѣку. Умъ его, вообще, имѣлъ нѣсколько философическое направленіе.

Только что Григорій началъ производить операцію умыванья съ усердіемъ и основательностью, свойственными степеннымъ людямъ, изъ женской людской вышла, съ кувшиномъ въ рукѣ, молодая горничная, Катя. По ея растрепанному виду и наскоро накинутаго на плечи большому платку, сейчасъ было замѣтно, что и она только что поднялась съ постели.

— Здравствуйте, Григорій Иванычъ! — любезно поздоровалась горничная, подходя къ кадкѣ.

— Здравствуйте! — вскинулъ на нее глаза камердинеръ, продолжая намыливать руки.

Григорій не допускалъ фамиллярностей даже съ хорошенькой Катей, барыниной фавориткой. Онъ строго охранялъ свое достоинство и первенствующее значеніе между прислугой.

Горничная зачерпнула воды.

— Сегодня, что-ли, начнемъ укладываться? — спросила она, очевидно, для того, чтобы завязать разговоръ.

— Баринъ говорилъ — сегодня.

— Что это такъ рано въ деревню выбираемся?

— А вамъ что? — строго спросилъ Григорій. — Небось, не любите деревни-то? Здѣсь повеселѣй будетъ?

— Миѣ что-жь? — затараторила вдругъ молодая дѣвушка, потряхнувъ растрепанной головой. — Миѣ все одно! Въ деревнѣ жить, либо въ городѣ... Въ деревнѣ-то, пожалуй, что и лучше, потому работы меньше. Прислуги тамъ много, миѣ только и

дѣла, что барыню одѣть, да причесать. А здѣсь и за барышней ходи, и комнаты убери, и выстирай, и выглади... Сегодня гости, завтра въ театръ, тамъ сами въ гости—ни одного дня чтобы раньше второго часа спать легли!.. Только барыня очень ужъ недовольна, кажется, что уѣзжаемъ, такая сумрачная, иногда даже накинется ни съ того, ни съ сего, чего никогда съ нею прежде не бывало... Пробовала, было, я у барышни спросить, да что отъ нея добьешься? Все молчить, какъ истуканъ какой-то... право! Мнѣ сдается, что хоть и отдали приказъ собираться, а тамъ будетъ отмѣна...

— Не будетъ отмѣны.

— Отчего-жъ такъ?

— А оттого, что не будетъ. Вотъ вамъ и весь сказъ.

Проговоривъ это строго и внушительно, хотя, собственно говоря, и самъ точно не зная, могла или не могла послѣдовать отмѣна, Григорій направился обратно въ людскую. Тамъ кучеръ Парѣень, молодой, красивый парень, сидя на постелѣ, натягивалъ сапоги съ такимъ глубокомысленнымъ видомъ, какъ будто рѣшалъ самую замысловатую задачу.

Старательно причесавшись и надѣвъ сюртукъ, Григорій пошелъ черезъ дворъ къ господскому дому, вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ дверь чернаго хода и, пройдя тихонько прихожую, чтобы не обезпокоить Антонину Аркадьевну, вошелъ въ залу.

Здѣсь онъ постоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, почесалъ въ затылкѣ и внимательно осмотрѣлъ свои пальцы, потомъ подошелъ къ окну и заглянулъ на пустынную еще улицу. Исполнивъ это важное дѣло, онъ осмотрѣлъ кругомъ комнату, какъ-бы задавая себѣ вопросъ: начать-ли уборку или еще погодить? подумалъ съ минуту и отправился въ кабинетъ.

Онъ отворилъ дверь и уже хотѣлъ войти, но вдругъ остановился... На полу у двери въ спальню, среди большой лужи

крови, лежалъ Тименевъ, съ закинутой назадъ головой и страшно вытаращенными глазами.

Пораженный Григорій стоялъ неподвижно, глядя на ужасное зрѣлище. Потомъ, опомнившись, подошелъ медленнымъ, нетвердымъ шагомъ къ барину и со страхомъ дотронулся до его руки. Тименевъ былъ мертвъ и, повидимому, уже нѣсколько часовъ: трупъ былъ совсѣмъ холодный.

Григорій отшатнулся съ ужасомъ и нѣсколько секундъ какъ-бы не могъ прійти въ себя, потомъ вдругъ круто повернулъ и побѣжалъ такъ быстро, какъ только позволяли его лѣта и объемистая фигура. Выбѣжавъ на дворъ, онъ сталъ звать дворника Осипа такимъ дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ, что на него высыпала вся прислуга. Изъ женской людской выбѣжали Катя, кухарка и прачка, а въ дверяхъ мужской появился кучеръ.

— Осипъ! Осипъ! — кричалъ растерявшійся камердинеръ, — бѣги въ полицію!.. Скорѣе — бѣги въ полицію! Барина убили!

Въ первую минуту, пораженные словами Григорія, всѣ остолбенѣли, потомъ бросились толпою въ домъ, чтобы воочию убѣдиться въ справедливости страшнаго извѣстія.

Женщины остановились въ дверяхъ кабинета, не смѣя войти, заглядывали съ любопытнымъ страхомъ на мертвого, крестились, охали и причитали. Мужчины-же рѣшились переступить порогъ и робко подошли къ трупу, стараясь не замочить ногъ въ крови, стоявшей большой лужей и распространявшей тяжелый, удушливый запахъ.

— Что-же вы стоите? — вдругъ порывисто повернулся Григорій. — Осипъ! Чего ждешь! Бѣги-же скорѣе въ полицію!..

— Поднять-бы, — проговорилъ дворникъ.

— Оселъ! Развѣ можно? Тутъ полицію надо... Говорятъ тебѣ — бѣги! И къ Павлу Аркадьевичу бѣги... Скорѣе!

Вдругъ Катя вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала

въ спальню барыни, а остальная прислуга отправилась къ дверямъ комнаты Антонины Аркадьевны.

Григорій постучался. Сначала ничего не было слышно, потомъ слабый, тихій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ? Что нужно?

— Барышня! Отворите, Христа ради...

— Сейчасъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и на порогѣ показалась Антонина въ бѣломъ пеньюарѣ. Ея густые, бѣлокурые волосы рассыпались въ беспорядкѣ вокругъ правильнаго, красиваго лица. Большіе сѣрые глаза съ глубокимъ, спокойнымъ выраженіемъ были красны. Происходило-ли это отъ сна, или отъ слезъ—трудно было рѣшить.

Увидя передъ собою прислугу съ испуганными, растерянными лицами, молодая дѣвушка отступила на шагъ.

— Что случилось?—пробормотала она.—Сестра?

— Никакъ нѣтъ...

— Барина убили!—брякнулъ Парѣень. Очень ужъ у него языкъ чесался.

Антонина поблѣднѣла и бросилась было впередъ, но вдругъ остановилась неподвижно. Глаза ея широко открылись и устремились въ пространство на какой-то невидимый предметъ. Она какъ будто что-то припоминала, къ чему-то прислушивалась... Потомъ вдругъ запаталась и упала безъ чувствъ на руки бросившихся къ ней людей.

Въ эту минуту прибѣжала Катя.

— Григорій Ивановичъ!—кричала она. — Что хотите дѣлайте—не могу достучаться къ барынѣ!..

— Что ты врешь!

— Дверь заперта на ключъ... Стучала, стучала, не подаетъ голоса... Что это съ барышней-то? Ахъ, Господи!

— Что ты городишь, дурища? Поїдемъ...

Григорій побѣжалъ въ уборную.

— Да отсюда заперто, барыня вѣдь вчера сама заперла! — заявила Катя. — Я слышала, какъ щелкнулъ замокъ.

Не слушая возраженій горничной, Григорій началъ стучаться въ спальню сначала тихо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Но никто не отзывался, тамъ была мертвая тишина...

— Что за чудеса? — удивился онъ. — Вотъ притча! Что съ ней случилось? Пойдемъ, поглядимъ въ окно...

Сопровождаемый Катей, камердинеръ быстро направился назадъ. Въ прихожей онъ встрѣтилъ околоточнаго...

II.

Петръ Сергѣевичъ Тименевъ былъ сынъ чиновника. Отецъ его всю свою жизнь посвятилъ на служеніе вѣрою и правдою отечеству въ одномъ изъ гражданскихъ учрежденій города К. и, благодаря постоянству, настойчивости и изумительному терпѣнію, собралъ небольшой капиталецъ. Какъ ни удивителенъ фактъ, что чиновникъ, не занимающій виднаго мѣста и получающій небольшое содержаніе, безъ всякихъ неблагоприятныхъ на службѣ дѣяній, ухитряется сколотить копѣйку, однако-же, онъ случается. Конечно, такой подвигъ неминуемо соединенъ съ многочисленными, тяжкими лишеніями, но они тяжелы только въ началѣ—мало-по-малу человѣкъ втягивается въ такую жизнь и привыкаетъ къ лишеніямъ такъ-же, какъ привыкаетъ къ просиженному имъ „въ должности“ стулу.

Матери Петръ Сергѣевичъ лишился еще во младенчествѣ. Братьевъ и сестеръ у него не было, такъ-что онъ росъ въ совершенномъ одиночествѣ. Когда онъ достигъ опредѣленнаго возраста, отецъ опредѣлилъ его въ мѣстную гимназію, съ благою цѣлью сдѣлать въ послѣдствіи изъ сына подобнаго себѣ служителя отечеству въ гражданскомъ учрежденіи, но при этомъ непремѣнно желалъ, чтобы сынъ предварительно окончилъ университетъ, справедливо полагая, что въ настоящее время, чтобы молодой человѣкъ могъ быстро выйти въ люди и сдѣлать служебную карьеру, необходимо университетское образованіе.

Между тѣмъ юный Петруша подавалъ плохія надежды не только на полученіе университетскаго образованія, но и на

окончаніе гимназическаго курса. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ тупъ или неспособенъ, напротивъ, онъ обладалъ хорошимъ соображеніемъ и порядочной сметкой, но только въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Изъ наукъ онъ оказывалъ порядочные успѣхи только по математикѣ и особенно былъ смѣтливъ въ дѣйствіяхъ, основанныхъ на сложении и умноженіи, и въ внѣ классной жизни отличался искусствомъ совершать разные мѣнки и сдѣлки съ барышомъ. Такимъ образомъ еще въ юности можно было замѣтить, что направленіе ума Петруши коммерческое. Однако-же, Тименевъ-отецъ былъ упрямъ, непремѣнно хотѣлъ поставить на своемъ и постоянно читалъ сыну наставленія о необходимости каждому порядочному гражданину посвящать жизнь на служеніе отечеству, неоднократно при этомъ угрожая, что иначе и знать его не хочетъ. Зная настойчивый характеръ отца, Петруша смекнулъ, что ссориться съ нимъ будетъ убыточно, почему въ концѣ концовъ уступилъ и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, просиживая чуть-ли не въ каждомъ классѣ по два года, одолѣлъ гимназію.

Теперь ему предстояло пройти еще труднѣйшее испытаніе—университетъ, какъ вдругъ отецъ его скоропостижно умеръ и молодой человѣкъ остался полнымъ хозяиномъ своей судьбы. Нечего и говорить что мысль объ университетѣ была покинута. Получивъ въ свое распоряженіе оставленный отцомъ небольшой капиталъ, Тименевъ пустился въ коммерческія предпріятія, сначала небольшія, потомъ постепенно расширялъ кругъ дѣятельности и, обладая врожденною способностью, такъ сказать, талантомъ, наконецъ, достигъ значительнаго благосостоянія. Это было для него тѣмъ болѣе возможно исполнить, что еще съ дѣтства онъ былъ пріученъ къ воздержанію и лишениямъ, которыя пришлось ему перетерпѣть въ началѣ своей коммерческой карьеры.

Однако-же, переходъ отъ лишеній къ благосостоянію совершился не быстро. Имѣя, подобно отцу, спокойный, настойчи-

вый, методическій характеръ, Тименевъ шелъ по намѣченному имъ себѣ пути медленно, но навѣрняка. Онъ не пускался въ такія аферы, которыя при удачѣ быстро обогащаютъ, а при неудачѣ еще быстрѣе разоряютъ и всегда строго соблюдалъ поговорку: „лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ скупъ или скареденъ въ жизни относительно себя; онъ любилъ и хорошо одѣться, и хорошую обстановку, и хорошія вещи, только съ двумя условіями: чтобы можно было выгодно все приобрести и чтобы можно было показать другимъ. Это пристрастіе ко всему показному, такъ сказать, чванство своимъ состояніемъ, было его слабостію. Подобная слабость часто встрѣчается и весьма понятна у людей, нажившихъ состояніе собственнымъ трудомъ. Они какъ будто говорятъ: „смотри, вѣдь все это приобретено моимъ умомъ, моими способностями, а тебѣ вотъ не удастся — куда тебѣ!“

Достигнувъ сорокалѣтняго возраста и обладая значительнымъ капиталомъ, Петръ Сергѣевичъ сообразилъ, что пора упрочить свое положеніе и стать окончательно твердою ногою въ обществѣ, обзаведясь послѣднимъ предметомъ роскоши — женою.

До сей поры, занятый исключительно своею страстію къ коммерческимъ оборотамъ съ цѣлью наживы, онъ обращалъ мало вниманія на прекрасную половину человѣческаго рода и, слѣдовательно, мало былъ съ нею знакомъ. Залогомъ будущаго счастья въ семейной жизни онъ почиталъ деньги и, отчасти, былъ правъ: деньги важное условіе для спокойствія въ брачномъ союзѣ обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣющихъ какихъ-либо романическихъ или идеальныхъ стремленій. Слѣдовательно, прежде всего ему нужна была жена съ деньгами и онъ полагалъ это тѣмъ болѣе справедливымъ, что и съ своей стороны приносилъ значительную лепту въ обезпеченіе будущаго супружескаго счастья. Затѣмъ ему нужна была жена показная,

какъ и всякій приобретаемый имъ предметъ, неодушевленный или одушевленный. Онъ вовсе не заботился о томъ, чтобы она была хорошей хозяйкой, потому что, вовсякомъ случаѣ, руководить хозяйствомъ предполагалъ самолично. Излишнее рвеніе жены въ этомъ отношеніи могло только служить поводомъ къ различнымъ супружескимъ столкновеніямъ и недоразумѣніямъ. Не нуждался онъ также, чтобы будущая его супруга имѣла какіе-нибудь дипломы въ полученіи высшаго образованія, такъ какъ, по его мнѣнію, при деньгахъ всѣ эти дипломы были не только бесполезны, но даже вредны, потому что самъ онъ не особенно-то прилежалъ къ наукамъ и не хотѣлъ, чтобы жена могла превозноситься передъ нимъ своею ученостію, заводя разговоры о такихъ высокихъ матеріалахъ, о которыхъ онъ и понятія не имѣлъ. Требованія его сводились къ тому, чтобы она была молода, красива и могла съ эффектомъ блистать въ гостиныхъ, причемъ знакомые и незнакомые, глядя на нее, говорили-бы съ завистью: „какая у Тименева очаровательная жена—просто прелесть! Вотъ счастливецъ!“

Нѣкоторое время Петръ Сергѣевичъ искалъ безуспѣшно своего идеала невѣсты, но, наконецъ, напелъ его, познакомившись съ Невѣровыми.

Трудно было встрѣтить двухъ сестеръ, болѣе расходящихся какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ Вѣра Аркадьевна и Антонина Аркадьевна Невѣровы. Одна была полная, высокая брюнетка, другая блондинка, хотя и граціозная, но тонкая и небольшого роста. Живые, блестящіе черные глаза Вѣры быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, не останавливаясь долго ни на одномъ, а сѣрые глаза Антонины большею частію были опущены, если-же поднимались, то смотрѣли внимательно, даже пристально, какъ-бы стараясь проникнуть въ глубь каждаго предмета прежде, чѣмъ отъ него оторваться. Обѣ были хорошенькія, но красота Вѣры была блестящая, такъ сказать, побѣдоносная и поражала

сразу, а красота Антонины не бросалась въ глаза, виднѣлась какъ-бы сквозь кисею и производила, если не поражающее, то глубокое впечатлѣніе.—Характеры ихъ были такъ-же не сходны между собою, какъ наружность, и несходство это еще болѣе усилилось вслѣдствіе разницы въ полученномъ ими воспитаніи.

Вѣра Аркадьевна получила образованіе въ закрытомъ учебномъ заведеніи и принадлежала къ весьма интересной категоріи „смѣлыхъ“ барышень, успѣшно формируемыхъ въ семь заведеніи. Дѣвочка съ характеромъ живымъ, бойкимъ и откровенно веселымъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, тамъ проведенныхъ, обращается большею частію въ смѣлую барышню. Стѣсненная строгимъ режимомъ, она протестуетъ противъ него, вступаетъ въ оппозицію, дѣлаетъ шалости и подвергается взысканіямъ, которыя еще болѣе усиливаютъ протестъ. Такія дѣвочки весьма часто обладаютъ блестящими способностями и замѣчательною памятью, но рѣдко занимаются хорошо, потому что учатся не тогда, когда нужно, а когда придетъ фантазія, безъ всякаго порядка и послѣдовательности, почему, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, ихъ научныя познанія представляютъ какой-то хаосъ, въ которомъ совершенно невозможно что-либо разобрать. Особенно плохо идетъ дѣло ученія въ послѣднее время затворничества, когда всѣ мысли и мечты заняты наслажденіями, ожидающими юную заключенную за стѣнами „противнаго“ заведенія. Наслажденія эти представляются, конечно, въ видѣ свѣтской жизни, нарядовъ, баловъ, блестящихъ побѣдъ, Gamou'а и такъ далѣе. Суть ихъ всегда одна и та-же, хотя въ подробностяхъ бываютъ легкіе варианты.

Выдержавъ, наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ экзамены и выйдя изъ заведенія съ прекрасными, хотя нѣсколько эксцентричными манерами, блестящими познаніями по части танцевъ, французскихъ діалоговъ и граціознаго обращенія и съ самыми смутными по научной, молодая дѣвушка скоро привыкаетъ къ новому положенію и дѣлается смѣлою барышней. Развлеченія

и удовольствія дѣлаются для нея необходимостію, второю жизнію, и вотъ почему, несмотря на нѣсколько романическихъ тайнъ и невинныхъ въ сущности интригъ, она кончаетъ тѣмъ, что ищетъ „выгодной партіи“.

Вѣра Аркадьевна, какъ уже было упомянуто, совершенно подходила къ описанной категоріи. Въ сущности очень добрая дѣвушка, хотя капризная и нѣсколько своенравная, она способна была не только увлекать другихъ, но и сама въ то-же время увлекаться. Это не была холодная, бездушная кокетка, которою руководятъ исключительно расчетъ и матеріальныя выгоды. Она кокетничала просто по инстинкту, развитому воспитаніемъ въ закрытомъ заведеніи; хотѣла, чтобы въ нее влюблялись и, въ то-же время, влюблялась сама. Вѣра являлась весьма опасною для мужской половины человѣческаго рода, потому что, при красотѣ, была далеко не глупа, находчива и умѣла артистически держать себя въ обществѣ.

Антонина Аркадьевна получила воспитаніе дома и воспитаніе это было совершенно другого рода. Живя постоянно въ имѣніи родителей, въ научномъ отношеніи она получила только самыя элементарныя свѣдѣнія, но зато много читала самостоятельно. Никто не занимался выборомъ для нея книгъ, почему она и поглощала все, что попадалось ей въ руки. Много нужно было имѣть основательности и здраваго смысла, чтобы отличить въ массѣ прочитаннаго хорошее отъ дурного и полезное отъ вреднаго, но молодая дѣвушка достигла этого, чему не мало способствовалъ ея спокойный, сдержанный отъ природы характеръ. Постоянная свидѣтельница довольно крупныхъ ссоръ отца съ матерью, нисколько не стѣснявшихся ея присутствіемъ, она рано научилась отличать романическое отъ дѣйствительнаго и познакомилась съ такъ называемой „прозой жизни“. Наконецъ, она выросла, такъ сказать, одна, внѣ общества, подходящаго ей по возрасту и положенію, потому, что поѣздки въ городъ начались только

по возвращеніи сестры изъ учебнаго заведенія, а до тѣхъ поръ, хотя отецъ ея и часто ѣздилъ туда, но всегда одинъ. Въ имѣніе же къ нимъ, кромѣ брата, да товарища его по университету, Алинскаго, съ матерью и сестрою, рѣдко кто заглядывалъ.

Однако же, хотя Антонина и выработала довольно правильный, основательный взглядъ на жизнь, но выработала не вполне. Не было возможности, чтобы множество прочитанныхъ ею слишкомъ рано и безъ разбора книгъ не оказали вліянія на ея характеръ. Это вліяніе было неизбежно. Отъ природы чуткая и впечатлительная, молодая дѣвушка сдѣлалась мечтательна и романична, только не фантастически, какъ многія барышни, посвящающія большую часть времени, свободного отъ баловъ и другихъ тому подобныхъ болѣе важныхъ занятій, на чтеніе стихотвореній, въ которыхъ любовь, со всѣми ея видоизмѣненіями и оттѣнками, изображена въ болѣе или менѣе идеальномъ, поэтическомъ видѣ. Нѣтъ—она была реально романична. Любимымъ чтеніемъ ея были современные романы, въ которыхъ любовь далеко не идеализирована, а скорѣе наоборотъ, подчиняясь духу времени, изображена въ практическомъ, натуральномъ, подчасъ даже въ слишкомъ натуральномъ видѣ. Подобное чтеніе оказываетъ иногда очень вредное вліяніе на послѣдующую жизнь многихъ молодыхъ дѣвушекъ, но въ Антонинѣ все заставляло предполагать, что со временемъ она сдѣлается прекрасной женой и хозяйкой, не только въ блестящемъ, внѣшнемъ отношеніи, но и внутреннею жизнію—у семейнаго очага.

Когда Тименевъ познакомился съ Невѣровыми, Вѣрѣ было двадцать, а Антонинѣ восемнадцать лѣтъ. Нечего и говорить, что красавица Вѣра тотчасъ обратила на себя его вниманіе. Это былъ тотъ идеалъ, котораго онъ искалъ. Избалованный судьбою, счастливецъ нашелъ именно то, что ему было нужно: тутъ имѣлись и молодость, и красота, и изящество, и, наконецъ—порядочныя деньги.

Онъ немедленно приступилъ къ атакъ блестящей барышни и рассчитывалъ на быструю побѣду при помощи могучаго союзника—капитала. Но барышня сдалась не сразу. Она не сказала ни да, ни нѣтъ. Вопросъ оставался нерѣшеннымъ цѣлый годъ, хотя соперниковъ, повидимому, и не было. Дѣйствительно, ближайшими знакомыми Невѣровыхъ были только молодой судебный слѣдователь Крыловичъ, да другъ Павла, студентъ Алинскій. Но Крыловичъ видимо, ухаживалъ за Антониной, а молчаливый, сосредоточенный Алинскій былъ уже совсѣмъ неподходящій женихъ. Что-же касается до многочисленныхъ поклонниковъ Вѣры на балахъ и танцевальныхъ вечерахъ города К., то всѣ они были только салонные обожатели и ни одинъ не показывалъ „серьезныхъ намѣреній“.

Родители Невѣровы дали дочерямъ полную свободу относительно выбора будущихъ мужей, слѣдовательно, задержка происходила отъ самой Вѣры Аркадьевны. Вѣсма вѣроятно, что Вѣру, какъ достойную представительницу типа смѣлыхъ барышень, не совсѣмъ удовлетворяла идея имѣть мужа безъ густыхъ эполетъ, безъ шпоръ, съ лицомъ, скорѣе полнымъ и цвѣтущимъ, чѣмъ меланхолически-блѣднымъ, и съ манерами далеко не великосвѣтскими, но все-таки Тименевъ имѣлъ довольно благообразную фигуру и могъ считаться весьма приличнымъ на видъ мужемъ, а въ обращеніи показывалъ солидность и самоувѣренность людей, обладающихъ туго набитымъ бумажникомъ. Послѣ долгаго ожиданія, когда уже обезкураженный Тименевъ хотѣлъ, по его выраженію, „отказаться отъ торговъ“, Вѣра вдругъ изъявила согласіе вступить съ нимъ въ законный бракъ.

Обрадованный Петръ Сергѣевичъ не затягивалъ дѣла. Заранѣе еще, какъ человѣкъ дальновидный, онъ отстроилъ удобный домъ въ городѣ К. и убралъ его весьма прилично. Отпраздновали свадьбу и супруги, устроившись съ большимъ

комфорта, начали вести свѣтскую жизнь, вполне соотвѣтствующую характеру Вѣры Аркадьевны.

Тименевъ, привязавшійся всей своей хотя и коммерческой, но въ сущности доброй душой къ молодой женѣ, не переставалъ восхищаться ею. Мало знакомый съ женщинами, онъ не разбиралъ вопроса о томъ, любить-ли она его, какъ жена, или нѣтъ и не занято-ли ей сердце какою-нибудь романтическою страстію къ смертному, болѣе для сего подходящему, чѣмъ онъ, Тименевъ. Притомъ-же онъ и представить себѣ не могъ, чтобы жена, среди доставляемой ей мужемъ роскошной жизни, могла думать о какихъ-нибудь любовныхъ интригахъ, тѣмъ болѣе Вѣра, получившая образованіе въ высоконравственномъ воспитательномъ заведеніи. вполне довольный своимъ званіемъ мужа такой красавицы, онъ очень любилъ возбуждать зависть ея поклонниковъ и часто, со свойственною ему слабостью похвастаться, позволялъ себѣ нѣкоторыя супружескія нѣжности въ присутствіи постороннихъ. Такія выходки постоянно служили поводомъ къ спорамъ и несогласіямъ между мужемъ и женой. По всему было видно, что Вѣра вышла замужъ далеко не по любви, но что именно побудило молодую дѣвушку, красивую и со средствами, вступать въ бракъ съ человѣкомъ, повидимому, совершенно ей не соотвѣтствующимъ, оставалось тайной.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ размолвокъ по поводу мѣщанскаго обращенія съ женою въ присутствіи постороннихъ, семейная жизнь Тименевыхъ протекала довольно спокойно. Мужъ удовлетворялъ прихотямъ жены, доставлялъ ей всевозможныя развлеченія, не отягощалъ семейными заботами и хозяйствомъ, однимъ словомъ, баловалъ въ полномъ смыслѣ слова, слѣдовательно, были всѣ данныя для полной тишины въ домѣ и согласія супруговъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы Вѣра пригласила гостить къ себѣ въ городъ сестру. Антонинѣ, видимо, не хотѣлось ѣхать, но та

настаивала, жалуясь, что еще не привыкла жить далеко от родныхъ, одна съ мужемъ. Молодая дѣвушка уступила. Было рѣшено, что Антонина прогостить у Тименевыхъ до весны, а потомъ всѣ, вмѣстѣ съ Павломъ, который какъ разъ въ это время долженъ былъ окончить экзамены въ университетѣ, придутъ на лѣто въ деревню. Роковой случай разрушилъ этотъ планъ.

III.

Изъ полиціи немедленно дали знать о „происшествіи“ судебному слѣдователю Крыловичу.

Онъ только что всталъ и, облачившись въ халатъ и туфли, ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по спальнѣ, истребляя папиросу за папиросой. Спальня эта служила въ то же время кабинетомъ и, отчасти, столовою. На столѣ кипѣлъ самоваръ и стоялъ налитый стаканъ чаю, до котораго, впрочемъ, Михаилъ Алексѣевичъ еще не дотрогивался. По недовольному виду и нетерпѣнію, съ которымъ онъ ерошилъ по временамъ свои растрепанные, густые волосы, можно было замѣтить, что его мысли были не совсѣмъ розовыя и онъ былъ чѣмъ-то очень недоволенъ.

✓Окончивъ университетъ по юридическому факультету, Крыловичу довольно скоро удалось получить мѣсто судебного слѣдователя въ городѣ К., хотя характеръ его совершенно не подходилъ къ этой должности. Живой, откровенный, веселый, съ самыми радужными взглядами на жизнь и на все человѣчество, онъ скорѣе былъ-бы хорошимъ адвокатомъ и защитникомъ обвиняемыхъ, чѣмъ внимательнымъ, хладнокровнымъ разслѣдователемъ совершенныхъ преступленій. Въ физическомъ отношеніи, это былъ довольно высокій и стройный молодой человѣкъ, съ голубыми глазами и свѣтло-каштановыми волосами. Походка и движенія его были быстрыя, нетерпѣливыя, какъ будто онъ всегда куда-то торопился. Не обладая особеннымъ даромъ слова, онъ любилъ говорить и говорилъ всегда съ жаромъ, причемъ сейчасъ было видно, что каждое сказан-

ное имъ слово выходило прямо отъ души и никогда не было въ немъ задней мысли.

Въ настоящую минуту, когда мы застаемъ его ходящимъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ разстроеннымъ и недовольнымъ видомъ, неудовольствіе это происходило не отъ какихъ-нибудь непріятностей или затрудненій въ служебномъ отношеніи, а отъ причины гораздо болѣе важной — отъ неудачи въ сердечныхъ дѣлахъ. Прибывъ въ городъ К. года два тому назадъ, онъ познакомился съ Невѣровыми и скоро привязался всей силой своего неопытнаго еще въ любви сердца къ Антонинѣ. Тогда страшная соперница ея въ этомъ отношеніи Вѣра находилась въ учебномъ заведеніи и не могла оспаривать обожателя у сестры.

Посѣщая имѣніе Невѣровыхъ и встрѣчаясь съ молодой дѣвушкой, Крыловичъ восхищался ея скромной, симпатичной красотой, ея основательнымъ умомъ и разумнымъ взглядомъ на жизнь. Понятно, что онъ неминуемо долженъ былъ влюбиться въ нее, хотя она и не подавала къ тому ни малѣйшаго повода. Антонина, по всей вѣроятности, замѣтила, какія чувства питаетъ къ ней молодой слѣдователь, такъ какъ съ его характеромъ трудно было что-нибудь скрыть, особенно въ сердечномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, она хотя и держала себя съ нимъ свободно, но не подавала никакой надежды на взаимность. Она какъ-бы хотѣла показать ему, что поняла его честный, прямой характеръ и готова считать его другомъ, имѣть къ нему расположеніе сестры, но не болѣе. Хотя Михаилъ Алексѣевичъ понималъ отчасти ея поведеніе, но очень ужъ было ему трудно отказаться отъ мечты сдѣлаться когда-нибудь обладателемъ обожаемой дѣвушки. Онъ не надобдалъ ей своими ухаживаніями, понимая, что несвоевременное объясненіе должно кончиться для него неблагопріятно и тогда онъ принужденъ будетъ отказаться даже отъ тѣхъ дружескихъ отношеній, которыя установились между ними. Крыловичъ въ про-

стотѣ сердечной разсчитывалъ, что Антонина оцѣнить когда-нибудь его любовь, его постоянство, полюбить его въ свою очередь такъ-же, какъ онъ ее любилъ, и наградить за терпѣніе, составивъ счастье всей его жизни.

Бѣдный молодой человѣкъ, мало посвященный въ тайны женскаго сердца, не зналъ, какъ рѣдко случается подобный переходъ. Если награда иногда и бываетъ, то она является не порывомъ любящей души, а проявленіемъ другихъ чувствъ—чаще всего уваженія или благодарности. Ему не было извѣстно, что сердце женщины отдается или сразу, или никогда и самый великій мудрецъ не въ состояніи опредѣлить, что руководить имъ при выборѣ предмета любви. Ни выдающіяся физическія качества, ни нравственные достоинства, ни блестящій умъ, ничего не можетъ быть вѣрнымъ залогомъ для полученія этой любви. Часто женщина оставляетъ безъ вниманія лучшее и выбираетъ худшее. Вообще, чтобы получить любовь женщины, нужно полное сочетаніе всѣхъ симпатичныхъ ей свойствъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, потому что ей мало первыхъ—нужны и вторыя. Идеаль совершенствъ рѣдко ее привлекаетъ: физическая красота называется куклою или картинкою, высокая нравственность скучна и однообразна, обширный умъ педантиченъ. А между тѣмъ, этими качествами нужно обладать, только обладать въ извѣстной, опредѣленной степени. Женщину мало любить—необходимо еще ее интересовать.

Всѣхъ этихъ тонкостей и тайныхъ изгибовъ женскаго сердца Крыловичъ не зналъ, а между тѣмъ время проходило и онъ ни на шагъ не подавался впередъ. Какъ въ деревнѣ, такъ и теперь въ городѣ, Антонина оставалась въ отношеніи къ нему такою же дружественною, ласковою, но въ то-же время, совершенно спокойною и невозмутимою. Ни одного нѣжнаго взгляда, ни одного пожатія руки, этого особеннаго, слабаго пожатія, которое такъ болѣзненно-сладко отдается въ сердцѣ!

Проведенный наканунѣ съ Тименевыми и Антониной вечеръ

въ театрѣ оставилъ даже непріятное воспоминаніе: Антонина была печальна, какъ-то особенно разсѣяна, и у бѣднаго Крыловича смутно явилась мысль, что онъ имѣетъ соперника, овладѣвшаго сердцемъ, любви котораго онъ добивался съ такимъ терпѣніемъ и постоянствомъ. Онъ припоминалъ всѣ подробности не только этого вечера, но и прежняго времени, причемъ все болѣе приходилъ къ убѣжденію, что роковая для него мысль весьма вѣроятна, хотя рѣшительно не могъ догадаться, кто могъ быть счастливцемъ, за положеніе котораго онъ сейчасъ готовъ былъ заплатить цѣною полжизни. Никто изъ знакомыхъ не былъ особенно близокъ къ семейству Невѣровыхъ, никто не посѣщалъ ихъ особенно часто и, главное, никто рѣшительно не ухаживалъ замѣтно за Антониной. Всѣ поклоненія обращались къ Вѣрѣ, и скромная дѣвушка совершенно ступевывалась рядомъ съ блестящей молодой дамой. Не любила-ли она кого-нибудь тайно, безъ взаимности, и не скрывала-ли эту безнадежную любовь такъ-же, какъ и онъ скрывалъ свою любовь къ ней? Съ характеромъ Антонины, подобное предположеніе было не только возможно, но даже очень вѣроятно.... Такъ или иначе, онъ чувствовалъ, онъ „видѣлъ сердцемъ“, что „что-то не ладно“, но что именно? Это необходимо, совершенно необходимо выяснить, а-то можно просто съума сойти... Спросить, объясниться прямо и откровенно, казалось-бы всего лучше, но это слишкомъ рѣшительный шагъ и такимъ способомъ можно все потерять, ничего не узнавъ. Что тутъ дѣлать и какъ поступить? Молодой слѣдователь положительно не могъ придумать, какъ помочь горю...

Было отъ чего ерошить волосы и мѣрять взадъ и впередъ комнату, уничтожая безчисленное множество папиросъ.

IV.

Извѣстіе объ убійствѣ Тименева поразило Крыловича.

Убить! Тименевъ убить! Вчера еще онъ видѣлъ его въ театрѣ спокойнаго, веселаго, самодовольно нѣжничавшаго съ женой по обыкновенію и вдругъ—все кончено! Безъ сомнѣнія, цѣль убійства ограбленіе, другой причины и быть не можетъ. Тименевъ былъ богатъ, всѣ это знали. Въ домѣ у него всегда было много денегъ, много цѣнныхъ вещей—есть на что польститься... А въ наше время убійства и грабежи такъ часты, такъ заурядны...

Слѣдователь поспѣшно одѣлся и отправился на мѣсто происшествія. Около дома стояло только четверо мужчинъ, да двѣ женщины съ корзинками въ рукахъ, горячо разсуждавшіе между собою. Въ провинціи новости не очень быстро разносятся, а уличное движеніе, особенно утромъ, совсѣмъ незначительно. Въ столицѣ около дома, гдѣ совершено преступленіе, съ необычайной быстротой собирается толпа всевозможнаго люда и каждому хочется хоть глазкомъ взглянуть на страшное зрѣлище убійства, имѣющее особенную притягательную силу и возбуждающее какое-то болѣзненное любопытство. Здѣсь-же только кое-кто изъ сосѣдской прислуги, да двѣ проходившія на рынокъ кухарки прослышали о случившемся.

Дверь была заперта и на подъѣздѣ стоялъ городской. Не желая звонить, Крыловичъ направился къ воротамъ, чтобы войти черезъ дворъ.

— Можно здѣсь пройти, ваше высокоблагородіе, — доложилъ городской. — Двери открыты-сь.

Съ этими словами онъ суетливо-ловко, по военному, распахнулъ дверь.

Судебный слѣдователь вошелъ въ прихожую. У двери въ кабинетъ тоже дежуриль городовой. Крыловичъ вступилъ въ залу, гдѣ увидѣлъ Григорія и околоточнаго надзирателя.

— Что у васъ тутъ случилось, Григорій? Съ бариномъ несчастье?

— Ужъ какое несчастье-то, сударь, Господи, упаси! — поклонился камердинеръ. — Барина убили... Просто на смерть убили! — покачалъ онъ головой.

— Да какъ-же это? Гдѣ убили? Какъ убили? Поймали-ли преступника? — торопливо спрашивалъ Крыловичъ.

— Убили-то сегодня ночью въ кабинетъ, а кто убилъ — Господь вѣдаетъ! И откуда онъ, душегубецъ, влѣзъ? Вхожу я это...

— Постой! Постой! Что-же — неужели ни малѣйшихъ признаковъ жизни?

— Какое тамъ! Ужъ совсѣмъ похолодѣлъ...

— Какъ-же барыня, барышня? Очень испугались? Что съ ними? Вѣдь вы, я знаю, вѣрно растерялись, раскричались, прямо бухнули, что убили...

— Никакъ нѣтъ, сударь, — какъ можно! Барышня, правда, лишились чувствъ, какъ слышали.... Такъ и грохнулись! Только теперь, кажись, очнулись. Катерина при нихъ.... А къ барынѣ достучаться не можемъ.

— Какъ достучаться не можете? — удивился слѣдователь.

— Да такъ, сударь, не можемъ! Наперво изъ будвара стучались и звали ихъ, а потомъ черезъ уборную пробовали, да ничего толку нѣтъ. Отовсюду изнутри заперлись, не откликаются... Просто Господь знаетъ, что такое! — развелъ руками Григорій въ заключеніе.

— Что ты мнѣ рассказываешь? Какъ-же не достучаться? Быть не можетъ!

Крыловичъ быстро пошелъ въ будуаръ, сопровождаемый камердинеромъ и околоточнымъ.

— И я стучался, ваше высокоблагородіе, — отозвался дорогою околоточный, — только-что какъ есть молчать, не отзываются.

— Послали за докторомъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— И для Антонины Аркадьевны нужно.... вѣдь она можетъ захворать отъ такого испуга...

— Чего проще! — рѣшилъ Григорій.

Крыловичъ началъ стучаться въ спальню, но такъ-же безуспѣшно, какъ и всѣ прочіе.

— Удивительно! Ты говоришь, что и другая дверь заперта изнутри?

— Заперта, сударь; вотъ и околоточный смотрѣлъ.

— Замкнуто, ваше высокоблагородіе, — подтвердилъ околоточный, — и ключъ въ замкѣ.

— А въ окно не смотрѣли?

— Смотрѣли, ваше высокоблагородіе, только занавѣски спущены — ничего не видать.

— Надо сломать замокъ. Понятые пришли? Сходи за ними, да кстати, позвать слесаря.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Околоточный побѣждалъ исполнять приказаніе. Крыловичъ еще разъ попробовалъ отворить дверь, потомъ приложилъ къ ней ухо.

— Ужъ я слушалъ, — да ничего не слышать! — пояснилъ Григорій. — И въ замочную скважину смотрѣли, да не видно — ключъ-то мѣшаетъ. Чудеса просто! Или ея тамъ нѣтъ, или...

— Ты думаешь, и ее убили? — вопросительно взглянулъ на него слѣдователь.

— А кто его знаетъ — чего не случится? Не дай-то, Господи! Оно, конечно, можетъ, и обморокъ...

— Какой тутъ обморокъ! Отъ чего? Нѣтъ, это не можетъ быть! Тутъ что-то не ладно... Неужели еще несчастье?

— Богъ вѣдаетъ, что съ ней...

— И какъ все это случилось? Ничего не понимаю! Просто такая неожиданность, такая поражающая неожиданность...

Въ комнату вошли Павелъ Аркадьевичъ Невѣровъ и прокуроръ города К. Извѣщенный дворникомъ, Павелъ заѣхалъ по дорогѣ къ прокурору и сообщилъ ему о несчастіи, постигшемъ его родственника. Зная молодость Крыловича и не увѣренный въ его опытности, прокуроръ изъявилъ желаніе ѣхать лично на мѣсто происшествія. Хотя онъ не былъ знакомъ съ Тименевымъ, но часто встрѣчался съ нимъ въ обществѣ, даже игралъ въ карты и зналъ все семейство.

Это былъ небольшой, худенькій человѣкъ въ черномъ парикѣ и въ золотыхъ очкахъ. Его характеръ и пріемы были исполнѣ методическіе, спокойные. Отличный знатокъ своего дѣла, онъ говорилъ много, но говорилъ хорошо, увлекательно, причемъ любилъ принимать иногда нѣсколько ироническій тонъ. Обвинительные акты его работы были въ высшей степени основательны и отличались подавляющей логикой. Къ молодому сослуживцу Крыловичу прокуроръ имѣлъ большую симпатію и всегда утверждалъ, что онъ выйдетъ въ люди, хотя считалъ, что должность судебного слѣдователя не по немъ. „Это дѣло, говаривалъ онъ, совершенно не по характеру Михайлу Алексѣвичу. Онъ скорѣе способенъ запутать, чѣмъ распутать дѣло. Пусть лучше защищаетъ—изъ него можетъ выйти хорошій адвокатъ и съ нимъ пріятно будетъ побороться“. Какъ видно, почтенный юристъ принималъ близко къ сердцу свое званіе общественнаго обвинителя, хотя въ частной жизни былъ мягкій, добрый человѣкъ.

Только-что успѣлъ Крыловичъ рассказать имъ въ краткихъ словахъ положеніе дѣла, въ комнату явился околоточный съ двумя понятыми и слесаремъ. Прокуроръ согласился съ

тѣмъ, что прежде всего необходимо узнать, что сдѣлалось съ Тименовой, только прежде, чѣмъ разрѣшить ломать замокъ, онъ выразилъ необходимость удостовѣриться, что и другая дверь заперта.

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ! возсталъ Крыловичъ. Вѣдь туда надо идти черезъ комнату Антонины Аркадьевны! Она нездорова и мы ее обезпоеимъ... Развѣ мало удостовѣренія камердинера Тименева и околотошнаго? Вѣдь они-же сту-чались...

— Въ такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, Михаилъ Алексѣевичъ, самое вѣрное—личное удостовѣреніе. Такъ нельзя-съ.

— Вы не обезпоеите Тоню, вмѣшался Павелъ. Ея кровать за ширмами. Ради Бога — пойдите поскорѣе! Надо-же выйти когда-нибудь изъ этой ужасной неизвѣстности!

Прошли осторожно черезъ комнату Антонины. За ширмами, гдѣ она лежала, было совершенно тихо. Оттуда выглянула на нихъ съ любопытствомъ Катя. Крыловичъ поманилъ ее къ себѣ и вопросительно указалъ глазами на ширмы.

— Какъ будто поспокойнѣе! прошептала горничная.—Лезать съ закрытыми глазами.

— Плакала?

Катя отрицательно покачала головой.

— Точно еще не понимаютъ, въ себя не пришли... А что барыня?

— Сейчасъ узнаемъ.

Показанія Григорія и околотошнаго оказались вѣрными—дверь была заперта изнутри и ключъ находился въ замкѣ. Прокуроръ велѣлъ сломать замокъ. Дверь отворилась.

Въ спальнѣ былъ полумракъ отъ тяжелыхъ, опущенныхъ занавѣсокъ. Вѣра лежала на постелѣ, на спинѣ, какъ-то странно, неестественно вытянувшись. Голова и верхняя часть груди были покрыты подушкой, сильно измятой.

Крыловичъ бросился къ кровати, поднялъ подушку, и всѣ

увидѣли мертвенно-блѣдное лицо съ открытыми, мутными глазами. Молодая женщина не шевелилась—она была задушена.

Павель, въ отчаяніи, схватилъ сестру на руки и, полагая, что она въ обморокѣ, старался привести въ чувство, но напрасно—въ его рукахъ былъ трупъ.

Прокуроръ внимательно обвелъ глазами комнату и молча указалъ на столъ, стоявшій около двери въ будуаръ. Посреди этого стола лежалъ большой кавказскій кинжалъ. Лезвіе было въ крови.

— Неужели она сама? пробормоталъ Крыловичъ.

— Задушила-то себя? слабо усмѣхнулся Иванъ Ильичъ.

— Да какъ-же иначе понять? Двери заперты...

Молодой слѣдователь совершенно растерялся. Прокуроръ прямо подошелъ къ окну, распахнулъ занавѣски и толкнулъ раму. Окно отворилось совершенно свободно—задвижки были отперты.

— Вотъ дорога... сказалъ онъ.

V.

Приѣхали два доктора. Одинъ по распоряженію полиціи, а другой, постоянно лечившій въ домѣ Тименевыхъ, по приглашенію Павла, очень беспокоившагося за здоровье Антонины, находившейся все время въ странномъ, какъ-бы безчувственномъ состояніи. Безъ сомнѣнія, извѣстіе объ убійствѣ, сообщенное ей слишкомъ грубо, поразило ея слабые нервы: она лежала неподвижно, съ закрытыми глазами, и какъ будто ничего не слышала, что происходило около нея.

При осмотрѣ труповъ найдено было, что Тименевъ убитъ ударомъ кинжала въ спину, нѣсколько ниже шеи. Ударъ былъ нанесенъ такъ вѣрно и такою сильною рукою, что онъ упалъ даже не вскрикнувъ, а если и вскрикнулъ, то очень слабо и глухо. Кромѣ этой раны, у него найдено еще двѣ въ груди, но, по всей вѣроятности, онъ былъ уже мертвъ, когда ихъ нанесли. Смерть Вѣры произошла отъ удушенія посредствомъ сильно надавленной на лицо и верхнюю часть груди подушки. По большому беспорядку постели, на которой она лежала, можно было заключить, что произошла нѣкоторая борьба и убійца долженъ былъ употребить значительныя усилія, чтобы довести до конца свое ужасное дѣло, не допустивъ ея кричать. Ранъ на ея тѣлѣ не было.

Доктора нашли состояніе Антонины Аркадьевны довольно опаснымъ, потому что отъ сильнаго потрясенія нервной системы легко могла сдѣлаться горячка или воспаленіе мозга. Для избѣжанія этихъ печальныхъ послѣдствій, ей необходимо было полное, абсолютное спокойствіе, чтобы ничто не тре-

вожило ее, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Нечего и говорить, что отъ нея тщательно скрыли смерть сестры, которая не была ей еще извѣстна. Всей прислугѣ было строго-на-строго приказано, въ случаѣ, если-бы она что-нибудь спросила по этому поводу, говорить, что Вѣра Аркадьевна захворала отъ испуга, такъ-же, какъ и она сама.

Павель Аркадьевичъ, глубоко потрясенный трагическою смертью сестры, которую сильно любилъ, такъ какъ они были весьма похожи другъ на друга какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и характерами, не чувствовалъ себя въ силахъ справиться со всѣми хлопотами, предстоявшими по случаю печальнаго происшествія, и написалъ записку Алинскому, въ которой сообщалъ о случившемся и просилъ поспѣшить къ нему на помощь.

Черезъ часъ Алинскій явился. Это былъ молодой человѣкъ средняго роста, съ замѣчательно правильнымъ, красивымъ лицомъ, съ задумчивымъ и даже печальнымъ выраженіемъ. Его большіе, каріе глаза были почти всегда опущены и если поднимались, то какъ-то медленно и неохотно. Въ обращеніи онъ былъ нѣсколько робокъ и застѣнчивъ — отличительный признакъ бѣдныхъ, но самолюбивыхъ людей. Страшное извѣстіе, должно быть, поразило его, потому что онъ былъ очень блѣденъ.

Когда Алинскій увидѣлъ лежавшую на приведенной уже въ порядокъ постелѣ убитую Вѣру въ мрачной, дѣйствующей на нервы и воображеніе позѣ покойниковъ, одѣтую въ бѣлое подвѣнечное платье, со сложенными на груди руками и вытянутыми ногами въ маленькихъ атласныхъ туфляхъ, онъ вздрогнулъ, потомъ долго, пристально смотрѣлъ на нее. Казалось, онъ не могъ оторвать взоръ отъ страшнаго лица лежавшаго передъ нимъ трупа. Дѣйствительно, этотъ трупъ даже не напоминалъ красавицу, покорявшую сердца всѣхъ окружающихъ и не знавшую числа своихъ поклонниковъ.

Ужасная смерть молодой женщины обезобразила нѣкогда прелестное лицо страшными судорогами. По выраженію ужаса и страданія, такъ сказать, застывшихъ на немъ, сейчасъ было замѣтно, какую страшную агонію она перенесла. Лицо было какъ будто восковое, носъ нѣсколько свернуть на сторону, ротъ не могли зажать и подвязали платкомъ, одинъ глазъ также не былъ совсѣмъ закрытъ — онъ какъ будто выглядывалъ изъ-подъ длинной, опущенной рѣсницы...

Между тѣмъ представители человѣческаго правосудія собирали въ домѣ свѣдѣнія, чтобы хоть сколько-нибудь освѣтить страшное, темное дѣло и напасть на слѣдъ преступника, но всѣ старанія ихъ были тщетны.

При осмотрѣ и обыскѣ комнатъ, въ которыхъ совершилось это звѣрское, двойное убійство, не нашли рѣшительно никакихъ вещественныхъ доказательствъ. Окровавленный кинжалъ, найденный на столѣ въ спальнѣ Вѣры, былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ домашнимъ: онъ принадлежалъ хозяину дома, достался ему еще отъ отца и висѣлъ на стѣнѣ въ его спальнѣ, рядомъ съ кабинетомъ. Ножны были найдены на полу возлѣ кровати. Вещи какъ въ кабинетѣ, такъ и въ спальнѣ Вѣры, были всѣ на лицо. Часы, перстни и другіе цѣнные предметы оказались не тронутыми. На письменномъ столѣ Тименева лежалъ ключъ отъ его ящичковъ. Въ томъ ящикѣ, гдѣ онъ хранилъ деньги и документы, нашли различныхъ акцій, облигацій, билетовъ и векселей болѣе, чѣмъ на восемьдесятъ тысячъ и, кромѣ того, деньгами двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ два рубля бумажками и нѣсколько мелочи. Сколько именно было у Тименева наличныхъ денегъ въ минуту смерти, никто не зналъ, такъ какъ покойный велъ дѣла всегда самъ, откровенностію относительно **своихъ** денежныхъ оборотовъ не отличался, а счетныя книги со времени его женитьбы находились въ нѣкоторомъ безпорядкѣ. Денежное его положеніе, можетъ быть, знала только жена, да и то можетъ быть, такъ какъ по

характеру Вѣра неспособна была принимать участіе въ коммерческихъ дѣлахъ и вовсе ими не интересовалась. Такимъ образомъ преступникъ, повидимому, ничѣмъ не воспользовался, хотя имѣлъ къ тому полную возможность. Наконецъ, на краю письменнаго стола, на полу прихожей, залы и у дверей изъ будуара въ спальню Вѣры найдено нѣсколько капель крови—единственный слѣдъ, оставленный убійцей.

Приступили къ допросу прислуги.

Допросъ этотъ открылъ также очень немного. Производившій его Крыловичъ, хорошо знакомый въ домѣ, не особенно налегалъ на вопросы, касавшіеся семейныхъ дѣлъ покойныхъ, а прокуроръ, хотя и слушалъ внимательно, но, повидимому, не особенно интересовался свѣдѣніями, которыя могъ получить изъ этого источника.

Конечно, прислуга видѣла близко быть господъ, отчасти знала ихъ характеръ и привычки, особенно долго жившая въ домѣ, но едва-ли можно было надѣяться раскрыть что-нибудь этимъ путемъ при производствѣ настоящаго слѣдствія. Принадлежа къ низшему разряду людей по развитію, опрашиваемые служители рассказывали, конечно, все такъ, какъ сами понимали, сообразно со своимъ собственнымъ взглядомъ на вещи и, безъ сомнѣнія, многое перевирали, прибавляли, искажали и, въ концѣ концовъ, ничего не сказали такого, что имѣло-бы дѣйствительную важность.

Другое дѣло, если-бы на прислугу падало подозрѣніе въ совершеніи преступленія; тогда, по горячему слѣду, можно было-бы дойти до важныхъ открытій. Но страшное, сложное убійство Тименевыхъ, и притомъ совершенное безъ грабежа, не могло быть дѣломъ прислуги и не было основанія ее заподозрить.

Григорій и Катя долго жили въ домѣ, такъ какъ камердинеръ прислуживалъ Тименеву уже нѣсколько лѣтъ, а горничная ходила за Вѣрой, когда та была еще дѣвушкой, и

пользовались значительнымъ расположеніемъ господъ. При нихъ иногда происходили домашнія недоразумѣнія и сцены. Бывало, что приходилось имъ даже слышать кое-что о дѣлахъ, но все это вскользь, какъ-то случайно. Своими повѣренными никогда ни мужъ, ни жена ихъ не дѣлали.

Спрошенный прежде всѣхъ, Григорій показалъ, что у Ти-меневыхъ наканунѣ обѣдали гости: были барышни, сестрицы Авдіевы, и братецъ ихъ, Левъ Семенычъ, который на этотъ разъ не былъ выпивши и велъ себя, какъ слѣдуетъ, благопристойно, да Павелъ Аркадьевичъ съ двумя товарищами студентами. Послѣ обѣда гости уѣхали, а господа собрались въ театръ. Проводивши господъ, онъ убралъ все въ столовой и приготовилъ барину постель. На вопросъ, всегда-ли баринъ спалъ въ отдѣльной отъ жены спальнѣ, Григорій объяснилъ, что перемѣщеніе произошло вскорѣ послѣ свадьбы, потому что покойная барыня очень настаивала на немъ и доказывала, что въ порядочныхъ домахъ всегда такъ живутъ. Баринъ было поспорилъ, но скоро уступилъ, тѣмъ болѣе, что вставалъ рано, а барыня покоилась часовъ до одиннадцати, а то и позже, ну, и не хотѣлъ, значить, ее беспокоить. „Я тогда еще подумалъ, прибавилъ камердинеръ, гдѣ же видано, чтобы мужъ съ женой да врозь жили? Оно, конечно, можетъ, и бываетъ, да только это, по моему, не порядокъ... Нынче утромъ, какъ къ барынѣ-то стучались, согрѣшили, окаянный, подумалъ: ужъ не ушла-ли, чего добраго? А какъ увидѣлъ ее мертвою на постелѣ, такъ очень ужъ мнѣ стыдно стало... Правду сказать, никогда за покойницей дурного не замѣчалъ и не видѣлъ; ничего такого, чтобы барину въ обиду было“... На вопросъ, видѣлъ-ли онъ кинжалъ на мѣстѣ, когда стлалъ барину постель, отвѣчалъ, что особеннаго вниманія на него не обратилъ, но кажись онъ висѣлъ тамъ-же, гдѣ и всегда. Приготовивъ все господамъ къ чаю, Григорій ушелъ въ людскую, ужиналъ со всей прислугой, а потомъ вернулся въ комнаты

и дремалъ въ прихожей въ ожиданіи господъ. Приѣхавъ изъ театра, они кушали въ столовой чай, причемъ барыня жаловалась на нездоровье и головную боль. Разошлись скоро. Крупныхъ какихъ-нибудь разговоровъ или споровъ онъ не слышалъ, да и рѣдко когда они между господами случались. Послѣ чаю баринъ пошелъ въ кабинетъ, раздѣлся, надѣлъ халатъ и отпустилъ его. Уходя, онъ еще разъ осмотрѣлъ, хорошо-ли заперта парадная дверь, которая обыкновенно замыкалась на ключъ и, кромѣ того, на крючокъ, затѣмъ вышелъ чернымъ ходомъ и заперъ его на ключъ. Другой ключъ отъ этого хода висѣлъ на гвоздѣ въ сѣняхъ и оказался на своемъ мѣстѣ. Въ заключеніе Григорій разсказалъ, какъ онъ утромъ вошелъ, увидѣлъ барина лежащаго на полу въ кабинетѣ въ крови и что произошло потомъ. Парадная дверь была заперта, какъ надо, и отворилъ ее самъ околоточный надзиратель.

Горничная Катя показала, что по отъѣздѣ господъ въ театръ, она приготовила все въ спальняхъ барыни и барышни, затѣмъ ушла въ людскую и не приходила въ комнаты до ихъ возвращенія. Въ то время какъ барыня раздѣвалась, она на головную боль не жаловалась, но была молчалива, безпокойна и, какъ кажется, недовольна, что баринъ такъ торопится отъѣздомъ въ деревню. Когда Катя вышла изъ спальни въ уборную, барыня заперла за нею дверь на ключъ. Она слышала, какъ щелкнулъ замокъ. Затѣмъ горничная пошла къ барышнѣ и помогала ей раздѣваться. Барышня была очень задумчива и какъ будто печальна. „Впрочемъ, онѣ завсегда такія“, объяснила Катя. Относительно утреннихъ происшествій она подтвердила показанія Григорія и прибавила еще, что когда барышни сказали о случившемся, „онѣ очень испугались и поминали о сестрицѣ... А съ тѣхъ поръ и слова еще не вымолвили; очень, видно, захворали“.

Дворникъ Осипъ показалъ, что по отъѣздѣ господъ оставилъ ворота отворенными, а самъ сидѣлъ все время въ своей

будеѣ; только сходилъ въ людскую поужинать. Когда господа вернулись и карета въѣхала во дворъ, онъ затворилъ ворота на запоръ, а калитку на ключъ, такъ что никто не могъ войти не позвонивъ. На вопросъ, не проходилъ-ли кто-нибудь во дворъ, пока ворота были отперты, онъ отвѣчалъ: „А не при-мѣтилъ. Кажись, никто не входилъ. Впрочемъ, кто его знаетъ? Навѣрно-то сказать не могу, потому, поужинавши, вздремнулъ малость“... Тѣмъ и оканчивались всѣ его свѣдѣнія.

Остальная прислуга—кучеръ, прачка и кухарка—рѣшительно ничего не знала, въ домъ не входила и никого посторонняго во дворѣ не видѣла.

Наконецъ, всѣ единогласно утверждали, что ночью никакого шума не слышали — все было тихо. Это, впрочемъ, не удивительно, хотя-бы и былъ шумъ: простой русскій чело-вѣкъ обладаетъ искусствомъ спать такъ, что его „хоть изъ пушекъ пали“ не разбудишь.

Такимъ образомъ, послѣ допроса прислуги, дѣло все-таки оставалось такимъ-же темнымъ, какимъ было и до него.

Окончивъ эту тяжелую работу, прокуроръ и слѣдователь простились съ Павломъ, который спросилъ ихъ при этомъ, можно-ли послать въ деревню Григорія, чтобы увѣдомить отца и мать о постигшемъ ихъ несчастіи, но Иванъ Ильичъ посо-вѣтывалъ лучше возложить это трудное порученіе на кого ни-будь интеллигентнаго, на примѣръ, на Алинскаго, такъ какъ простой, хотя и степенный камердинеръ едва-ли могъ выпол-нить его съ надлежащимъ умѣньемъ и осторожностію. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ отпускать Григорія въ виду возможности дополнительнаго допроса, но этого не высказалъ. На томъ и порѣшили.

Выйдя на улицу, прокуроръ пригласилъ Крыловича заѣхать къ нему позавтракать.

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ! Да мнѣ теперь кусокъ въ

горло не ползетъ! Такое ужасное убійство и рѣшительно никакихъ, никакихъ слѣдовъ... просто невѣроятно!..

Прокурора очень заинтересовало это таинственное преступленіе, въ которомъ опытный глазъ его видѣлъ романическую подкладку. Какъ незнакомому лично ни съ Тименевыми, ни съ Невѣровыми и зная о нихъ только по наслышкѣ, ему необходимы были болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Рассказы прислуги о совершенно незнакомыхъ ему людяхъ и о дѣлѣ, въ которомъ они, по его крайнему убѣжденію, не принимали ровно никакого участія, въ настоящую минуту не могли слишкомъ интересоваться его. Зная, что молодой слѣдователь давно и близко знакомъ въ домѣ, гдѣ совершилось такое выдающееся убійство, онъ хотѣлъ выпытать отъ него все, что только возможно, и выпытать немедленно, пока тотъ находился подъ впечатлѣніемъ „происшествія“. Тогда только онъ могъ составить заключеніе и планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, въ которомъ рассчитывалъ принять не малое участіе. Такимъ образомъ, для Ивана Ильича только теперь начиналось настоящее разслѣдованіе.

VI.

Чай подали въ кабинетъ. Крыловичъ, еще находившійся въ крайне возбужденномъ состояніи, мѣрилъ по обыкновенію комнату нетерпѣливыми, быстрыми шагами и ерошилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ свои волосы. Прокуроръ сидѣлъ передъ стаканомъ чаю, устремивъ задумчивый, неопредѣленный взглядъ въ пространство, и разсѣянно барабанилъ пальцами по столу.

— Странное дѣло,—говорилъ Михаилъ Алексѣевичъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я служу слѣдователемъ, не приходилось мнѣ встрѣчаться съ такимъ сложнымъ преступленіемъ. И надо-же, какъ на зло, чтобы подобное несчастіе случилось въ хорошо извѣстномъ мнѣ домѣ, съ людьми, близко мнѣ знакомыми, къ которымъ я расположенъ, которыхъ я уважаю!.. Тутъ вѣдь потеряешь всякое хладнокровіе! До сихъ поръ такъ и мерещится эта несчастная Вѣра Аркадьевна, звѣрски изуродованная... Просто привидѣніе какое-то!..

— Да, дѣло темное... дѣло темное...—проговорилъ задумчиво прокуроръ, продолжая выбивать тактъ пальцами.

— Мало, что темное, еще и звѣрское, Иванъ Ильичъ. Согласитесь: зарѣзать одного, задушить другую, и все это съ полнымъ хладнокровіемъ, съ полнымъ самообладаніемъ, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда. Вѣдь это какой-то фениксъ злодѣйства! До сихъ поръ не могу въ толкъ взять, даже малѣйшаго намека имѣть, кто-бы могъ быть этотъ звѣрь? Вѣдь зарѣзалъ, задушилъ—и не ограбилъ... Почему не ограбилъ? Значить, не воръ? Ну, на кого-же возможно имѣть подозрѣніе. Вѣдь это, что называется, птица въ воздухѣ... Ничего, ну, ровно-таки ничего, за что-бы можно было ухватиться!..

— А вы-бы хотѣли, чтобы онъ такъ сразу и дался вамъ? На, дескать, бери меня, братецъ—это я напшалил! Вѣдь это не такой преступникъ, что сегодня зарѣзалъ, украсть часы, а завтра въ кабакъ или къ закладчику и отнесъ... Возьми, моль, въ наслѣдство достались! Нѣтъ, батюшка, это не такой убійца...

— А какой-же? Скажите, ради Бога, какой-же? Вы думаете, что это человѣкъ интеллигентный? Можетъ быть, весьма вѣроятно, не спору. Но я вотъ уже съ утра ломаю голову, кто-же можетъ быть этотъ интеллигентный звѣрь? Вѣдь я знаю всѣхъ ихъ знакомыхъ, всѣхъ рѣшительно! Перебираю всѣхъ и не могу остановиться ни на одномъ.. Просто. и я, и другой, и третій, точно всѣ виновные, да и только! Ну, кто тутъ ближе? во-первыхъ...

— Погодите, Михаилъ Алексѣевичъ, будемъ дѣйствовать систематично, по порядку — такъ будетъ лучше. Сначала выяснимъ фактическую сторону, иначе говоря, процедуру преступления.

— Процедуру? Да что-же тутъ выяснять? Процедура ясна, какъ день! Убійца спрятался въ спальнѣ, выждалъ, когда Тименевъ, ходя по комнатѣ, повернулся передъ дверью къ нему спиной, бросился на него и ударилъ сначала въ спину, а потомъ, для вѣрности, еще два раза въ грудь. Затѣмъ перешелъ черезъ залу, гостинную и будуаръ въ спальню, засталъ Тименеву спящею, задушилъ ее подушкой, выскочилъ въ окно на улицу, притворилъ раму и ушелъ, чего, конечно, никто не видѣлъ, такъ какъ окно выходитъ на глухой переулокъ, по которому не только-что ночью, да и днемъ, никто не ходитъ. Вотъ и вся процедура! Кажется, просто.

— Просто, да не совсѣмъ. Предложу вамъ для рѣшенія нижеслѣдующіе вопросы: *primo* — когда и какъ вошелъ преступникъ въ домъ? *Secundo* — зачѣмъ, послѣ убійства Тименева, онъ подходилъ къ письменному столу, если ничего, по-

видимому, не взялъ? А что онъ подходилъ, это вѣрно, потому-что на столѣ кровь. Terzio—зачѣмъ онъ останавливался передъ дверью изъ будуара въ спальню? А что онъ останавливался, это опять-таки вѣрно, потому-что передъ этой дверью гораздо больше крови на полу, чѣмъ могло быть, если-бы онъ прямо вошелъ. И—quarto—почему онъ не убилъ Тименеву просто ножомъ, который у него былъ въ рукѣ, а предпочелъ задушить, что, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе звѣрскій способъ? А что она подъ его ножомъ и не пикнула-бы, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, потому-что онъ довольно силенъ, если могъ задушить ее и не далъ закричать. Вотъ эти вопросы, для полноты фактической части, очень желательно было-бы выяснить.

— На первый вашъ вопросъ не особенно трудно отвѣчать: убійца, по моему мнѣнію, вошелъ въ то время, когда Тименева была въ театрѣ, а прислуга ужинала.

— Значить, онъ зналъ обычай дома? Зналъ, что Тименевы уѣхали, что прислуга ужинаетъ всегда вмѣстѣ и что въ домѣ въ это время никого нѣтъ?

— Должно быть, зналъ, потому-что иначе онъ не рискнулъ-бы пройти черезъ дворъ и войти въ дверь чернаго хода. Другимъ путемъ онъ войти не могъ, такъ какъ, по показанію камердинера, всѣ окна были заперты на задвижки. Проникнувъ въ спальню, онъ спрятался такъ, что если-бы Тименевъ вошелъ туда съ человѣкомъ, его-бы не замѣтили. Затѣмъ, дождавшись, когда жертва заснетъ, онъ могъ совершенно свободно выполнить свой замыселъ, но не имѣлъ терпѣнія выждать и совершилъ преступленіе раньше, пользуясь удобной минутой.

— Слѣдовательно, онъ зналъ расположеніе комнатъ?

— Конечно, зналъ.

— И уже бывалъ въ нихъ?

— Ну, это еще не вполне определѣно.

— Извините, совершенно определено. Онъ даже знаетъ, что у Тименева надъ кроватью виситъ кинжалъ и, по всей вѣроятности, имѣлъ случай заранѣе испробовать, отточень-ли этотъ кинжалъ. Замѣтите, какъ ловокъ и смѣтливъ убійца: приходитъ безоружный, чтобы имѣть выходъ, если-бы былъ пойманъ не только на дорогѣ, но даже въ спальнѣ, на мѣстѣ преступленія—пошутить, молъ, хотѣлъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуется отличнымъ орудіемъ для выполнения своего замысла, не оставляя вещественныхъ доказательствъ. Вы скажете, что орудіе можно забросить? Это такъ, но все-таки оно оставляетъ слѣды: гдѣ-нибудь да было-же оно прежде и пропало передъ совершеніемъ преступленія—хотя косвенная, но улика. Куплено въ лавкѣ — можно опять-таки разыскать, когда и кѣмъ куплено. Найдено—опять улика. А здѣсь—чего проще? Убили кинжаломъ. Какимъ? Вотъ этимъ. Кому принадлежитъ? Убитому. Вотъ и ищите. Удивляюсь, зачѣмъ это въ нашихъ мирныхъ вѣсяхъ держать на виду такія опасныя вещи? Точно мы на военномъ положеніи! Говорятъ, защита отъ воровъ. Вотъ тебѣ и защита! Самого-же этой защитой и уколошили!

Прокуроръ даже разгорячился. Онъ выпилъ залпомъ свой простывшій чай и принялся наливать другой стаканъ.

— Но позвольте, Иванъ Ильичъ!—возразилъ Крыловичъ.—Можетъ быть, мысль воспользоваться кинжаломъ пришла преступнику, когда онъ былъ уже на мѣстѣ?

— Да какъ-же онъ увидѣлъ его въ темнотѣ? Вѣдь вы сами-же говорите, что онъ забрался, когда прислуга ужинала, а это было около девяти часовъ вечера. Можетъ, полагаете, что онъ свѣчу зажегъ?

Крыловичъ наказалъ себя за легкомысленное возраженіе, крѣпко дернувъ себя за волосы.

— Ну-съ,—продолжалъ успокоившійся прокуроръ,—первый вопросъ исчерпанъ и рѣшенъ въ удовлетворительномъ

смыслѣ. Переходимъ ко второму. Что вы скажете на счетъ путешествія убійцы къ письменному столу?

— Этотъ вопросъ труднѣе, — запатгалъ по комнатѣ Крыловичъ. — Тутъ можетъ быть два предположенія: первое, что онъ хотѣлъ потушить свѣчи, стоявшія на столѣ, и второе, что онъ ходилъ въ какой-нибудь изъ ящичковъ.

— И то, и другое. Если-бы онъ подходилъ только затѣмъ, чтобы потушить свѣчи, хотя, собственно говоря, въ этомъ особенной надобности и не было, затѣмъ-же ему было класть кинжалъ на столъ? А что онъ лежалъ на столѣ, это видно по слѣду крови. Вѣдь свѣчку можно затушить удовлетворительно и съ кинжаломъ въ рукѣ. Я долженъ обратить ваше вниманіе на одно наблюденіе, мною сдѣланное; убійца не любитъ выпускать оружія изъ рукъ, пока не кончитъ всей своей работы. Это странно, но это такъ. Оружіе какъ-то приростаетъ къ рукѣ, пальцы не разжимаются... Разъ кончилъ; бросаетъ съ отвращеніемъ и, замѣтите, непременно съ отвращеніемъ. Не я, дескать, виноватъ, а ты меня соблазнило — проклятое! И затѣмъ только тебя люди выдумали? Если-бы тебя не было, я-бы не согрѣшилъ! Итакъ-съ, чтобы выпустить изъ рукъ кинжалъ, нужна была важная причина — и причина эта сходитъ въ столъ.

— Но затѣмъ-же онъ ходилъ въ столъ, если ничего не взялъ?

— А мы почему-же знаемъ, что онъ ничего не взялъ? Онъ могъ взять то, что ему было нужно, напримѣръ, какое-нибудь письмо или вексель... Наконецъ, даже деньги.

— Но деньги найдены-же въ столѣ?

— Найдены-то найдены, да всѣ-ли? Можетъ быть, убійца-то совѣстливый, взялъ сколько нужно и рѣшилъ такъ: затѣмъ-же мнѣ его совсѣмъ обижать? Не довольно-ли? И подозрѣній меньше — будто и не ограбилъ... Все какъ-то благороднѣе!.. А, можетъ быть, изъ одного отдѣленія бумажника вынулъ, а

тутъ мысль явилась: „да вѣдь еще не кончено... пора! То важнѣе!“ Бросилъ все и пошелъ оканчивать свой подвигъ. Все можетъ быть, но только одно вѣрно, что преступникъ въ столъ ходилъ—это мое убѣжденіе.

— Такъ или иначе, — замѣтилъ Крыловичъ, — но это вопросъ не вполне рѣшенный, да, наконецъ, и не особенно важный...

— Не особенно важный? — поднялъ голову прокуроръ; — помилуйте, Михаилъ Алексѣевичъ, что вы это? Да если окажется, что очень вѣроятно, что у Тименева пропалъ вексель, то вѣдь это все-равно, что визитная карточка преступника! Дѣла Тименева могутъ объясниться, кто-нибудь, имѣвшій съ нимъ дѣловыя сношенія, можетъ указать существованіе пропавшаго векселя: тогда вѣдь занавѣсъ значительно приподнимется!

— Да, но когда все это будетъ?

— Не торопитесь, Михаилъ Алексѣевичъ, пожалуйста, не ропщите! Съ этимъ дѣломъ мы еще долго провозимся. Это только цвѣточки, погодите, дальше будутъ и ягоды... Продолжаемъ: вопросъ третій?

Видя, что разговоръ принимаетъ такое направленіе, Крыловичъ обрадовался. Онъ замѣтилъ, что прокурора очень заняло это дѣло, такъ какъ почтенный юристъ сдѣлался гораздо сообщительнѣе, чѣмъ обыкновенно, а помощь такого знатока была для него драгоцѣнна. Молодой слѣдователь не былъ настолько самолюбивъ, чтобы отклонить этого опытнаго руководителя, особенно въ вопросѣ, такъ сильно его интересовавшемъ. Скрывать что-либо онъ не могъ, почему тотчасъ и высказался.

— Иванъ Ильичъ! — заявилъ онъ, остановясь и протягивая руку, — вы не можете себѣ представить, какъ я радъ, что вы желаете помочь мнѣ въ этомъ трудномъ слѣдствіи. Признаюсь откровенно, оно настолько замысловато, что я, пожалуй,

завертѣлся бы... Тѣмъ болѣе, что это дѣло очень, очень меня интересуетъ и я готовъ не знаю на что, лишь-бы выяснитъ его. Вы не сердитесь, что я такъ прямо, безъ обиняковъ, прошу васъ быть моимъ руководителемъ. Я сообщу вамъ все, что знаю, а вы доберетесь... Вы непременно доберетесь...

— Хорошо, хорошо,—слегка усмѣхнулся Иванъ Ильичъ, пожимая руку молодого человѣка; только погодите выхвалять меня, а главное, не благодарите: еще ругать, пожалуй, будете...

— Ругать? Помилуйте!..

— Говорю — ругать будете. Ну, да что дѣлать? Служба прежде всего! Вы не обидитесь на то, что я вамъ скажу?— не удержался прокуроръ: — вы очень свѣдущій, способный слѣдователь, но въ этомъ дѣлѣ... именно въ этомъ дѣлѣ...

— Что-же въ этомъ дѣлѣ?—удивился Крыловичъ.

— Вы не обидитесь?

— Честное слово—нѣтъ!

— Ну, въ этомъ дѣлѣ вы плохой слѣдователь, потому-ра-
будете... пристрастны.

Крыловичъ вытаращилъ глаза и растопырилъ руки.

— Я буду пристрастенъ?

— Хотя косвенно, но будете; помяните мое слово. Ну, довольно, будемъ продолжать...

— Однако-же, позвольте, Иванъ Ильичъ!—серьезно заговорилъ слѣдователь:—если я лицо, такъ сказать, прикосновенное къ дѣлу, то не могу...

— Вотъ, я говорилъ, что вы обидитесь?—добродушно замѣтилъ прокуроръ, хлебнувъ чаю,—и обидились. Поймите, что ваша прикосновенность, какъ вы, мимоходомъ будь сказано, неправильно выразились, такъ какъ прикосновенность и пристрастіе далеко не одно и то-же, будетъ совершенно невинная. Ваша помощь мнѣ важна, необходима, драгоценна для открытія преступника. Если-бы я выбиралъ помощника, то обратился-бы именно къ вамъ. Впрочемъ, сегодня-же все это

между нами выяснится и мы пойдемъ или рука объ руку, или вы ретируетесь. На что сами рѣшитесь, то я и апробую.

— Но я не понимаю...

— Поймете, все поймете. Только, пожалуйста, поведемъ дѣло методически, основательно. Мы остановились на третьемъ вопросѣ.

Прокуроръ произнесъ эти слова твердо, съ видимымъ желаніемъ перейти къ разговору о дѣлѣ. Крыловичъ понялъ, что нужно подождать разрѣшенія такъ сильно заинтересовавшаго его вопроса. Онъ смутно предчувствовалъ что-то недоброе, непріятное... Хотя то было хорошо, что не долго придется оставаться въ неизвѣстности—сегодня же все объяснится. Онъ перешелъ къ дѣлу, хотя потерялъ нѣсколько свое оживленіе и говорилъ меньше, что случилось едва ли не въ первый разъ въ его жизни.

— Третій вопросъ,—опять запалъ онъ по комнатѣ,—кажется, былъ о томъ, почему убійца останавливался передъ дверью спальни?

— Да, такъ какъ логической причины останавливаться у него не было.

— Какъ не было? Необходимо же было удостовѣриться, что жертва заснула.

— Какая-же тутъ необходимость? Въ спальнѣ темно, горничная заявила, что никакого ночника не горитъ—могъ войти мужъ. Еслибы даже Вѣра Аркадьевна и не спала, такъ приняла-бы его за мужа, потому что никакихъ подозрѣній имѣть не могла. Изъ ея комнаты нельзя было слышать паденіе Тишенева въ кабинетъ, даже если-бы онъ и вскрикнулъ, въ возможности чего какъ я, такъ и доктора, совершенно сомнѣваемся. Зачѣмъ же онъ остановился и даже, какъ кажется, размахивалъ рукой, вооруженной кинжаломъ, что замѣтно по брызгамъ крови, встрѣчающимся довольно далеко отъ двери?

— Онъ, вѣроятно, не догадался сразу, что можетъ быть принять за мужа,—проговорилъ Крыловичъ.

— Полноте! Подобный артистъ, какъ вы сами выразились „фениксъ злодѣйства“, да не сообразилъ такой простой штуки? Невѣроятно-съ. А вотъ что: либо онъ былъ въ нерѣшимости, такъ сказать, струсилъ, либо услышалъ что нибудь для него не совсѣмъ удобное.

— Напримѣръ, что?

— Напримѣръ: разговоръ.

Крыловичъ опять вытаращилъ глаза.

— Какъ, Иванъ Ильичъ?—возмутился онъ,—вы полагаете, что Вѣра Аркадьевна, женщина, которую я зналъ, даже очень хорошо зналъ, могла быть способна на такой поступокъ—принять въ своей спальнѣ мужчину ночью? Да помилуйте! Такая мысль...

— Пойдите! Пойдите! Вотъ горячка!.. Вы сначала выслушайте: во-первыхъ, кто вамъ сказалъ, что это былъ мужчина? Я этого не говорилъ. Почему-же не женщина?

— Но какая же женщина?...

— Да хотя бы сестра? Вѣра Аркадьевна жаловалась на головную боль, и сестра зашла навѣстить ее. Чего проще? Во-вторыхъ, кто вамъ сказалъ, что рѣчь шла о любви? Я этого не говорилъ. Можетъ быть, было дѣло, правда, секретное, но не эротическаго характера?

— Ночью-то, дѣло?

— Опять-таки съ сестрой. Почему же нѣтъ? Въ-третьихъ и въ заключеніе—я вовсе не знаю вашей Вѣры Аркадьевны и вывожу это, слѣдуя простой вѣроятности, основанной на показаніяхъ.

— На показаніяхъ?

— Непремѣнно. Камердинеръ показываетъ, что она въ столовой, при мужѣ, жаловалась на нездоровье и головную боль, горничная-же показываетъ, что она въ спальнѣ ни разу не упомянула о нездоровьѣ или о головной боли. Это ненатурально. Если у человѣка трещить голова, то онъ объ этомъ

разсказываетъ всёму и каждому, особенно избалованная, изнѣженная барыня. Ясно, что голова тутъ ни приче́мъ — она просто хотѣла избавиться отъ мужа. А зачѣ́мъ избавиться? Можете вы мнѣ́ это объяснить? И, замѣ́тите, хотѣла избавиться по причинѣ́ секретной, потому что иначе могла прямо высказать ему свое желаніе, не ссылаясь на небывалую головную боль.

— Да, можетъ быть, просто хотѣла быть одна, безъ всякихъ объясненій, да и все тутъ. Мало-ли есть причинъ? Невозможно же обращать вниманіе на всякое случайное совпаденіе и, основываясь на немъ, выводить фактъ назначеннаго свиданія?

— Позвольте! Я и не думалъ выводить фактъ назначеннаго свиданія, а только привелъ возможность того, что она была не одна. Вы мнѣ́ утверждаете, что этого не было — не спорю. Вы основываетесь на томъ, что знали, даже очень хорошо знали эту даму, — прекрасно. Одно только осмѣлюсь замѣ́тить, что знать хорошо, даже очень хорошо женщину, да еще свѣ́тскую — штука хитрая. Какъ бы то ни было, фактъ остановки у дверей существуетъ, но причина его еще не выяснена и третій вопросъ остается открытымъ. Можетъ быть, онъ выяснится при рѣ́шеніи четвертаго вопроса: почему она была задушена, а не зарѣ́зана, когда послѣ́днее было гораздо скорѣ́е и проще?

— Ну, этотъ вопросъ не трудно рѣ́шить: конечно, убійца имѣ́лъ гнусную цѣ́ль.

— Значитъ онъ былъ въ нее влюбленъ?

— Мнѣ́ кажется, что для этого не нужно быть влюбленнымъ.

— Допустимъ. Но все же онъ ее зналъ раньше, она ему нравилась и онъ шелъ въ ея спальню только съ этой цѣ́лью, потому что никакого ограбленія не было. Еслибы такое безобразіе совершилъ человѣ́къ не интеллигентный, обыденный преступникъ, то, не говоря уже о томъ, что онъ едва ли задушилъ бы свою жертву, но не преминулъ бы также мимо-

ходомъ, воспользоваться чѣмъ нибудь и въ матеріальномъ отношеніи. Этотъ же, взявъ кинжалъ съ собою съ намѣреніемъ, въ случаѣ надобности, только поугаты, убилъ ее, и убилъ отъ того, что она его узнала, хотя и поздно, сопротивлялась и довела до состоянія дикаго бѣшенства, звѣрскаго изступленія, когда человѣкъ губить то, что обожаетъ, и душитъ на смерть любимый предметъ. „На, моль, тебѣ! Меня не любишь, презираешь, такъ никого не будешь любить, никому не будешь принадлежать! Ступай въ могилу!“ Слѣдовательно, тутъ была страсть и, повторяю, бѣшенная страсть. Эта страсть и вызвала его остановку передъ дверью спальни; онъ не задумался зарѣзать Тименеву, но здѣсь, передъ любимой женщиной, онъ боялся, боялся струсить, ослабѣть. Ему нужно было собраться съ духомъ... Говорю вамъ—это человѣкъ съ замѣчательнымъ характеромъ.

— Я знаю, что у Вѣры Аркадьевны было много поклонниковъ, но кто изъ нихъ могъ рѣшиться...

— Къ вопросу о преступникѣ мы перейдемъ сейчасъ. Теперь составимъ резюмѣ всего до сихъ поръ выясненнаго: убійца Тименевыхъ человѣкъ знакомый въ домѣ, образованный, имѣвшій дѣла съ мужемъ и влюбленный въ жену. Онъ рѣшается достигнуть двухъ цѣлей разомъ: убить изъ ревности мужа и, кстати, освободиться отъ непріятнаго для него дѣла, а затѣмъ овладѣть любимой имъ женщиной, которую и не хотѣлъ убить, но убилъ, потому что она довела его до изступленія. Совершивъ это второе, нечаянное злодѣйство, онъ спасается ближайшимъ путемъ, торопясь убѣжать отъ призрака еще любимой имъ жертвы. Вотъ фактическая часть или, иначе говоря, процедура преступленія, вытекающая изъ нравственныхъ мотивовъ, побудившихъ преступника рѣшиться на такое страшное дѣло.

Сдѣлавъ это заключеніе, Иванъ Ильичъ допилъ свой стаканъ.

VII.

— Теперь перейдемъ,—продолжалъ прокуроръ,—ко второму вопросу—о преступникѣ. Но для того, чтобы я могъ достаточно вникнуть въ этотъ вопросъ, мнѣ необходимо имѣть самыя обстоятельныя свѣдѣнія о Тименевыхъ и объ Антонинѣ Аркадьевнѣ, которыхъ мало, даже почти вовсе не знаю. Поэтому попрошу васъ рассказать мнѣ о нихъ какъ можно обстоятельнѣе. Особенно просвѣтите меня относительно ихъ психическихъ свойствъ или, иначе говоря, нравственныхъ качествъ. Павла Аркадьевича я знаю, почему о немъ нечего распространяться.

Крыловичъ подробно рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ семействомъ Невѣровыхъ. Онъ остановился, согласно желанію прокурора, на изображеніи характеровъ главныхъ лицъ совершившейся драмы, которыя уже отчасти извѣстны. Описанія его были вполне благопріятны для этихъ лицъ, къ которымъ онъ чувствовалъ искреннее расположеніе, даже привязанность. Наконецъ, по своему простодушному, снисходительному къ людямъ вообще характеру, онъ и не способенъ былъ выставить кого-нибудь въ дурномъ свѣтѣ; для этого нужны были уже слишкомъ выдающіеся недостатки или пороки, да и то онъ, можетъ быть, напелъ-бы имъ извиненіе.

Съ особенной подробностью и увлеченіемъ рассказывалъ онъ объ Антонинѣ. Сразу можно было замѣтить, что эта дѣвушка его интересуетъ и онъ не только увлеченъ ею, но истинно, глубоко полюбилъ ее. Впрочемъ, для проникательнаго Ивана Ильича это была не новость—съ самаго утра онъ за-

мѣтилъ любовь молодого человѣка и, скажемъ правду, эта любовь не совсѣмъ-то правилась почтенному юристу. Но онъ ничего не выразилъ и слушалъ внимательно до конца, хотя и принялъ къ свѣдѣнію, что полагаться на мнѣніе молодого человѣка нельзя, такъ какъ оно неминуемо должно было быть пристрастнымъ.

Дѣйствительно, едва-ли возможно, чтобы влюбленный, а тѣмъ болѣе человѣкъ молодой, могъ видѣть и особенно высказать что-либо невыгодное или неблагопріятное для предмета его любви. Конечно, всякій имѣетъ недостатки, идеаломъ совершенствъ никто не былъ и никогда быть не можетъ, но дѣло въ томъ, кто недостатки любимаго существа, бросающіеся другимъ въ глаза, для любящаго сердца исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшаются до самой микроскопической величины. Отчего это происходитъ? Происходитъ это оттого, что мы въ себѣ рѣдко видимъ недостатки, а если и видимъ, то легко находимъ имъ основательныя въ нашихъ глазахъ извиненія. Если-же любимое существо обладаетъ всѣми симпатичными намъ свойствами, какъ хорошими, такъ и дурными, то понятно, что мы легко смотримъ на послѣднія, а часто и вовсе игнорируемъ ихъ. Можетъ быть, мы и согласимся, по-видимому, на указываемый намъ недостатокъ нашего идеала, но это только на языкѣ, въ душѣ-же нисколько оправдаемъ его, но даже обвинимъ лицо, такъ неумѣстно замѣтившее этотъ недостатокъ и еще болѣе неумѣстно его высказавшее. Оно этимъ какъ будто оскорбило наше самолюбіе. Иногда мы даже сами чувствуемъ, что нашъ идеалъ имѣетъ какой-нибудь неоспоримый, крупный порокъ, но тотчасъ заглушаемъ это чувство, находя пороку подходящее оправданіе. Возьмемъ, на-примѣръ, убійство. Развѣ рѣдко случается, что убійца бываетъ предметомъ самой пламенной, самой страстной любви? Очень часто. При этомъ иногда фактъ убійства не только не вредитъ, но даже усиливаетъ любовь. А между тѣмъ, возможно-

ли считать достоинствомъ способность человѣка совершить убійство при какой бы-то ни было обстановкѣ? Способность посягнуть на жизнь другого, во всякомъ случаѣ, безусловно, способность дурная. Между тѣмъ находится безчисленное множество смягчающихъ, оправдывающихъ обстоятельствъ и убійство не только прощено, но является проявленіемъ благородныхъ, высокихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, извиняется непобѣдимымъ порывомъ опять-таки благородныхъ, хотя, можетъ быть, и слишкомъ пылкихъ страстей. Такимъ образомъ и убійца можетъ быть возведенъ въ идеалъ, а идеаломъ онъ быть не можетъ, хотя-бы уже только потому, что не имѣлъ силы характера и твердости воли удержаться отъ безусловно дурного, звѣрскаго поступка. Также точно и во всемъ другомъ.

Удивительно-ли послѣ этого, какимъ совершенствомъ явилась въ изображеніи Крыловича Антонина, дѣйствительно умная, благородная и во всѣхъ отношеніяхъ симпатичная дѣвушка? Для него она стояла на высокомъ, недосыгаемомъ пьедесталѣ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей.

Иванъ Ильичъ узналъ все, что только могъ узнать изъ этого источника.

— Вы говорите, сказалъ онъ, наконецъ, что Вѣра Аркадьевна цѣлый годъ колебалась, выйти-ли ей замужъ за Тишенева или нѣтъ?

— Почти годъ.

— А во время этого года не было ничего такого, что-бы задерживало, такъ сказать, тормозило заключеніе этого брака? Знаете, въ родѣ, напримѣръ, какой-нибудь пнтрижки...

— Характеръ Вѣры Аркадьевны вамъ теперь хорошо извѣстенъ, по крайней мѣрѣ; настолько, насколько я самъ его понималъ. Она съ самаго пріѣзда тотчасъ высказалась: кокетничала, порхала со всѣми и не останавливалась ни на комъ. Едва-ли, при этихъ условіяхъ, могло быть что-нибудь серьезное.

— Это такъ, но все-таки -- женщины... О, женщины!

сказалъ... и такъ далѣе. Вѣдь могло-же случиться, что, подѣ маской кокетства, беззаботности, непостоянства, въ сердцѣ гнѣздилась искра и болѣе серьезной любви?

— Конечно, могло, но я этого не замѣтилъ.

— И Тименевъ, конечно, также?

— Иначе онъ на ней и не женился-бы.

— Ну, не говорите — случается... Что онъ приданое-то деньгами взялъ?

— Нѣтъ. Аркадій Петровичъ перевелъ на ея имя слѣдующую ей часть имѣнія и взялъ эту часть въ пожизненное арендное пользованіе съ извѣстною уплатою ежегодно.

— Отлично. Значить, мастера коммерческихъ дѣлъ. Такимъ образомъ Тименевъ получалъ отъ тестя извѣстную сумму ежегодно и не по его произволу, а въ точномъ, законами опредѣленномъ количествѣ, причемъ капиталъ неотъемлемо принадлежалъ его женѣ, хотя она и не могла имъ воспользоваться до смерти отца. „И волки сыты, какъ говорить по-словица, и овцы цѣлы“. Остроумно придумано.

— Тименевъ былъ человѣкъ далеко не глупый, замѣтилъ Крыловичъ.

— Особенно въ коммерческомъ отношеніи—это всѣмъ извѣстно. Затѣмъ я попросилъ-бы васъ сообщить мнѣ кое-что объ этомъ красивомъ молодомъ человѣкѣ, Алинскій, кажется, за которымъ посылалъ сегодня Павелъ Аркадьевичъ. Онъ вѣдь часто у нихъ бывалъ?

— Въ послѣднее время не особенно часто. Алинскій очень бѣдный и занятой человѣкъ. Онъ только-что окончилъ университетъ вмѣстѣ съ Павломъ и кормить своими трудами, плохо оплачиваемыми, старую мать и сестру подростка.

— Похвально. Что-же, мать и сестра тоже были знакомы съ Тименевыми?

— Особенно съ Невѣровыми. Онѣ гостятъ у нихъ каждое

лѣто, потому что дѣвочка слабаго здоровья и ей необходимъ деревенскій воздухъ.

— А молодой человѣкъ тоже гостить?

— Да, онъ также прїѣзжалъ.

— Ну, а тутъ ничего не было? Фигура-то у него очень подходящая для какой-нибудь, знаете, романической идилліи...

— Тутъ ничего не было. Алинскій человѣкъ смирный, по книжному выраженію, угнетенный бѣдностью. Притомъ-же, насколько я его знаю, а мужчину, можетъ быть, легче узнать, чѣмъ женщину... слабо усмѣхнулся Крыловичъ.

— Ну, не говорите! И мужчина иногда бываетъ довольно трудная проблема.

— Насколько, все-таки, я его знаю, Алинскій слишкомъ порядоченъ, чтобы завлекать дѣвушку безцѣльно и слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть какую-нибудь цѣль.

— Да вѣдь онѣ имѣютъ порядочныя средства?

— О! заявилъ съ жаромъ слѣдователь, я могу сказать съ твердымъ убѣжденіемъ, что Алинскій никогда не согласится жить на счетъ жены. Настолько-то я знаю его характеръ! Впрочемъ, могу прибавить еще, что самъ слышалъ, какъ Алинскій говорилъ, что для Вѣры Аркадьевны Тименевъ не дурная партія и что она хорошо сдѣлаетъ, если за него выйдетъ. На свадьбѣ онъ былъ даже веселъ, что съ нимъ рѣдко случается. Слѣдовательно, трудно предположить, чтобы онъ былъ въ нее влюбленъ. Неужели возможно такъ притворяться?

— Трудно—согласенъ. А послѣ свадьбы?

— Здѣсь, въ городѣ, онъ не особенно часто у нихъ бывалъ. Да и когда-же? Таскается весь день по урокамъ, за какой-нибудь полтинникъ, съ одного конца города на другой... До гостей-ли тутъ?

— Правда, тутъ ужъ плохая любовь, когда думаешь только о томъ, что скоро наступитъ роковая минута потребности въ новыхъ сапогахъ. Самъ молодъ былъ и уроками занимался.

Профессія, притупляющая мозгъ и развивающая мускулы ногъ. Кто-же еще бывалъ чаще другихъ?

— Авдіевы бывали...

— Ну, про этихъ нечего говорить, довольно извѣстны. И гдѣ только, съ кѣмъ только эти Авдіевы не знакомы? Братъ вѣчно пьянъ, а сестры—архивъ сплетень. Приглашали и меня на свои дни — да еще не рѣшился принести такую жертву. Это своего рода „l'oeil de boeuf“ нашего града! Мало интересующее меня семейство. Да что мы, впрочемъ, начали всѣхъ перебирать, à la Авдіевы? Такимъ способомъ ни къ чему не придемъ. Вѣдь не имѣемъ-же мы претензію сдѣлать характеристику всѣхъ знакомыхъ Тименева? Это уже очень долго выйдетъ, а главное—совершенное празднословіе. Вотъ что я васъ попрошу, Михаилъ Алексѣевичъ, вдругъ переимѣнилъ разговоръ прокуроръ, побывайте вы на почтѣ...

— Но вы хотѣли, какъ-то нерѣшительно проговорилъ Крыловичъ, объяснить мнѣ...

— Знаю, знаю! Не беспокойтесь, сегодня-же все вамъ выскажу. Только видите-ли... Объясню вамъ это метафорой: зданіе-то у меня построено, да еще не совсѣмъ отдѣлано и, главное, въ лѣсахъ. Сниму лѣса и покажу вамъ сегодня вечеромъ постройку въ настоящемъ видѣ, почему и прошу васъ зайти часовъ въ восемь. Только, до тѣхъ поръ, не откажите исполнить мою просьбу: сейчасъ побывайте на почтѣ—а то никого, пожалуй, не застанете тамъ—и посмотрите, не отсылалъ-ли или, главное, не получалъ-ли Тименевъ отъ кого-нибудь денегъ и сколько именно. Вообще, знаете, всю его корреспонденцію. А затѣмъ не откажите заѣхать также въ редакцію „Вѣдомостей“ и напечатайте краткое извѣщеніе, что вотъ, молъ, случилось съ Тименевымъ происшествіе, почему просятъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ денежные дѣла пожаловать, для приведенія ихъ въ порядокъ и другихъ объясненій, черезъ недѣлю, что-ли, хоть въ его квартиру.

— И больше ничего? нѣсколько удивился Крыловичъ.

— Приостановимся сколько-нибудь — вѣдь не ломовыя-же мы лошади! Дадимъ всѣмъ немножко успокоиться.

— Но мнѣ кажется, что быстрота слѣдствія...

— Хороша, это вѣрно, но что-же вы хотите дѣлать-то? Первый обыскъ произвели, допросы съ прислуги сняли, даже и потолковали порядочно—цѣлую фактическую часть, процедуру убійства съ мотивами построили и характеристику потерпѣвшихъ сдѣлали, развѣ мало? Кажется, не дремлемъ. Ну-съ, и такъ...

Крыловичъ замѣтилъ, что прокуроръ имѣлъ какое-то намѣреніе, какое-то дѣло, и простился. Несмотря на свое нетерпѣніе и безпокойство, молодой человѣкъ былъ нравственно порядочно утомленъ. Процедура убійства, какъ выразился Иванъ Ильичъ, не мало его замучила. А что ожидалось еще впереди?

Выпроводивъ слѣдователя, прокуроръ тотчасъ поѣхалъ въ домъ Тименева.

VIII.

Когда юристы уѣхали, въ домѣ, гдѣ совершилось преступленіе, окончились приготовленія и тѣла убитыхъ были выставлены въ залѣ, на поставленныхъ рядомъ столахъ. Эти молодые супруги, недавно еще обвиняемые, лежали теперь рядомъ, такъ-же какъ стояли рядомъ подъ вѣнцомъ. Но какая разница! Тамъ Тименевъ стоялъ, хотя и съ опущенными глазами, повидимому, со смиреніемъ, но съ явно выражавшимся самодовольствіемъ, радостію въ лицѣ. А молодая? Какъ хороша она была въ прелестномъ нарядѣ невѣсты, украшенная цвѣтами невинности, слегка блѣдная, взволнованная, помпунтно краснѣвшая подъ устремленными на нее со всѣхъ сторонъ взглядами!.. Здѣсь-же лежали два безобразныхъ, изуродованныхъ трупа... неподвижные, съ желто-восковыми лицами и закрытыми глазами; отъ нихъ вѣяло какимъ-то холодомъ, предвѣстникомъ холода и мрака могилы. Какъ тамъ взоры всѣхъ смотрѣли на нее съ восхищеніемъ, а на него съ невольною завистью, такъ и здѣсь они также устремлялись на нихъ, но съ тайнымъ страхомъ, съ какимъ-то тяжелымъ отвращеніемъ. Спрашивается, что сдѣлали эти несчастные, чтобы заслужить такой быстрый, ужасный переходъ? Въ чемъ состояло ихъ преступленіе? Это преступленіе ясно: одинъ съумѣлъ нажить своими способностями хорошія матеріальныя средства, другая была красива собою. Развѣ этого мало? Родъ человѣческій безчеловѣченъ—однихъ, за пороки, онъ караетъ законами, другихъ, за достоинства, онъ караетъ самовольно, но всѣхъ и за все караетъ—общее правило!

Невозможно было оставить Антонину Аркадьевну въ спальнѣ, рядомъ съ заломъ. Движеніе людей и монотонное чтеніе читальщика должны были беспокоить, раздражать ея разстроенные нервы. Павелъ рѣшился перенести сестру вмѣстѣ съ кроватью въ спальню Тименева. Это была угловая, самая отдаленная комната, и шумъ, а главное, мрачное, невыносимое для слуха надгробное чтеніе, не достигали туда. Перемѣщеніе совершилось безпрепятственно — Антонина лежала молча съ закрытыми глазами.

Алинскій уѣхалъ въ имѣніе Невѣровыхъ. Павелъ, отпустивъ Катю обѣдать, остался сидѣть около сестры и погрузился въ печальныя размышленія. Онъ только-что окончилъ университетъ, слѣдовательно, находился въ самомъ радужномъ, блаженномъ настроеніи духа, когда тяжелая эпоха ученья, наконецъ, миновала и наступило свѣтлое время—время свободы, когда дышется полною грудью, а голова полна мечтаній и надеждъ, однимъ словомъ, когда молодой человѣкъ начинаетъ жить: Павелъ рассчитывалъ успокоиться, отдохнуть отъ трудовъ въ деревнѣ, въ родномъ кругу, и вдругъ—одна сестра безчеловѣчно убита, а съ другою тоже, можетъ быть, несчастье...

Онъ поднялъ на нее глаза... Антонина, приподнявшись на локтѣ, пристально смотрѣла на него своими большими сѣрыми глазами, Павелъ быстро поднялся и подошелъ къ ней.

— Наконецъ-то! проговорилъ онъ.

— Павелъ! произнесла молодая дѣвушка тихимъ, но твердымъ голосомъ: — съ Вѣрой ничего не случилось?

Этотъ прямой вопросъ, такъ сказать, въ упоръ смутилъ Павла; нервы его тоже были разстроены. Онъ невольно остановился.

— Павелъ! повторила Антонина, — скажи мнѣ, умоляю тебя, что съ Вѣрой?

— Да ничего... пробормоталъ смущенный молодой человѣкъ. — Ты вѣдь знаешь ужасное несчастье... Тебѣ сказали очень грубо... Она тоже захворала...

— Неправда! Ты мнѣ не хочешь сказать! Я знаю, я чувствую, что съ нею что-то случилось... Гдѣ она?

Ея большіе глаза смотрѣли на него такъ пристально, такъ упорно, что онъ совершенно растерялся.

— Отчего ты не хочешь мнѣ сказать? Я теперь поправилась — я не больна... Говори правду!

— Ты не больна! Да что ты это? Посмотри, какая ты! Докторъ говорить...

— Докторъ ошибается. Повторяю тебѣ — я не больна и прошу: скажи мнѣ, гдѣ Вѣра и что съ ней?

— Гдѣ Вѣра? Ахъ, Боже мой! Да гдѣ-же она можетъ быть? У себя, конечно... Лежить...

— Дома?

Павель съ изумленіемъ взглянулъ на сестру.

— Конечно, дома. Гдѣ же ей быть?

— Скажи мнѣ, что съ ней случилось? опять повторился настойчивый вопросъ.

— Да что ты это, право? Слышала ты развѣ что-нибудь или тебѣ показалось?..

— Я слышала... произнесла неопредѣленно Антонина.

— И знаешь?

— И знаю...

— Но она только ранена; только ранена, увѣряю тебя... торопливо произнесъ Павель и тотчасъ спохватился, что сдѣлалъ промахъ. Онъ былъ самъ слишкомъ разстроенъ и не обладалъ въ настоящую минуту достаточнымъ хладнокровіемъ.

Антонина взглянула на него съ невыразимымъ удивленіемъ.

— Вѣра ранена? пробормотала она. — Но — кѣмъ-же?

— Видишь-ли... Этотъ человѣкъ, убившій Петра Сергѣевича, не удовольствовался этимъ... Онъ пошелъ въ спальню сестры...

— Ну? нетерпѣливо произнесла дѣвушка.

— Ну — и ранилъ ее...

— Да это невозможно! вскрикнула она вдруг, порывисто приподнявшись. — Говори мнѣ все, все! Всю правду! Пропшу тебя — говори! Ты развѣ не понимаешь, что такъ хуже? Ты просто убиваешь меня! Говори-же, говори!..

Павель понялъ, что отступать теперь не можетъ. Ему вдругъ сдѣлалось ясно, что она непремѣнно все отъ него выпытаетъ. Онъ почувствовалъ какое-то неодолимое отвращеніе притворяться, просто не имѣлъ для этого достаточно силъ, да и только. Будь, что будетъ, а его положеніе невыносимо и онъ не въ состояніи больше находиться въ немъ...

— Ну — да! Большое несчастіе... Проговорилъ онъ какъ-то машинально.

— Большое несчастіе? Да, что такое? Послушай! вдругъ заговорила она какъ-то скоро, сбивчиво: ты мнѣ долженъ все сказать — понимаешь-ли, все! Я этого больше не могу выносить... Я чувствую, что если ты не скажешь мнѣ все, ты меня убьешь... Я это чувствую! Понимаешь-ли? Мнѣ надо, мнѣ совершенно необходимо... Если ты не скажешь мнѣ, ты тоже будешь убійцей... Понимаешь — ты будешь моимъ убійцей...

— Да что я тебѣ скажу? проговорилъ съ отчаяніемъ молодой человѣкъ. Большое несчастіе... Очень большое!.. Вѣра скончалась...

— Скончалась? Убита!.. Имъ...

— Имъ.

— Да вѣдь это невозможно! вскричала она растерянно; — что ты мнѣ рассказываешь? Ты смѣешься надо мной... Ты шутишь! Перестань-же шутить!..

— До шутокъ-ли мнѣ теперь? мрачно взглянулъ на нее Павель.

Антонина встрѣтила этотъ взглядъ и поняла его. Она протянула руки, слабо вскрикнула и тяжело опустилась на подушки.

— Я убилъ ее!.. бросился къ ней Павелъ въ отчаяніи.

Въ это время, къ счастью, пріѣхалъ докторъ навѣстить молодую дѣвушку. Онъ успокоилъ Павла, что его сестра жива, но что у нея начинается горячка и необходимо принять самыя быстрыя, энергическія мѣры, чтобы перервать болѣзнь.

Пока хлопотали и суетились около Антонины, пріѣхалъ прокуроръ. Павелъ встрѣтилъ его совершенно разстроенный, разбитый новымъ несчастьемъ.

— Что у васъ еще случилось? спросилъ удивленный Иванъ Ильичъ: — на васъ лица нѣтъ!

— Опять большое несчастье! И въ немъ только я, я одинъ виноватъ!.. обвинилъ себя бѣдный молодой человѣкъ и разсказалъ, что случилось съ Антониной.

— Просто не понимаю, что съ ней сдѣлалось? заключилъ разсказъ Павелъ: — только что очнулась и сейчасъ про Вѣру. Какъ Вѣра, да что съ Вѣрой? Просто не дала ни вздохнуть, ни приготовиться... Я, право, совсѣмъ растерялся и не могъ выдержать...

Прокуроръ слушалъ его очень внимательно.

— Ну, ничего—что-же дѣлать? Никто какъ Богъ! Можетъ быть, оно и къ лучшему — вѣдь все равно пришлось бы сказать? Вышло такъ, слѣдовательно, и должно было такъ выйти, значить, это судьба. Ободритесь! Вѣдь докторъ надѣется перервать болѣзнь?

— Надѣяться-то онъ надѣется, да Богъ знаетъ—удастся-ли?

— А, можетъ быть, и удастся? Наконецъ, горячка еще не смерть; и отъ горячки люди выздоравливаютъ. Она-же у васъ, кажется, дѣвушка довольно сильная, не столичная кисейная барышня... Вотъ что, Павелъ Аркадьевичъ — не могу ли я видѣть доктора? На минуту! Только на одну минуту!

— Я сейчасъ пришлю его къ вамъ, направился Павелъ къ двери.

— Кромѣ того, остановилъ его прокуроръ, я попросилъ бы васъ прислать ко мнѣ камердинера покойнаго Тименова и горничную, какъ ее — Катерина, кажется?

— Сейчасъ пришло.

— Мнѣ не на долго, очень не на долго! Больше я васъ и беспокоить не буду. Понимаю, что вамъ теперь не до насъ.

Докторъ пришелъ.

— Я желалъ-бы, докторъ, обратился къ нему Иванъ Ильичъ, поговорить съ вами о дѣлѣ, объ очень важномъ дѣлѣ. Конечно, не теперь—вы слишкомъ заняты; но хотя попозже?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Когда вы будете дома?

— Въ шесть часовъ я всегда дома. А то, если вамъ угодно, я заѣду къ вамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же вамъ беспокоиться? Я пріѣду въ шесть часовъ. Дѣло-то для меня очень важное... Однако, идите, идите къ больной; я васъ не задерживаю. Кстати—какъ она?

— Ничего еще не могу сказать навѣрно, но постараюсь перервать горячку.

Докторъ ушелъ. Явились Григорій и Катя. Прокуроръ пристучилъ тогда къ производству опыта, который, повиди-~~мому~~, сильно его интере-оваль.

Приказавъ читальщику прекратить на время чтеніе, онъ повелъ обоихъ слугъ въ спальню Вѣры, велѣлъ запереть на ключъ дверь въ уборную и разговаривать сначала тихо, а потомъ громче. Самъ-же вошелъ въ комнату Антонины и сталъ у отворенной двери въ уборную. Потомъ онъ заперъ эту дверь и еще постоялъ около нея нѣкоторое время. Затѣмъ перешелъ въ будуаръ, сталъ у двери въ спальню и, приказавъ людямъ разговаривать опять тихо, приложилъ къ ней ухо. Исполнивъ все это, онъ позвалъ людей, горничную отпустилъ, а камердинеру приказалъ пройти изъ прихожей черезъ залу, въ гостиную осторожно, но не слишкомъ уже тихо; самъ же

сталъ въ комнатѣ Антонины, у запертой наглухо двери въ залу.

Окончивъ всѣ эти таинственныя для прислуги дѣйствія, Иванъ Ильичъ поручилъ Григорью кланяться Павлу Аркадѣвичу, котораго не хотѣлъ отвлекать отъ захворавшей сестры, и уѣхалъ.

Ровно въ шесть часовъ онъ вошелъ къ доктору.

— Вы меня извините, докторъ, началъ онъ, садясь въ пододвинутое ему хозяиномъ кресло, что я васъ беспокою, но дѣло, о которомъ я хочу поговорить или, вѣрнѣе, посоветоваться съ вами, очень для меня важно. Да, очень важно! заключилъ онъ съ неопредѣленно задумчивымъ выраженіемъ.

— Я васъ слушаю.

— Но, прежде чѣмъ приступить къ нему, считаю себя обязаннымъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: я желалъ-бы, чтобы все, что мы другъ другу скажемъ, осталось совершенно между нами; ну, знаете — совершенно между нами. Какъ я даю вамъ честное слово въ томъ, что никто не узнаетъ, что вы мнѣ скажете, такъ и васъ прошу сохранить въ этомъ отношеніи полную тайну. Вѣдь вы не отказываете пациенту сохранить его болѣзнь въ тайнѣ, если онъ это пожелаетъ, также и я прошу васъ о сохраненіи въ тайнѣ ~~моей~~ болѣзни. Вы не откажете?

— Не беспокойтесь; могу васъ завѣрить, что все останется между нами, серьезно сказалъ врачъ.

— Отлично! Значить, вступленіе кончено. Приступаю къ дѣлу. Я пришелъ посоветоваться съ вами на счетъ одной изъ вашихъ пациентокъ...

— Я догадываюсь о комъ, какъ-то задумчиво проговорилъ докторъ.

— И вы не ошибаетесь. Да — объ Антонинѣ Аркадѣевнѣ Невѣровой. Положеніе ея въ высшей степени меня интересуетъ и я имѣю, относительно его, предложить вамъ для рѣ-

шенія два вопроса. Первый заключается въ томъ, натурально-ли, что она упала вдругъ безъ чувствъ при извѣстїи о смерти зятя? Въ этихъ случаяхъ, насколько мнѣ извѣстно, женское горе, скажемъ даже отчаяніе, выражается больше плачемъ, рыданіями, даже можетъ быть легкимъ обморокомъ, который обозначается довольно общепринятымъ выраженіемъ „сдѣлалось дурно“. Но лишиться чувствъ, то-есть совсѣмъ, знаете, въ полномъ смыслѣ этого слова...

— Это возможно. У Антонины Аркадьевны натура нервная, впечатлительная. Ей грубо сообщаютъ объ убійствѣ близкаго человѣка, къ которому она была привязана... Сильное потрясеніе...

— Вотъ тутъ-то и вопросъ, перебилъ прокуроръ. Можно ли предполагать, что она была настолько „привязана“ къ зятю, котораго знала всего годъ съ небольшимъ, да притомъ къ человѣку, не особенно симпатичному молодой дѣвушкѣ нѣсколько романческаго характера, чтобы, узнавъ о его смерти, лишиться чувствъ такъ внезапно—по довольно мѣткому выраженію прислуги—грохнуться на полъ? Воля ваша, докторъ, это что-то не совсѣмъ понятно.

— Я съ вами отчасти согласенъ — не совсѣмъ понятно. Но если мы прибавимъ, что она при этомъ испугалась за сестру, которую очень любила... Я даже слышалъ, что она упомянула о ней...

— Здѣсь опять затрудненіе, любезный докторъ. Про сестру она упомянула, это правда, да только не послѣ того, какъ ей сказали про убійство зятя, а раньше.

— Раньше? нѣсколько удивился докторъ.

— Да, раньше. По показаніямъ людей, она спросила о сестрѣ только что отворила дверь и увидѣла передъ собою испуганныя лица прислуги. Ну, положимъ, предчувствуя, что случилось несчастіе, первая мысль ея была о сестрѣ...

— Это ясно.

— Довольно ясно, какъ-то неопредѣленно согласился Иванъ Ильичъ. Но все-таки это неестественное паденіе...

— Я могу объяснить его только слабостью ея нервовъ, можетъ быть, раздраженныхъ какими-нибудь предшествовавшими неудовольствіями или печалами. Вообще я замѣтилъ, что въ послѣднее время Антонина Аркадьевна часто бывала задумчива и грустна.

— А! Такъ вы допускаете предшествовавшія печали и раздраженные нервы?

— Не только допускаю, но даже увѣренъ, что они были разстроены. Эту увѣренность я высказываю, не основываясь единственно на ея паденіи безъ чувствъ при извѣстіи объ убійствѣ, а также и на томъ, какою я ее видѣлъ раньше.

— Хорошо-съ. Слѣдовательно, это ненатуральное, такъ сказать, романическое паденіе произошло не только отъ мгновеннаго потрясенія, произведеннаго, надо признаться, грубо сообщеннымъ фактомъ, а оно было уже раньше подготовлено состояніемъ нервовъ и, можетъ быть, знаете, эдакъ основательно подготовлено?

— Полагаю, что было подготовлено, хотя утверждать навѣрно и не могу.

— Да зачѣмъ-же утверждать навѣрно? Вѣдь у насъ съ вами не форменный анализъ, а частный разговоръ. Итакъ, первый пунктъ объясненъ — теперь перехожу ко второму, еще болѣе загадочному. Скажите, пожалуйста, возможное-ли дѣло, чтобы, даже лишившись чувствъ отъ потрясающаго извѣстія, молодая дѣвушка могла пролежать почти неподвижно, съ закрытыми глазами, безъ всякаго вопроса, весьма естественнаго при такихъ обстоятельствахъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ? Быть даже перенесенною въ другую комнату, но и при этомъ не открыть глазъ, не проронить ни слова? Это уже, согласитесь, фактъ изъ ряда вонъ выходящій!

Докторъ пристально взглянулъ на прокурора.

— Вы правду сказали, замѣтилъ онъ, что разговоръ этотъ долженъ остаться между нами...

— И останется. Конечно, ни вы, ни я не пойдѣмъ его рассказывать. Зачѣмъ? Подозрѣнія въ совершеніи преступленія на Антонину Аркадьевну быть не можетъ, про это и говорить нечего...

— О! Что касается до этого, энергически заявилъ докторъ, то я твердо убѣжденъ, даже приму присягу, что она ничего о немъ не знала до сегодняшняго утра. Она была поражена этимъ убійствомъ. Притворство съ ея стороны здѣсь немыслимо.

— Я совершенно согласенъ съ вами и опять-таки повторяю, что подозрѣніе на нее падать не можетъ. Но все-таки, совершенно по другой причинѣ, желалъ-бы знать ваше сужденіе объ ея состояніи въ теченіе сегодняшняго утра.

— Мое мнѣніе, что оно было не притворное и не могло быть притворное.

— Опять-таки — согласенъ. Я его и самъ не почитаю притворнымъ, а все-таки безъ сознанія она не была.

— То-есть въ состояніи полного безсознанія не была, но...

— Вы мнѣ позвольте, докторъ, выяснитъ вамъ это положеніе, какъ я его понимаю? Если мое опредѣленіе окажется неподходящимъ, то, пожалуйста, не церемоньтесь, скажите мнѣ прямо, что я ошибаюсь. Я не особенно самолюбивъ, да и не Богъ вѣсть какой знатокъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Итакъ, я рассуждаю слѣдующимъ образомъ: когда человѣкъ бываетъ пораженъ сильнымъ сердечнымъ горемъ, онъ впадаетъ въ какое то странное состояніе, сопровождаемое не только нравственнымъ разстройствомъ, но и физическимъ изнеможеніемъ. Тѣло ослабѣваетъ, мысли витаютъ гдѣ-то въ пространствѣ. Онъ думаетъ только о поразившемъ его несчастіи и думаетъ какъ-то беспорядочно, непослѣдовательно: то за одинъ конецъ схватится, то за другой. Онъ старается привести свои мысли въ опредѣленное направленіе... привыкнуть, такъ сказать, къ

своему новому положенію. Въ этомъ состояніи малѣйшее безпокойство ему невыносимо, онъ не можетъ видѣть людей, слышать ихъ голосъ, однимъ словомъ, ему, какъ говорятъ,— „противно смотрѣть на Божій свѣтъ“. Онъ въ это время собираетъ свои нравственные и физическія силы, чтобы вступить въ борьбу съ поразившимъ его горемъ... Такъ-ли?

— Я, право, не понимаю,—улыбнулся докторъ,—зачѣмъ вамъ мое мнѣніе въ этомъ случаѣ? Вы такъ вѣрно опредѣлили состояніе человѣка, котораго поразило большое несчастіе, что мнѣ и прибавить ничего не остается.

— Ну, все-таки, вы въ этомъ отношеніи авторитетъ... Положиться на свое единичное мнѣніе мнѣ было какъ-то неловко. И такъ, мое опредѣленіе состоянія Антонины Аркадьевны довольно вѣрно?

— Не только довольно, но, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно.

— Она безъ сознанія не была?

— Не была.

— Ей только былъ „Божій свѣтъ не милъ“ и она лежала съ закрытыми глазами, чтобы не видѣть этого Божьяго свѣта?

— Думаю, что такъ, потому-то я и предписалъ ей полный покой. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого состоянія, когда, какъ вы говорите, „Божій свѣтъ не милъ“, часто бываетъ горячка или воспаленіе мозга.

— Но надѣюсь, что этого не случится?

— Не могу еще ничего сказать. Вечеромъ навѣщу ее и тогда, можетъ быть, возможно будетъ опредѣлить.

— Вы не откажете сообщить мнѣ о результатѣ сегодня-же, любезный докторъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Вѣдь горячка сопровождается бредомъ? — какъ-то неопредѣленно проговорилъ прокуроръ.

— Сопровождается весьма часто, даже почти всегда. Но

только, — рѣшительно высказался докторъ, — бредъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ очень безсвязный и вовсе не касается главной мысли, занимавшей больного передъ болѣзною, такъ-что изъ этого источника едва-ли можно что-нибудь узнать обстоятельнаго.

— О, помилуйте! — протестовалъ Иванъ Ильичъ, — я вовсе не съ этою цѣлью спросилъ! Полагаю только, что, въ случаѣ такого несчастья, не лишнее было-бы удалить прислугу... А потомъ пойдутъ разные сплетни, да пересуды!.. Повѣрьте, докторъ, что я спросилъ о бредѣ только съ цѣлью избавить Антонину Аркадьевну отъ могущихъ случиться изъ-за него неудовольствій, а вовсе не съ какими-нибудь коварными цѣлями. Право, на насъ, бѣдныхъ блюстителей правосудія, смотреть подчасъ, какъ на какихъ-то палачей! Неужели-же и у насъ нѣтъ человѣческихъ чувствъ?

— Я вовсе не хотѣлъ васъ обидѣть, повѣрьте, — сказалъ недовольный своей неумѣстной откровенностію докторъ; — понимаю вашу цѣль и удалю прислугу, будьте покойны.

— Затѣмъ, — поднялся съ мѣста прокуроръ, — позвольте васъ поблагодарить и проститься.

Онъ взглянулъ на часы.

— Эге! Уже скоро семь часовъ, а я еще и не обѣдалъ! Вотъ что значить — служба: въ этомъ отношеніи наши профессіи очень сходны, — продолжалъ онъ, пожимая руку врача; — часто ни поѣсть, ни поспать не дадутъ во время — являйся въ данную минуту!

— Что-же дѣлать! — улыбнулся докторъ: — за то пользу человечеству приносимъ...

— Приносить-то приносимъ, только прямо противоположную: вы положительную — излѣчиваете больного, а мы отрицательную — безъ церемоніи стираемъ его съ лица земли. До свиданья!

Прокуроръ поѣхалъ домой.

IX.

Пообѣдавъ, Иванъ Ильичъ сѣлъ за письменный столъ, по обыкновенію, передъ стаканомъ чаю и долго, сосредоточенно что-то обдумывалъ и соображалъ. Видимо, онъ былъ недоволенъ, и это неудовольствіе ясно выражалось на его лицѣ. Временами онъ нервно поправлялъ очки и барабанилъ пальцами по столу.

Пришелъ Крыловичъ. Прокуроръ встрѣтилъ его особенно радушно и крѣпко пожалъ ему руку. Молодой слѣдователь былъ очень печаленъ.

— Ну что, успѣшны-ли ваши походы?—началъ Иванъ Ильичъ.

— Совершенно безуспѣшны. На почтѣ рылись въ разныхъ книгахъ, въ безчисленномъ множествѣ журналовъ и ровно ничего не нашли. Тименевъ въ послѣднее время никому не посылалъ денегъ и ни отъ кого ничего не получалъ. Извѣщеніе отдалъ напечатать.

— Конечно и „туда“ заѣзжали?

— Заѣзжалъ. Бѣдная Антонина Аркадьевна очень больна. Павелъ не выдержалъ и все ей сказалъ... Говорять, у нея сдѣлалась горячка...

— Ну, гдѣ-же ему было выдержать, да еще такую неловкую роль? И самъ-то онъ сильно разстроенъ. Вѣдь тоже — какъ хотите — сестру убили!

— Я его и не обвиняю, а все-же хорошаго тутъ мало. Такая болѣзнь, какъ горячка...

— Горячки-то еще нѣтъ. Докторъ мнѣ говорилъ, что надѣется перервать. Богъ милостивъ! Можетъ быть, все кончится благополучно.

— Вы тамъ тоже были? нѣсколько удивился Крыловичъ.

— Да, заѣзжалъ... А вы обѣдали?

— Нѣтъ, не успѣлъ. Признаюсь, и ѣсть какъ-то не хочется... Я съ утра еще не могу успокоиться. При томъ-же...

— Знаю, знаю вашъ характеръ, перебилъ Иванъ Ильичъ. Молодой человѣкъ горячій, нетерпѣливый... Все хочется сейчасъ, да поскорѣй... Ну, садитесь, выпейте стаканчикъ чаю, непременно выпейте...

Прокуроръ какъ будто уклонялся начать разговоръ, тотъ рѣшительный разговоръ, котораго жаждалъ Крыловичъ. Его нетерпѣніе и беспокойство достигли послѣднихъ предѣловъ.

— Этотъ напитокъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ, наливая стаканъ, обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: онъ не только утоляетъ жажду, но питаетъ, положительно питаетъ. Человѣкъ можетъ долго прожить на одномъ чаю, увѣряю васъ. А когда занять чѣмъ-нибудь серьезнымъ, голова работаетъ, устаютъ... глотка два чаю и готово — мысли опять просвѣтлѣли, утомленіе какъ рукой сняло. Я, знаете, крѣпкихъ напитковъ не употребляю, но безъ чаю совсѣмъ не могу обойтись. Если бы у меня его отняли, я, право, пожалуй-бы умеръ, какъ пьяница, вдругъ лишенный водки. Онъ для меня та-же водка... Драгоценный напитокъ!

Такая необыкновенная въ характерѣ прокурора словоохотливость на счетъ совершенно посторонняго предмета, достоинствъ чая, удивила Крыловича. Онъ еще больше сталъ тревожиться: вѣрно, есть что-нибудь очень важное, если самъ Иванъ Ильичъ, видимо, вышелъ изъ своего обычнаго, спокойнаго состоянія.

— Вы хотѣли окончить сегодняшній нашъ разговоръ и высказать мнѣ ваши соображенія по убійству, проговорилъ

онъ нерѣшительно, какъ бы боясь приступить къ дѣлу. При-
знаюсь вамъ откровенно, Иванъ Ильичъ, мое состояніе, послѣ
сказаннаго вами утромъ, настолько тревожно и тяжело, что
очень хотѣлось-бы покончить все это.

— Вы торопитесь продолжать наше утреннее разслѣдо-
ваніе? Извольте — будемъ продолжать, рѣшилъ прокуроръ. Мы
остановились на розыскѣ преступника и начали безконечную,
совершенно бесполезную характеристику знакомыхъ Тиме-
нева. Посмотримъ-же сначала поближе на живущихъ въ
домѣ...

— На живущихъ въ домѣ? видимо смутился Крыловичъ.

— Конечно. Вѣдь не одни-же убитые въ немъ жили?

— Неужели вы думаете, что прислуга...

— Прислуга? Ну, по моему мнѣнію, разговоръ о при-
слугѣ будетъ тоже праздный, потому что прислуга — тутъ не
причемъ. Впрочемъ, для систематическаго разслѣдованія,
такъ сказать, для полноты дѣла, займемся прислугой. На пер-
вомъ планѣ является камердинеръ, Григорій, кажется. По-
ложимъ, онъ могъ пуститься на убійство своего барина, но
зачѣмъ-же онъ барыню-то убилъ? Хотя онъ и не одобрялъ
ея поведенія относительно желанія имѣть отдѣльную спальню,
но за этотъ, по его выраженію, „непорядокъ“ — убить жен-
щину, это уже слишкомъ строго. Наконецъ, что-то очень
хитро: убить, да самому въ полицію дать знать — совсѣмъ
даже невѣроятно. Далѣе слѣдуетъ горничная Катерина, очень
недурненькая дѣвушка, но весьма простоватая. Хоть и суб-
ретка, но доморощенная; еще не наметалась. Со временемъ,
впрочемъ, можетъ выйти пикантный сюжетъ. У этой не могло
хватить силы, то-есть, простой физической силы, чтобы убить,
да еще задушить. На это, пожалуй, и моей силы не хва-
тило-бы. Затѣмъ кучеръ, настоящій деревенскій парень. Его
дома не было, онъ весь вечеръ пробылъ у театра, гдѣ имѣлъ
время на свободѣ составить планъ дѣйствій, если-бы у него

на это хватило соображенія, въ чемъ позволительно сомнѣваться. По возвращеніи-же домой, онъ занялся уборкою лошадей и положительно не имѣлъ возможности забраться незамѣтно въ спальню. Дворникъ добрый русскій мужикъ. Этотъ-то пожалуй обладаетъ достаточной силой, чтобы задушить успѣшно, но съ какою-же цѣлью? Про остальныхъ двухъ бабъ и поминать нечего — совсѣмъ неподходящія. Наконецъ, общее заключеніе: еслибы преступленіе совершила прислуга, то не-премѣнно былъ-бы грабежъ. Всенепремѣнно. Притомъ-же, если-бы убійца былъ изъ прислуги, то развѣ сталъ-бы онъ ждать полицію, да мало того—самъ за ней бѣгать? Онъ былъ-бы сегодня утромъ уже далеко отъ города, а если и близко, то мертвецки пьянъ. Это обыкновенное, ближайшее слѣдствіе преступленія, совершеннаго простымъ человѣкомъ, и оно исполнѣ понятно — забыться надо! Скорѣе можно было-бы подозревать прислугу въ соучастіи, но, по выясненной нами утромъ процедурѣ преступленія, убійца въ этомъ соучастіи не нуждался. Зачѣмъ ему было довѣрять свой замыселъ, да еще кому: простымъ людямъ, которые на первомъ-же допросѣ неминуемо проболтаются? И такъ, окончательное заключеніе: прислуга въ убійствѣ не принимала никакого участія.

— Но если такъ, то...

— Позвольте! Въ домѣ была не только прислуга.

— Какъ? Вы можете подозревать Антонину Аркадьевну? разразился вдругъ Крыловичъ, давно ждавшій и чувствовавшій приближеніе этой трудной для него минуты. Подозрѣвать эту благородную дѣвушку, которую я знаю, говорю вамъ — лучше себя знаю? Да я готовъ принять какую угодно присягу, что она тутъ не причемъ! Такое честное, невинное созданіе могло совершить гнусное убійство? И зачѣмъ? Для чего? Да возьмите хоть фактическую сторону дѣла: какъ она была поражена, когда услышала о преступленіи? Развѣ возможно такъ притворяться не только невинной дѣвушкой, но

даже самому закоренѣлому злодѣю? Наконецъ, у нея не хватило бы силы, простой физической силы, какъ вы сами выразились, чтобы задушить! О, это просто ужасно!

— Но позвольте! спокойно проговорилъ прокуроръ, когда этотъ горячій, неудержимый порывъ сердца вдругъ оборвался и молодой человѣкъ, совсѣмъ обезсиленный, упалъ на диванъ; позвольте! Кто-же ее обвиняетъ въ убійствѣ?

— Вы выразили подозрѣніе!

— Успокойтесь, Михаилъ Алексѣевичъ, прошу васъ — успокойтесь! Неужели-же я, человѣкъ уже старый, смѣю сказать — довольно опытный въ судебныхъ дѣлахъ, рѣшусь выразить такую ребяческую мысль, какъ подозрѣніе этой молодой дѣвушки въ убійствѣ? Мысль даже совершенно нелѣпую съ фактической стороны? За кого-же вы меня принимаете?

— Тогда зачѣмъ-же, проговорилъ нѣсколько успокоившійся Крыловичъ, примѣшивать ея имя къ этому отвратительному дѣлу?

— Да какъ-же не примѣшивать? Помилуйте, какъ-же не примѣшивать? Она одна была въ домѣ въ то время, когда совершилось преступленіе; вѣдь могла-же она чтонибудь замѣтить?

— Если бы она чтонибудь слышала или замѣтила, неужели вы думаете, что это не было-бы намъ уже давно извѣстно?

— Михаилъ Алексѣевичъ! вдругъ поднялъ голову прокуроръ, — сознайтесь: вы равнодушны къ Антонинѣ Аркадьевнѣ? Скажу даже — больше, чѣмъ равнодушны, вы ее любите?..

— Если бы я даже любилъ ее, смутился молодой слѣдователь, что-же изъ этого?

— Нѣтъ, сознайтесь, любите? Впрочемъ, ваше сознание тутъ не приче́мъ, я и безъ него понялъ вашу любовь и понималъ также, что это любовь глубокая, беззаветная...

Крыловичъ опустилъ голову.

— Я угадалъ — это вѣрно. Теперь вы понимаете, почему я сказалъ вамъ утромъ, что вы будете плохимъ слѣдователемъ въ этомъ дѣлѣ, что вы будете пристрастны? Я вамъ сказалъ также, что вы можете ретироваться...

— Если только дѣло коснется Антонины Аркадьевны, то я...

— Погодите! Вы ретируетесь — пусть будетъ такъ, но только ретируетесь — когда мы кончимъ нашъ разговоръ. Я обѣщалъ показать вамъ построенное мною зданіе и покажу его. Имя убійцы мнѣ неизвѣстно, но я нашелъ дорогу, которая меня къ нему приведетъ.

— Рѣшительно не понимаю! пробормоталъ Крыловичъ.

Нѣсколько секундъ оба молчали.

— Я къ вамъ обращаюсь только съ однимъ вопросомъ, Михаилъ Алексѣевичъ, рѣшительно продолжалъ прокуроръ: но съ важнымъ, бесконечно важнымъ вопросомъ. Вы должны обѣщать мнѣ, что отвѣтите откровенно, то-есть въ полномъ смыслѣ слова откровенно. Можетъ быть, этотъ вопросъ будетъ для васъ очень тяжелъ, но мы одни и никто никогда не узнаетъ ни одного слова изъ нашего разговора — клянусь вамъ! Отвѣтите-ли вы на мой вопросъ?

— Спрашивайте, опустилъ голову молодой человѣкъ, отвѣчу...

— Вопросъ, повторяю, тяжелый: любить-ли васъ Антонина Аркадьевна?

— То-есть, какъ — любить-ли? проговорилъ какъ-то нерѣшительно слѣдователь.

— То-есть такъ, просто, любить-ли она васъ?

— Я всегда пользовался довѣріемъ, расположеніемъ Антонины Аркадьевны...

— Да не о довѣрії или расположеніи идетъ рѣчь. Вы очень хорошо понимаете, Михаилъ Алексѣевичъ, про какую любовь я говорю. Зачѣмъ-же мы будемъ вертѣться вокругъ

вопроса? Довѣріе — довѣріемъ, а существуетъ-ли такая любовь, ну, такая... Очень вы хорошо понимаете!..

— Но я никогда не спрашивалъ, не объяснялся...

— Да что-же тутъ спрашивать? О чемъ объясняться? Развѣ трудно это видѣть и безъ объясненій? Особенно вамъ, который любить ее уже давно и любить такъ, какъ вы? Полноте, не избѣгайте вопроса, онъ очень, понимаете-ли, очень важенъ. Будьте откровенны! Причемъ тутъ самолюбіе? Развѣ не сплошь да рядомъ женщина проходитъ мимо честной, безкорыстной любви, пренебрегая ею, и отдается страсти, которая, кромѣ мученій, ничего ей не доставитъ? Скажите же, отвѣтите на мой вопросъ: любить ли васъ Антонина Аркадьевна любовью женщины?

— Нѣтъ, не любить... прошепталъ молодой человѣкъ, опустивъ голову,

— Ну, такъ и есть! Иначе и быть не могло.

— Но отчего-же, ради Бога? Что вы подозреваете?

— Что я подозреваю? Да я вовсе не подозреваю, я увѣренъ... Вполнѣ, твердо увѣренъ.

— Но въ чемъ-же, въ чемъ?

— Рѣзать васъ? какъ-то печально проговорилъ Иванъ Ильичъ: рѣзать также, какъ зарѣзали Тименева, только нравственно? Вы этого непремѣнно хотите?

— Рѣжьте—все равно! Говорите только, умоляю васъ, что такое? Въ чемъ вы увѣрены?

— Въ томъ, твердо сказалъ прокуроръ, что если мы узнаемъ, кого любить Антонина Аркадьевна, то узнаемъ имя убійцы Тименевыхъ.

Бѣднаго Крыловича прежде всего, сильнѣе всего поразила мысль, что боготворимая имъ дѣвушка любить другого. Мысль, которая ему уже являлась... Человѣкъ всегда былъ и всегда останется эгоистомъ!

— Она кого-нибудь любить? Это невозможно! вскричалъ онъ.

— Невозможно? Нѣтъ-съ, не только возможно, но даже вѣрно. Взгляните на ея поведеніе—я его разобралъ вполнѣ и нахожу, что оно совершенно просто. Она знаетъ, что у сестры въ комнатѣ кто-то есть, она слышитъ голоса, а что слышитъ, это несомнѣнно—я самъ убѣдился лично, и узнаетъ голосъ любимаго ею человѣка. Подслушивать она не можетъ, вся любовь ея возмущается, она боится за себя, за нихъ, бѣжитъ дальше отъ этого голоса и мучится на своей постелѣ всю ночь. Утромъ, понятно, при видѣ испуганныхъ лицъ людей, первый вопросъ ея о сестрѣ—въ отвѣтъ ей бухаютъ про убійство. Она соображаетъ и ясно видитъ, что тотъ человѣкъ, который былъ у Вѣры, убилъ передъ этимъ Тименева. Она даже, можетъ быть, слышала его шаги черезъ залу... что тоже возможно въ ночной тишинѣ. Слѣдовательно, любимый ею человѣкъ—убійца! Она поражена и падаетъ безъ чувствъ. Прийдя въ себя, она чувствуетъ какое-то изнеможеніе, она не въ состояніи видѣть никого, ни съ кѣмъ говорить, положеніе, тоже мною вполнѣ выясненное. Ей нужно рѣшиться. Открыть-ли убійцу, котораго она знаетъ? Она лежитъ молча, съ закрытыми глазами, думаетъ, долго думаетъ и, наконецъ, рѣшается молчать, потому что любить его—и какъ еще любить!

— Но это ужасно!

— Слушайте дальше. Вдругъ мысль ея переносится къ сестрѣ. Она соображаетъ, что Вѣра утромъ услышала о совершенномъ преступленіи, узнала, что человѣкъ, бывшій у нея, убилъ ея мужа. Что она сдѣлала? Какъ она поступила? Первый вопросъ опять-таки о сестрѣ, но, на этотъ разъ, вопросъ рѣшительный, упорный, такъ какъ оставаться дольше въ неизвѣстности ей невыносимо. Тутъ она узнаетъ, что сестра тоже убита. Это переполняетъ чашу—съ ней начинается горячка. Если болѣзнь возьметъ верхъ, то случится одно изъ двухъ: или она умретъ, или выздоровѣетъ. Пусть лучше уми-

раетъ... Если-же выздоровѣть, то какое будетъ ея положеніе? Вы очень краснорѣчиво и подробно описали мнѣ характеръ Антонины Аркадьевны, и я убѣжденъ, что разъ она полюбила, такъ полюбила на всю жизнь. И кого-же она полюбила? Убійцу! Да мало того—убійцу сестры! Что возьметъ верхъ: долгъ и любовь къ сестрѣ или любовь къ „нему“, къ тому, который ее убилъ? По моему убѣжденію любовь къ „нему“ побѣдитъ—она будетъ молчать. Но что она будетъ чувствовать, что она будетъ испытывать, встрѣчаясь съ нимъ, такъ какъ онъ знакомъ въ домѣ. Какое будетъ ея положеніе—невольной участницы двойного убійства? Если я позволю себѣ сравненіе, можетъ быть, неудачное, но, по моему мнѣнію, довольно подходящее, то скажу, что несчастная дѣвушка стоитъ передъ Медузой, охватившей ее своими страшными руками—змѣями, передъ чудовищной картиной убійства родной сестры любимымъ человѣкомъ! Долго-ли она выдержать это положеніе и какъ его выдержать—трудно рѣшить. Увидимъ.

Совсѣмъ растерянный, убитый Крыловичъ сидѣлъ неподвижно, какъ-то опустившись всѣмъ тѣломъ впередъ. Наступило молчаніе.

— Но что-же теперь намъ дѣлать? Какъ поступить? пробормоталъ, наконецъ, несчастный молодой человѣкъ. Неужели вы ее арестуете?

— Что вы? Да развѣ это возможно? Развѣ мыслимо подозрѣвать ее въ совершеніи убійства или даже въ соучастіи? Она только узнала преступника, но ни на какомъ допросѣ, ни на какой пыткѣ его не назоветъ. Это вѣрно.

— Такъ что-же дѣлать?

— Что дѣлать? Узнать имя, которое Антонина Аркадьевна рѣшилась скрыть, имя того, кого она такъ сильно и безнадежно любить. Только такимъ способомъ возможно открыть убійцу, а это нашъ долгъ.

Х.

Алинскіе жили въ одной изъ отдаленныхъ, пустынныхъ улицъ на самомъ краю города. Улица эта принадлежала къ числу тѣхъ, которыя никогда не имѣли названія, а если и имѣли, то оно давно уже испарилось изъ памяти ея обитателей. Дома въ ней были деревянные, одноэтажные, большею частію очень ветхіе, отдѣлявшіеся одинъ отъ другого длинными заборами. На улицѣ виднѣлся всего одинъ подъѣздъ — дверь мелочной лавочки, щедро украшенная самыми разнообразными объявленіями, преимущественно табачныхъ фабрикъ; вообще же для выхода на улицу во всеобщемъ употребленіи были ворота. Появленіе извозчика въ этой улицѣ считалось событіемъ довольно рѣдкимъ, а собственный экипажъ, случайно туда забравшійся, производилъ всеобщую „сенсацию“. Весною и осенью, когда вообще всѣ улицы русскіихъ городовъ, не только скромныя и отдаленныя, но большія и людныя, покрываются обильною, неудобопроходимую грязью, кварталы ея обращались въ неприступныя крѣпости, окруженныя неодолимыми преградами въ видѣ болотъ грязи и безконечныхъ лужъ — цѣлыхъ морей въ миниатюрѣ. Пробраться благополучно въ домъ или выбраться изъ него представлялось трудною, часто невозможною задачею. Нечего и говорить, что улица была дѣйствительно относительно мостовой, а украшавшіе ее „для удобства пѣшеходовъ“, деревянные мостки представляли серьезную опасность для тѣхъ несчастныхъ, кого злая судьба обрекала на необходимость путешествовать по нимъ тем-

ною, безлунною ночью. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ улицъ, которымъ долго еще придется ожидать какого-либо примѣненія на практикѣ усовершенствованій современной цивилизаціи, а, можетъ быть, и до скончанія вѣка оставаться при однихъ ожиданіяхъ.

На дворѣ одного изъ домовъ, въ старомъ деревянномъ флигелѣ, состоявшемъ изъ трехъ маленькихъ комнатъ и кухни, помѣщалась Надежда Ивановна съ сыномъ и дочерью.

Покойный Алинскій занималъ порядочное мѣсто въ частномъ учрежденіи. Человѣкъ смирный, честный и трудолюбивый, онъ получалъ значительное содержаніе, и семейство жило не только безбѣдно, но даже весьма прилично. Онъ имѣлъ возможность опредѣлить сына въ мужскую, а потомъ дочь въ женскую гимназію города К. Такимъ образомъ дѣла, казалось, шли хорошо, но несчастный случай все погубилъ: только что сынъ, прекрасно окончивъ гимназическій курсъ, перешелъ въ университетъ, Алинскій отецъ сильно захворалъ.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ частной службы Алинскаго, хотя и хорошо оплачиваемой, заключался въ ея неумолимости къ человѣческимъ недугамъ и вообще ко всѣмъ уклоненіямъ отъ работы, происходившимъ даже по самымъ законнымъ, основательнымъ причинамъ. Такъ, на примѣръ, за продолжительною болѣзнію неминуемо слѣдовали вычеты изъ жалованья и даже угрозы лишеніемъ мѣста и замѣною другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что охотниковъ и претендентовъ на его мѣсто было много. Они какъ стая коршуновъ слетѣлись-бы, почувавъ возможность пристроиться на открывающуюся вакансію. Были также протекціи и вліянія... Дѣло безъ работника стоять не могло, а временнымъ работникомъ на чужомъ мѣстѣ никто не хотѣлъ быть. Кромѣ того, частная служба Алинскаго не давала обезпеченія въ будущемъ ни самому служащему, ни его семьѣ. Служилъ, служилъ человѣкъ, а какъ силы начинаютъ измѣняться, служить не въ моготу и при-

ходится уходить, такъ извольте получить единовременное пособие и — съ Богомъ! Хорошо еще если и единовременнымъ-то удостоивали, а то просто одною „искренней благодарностью“ утѣшали... Другой служащій на мѣстѣ Алинскаго, въ виду своего необезпеченнаго будущаго, наровиль-бы за-благовременно самъ позаботиться о себѣ и сколотить копѣйку на черный день, частію изъ значительнаго получаемата содержанія, а частію другими, болѣе или менѣе нелегальными способами. Нынѣ пришли къ убѣжденію, что заботиться о себѣ сродно человѣческой природѣ, почему трудно ожидать отъ обыденнаго смертнаго геройства и самоотверженія стойческаго мудреца.

Алинскій нелегально о своемъ будущемъ благосостояніи не заботился, а получаемое содержаніе какъ-то всегда тратилось, такъ что когда онъ захворалъ и получилъ единовременное пособие съ „благодарностью“, то попалъ въ очень затруднительное положеніе. Можетъ быть, такой честный, хорошій работникъ и нашелъ-бы возможность поправить дѣла, если бы выздоровѣлъ, но этого не случилось: болѣзнь свела его въ могилу.

Надежда Ивановна осталась вдовою безъ всякихъ средствъ къ жизни. Пришлось работать — и тяжело было работать непривычными руками! Но что-же дѣлать-то? Нужда всему научить. Кое-какъ перебивались... Мать и дочь занимались шитьемъ, а сынъ колесилъ по городу по урокамъ за самую ничтожную плату. Хорошо еще, что онъ познакомился и по-дружился въ университетѣ съ Павломъ Невѣровымъ.

Невѣровы, люди со средствами и добрые, помогали Алинскимъ, доставляя имъ работу, которую щедро оплачивали. Кромѣ того они приглашали всю семью каждое лѣто гостить къ себѣ въ имѣніе, такъ что четыре мѣсяца въ году, а иногда и больше, Алинскіе жили на всемъ готовомъ. Можетъ быть, они пригласили-бы мать съ дочерью и совсѣмъ переселиться

въ деревню, но подобное предложеніе не вполнѣ согласовалось съ характерами благодѣтельствуемыхъ ими лицъ, о которыхъ скажемъ кстати нѣсколько словъ.

Надежда Ивановна была женщина добрая, даже очень добрая, но безхарактерная и большая эгоистка. Эгоизмъ ея особенно проявлялся въ характерѣ любви ея къ мужу и къ дѣтямъ. Она ихъ очень любила, но по своему: любила тиранически. Она какъ будто воображала, что знаетъ и понимаетъ ихъ лучше, чѣмъ сами они себя знаютъ и понимаютъ, и приписывала имъ законы „для ихъ пользы“, воображая, что это для нихъ совершенно необходимо. Если они пробовали возставать противъ ея требованій и рѣшеній, то она вступала въ горячій споръ, оканчивавшійся обыкновенно тѣмъ, что ей, наконецъ, уступали, хотя мысленно невольно говорили: „Ахъ ты Господи! Вѣдь не отстанеть... Ну тебя совѣмъ!“ Она-же была твердо увѣрена, что уступка произошла оттого, что они убѣдились въ глубокой логикѣ ея доказательствъ, убѣдились въ томъ, что она знаетъ и понимаетъ ихъ пользу лучше ихъ самихъ, почему вполнѣ благоразумно послѣдовали ея совѣту.

Подобная тираническая любовь бываетъ иногда невыносима даже въ пустякахъ. Напримѣръ: мужъ уходитъ со двора, жена требуетъ, чтобы онъ надѣлъ кашнэ. „Ты простудишься! Ты непременно простудишься! Пожалуйста надѣнь! Какъ можно? Можешь схватить тифъ, дифтеритъ... Не упрямясь! Умоляю тебя — надѣнь! Вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю! Если ты умрешь — и я умру!“ Такой рѣшительный оборотъ рѣчи служить для болѣе нагляднаго доказательства. „Надѣнь, милочка!“ Мужъ, махнувъ рукой, надѣваетъ кашнэ. На улицѣ ему невыносимо жарко — онъ развязываетъ злополучный шарфъ и получаетъ хотя, положимъ, не тифъ или дифтеритъ, но, во всякомъ случаѣ, насморкъ и кашель. Хорошо еще, если тиранія проявляется только въ пустякахъ —

это поль-горя, а то часто и въ важныхъ дѣлахъ несчастный смертный, осаждаемый подобною любовью и преслѣдованіями, часто сопровождаемыми горькими слезами, поступаетъ, махнувъ рукой, противъ своего желанія, а иногда даже противъ здраваго смысла. Что тутъ подѣлаешь? Вода и камень точить. Женскія слезы та-же вода, а человѣкъ не камень, его легче проточить...

Мало-по-малу человѣкъ привыкаетъ къ этой тираніи и, въ большинствѣ случаевъ, подчиняется ей, хотя и прилагаетъ всѣ старанія, чтобы избѣгать случаевъ ея проявленія. Если-же онъ сопротивляется, то происходитъ борьба, имѣющая часто печальныя послѣдствія: ссоры, брань, крики и все за сими дѣйствіями слѣдующее, потому что люди, обладающіе тираническою любовью, отличаются безхарактерностію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непобѣдимымъ упрямствомъ. Они мучаются, страдаютъ и предаются отчаянію, что ихъ не понимаютъ и не слушаютъ. Но, при всемъ томъ, слѣдуетъ отдать имъ справедливость, что они добраго нрава и если дѣйствуютъ такъ, то по чистосердечному убѣжденію, что ихъ долгъ сдѣлать любимому человѣку пользу „даже противъ его воли“, если онъ самъ пользы этой не понимаетъ и не признаетъ.

Кромѣ этой способности любить тиранически, Надежда Ивановна отличалась еще нѣкоторою щекотливостію даже въ мелочахъ. При жизни мужа она жила прилично, имѣла порядочное положеніе въ обществѣ и теперь страдала отъ мысли, что, когда очутилась въ бѣдности, къ ней не будутъ относиться съ тѣмъ уваженіемъ и внимательностію, какъ во времена ея благополучія. Отчасти она была права. Правда, люди истинно порядочные, обладающіе врожденной деликатностію, отличаются особенной чуткостью въ этомъ отношеніи. Они съ бѣднымъ и вообще съ человѣкомъ низшимъ по положенію обращаются мягко, даже, можетъ быть, мягче, чѣмъ съ богатымъ

или равнымъ себѣ, но даже и эта, нѣсколько натянутая, мягкость болѣзненно отзывается въ сердцѣ бѣдняка и напоминаетъ ему неравенство положеній. „Они со мною именно потому такъ любезны, думаетъ онъ, что имъ меня жалъ и они боятся меня обидѣть“. Подобная мысль очень тяжела и горька, особенно для самолюбиваго человѣка. Подчасъ онъ, пожалуй, предпочелъ-бы грубость, но откровенную. Въ этомъ отношеніи необходимо умѣть держаться золотой середины. А какъ ея держаться? Умѣнье это дается далеко не многимъ.

Лизѣ Алинской недавно минуло пятнадцать лѣтъ. Это была дѣвушка тихая, скромная и необыкновенно развитая для своего возраста. Въ гимназій пробыла она недолго: когда отецъ умеръ, ее взяли, потому что не было средствъ платить. Братъ училъ ее насколько хватало времени, развивалъ ее сколько могъ и сообщалъ ей свои мысли и взгляды. Результатомъ этого явилась между ними кромѣ братской привязанности еще тѣсная, искренняя дружба. Лиза обожала Всеволода и какъ брата, и какъ друга, и какъ наставника.

Постоянно работая вмѣстѣ съ матерью, лишенная общества дѣвочекъ своего возраста, хотя пріятнаго, но часто пагубнаго для пылкаго, увлекающагося юношескаго воображенія, Лиза не видѣла соблазновъ, жила простою, трудовою жизнью и общалась быть со временемъ той свѣтлой, дѣвственно-прелестной дѣвушкой, которая, сдѣлавшись женою и матерью, составляетъ гордость и украшеніе разумнаго цивилизованнаго общества. Такія дѣвушки, съ молодости понявшія и усвоившія себѣ назначеніе женщины въ серьезномъ значеніи этого слова, не увлекаются специально-высшимъ образованіемъ, не кричатъ о гражданскихъ правахъ женщины, не заботятся о томъ, чтобы приравнять себя къ мужчинамъ въ исполненіи общественныхъ должностей, потому что сознаютъ, что никакое общественное положеніе не можетъ быть выше положенія жены и матери и что всѣ другія обязанности и стремленія должны передъ нимъ пе-

чезнуть. Это, безъ сомнѣнія, самое высокое положеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Подобная женщина, другъ своего мужа, идеаль своихъ дѣтей, настоящая глава своего дома, всегда будетъ занимать первое мѣсто и у семейнаго очага, и въ обществѣ. Она любитъ своихъ близкихъ не для себя, а для нихъ, почему будетъ также любима ими. Иначе и быть не можетъ. Какой-бы ни былъ ея мужъ, онъ непремѣнно кончитъ тѣмъ, что будетъ отъ души уважать ее и любить не пустою, скоро проходящею любовью, называемою „влюбленностію“, а истинною, глубокою любовью, которая проходитъ только вмѣстѣ съ жизнію. Такія женщины, идеалы семейной жизни, въ наше время встрѣчаются не часто и, должно сказать правду, общество окружаетъ ихъ полнымъ уваженіемъ: оно всегда, всюду отдаетъ имъ первое мѣсто. Въ ихъ рукахъ и настоящее положеніе общества—мужья и его будущее—дѣти.

Единственная дѣвушка, заслужившая расположеніе нѣсколько холодной въ обращеніи съ посторонними и скупой на сердечныя изліянія Лизы была Антонина Аркадьевна Невѣрова. Отчасти произошло это оттого, что онѣ, проведя три лѣта вмѣстѣ, могли узнать и оцѣнить другъ друга. Оцѣнка была благопріятна для обѣихъ—онѣ сошлись, хотя и не совсѣмъ подходили одна къ другой по возрасту. Но Лиза по характеру и развитію была гораздо старше своихъ лѣтъ, пожалуй, даже старше самой Антонины Аркадьевны, хотя разумной, но нѣсколько романтической дѣвушки. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что дружба ихъ была совершенно обыденная: никакихъ тайнъ и секретовъ не повѣрялось, никакихъ мечтаній не сообщалось—едва-ли они и были у Лизы Алинской—просто молодыя дѣвушки любили быть одна у другой, гулять и проводить время вмѣстѣ. Со стороны Лизы, это была чистая, нѣжная потребность женскаго сердца привязаться къ кому-нибудь и этой потребности совершенно удовлетворяла хорошень-

кая, скромная Антонина; со стороны-же послѣдней были и нѣкоторыя другія причины.

Вѣра Аркадьевна, по возвращеніи домой изъ учебнаго заведенія, обратила мало вниманія на Лизу. Она, конечно, первымъ долгомъ осмотрѣла ея наружность и нашла, что она „такъ себѣ“. Дѣйствительно, хотя у Лизы были прелестные, каріе глаза, но выраженіе ихъ было нѣсколько серьезное, а черты лица были неправильны; вообще-же блѣдная, худая и болѣзненная на видъ, хорошенькою она назваться не могла. По лѣтамъ и характеру она также не соотвѣтствовала блестящей барышнѣ, почему онѣ были довольно далеки одна съ другой. Вѣра, дѣвушка добрая, но вѣтренная, обращалась съ Лизой хотя и ласково, но небрежно, а Лиза была не изъ такихъ, чтобы сдѣлать первый шагъ, да и охоты къ тому не имѣла, потому что съ своей стороны замѣтила, что Вѣра Аркадьевна къ ней по характеру не подходитъ. Впрочемъ, Вѣра едва-ли могла подходить къ какой-нибудь даже взрослой дѣвушкѣ: прекрасный полъ, вообще, относился къ ней съ нѣкоторою завистью и недоброжелательствомъ, а она со всѣми была въ одинаковыхъ отношеніяхъ „та сдѣге“. Главною ареною ея дѣйствій былъ прекрасный полъ.

Братъ Лизы, Всеволодъ Александровичъ, походилъ на нее какъ физически, такъ и нравственно. Онъ былъ очень серьезенъ и строгъ въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и людей. Главною, отличительною чертою его характера было огромное самолюбіе и щекотливость, доходившая до болѣзненности. Встрѣчается много людей, у которыхъ, подобно Алинскому, выдающимся свойствомъ является самолюбіе; оно руководить ими и служить основаніемъ ихъ взглядовъ и поступковъ. Въ молодости они хорошо учатся, работаютъ неутомимо, просиживаютъ ночи надъ науками, не потому, что увлекаются ими и находятъ удовольствіе ихъ изучать, а изъ самолюбія, чтобы на экзаменахъ знать не только столько-же, сколько другіе, но

больше другихъ. По окончаніи образованія, какую-бы карьеру они себѣ ни намѣтили, они, что называется, лѣзутъ изъ кожи, чтобы выдѣлиться, чтобы отличиться, и главнымъ факторомъ ихъ дѣятельности и стараній опять-таки является самолюбіе. Въ большинствѣ случаевъ они бываютъ честны и благородны, даже до щепетильности, потому что не могутъ вынести мысли, что кто-нибудь не только можетъ обвинить ихъ въ неблаговидномъ поступкѣ, но даже считать ихъ способными его сдѣлать. Они дорожатъ мнѣніемъ не только свѣта или людей своей среды, но мнѣніемъ всѣхъ и каждого. Если, напримѣръ, имъ покажется, что встрѣченная на улицѣ совершенно незнакомая личность посмотрѣла на нихъ косо или насмѣшливо, они сейчасъ смутятся, покраснѣютъ и будутъ нѣкоторое время мучиться мыслью, что именно она могла найти въ нихъ дурного или смѣшного? Особенно для нихъ страшно смѣшное — пусть ужъ лучше будетъ дурное. Рѣдко они способны съ кѣмъ-нибудь близко сойтись или подружиться, ни въ заведеніи, гдѣ получаютъ образованіе, ни въ дальнѣйшей жизни и это вполне понятно: сообщить кому-бы то ни было откровенно задушевную мысль, если она можетъ набросить на нихъ хотя малѣйшую тѣнь или подать поводъ къ насмѣшкѣ, для нихъ слишкомъ тяжело, даже невозможно. Если они съ кѣмъ-нибудь и познакомятся короче, то будутъ только повѣренными его секретовъ, а сами никогда не выскажутся. У такихъ людей душа никогда не бываетъ на распашку. Конечно, есть исключенія, можно встрѣтить и откровенно-самолюбиваго человѣка, но такіе попадаются рѣдко. Большинство принадлежитъ къ описываемой категоріи, хотя, конечно, никто въ томъ не сознается, и не сознается, опять-таки, весьма понятно, потому, что такой характеръ далеко не можетъ быть названъ совершенствомъ, а слѣдовательно и сознаніе неудобно.

Щекотливость во всемъ, даже въ мелочахъ, необходимо должна соединяться съ такимъ самолюбіемъ, а если еще че-

ловѣкъ бѣденъ, такъ сказать, приниженъ судьбою, то щекотливости этой является полный просторъ и она развивается до болѣзненности. Хотя онъ ничего не сдѣлалъ дурного, а только бѣденъ, но твердо помнить, что бѣдность въ глазахъ свѣта большой порокъ и ему какъ будто стыдно смотрѣть на людей. Понимая, какъ легко его обидѣть, онъ старается избѣгать всѣхъ случаевъ, когда можетъ встрѣтиться опасность вынести униженіе, дѣлается робокъ, молчаливъ и скрытенъ. На видъ это скромное, какъ будто безличное существо, а въ сердцѣ часто бушуютъ страсти — и какія еще страсти! Если-бы кто нибудь могъ забраться въ его голову и поразобрать, какія мечты ее наполняютъ, чего-бы только онъ тамъ ни нашелъ! Рядомъ съ благородными, совершенно практическими идеями роятся безсмысленныя, несбыточныя фантазіи, все перепутано, все смѣшано въ общую груду и основаніемъ этой груды, этой массы мечтаній является—удовлетвореніе самолюбія.

Такіе люди могутъ принести обществу или огромную пользу, или огромный вредъ. Если они отъ природы честны и нравственно развиты, то самолюбіе заставитъ ихъ выполнить большія, замѣчательныя дѣла, если-же нѣтъ, то оно увлечетъ ихъ въ страшныя преступленія—либо то, либо другое, но въ заурядной, обиденной средѣ они не останутся ни за что. Какая-нибудь выдающаяся крайность необходима, ожидается только черточка, которая намѣтитъ жизнь. Черточка проведена и—будущее рѣшено.

Таковъ былъ Всеволодъ Александровичъ Алинскій. Онъ обладалъ большими способностями, былъ въ высшей степени честенъ и правдивъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрытенъ, несообщителенъ и вообще имѣлъ всѣ недостатки, необходимо сопровождающіе слишкомъ сильно развитое, болѣзненное самолюбіе. Въ университетѣ онъ сошелся больше другихъ съ Павломъ Невѣровымъ, и неудивительно: веселый, откровенный Павелъ Аркадьевичъ, у котораго душа всегда была на распашку, пред-

ставлялся самымъ подходящимъ товарищемъ для Алинскаго. Съ одной стороны, въ высшей степени общительный, онъ готовъ былъ разсказать каждую мелочь изъ своей жизни—такъ какъ у него никогда секретовъ не имѣлось, а съ другой, не требовалъ никакихъ откровенностей отъ пріятеля, никогда не анализировалъ его нравственно и всегда готовъ былъ говорить, лишь-бы тотъ его слушалъ. Отчасти-же добрый Павелъ имѣлъ въ виду, сойдясь съ Всеволодомъ, помогать Алинскимъ такъ или иначе. Прямое пособіе оказать было неудобно, но доставляемая работа и приглашенія въ деревню все-таки являлись деликатною косвенною помощью.

XI.

Алинскіе вставали рано. Въ то утро, когда въ домѣ Ти-менева совершилось убійство, въ восемь часовъ все семейство сидѣло за чаемъ.

Надежда Ивановна была не въ духѣ. Всеволодъ вернулся наканунѣ поздно—она сама дверь отворяла—почему теперь сочла первымъ долгомъ прочесть ему приличное наставленіе. Мать вовсе не тѣмъ тяготилась, что ее побеспокоили ночью, а вообще не любила, когда сынъ долго засиживался по вечерамъ въ гостяхъ, находя, что послѣ трудныхъ дневныхъ занятій сидѣть до поздней ночи для него очень вредно, и что онъ слишкомъ утомляетъ себя. Что за необходимость торчать у какого-нибудь товарища до второго часа? И о чемъ такомъ важномъ идти разсужденіе, чтобы приносить ему въ жертву свое здоровье? Совсѣмъ это лишнее...

Всеволодъ тоже былъ какъ-то особенно задумчивъ и печаленъ. Онъ долженъ былъ сообщить матери нѣкоторыя вещи, которыми она непремѣнно будетъ недовольна, почему ожидать размолвки и горячихъ споровъ. Наставленіе-же, довольно часто повторявшееся, онъ выслушалъ совершенно хладнокровно и даже какъ-то разсѣянно.

— Скоро уже, мамаша, — проговорилъ онъ, наконецъ, слабо улыбнувшись, — вы не будете сердиться на мою безпорядочную жизнь...

— Я вовсе не говорю, что ты ведешь безпорядочную жизнь, — вскипятилась Надежда Ивановна, — и не думаю говорить. Къ чему это мои слова переиначивать? Говорю, что,

утомляясь цѣлый день на урокахъ, нездорово сидѣть долго по вечерамъ—нужно отдохнуть... Захвораешь, какъ отецъ, что мы тогда дѣлать будемъ? Ты долженъ себя беречь не для себя, такъ для сестры... Помни, что у тебя сестра...

— Причемъ-же я-то тутъ?—нѣсколько удивилась Лиза.

— Ахъ, не говори пожалуйста! Ты вѣчно не при чемъ! Знаю, что всегда Володину руку держишь—очень хорошо знаю!

— Я ничью руку не держу, а только не понимаю, какое отношеніе...

— Какое отношеніе? Такое отношеніе—пока братъ живъ, да поддерживаешь, на человѣка похожа, а не будетъ его, въ прачки пойдешь...

— А прачка не человѣкъ?—улыбнулась дѣвочка.

— Человѣкъ или не человѣкъ, только не сердь меня, пожалуйста! И безъ тебя довольно!

— Чего-же довольно?

— Говорю тебѣ, Лизавета, не сердь меня...

Лиза великодушно обращала на себя вспышку матери, чтобы та оставила въ покоѣ ея брата.

— Вотъ что, мамаша,—вмѣшался Всеволодъ,—я хотѣлъ поговорить съ вами о дѣлѣ. Довольно уже сердиться; я больше не буду поздно засиживаться, общаю вамъ.

— Въ который это разъ?

— Въ послѣдній.

— Знаемъ мы эти послѣдніе разы! Ну, да вѣдь съ тобой ничего не подѣлаешь, какъ съ козломъ.

— Съ какимъ козломъ?—удивился Всеволодъ.

— А съ тѣмъ, съ которымъ какъ ни бились, а молока отъ него не добились. Такъ и у насъ съ тобой! Чего ты смѣешься? обратилась она вдругъ къ Лизѣ,—что-же тутъ смѣшного? Вотъ погоди—и ты козломъ будешь...

— Ну, ужъ извините—козломъ никогда не буду, шутила дѣвочка.

— Ну, козой... Да что тутъ говорить, ты ужъ и теперь коза!

— Покорно васъ благодарю.

— Такъ что-же? Не за что благодарить—коза и есть.

Надежда Ивановна нѣсколько просвѣтѣла отъ своей шутки.

— Ну, говори, обратилась она къ сыну, какія у тебя дѣла?

— Невѣровъ говорилъ мнѣ, что Тименевы уже собираются ѣхать въ деревню, и спрашивалъ, скоро-ли вы пріѣдете? Между прочимъ онъ упомянулъ, что вы обѣщали помогать Авдотѣ Алексѣевнѣ по хозяйству.

— Не только обѣщала, но сама предложила. Видишь-ли, Володя: мы живемъ у нихъ цѣлое лѣто даромъ, хлѣбъ ѣдимъ и никакой пользы не приносимъ—это неловко.

— Я давалъ уроки Антонинѣ Аркадьевнѣ...

— Давалъ, а теперь больше не даешь. Между тѣмъ я замѣтила, что Авдотѣ Алексѣевнѣ трудно одной справиться съ хозяйствомъ: имѣнье большое, а Аркадій Петровичъ ни въ чемъ ровно никакого участія принимать не желаетъ... Тоже мужъ!... Весь день болтается сложа руки съ трубкой въ зубахъ—милое занятіе! И удивляюсь я, право, Авдотѣ Алексѣевнѣ! Никогда она ничего ему не скажетъ, никогда не пожалуется, что у нея все на рукахъ, а онъ знать ничего не хочетъ. Если-бы ему внушить хорошенько, что долгъ мужчины...

— Ну, кажется, Аркадію Петровичу этого не внушите...

— Знаю, что не внушить—хуже тебя козелъ! Такъ вотъ я и предложила ей помогать. Не то что быть экономкой, поспѣшила прибавить Надежда Ивановна, а такъ.

— Почему-же не экономкой? поинтересовалась Лиза.

— Потому что не родилась прислугой и никогда прислугой не буду, отрѣзала ей мать. Ты ничего не понимаешь, почему и молчи лучше. Она даже, собственно говоря, обратилась къ Всеволоду, загнулась о томъ, не приму-ли я на

себя быть не то чтобы экономкой, а такъ—домоправительницей, полу-хозяйкой на жалованьи.

— Что-же вы?

— Да какъ тебѣ сказать? Неловко какъ-то.

— Почему-же неловко? Такая-же частная служба, какъ и всякая другая; унижительнаго тутъ ничего нѣтъ.

— Унижительнаго-то, пожалуй, и нѣтъ, а только ужъ если будешь служить за жалованье, такъ и отвѣтственность большая.

— Миѣ кажется, отвѣтственность всегда одинакова, вставила Лиза.

Надежда Ивановна не удостоила ее отвѣтомъ.

— А кромѣ того, продолжала она, я боюсь, что Аркадій Петровичъ не пойметъ моего положенія, будетъ смотрѣть на меня, какъ на какую-нибудь служанку, и чего добраго еще позволить себѣ...

— Ну, этого я не думаю; онъ все-таки человѣкъ образованный и добрый.

— Добрый-то онъ добрый, а на счетъ образованности лучше промолчать. Подчасъ такъ начнетъ шутить, что порядочной дамѣ не совсѣмъ удобно слушать.

— Старый военный...

— Удивительно, какими преимуществами пользуются эти старые военные и непременно, исключительно „старые“... Могутъ болтать, что угодно, и все имъ пзвиняется!

— Ну, пожалуй, что хозяину-то дома и запретить трудно, улыбнулся Всеволодъ. Онъ у себя; кому не нравится, тотъ не ходи.

— А что ты думаешь? Многіе и не ходятъ! Многіе оттого именно и не ходятъ!

— Я, мамаша, не вижу, чтобы онъ слишкомъ...

— Ты и видѣть не можешь, потому что самъ мужчина. И не спорь пожалуйста! Что для мужчины пустяки, чего онъ подчасъ и не пойметъ, мы, женщины, сейчасъ подмѣтимъ, сей-

часъ поймемъ! Развѣ возможно сравнить грубую мужскую натуру съ чуткостію, впечатлительностію женщины, особенно образованной? Куда вы годитесь? Вѣдь вамъ нужно все указать, все разжевать, да въ ротъ положить, а иначе вамъ все равно—хоть трава не расти!

— Я не понимаю... начала было Лиза.

— Лизавета, молчи, пожалуйста! Я говорю про женщинъ и здѣсь ты дѣйствительно „не при чемъ“. Когда женщиной будешь, тогда и понимать будешь, а теперь помни, что ты не женщина, а коза; вѣдь я уже тебѣ это сказала.

— А я васъ поблагодарила, засмѣялась Лиза.

— Такъ видишь-ли, Володя, продолжала Надежда Ивановна, на счетъ мѣста я ничего положительнаго не рѣшила, а общала помогать ей нынѣшнее лѣто, такъ какъ они пригласили къ себѣ гостить дочь съ мужемъ и, вѣроятно, будетъ пріѣзжать много гостей. Вѣдь Тименевъ знакомъ чуть-ли не со всѣмъ городомъ.хлопотъ будетъ много, а тутъ еще нужно управлять имѣньемъ и съ крестьянами возиться. Удивляюсь, право—Аркадій Петровичъ человѣкъ богатый, самъ ничего дѣлать не хочетъ и управляющаго не можетъ взять; все на жену валить.

— Онъ бралъ управляющихъ, да вѣдь сами знаете, не уживаются...

— Гдѣ-же ужиться съ его „старыми“ военными замашками? Если онъ таковъ при дамахъ, такъ воображаю, какое обращеніе видитъ управляющій; а вѣдь они тоже бываютъ люди хорошаго происхожденія и образованные. Ну, возьми въ управители простаго мужика; того и „старымъ“ военнымъ лексикономъ не удивишь.

— Да вѣдь такой не всегда найдется.

— Найди, во что-бы то ни стало, найди, если жену любишь. Вѣдь она не ломовая лошадь, на нее нечего все взваливать.

— Если вы общали Авдотѣ Алексѣевнѣ принять участіе

въ веденіи хозяйства, то вамъ нужно скорѣе собираться, потому что Тименевы ѣдутъ на-дняхъ.

— Вамъ? То-есть какъ это вамъ? А ты?

— Я, мамаша, нынче лѣтомъ не думаю ѣхать къ Невѣровымъ. Лиза съ удивленіемъ взглянула на брата.

— Не думаешь ѣхать? необычайно изумилась Надежда Ивановна. Это почему?

— Позвольте мнѣ объяснить вамъ все, какъ слѣдуетъ, спокойно началъ Всеволодъ. Мнѣ, видите-ли, необходимо остаться въ городѣ. Теперь университетъ конченъ и вмѣстѣ съ нимъ должно кончиться наше тяжелое матеріальное положеніе. Довольно мы помучились—пора и отдохнуть! Нужно только какъ можно скорѣе достать мѣсто, для чего слѣдуетъ хлопотать и просить.

— Все это очень хорошо, перебила нетерпѣливая Надежда Ивановна, но, по моему мнѣнію, нисколько не касается поѣздки къ Невѣровымъ. Можно попросить о мѣстѣ и поѣхать въ деревню. Когда мѣсто выйдетъ, тебя увѣдомятъ и ты приѣдешь—здѣсь недалеко.

— Вы полагаете, что это такъ легко дѣлается?

— А почему-же не такъ? Кажется, просто.

— То-то и есть, что не такъ. Вы полагаете, что разъ я обращусь съ просьбой, такъ меня сейчасъ съ отверзтыми объятіями и примутъ, да еще и увѣдомлятъ будутъ: пожалуйста, мѣсто васъ ожидаетъ! Нѣтъ, мамаша, съ этимъ дѣломъ еще много повозишься, не разъ попросишь... Тамъ просто откажутъ, тутъ пообщаютъ, а отдадутъ другому, здѣсь водить за носъ будутъ... Протекціи, какъ вы сами знаете, у меня нѣтъ никакой, а безъ протекціи трудно достать порядочное мѣсто, тѣмъ болѣе, что охотниковъ на такія мѣста не мало. Живя въ городѣ, я могу постоянно хлопотать, навѣдываться, просить, и увѣренъ, что въ концѣ концовъ добьюсь чего-нибудь, а четыре мѣсяца, проведенные въ деревнѣ, будутъ совершенно

потеряннымъ временемъ. Осенью придется только начать хлопоты, такъ что дай Богъ къ зимѣ получить что-нибудь и пристроиться.

Алинскій говорилъ, повидимому, резонно и основательно, но выражалъ какъ будто не свои настоящія мысли, а отвѣчалъ затверженный, приготовленный урокъ. Лиза все время пристально на него смотрѣла и внимательно слушала. Хотя она не принимала участія въ разговорѣ, но онъ ее видимо сильно интересовалъ.

— Вотъ ты мнѣ привелъ свои резоны, начала въ свою очередь, повидимому, спокойно Надежда Ивановна, позволъ-же и мнѣ привести свои, такъ какъ съ твоими доводами я не согласна. Всю зиму ты занимался въ университетѣ и, кромѣ того, частными уроками, а потомъ наступило тяжелое время экзаменовъ. Едва они кончились, ты опять взялся за уроки. Дѣлалось все это, какъ я очень хорошо понимаю, для насъ съ Лизой. Безъ твоей помощи просуществовать намъ было-бы очень трудно. Но такія усиленные занятія не могутъ не отзываться на здоровьѣ — ты въ послѣднее время похудѣлъ, поблѣднѣлъ, а мнѣ, какъ матери, смотрѣть на это просто невыносимо. Я только и утѣшала себя мыслью, что все скоро кончится и мы поѣдемъ въ деревню, гдѣ ты можешь какъ слѣдуетъ отдохнуть и поправиться. Ты, пожалуйста, не воображай, что у тебя натура желѣзная — очень ошибаешься! Посмотри на сестру — ты вѣдь недалеко отъ нея ушелъ; хотя, конечно, нѣсколько покрѣпче ея, а все-таки довольно хрупкій. Оба вы въ отца пошли! Если-же ты останешься теперь въ городѣ, то долженъ будешь продолжать уроки и работать безъ устали, потому что иначе просуществовать тебѣ будетъ не на что...

— Мнѣ немного надо...

— Хоть и немного, а все-таки надо на что нибудь жить; безъ денегъ не проживешь. Я понимаю, что тебѣ, добившись

окончанія университета, очень ужъ хочется поскорѣе опредѣлиться на службу, чтобы, наконецъ, и самому выбратся, и насъ вытащить изъ нищеты, въ которой мы теперь живемъ. Понимаю, вполне понимаю и дѣлю — повѣрь мнѣ! Но понимаю также, что если ты съ самаго начала будешь такъ увлекаться и злоупотреблять своими физическими силами, то начнешь службу съ надорваннымъ здоровьемъ. Тогда, спрашивается, долго-ли ты заслужишь? Ты единственная наша поддержка, особенно сестры. Если она тебя лишится, что тогда дѣлать будетъ? Ты, пожалуйста, не прерывай меня со своимъ „я ни причемъ“, вдругъ обратилась она къ дочери:—я говорю дѣло: теперь ты далеко еще не все понимаешь и разсужденія твои очень не практичны, хоть ты и не глупая дѣвочка. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, другую пѣсню запоешь. Ужъ это, милая моя, всегда такъ бываетъ — не ты первая, не ты послѣдняя. Сама я въ молодости много о самостоятельномъ трудѣ мечтала и трактовала, а на повѣрку вышло, что если-бы не сынъ поддерживалъ, такъ почитай по міру бы пошла...

— Я и не думаю возражать вамъ, что въ этомъ дѣлѣ я не при чемъ, серьезно замѣтила Лиза. Если даже оставить въ сторонѣ мою личность, то, заботясь о здоровьѣ Володи, не могу не согласиться съ вашимъ мнѣніемъ и также полагаю, что ему отдыхъ необходимъ.

— Очень рада, что имѣю ваше одобреніе, нѣсколько шутливо, но ласково поклонилась Надежда Ивановна. Вотъ почему, обратилась она опять къ сыну, я утверждаю, и настоятельно утверждаю, что тебѣ слѣдуетъ ѣхать съ нами. Войди же, наконецъ, и въ мое положеніе: мучилась я долго съ больнымъ мужемъ — неужели-же и съ сыномъ придется еще мучиться? Надо вѣдь и меня пожалѣть! А главное то, что я тобой живу — ты въ могилу и я за тобой, хоть и жалко будетъ Лизу одну оставить...

— Зачѣмъ это вы, мамаша, такія картины рисуете? До смерти далеко...

— Напрасно такъ думаешь, мой милый! У всякаго она за плечами. Разсчитываешь Богъ вѣсть сколько лѣтъ гулять по свѣту, а смотришь, и до конца лѣта не доживешь! Кто знаетъ? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ну, положимъ, смерть не смерть, а болѣзнь наживешь — въ нашемъ положеніи и этого довольно...

— Я и на это не согласенъ, слабо улыбнулся Всеволодъ. Благодаря Бога теперь я здоровъ и хворать не думаю...

— А почему похудѣлъ?

— Экзамены были — всѣ похудѣли...

— Далеко не всѣ. Посмотри на Павла Аркадьевича — и не воображалъ худѣть, да и другіе тоже... Однимъ словомъ, такъ или иначе, тебѣ отдыхъ необходимъ и напрасно ты только со мною споришь. Въ этомъ дѣлѣ даже вѣчная твоя союзница и потворица, Лизавета Александровна, для рѣдкости случая мою руку держать, такъ что тебѣ уступить приходится. Она вѣдь у насъ оракуль!

— Что это вы на меня сегодня напали? засмѣялась Лиза. Какой же я оракуль?

— Такой, какъ въ Греціи въ древности былъ. Учила въ молодости, да теперь почти забыла... Жрица тамъ была какая-то, на треножникъ садилась, будущее предсказывала...

— Пиеія, подсказала Лиза.

— Ну да — Пиеія. Вотъ и ты у насъ Пиеія подростаетъ.

— Очень вы сегодня ко мнѣ не милостивы, мамаша! И коза-то я, и Пиеія...

— Теперь коза, а потомъ Пиеіей будешь. Однако, некогда мнѣ тутъ съ вами, вдругъ спохватилась Надежда Ивановна, надо дѣло дѣлать, а то безъ обѣда останемся. Умѣрь свое нетерпѣніе, милый мой, закончила она, обращаясь къ Всеволоду, и слушай меня — дурного не посовѣтую. Тебѣ совер-

шенно необходимо поѣхать въ деревню отдохнуть. Ну, положимъ, не оставайся тамъ все лѣто; довольно хотя два мѣсяца побыть на покоѣ, чтобы поправиться и набраться силъ. Тогда возьмешься за дѣло энергично и все пойдетъ хорошо. Ты у меня умница, занимался прекрасно, работникъ такой, какого поискать — это многіе знаютъ... Повѣрь, мѣсто не заставитъ себя ждать. Я думала и въ самомъ дѣлѣ, что онъ о чемъ нибудь важномъ говорить будетъ, а онъ вонъ какую ахинею загородилъ... Тутъ и спорить даже не о чемъ — просто ахинея... Слушать не стоитъ! рѣшила она, выходя изъ комнаты.

ХП.

По уходѣ Надежды Ивановны нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Всеволодъ сидѣлъ задумавшись, Лиза убирала со стола. Вдругъ она подошла къ брату и проговорила:

— Знаешь, Володя, на этотъ разъ мамаша говорить правду...

— Пусть говоритъ, что хочетъ, вдругъ рѣшительно поднявъ голову Алинскій, а въ деревню къ Невѣровымъ я все-таки не поѣду.

— Но почему-же? Что это вдругъ на тебя нашло? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ты думаешь, что предлоги, которые ты подводилъ мамашѣ, настолько важны? Конечно, я еще слишкомъ молода и неопытна, чтобы вступать въ разсужденія о такихъ дѣлахъ, но воля твоя, мнѣ кажется, что вопросъ о пріисканіи мѣста не Богъ знаетъ какъ пострадаетъ, если его и отсрочить на два мѣсяца. Хоть бы для того, чтобы мамашу успокоить, ты долженъ потерпѣть. Вѣдь ты ее знаешь, она ни за что не уступитъ: ужъ это по сегодняшнимъ разсужденіямъ видно. Что же выйдетъ изъ всего этого? Если ты будешь настаивать, она совершенно разстроится, пожалуй, сама ѣхать безъ тебя не захочетъ, останемся мы здѣсь... И для чего всѣ эти непріятности?

— Знаю я все это очень хорошо, какъ-то уныло проговорилъ Всеволодъ, а все-таки ѣхать къ Невѣровымъ не могу. Понимаешь ли, Лиза, не могу...

— Такъ значитъ есть другая причина! изумилась она.

— Есть.

— И очень важная?

Лиза пристально посмотрѣла на брата, потомъ опустила глаза и по лицу ея какъ будто скользнула лукавая, женская улыбка.

— Большая тайна? особенно ласково спросила она.

— Большая тайна... повторилъ онъ печально.

— Такая большая, что даже сестрѣ повѣрить нельзя? Сестрѣ, которая любить такъ, какъ я тебя люблю?

— Даже сестрѣ.

— Мнѣ кажется, я знаю эту тайну! вдругъ усмѣхнулась дѣвочка.

Всеволодъ удивленно, испуганно посмотрѣлъ на нее.

— Что ты такъ на меня смотришь? Ну, если не знаю, такъ подозреваю. Только ужъ очень большую важность придаешь ты своей тайнѣ — не Богъ вѣсть что такое! Да и хранишь плохо — замѣтно...

— Замѣтно? удивился Алинскій.

— Конечно, замѣтно! Хорошо еще, если только мнѣ замѣтно, а то, пожалуй, что и другимъ... Впрочемъ, по моему, ничего дурного тутъ нѣтъ... Смѣю тебя увѣрить, что ты все преувеличиваешь и если не поѣдешь къ Невѣровымъ, то сдѣлаешь большую ошибку, большой промахъ. Именно въ виду твоей тайны мнѣ будетъ очень, очень непріятно, если ты къ нимъ не поѣдешь...

— Мы, очевидно, не понимаемъ другъ друга, Лиза, задумчиво проговорилъ Всеволодъ. Твоя догадки не вѣрны, потому что причину, по которой я не ѣду къ Невѣровымъ, ты знать не можешь. Только вчера рѣшилось, что ѣхать мнѣ къ нимъ не возможно.

— Вчера рѣшилось? удивилась Лиза. — Что-же случилось вчера? Развѣ ты у нихъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ... видимо смутился Алинскій.

— Такъ ты ихъ гдѣ нибудь встрѣтилъ, видѣлъ?

— Нѣтъ...

Оба нѣсколько секундъ молчали.

— Послушай, Володя! серьезно начала Лиза:—у меня есть причина, почему мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты бывалъ у Невѣровыхъ, и бывалъ какъ можно чаще. Для тебя это очень важно и дурного ничего выйти не можетъ, увѣряю тебя... Я хоть и молода, еще ребенокъ, какъ вы говорите, но свой разсудокъ имѣю и замѣчаю то, что меня интересуетъ. На меня никто вниманія не обращаетъ, а я дѣлаю свои наблюденія, лукаво улыбнулась она. На этотъ разъ мои наблюденія очень успѣшны и я вывела изъ нихъ много хорошаго для тебя... Повѣрь, что я не ошибаюсь!..

— Ошибаешься, мое милое, дорогое дитя, ласково, но грустно проговорилъ Алинскій. Ничего хорошаго для меня въ будущемъ нѣтъ...

— А я тебѣ говорю, что есть!

— Ничего нѣтъ! рѣшительно покачалъ онъ головой.

— Да что случилось? вдругъ встрепенулась дѣвочка. Это просто удивительно!.. Я не навязываюсь на твою откровенность, если ты не считаешь меня достойною ея...

— Полно, Лиза! Не говори глупостей!..

— Да! Не считаешь достойною и дурно дѣлаешь... Очень дурно! горячилась она.—А мнѣ это тяжело... ужасно тяжело!.. Я такъ рассчитывала, такъ надѣялась, такъ радовалась и за тебя, и за... Ты самъ разбиваешь всѣ мои мечты и даже не хочешь сказать, почему!..

Лиза готова была заплакать. Алинскій сидѣлъ печальный, опустивъ голову.

— Меня просили туда не ѣздить... вдругъ, какъ бы невольно вырвалось у него.

— Просили? удивилась Лиза. То-есть какъ это просили?

— Такъ,—просто просили.

— Не Тоня — навѣрно! Неужели она? Не можетъ быть!

— Нѣтъ, не она...

— Но кто-же тогда?—загорѣлись у дѣвочки глаза.—Кто-же имѣетъ право отказывать тебѣ отъ дому? И безъ причины, потому-что причины никакой быть не можетъ... Кромѣ Павла Аркадьевича никто не можетъ высказать подобную вещь, да и ему нужно большое, очень большое основаніе, чтобы нанести такое оскорбленіе человѣку, съ которымъ онъ друженъ, котораго знаетъ такъ, какъ тебя... И ты ничего не сказалъ? Ты не требовалъ объясненія?

— Я ничего не требовалъ...

— Это невозможно! Да развѣ ты такой? Я никогда не повѣрю, чтобы у тебя было такъ мало самолюбія—перестань! Какой нибудь Невѣровъ...

— Да не Павелъ..

— Такъ кто-же? Я ни за кѣмъ не признаю права...

— Меня Вѣра Аркадьевна просила,—проговорилъ тихо, но отчетливо Алинскій.

Лиза посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Въ эту минуту громко позвонили. Оба вздрогнули.

Послышался голосъ Надежды Ивановны: „Лиза! Отвори... мнѣ нельзя выйти...“

— Ты долженъ объяснить мнѣ это, Всеволодъ! Непремѣнно долженъ!—рѣшительно проговорила дѣвочка и вышла изъ комнаты.

Черезъ минуту она вернулась встревоженная.

— Къ тебѣ записка отъ Невѣрова; очень нужная. Говорятъ, у нихъ случилось большое несчастье...

Алинскій машинально взялъ и развернулъ записку, но, прочитавъ нѣсколько словъ, наскоро написанныхъ Павломъ, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть...

— Что такое?—бросилась къ нему испуганная сестра.

Онъ протянулъ ей записку. Она схватила ее и прочла: „У насъ ужасное несчастье... сегодня ночью убили сестру, мою

бѣдную, дорогую Вѣру... и Петра... Такое страшное горе... совсѣмъ потерялъ голову!.. Приди помочь... Павелъ“.

— Убили!— вскрикнула пораженная Лиза...

Черезъ десять минутъ Алинскій поспѣшно выходилъ изъ дому, общавъ матери и сестрѣ сообщить имъ по возможности скорѣе подробности страшнаго происшествія. Надежда Ивановна хотѣла непременно отправиться сама съ Лизой къ Тиленевымъ, но Всеволодъ убѣдилъ ее подождать его возвращенія.

Извѣстно, что Павелъ просилъ его съѣздить въ деревню за родителями убитой. Всеволодъ предложилъ ему услуги Лизы, чтобы сидѣть около больной Антонины, но тотъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ докторъ запретилъ пускать къ ней кого-бы то ни было и испуганный братъ не смѣлъ сдѣлать исключенія даже для лучшей ея подруги.

Передъ отъѣздомъ въ имѣніе Невѣровыхъ, Алинскій завернулъ домой и передалъ матери и сестрѣ подробности страшнаго преступленія, совершеннаго неизвѣстнымъ лицомъ.

ХІІІ.

Крыловичъ принялъ рѣшеніе: не ретироваться и продолжать начатое имъ слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Тименевыхъ. Поступилъ онъ такъ, слѣдуя совѣту Ивана Ильича.

— Повѣрьте мнѣ, Михаилъ Алексѣевичъ, — говорилъ ему почтенный юристъ, — иначе вы поступить не можете, даже скажу больше — не должны. Не буду говорить о долгѣ службы и объ обязанностяхъ; въ этомъ-то отношеніи оно, пожалуй-что, и правильнѣе было-бы, если-бы вы ретировались, потому что, такъ или иначе, а все-таки вы лицо заинтересованное въ этомъ дѣлѣ. Если я могу, по совѣсти, не отвести васъ, то лишь потому, что всю нравственную процедуру беру на себя, а вамъ останется только формальный отдѣлъ, который, между нами будь сказано, по крайнему моему разумѣнію, никакого значенія не имѣетъ и ни къ чему не приведетъ, какъ надъ нимъ ни ухищряться. Конечно, все можетъ быть, только надежда-то ужъ очень плохая. Изъ ничего, ничего не выищешь. Уликъ нѣтъ — и баста! Если-же вы ретируетесь, то дѣло придется поручить другому слѣдователю, которому я, опять-таки по совѣсти, обязанъ буду сообщить все, мною открытое. Положимъ, я могу не объяснять ему моихъ умозаключеній и нравственныхъ выводовъ, но, напримѣръ, на фактъ, что изъ комнаты Антонины Аркадьевны прекрасно слышно, что говорится въ спальнѣ ея сестры и вообще на ея сегодняшнее состояніе я указать ему считаю долгомъ. Слѣдовательно, она все-таки замѣшана въ дѣло будетъ и, чего добраго, очень нехорошо замѣшана. Тогда не избѣжать ей на-

мековъ, упрековъ и тому подобныхъ мерзостей... А понимаете, какъ это въ ея положеніи тяжело? Положимъ, убійцу-то она все-таки не назоветъ, имя его такъ схоронено въ ея сердцѣ, что хоть разорвите его на мельчайшія частицы, а все не выните...

— Вы-же надѣетесь выискать?

— Я пойду другими путями, совсѣмъ другими путями, чѣмъ обыденный слѣдователь.

— Вѣроятно, путями нравственными!

— Если хотите, пожалуй-что и нравственными. А вѣрнѣе—умственными...

— Во всякомъ случаѣ, на сколько я понимаю дѣло, едва-ли вамъ удастся обойтись безъ допросовъ.

— Допросъ допросу рознь, любезнѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ, допросъ допросу рознь. Тутъ огромное значеніе имѣетъ форма, обстановка...

— Ну, знаете-ли, Иванъ Ильичъ, какую форму ни придавайте, а все-таки допросъ останется допросомъ...

— Для насъ съ вами, — перебилъ прокуроръ, — которые знаемъ, въ чемъ дѣло, да еще вдобавокъ, юристы — на допросахъ собаку съѣли. А для лица другой профессіи, особенно для молодой, неопытной дѣвушки, допросъ, веденный умненько, вовсе не будетъ допросомъ.

— Антонина Аркадьевна далеко не глупа—предупреждаю васъ...

— Въ этомъ я никогда не позволю себѣ усомниться!—поклонился прокуроръ.—Даже увѣренъ, что очень умна, потому-что иначе не обратила-бы на себя ваше вниманіе въ такой степени. Но вѣдь умъ тутъ большой роли играть не можетъ; скорѣе, если хотите, хитрость...

— Она слишкомъ благородна, чтобы стала хитрить.

— Ну, вотъ видите-ли—слишкомъ благородна. Слѣдовательно, очень легко можетъ быть допрошена самымъ невин-

нымъ способомъ. И будетъ допрошена—увидите. И такъ, говорю откровенно, если формальнымъ слѣдователемъ будете вы, то все дѣло останется между нами и, даже въ случаѣ успѣха, мы какъ нибудь можемъ постараться выгородить ее и избавить отъ многихъ крупныхъ непріятностей. Если-же за дѣло возьмется другой, то эти непріятности весьма вѣроятны, скажу даже—неизбѣжны.

— Но подумайте, Иванъ Ильичъ, какое будетъ мое положеніе? Если вамъ удастся открыть преступника, то все-таки официально онъ будетъ открытъ мною и Антонина Аркадьевна можетъ подумать, что это я постарался...

Иванъ Ильичъ крѣпко пожалъ руку молодого слѣдователя.

— Иного отъ васъ и ожидать нельзя было, — улыбнулся онъ.—Вы рыцарь безъ упрека, но не скажу безъ страха, потому-что ретироваться хотите, что настоящему рыцарю не подобаетъ. Помилуйте! Да другой на вашемъ мѣстѣ былъ-бы очень радъ случаю упечь соперника въ Сибирь, а то и подалее... Туда ему и дорога...

— Чтобы я рѣшился доставить ей такія страданія? Что вы это?

— Доставить страданія? А какъ вы полагаете, онъ-то ей не доставляетъ страданія и въ настоящемъ, и въ будущемъ? Что-же она, по вашему, замужъ за убійцу сестры выйдетъ, или съ нимъ счастлива будетъ?

— Это невозможно...—опустилъ голову Крыловичъ.

— То-то и есть! А другой разсудилъ-бы такъ: какъ отправимъ мы пріятеля соболей ловить, такъ она мало-по-малу успокоится, утѣшится, забудетъ его и, можетъ быть, еще меня полюбить... кто знаетъ? Темна вода во облацѣхъ... какъ любовь въ женскомъ сердцѣ, слѣдовало-бы прибавить, — улыбнулся прокуроръ.

Крыловичъ невыразимо печально посмотрѣлъ на него.

— Къ чему вы говорите такъ и еще шутите, Иванъ Ильичъ?—укоризненно произнесъ онъ.

— Говорю такъ потому, что будущее дѣйствительно неизвѣстно, а шучу потому, что вы совсѣмъ духомъ упали. Посмотрите на себя, на кого вы похожи. Надо быть мужчиной, батюшка...

— Никогда Антонины Аркадьевна другого не полюбить...

— Ну, конечно! Вы безошибочный знатокъ женскаго сердца.

— Она умереть, угаснетъ, какъ свѣча...

— Если умереть, вы другую полюбите.

Крыловичъ молча покачалъ головой. Иванъ Ильичъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Ну, наконецъ, оба угаснете, и концы въ воду. А убійца, хоть это-то допустите, не угаснетъ, другую полюбить, да опять укокошить, по старой привычкѣ... Это, я полагаю, возможно? Полагаю возможно?

— Это возможно.

— Ergo—нужно найти его и упрятать подальше, чтобы онъ не вздумалъ опять такія неподходящія шутки шутить. Искать его буду я и, надѣюсь, найду. Глубоко, на днѣ морскомъ, еще глубже въ сердцѣ Антонины Аркадьевны, а все-таки найду! Непремѣнно найду! Васъ не приглашаю мнѣ содѣйствовать, вижу ваши рыцарскіе взгляды и безкорыстныя стремленія. А все-таки, въ видахъ пользы той-же Антонины Аркадьевны, совѣтую вамъ дѣло это другому не передавать, дабы тайнъ ея не разглашать. Вы этимъ окажите ей прекверную услугу.

— Вы правы. Я долженъ такъ поступить и поступлю.

— Это рѣшеніе—рѣшительное?

— Рѣшительное и твердое! — энергично поднялъ голову молодой слѣдователь.

— Безповоротно!

— Безповоротно.

— Одобряю. Теперь вы вполне рыцарь: безъ упрека и безъ страха. Я-же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ, если преступникъ будетъ открытъ, прямо, безъ обиняковъ сказать Антонинѣ Аркадьевичѣ, что нашелъ его я. Это-то, впрочемъ, будетъ просто исполнить, потому-что она „тогда“ сама догадается и увидитъ всю подноготную дѣла. Но я, мало того, что приму все на себя,—съ доброй улыбкой прибавилъ Иванъ Ильичъ, почти своимъ долгомъ разяснить ей и вашъ взглядъ...

— Ну, это напрасно Иванъ Ильичъ!—протестовалъ Крыловичъ.—Хвалить меня будете? Зачѣмъ?

— Хвалить не буду, а скажу правду, на что имѣю, полагать нужно, полное право. Впрочемъ, Богъ съ вами, я вамъ не указчикъ. Какъ тогда захотите, такъ и сдѣлаемъ. Пожелаете—скажу, нѣтъ—промолчу.

— Благодарю васъ. Вы, право, показываете такое участіе, такое расположеніе ко мнѣ, что я не знаю...

— Показываю, потому что дѣйствительно расположенъ и уважаю васъ, — перебилъ прокуроръ. — Объ этомъ не будемъ распространяться...

Объ одномъ хочу попросить васъ,—какъ-то нерѣшительно началъ Крыловичъ.

— О чемъ?

— Мнѣ, право, и высказать неловко...

— Говорите, прямо говорите! Сегодня все уже порѣшимъ.

— Пожалуйте ее... едва внятно прошепталъ молодой человекъ.

Лицо почтеннаго юриста слегка омрачилось, но онъ вдругъ улыбнулся.

— Очень ужъ вы ее любите, Михаилъ Алексѣевичъ! Вижу, ужъ такъ любите, что за нее хоть въ петлю...

— Хоть въ петлю! Вѣдь вы не знаете, Иванъ Ильичъ—я отдалъ ей всю мою жизнь, совсѣмъ, навсегда. Я за нее готовъ на все...

— Знаю, знаю, успокойтесь. Вы только подумайте; она не виновата въ убійствѣ, она любила человѣка, не зная, что онъ совершитъ преступленіе, слѣдовательно, могу-ли я, имѣя все-таки какое-нибудь, хоть не слишкомъ чувствительное сердце, а главное—мозги въ головѣ, не жалѣть ея? Эхъ вы! Да развѣ я самъ молодъ не былъ? Развѣ я понятія не имѣю, что такое любовь? Не полагаете-ли вы, что я такъ и родился на свѣтъ къ очкахъ, въ парикъ и съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукѣ? Нѣтъ, батюшка, Михаилъ Алексѣевичъ, былъ и я молодъ, кое что видѣлъ, испыталъ... да—ну! махнулъ рукой въ заключеніе Иванъ Ильичъ.

— Вы объ этомъ не безпокойтесь, продолжалъ онъ, овладѣвъ собой. Шепну даже вамъ одну вещь по секрету, очень по секрету, но будете-ли вы довольны, не знаю... Мнѣ нравится, что она молчитъ — значитъ дѣвушка благородная, съ характеромъ и... дальше не скажу—довольно.

Крыловичъ опустилъ голову—онъ понималъ.

— На похороны-то я не пойду, вдругъ переѣмнилъ разговоръ прокуроръ. Не люблю я этихъ мрачныхъ церемоній—Богъ съ ними! Да и что тамъ дѣлать? Хоть знаю, почти навѣрное сказать могу, что убійца, если только онъ въ городѣ, въ чемъ едва-ли возможно сомнѣваться, на похоронахъ будетъ, непременно будетъ...

— Вы думаете что будетъ?

— А вы полагаете, что нѣтъ? Да онъ и раньше будетъ; сегодня былъ, непременно былъ. Развѣ возможно удержаться? Такъ любить женщину, что задушить ее отъ любви и не придти посмотреть—какова? Не казиста—изуродовалъ ловко? И страдать-же онъ будетъ страшно... страшно... Больше всѣхъ будетъ страдать—могу васъ увѣрить! А вѣдь не покажетъ -- ничего не замѣтите... Вотъ что значитъ чувство самосохраненія—эгоизмъ-то человѣческій!

— Я бы никакъ не пришелъ, это слишкомъ ужасно!

— Такъ говорите только, а если-бы самому пришлось, такъ явились бы, будьте благонадежны. Трудно утерпѣть! Это, знаете, старая истина: убійцѣ нужно посмотрѣть на свою жертву—тянетъ... И писано много объ этомъ и на практикѣ часто мнѣ видѣть доводилось, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда побудительныя причины убійства нравственныя, а вотъ, подите—вниманія обращаютъ мало. Оно, конечно, слишкомъ уже неуловимая, воздушная улика — выраженіе лица, а все-таки иногда возможно подмѣтить... Существуютъ у насъ, правда, очныя ставки передъ убитыми и допросы обвиняемыхъ передъ тѣломъ, но все это, по моему мнѣнію, никакой цѣли не достигаетъ. Человѣкъ къ этому спектаклю приготовленъ, знаетъ, что за нимъ, такъ сказать, во всѣ глаза наблюдаютъ, и вы хотите, чтобы онъ что-нибудь выказалъ? Очень ужъ впечатлительную натуру имѣть нужно... Тутъ необходима или нечаянность, или свобода, чтобы преступникъ и не подозрѣвалъ, что за нимъ наблюдаютъ; иначе никакого толку не будетъ.

— Отчего-же вы, въ такомъ случаѣ, не идете на похороны?

— По двумъ причинамъ: во-первыхъ, народу будетъ слишкомъ много, весь городъ сбѣжится—ужь очень для публики любопытно. Ну, гдѣ-же въ такой толпѣ выраженіе лицъ анализировать? Вѣдь легко ошибиться и на ложный слѣдъ напасть, что при настоящей обстановкѣ слишкомъ уже опасно. Забьется, знаете, въ голову подозрѣніе на кого-нибудь и подите потомъ, выбивайте его! Начнешь за человѣкомъ гоняться, опутаешь его и, въ концѣ концовъ, придешь къ тому, что онъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ... А во-вторыхъ, убійца человѣкъ интеллигентный, конечно, меня знаетъ и передо мной-то уже себя не выдастъ; хоть жилы тянуть будутъ—вытерпѣть. Слѣдовательно, идти туда для того, чтобы узнать что нибудь, только напрасный трудъ, а зрѣлище, какъ уже говорилъ вамъ, мало меня интересуеть. Еще если-бы Антонина Аркадьевна присутствовала...

— Такъ что-же бы тогда?

— По выраженію ея лица, можетъ быть, можно было-бы что-нибудь вывести. Хотя, положимъ, увѣренность-то пріобрѣсти трудно, но намекъ, тѣнь намека вещь возможная...

— Вы сами говорили, что она на пытки не откроетъ преступника, а теперь предполагаете, что такъ сразу и выдастъ его?

— Сила перваго впечатлѣнія, Михаилъ Алексѣевичъ. Вѣдь она въ первый разъ увидѣла-бы его послѣ преступленія—это важно, даже очень важно... А затѣмъ—обстановка. Любимый ею убійца явился-бы рядомъ съ жертвами и весьма вѣроятно, что первое движеніе ужаса...

— Это дѣйствительно ужасно!

— Дѣйствительно ужасно. Но она на похоронахъ, конечно, не будетъ, а слѣдовательно и говорить объ этомъ нечего. Вамъ указывать ничего не буду — поступайте, какъ знаете...

— Все, что я могу сдѣлать помимо Антонины Аркадьевны, я сдѣлаю....

— А такъ какъ помимо Антонины Аркадьевны едва-ли что сдѣлать можно, то и надежда на васъ у меня плохая. Но вѣдь вы знаете, поспѣшилъ прибавить прокуроръ, видя, что молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, что я признаю ваше поведеніе правильнымъ и ничего противъ него не имѣю. Будетъ-же объ этомъ и толковать... Знаете что, Михаилъ Алексѣевичъ, поднялся онъ съ мѣста, не пора-ли и отдохнуть? Признаюсь—усталь немалая. Лѣта мои уже не тѣ...

Иванъ Ильичъ видимо утомился. Дѣйствительно, онъ цѣлый день работалъ и работалъ умственно, что, пожалуй, еще болѣе утомляетъ, чѣмъ работа физическая. Желаніе его исполнилось: Крыловичъ, къ которому почтенный юристъ былъ искренно расположенъ, очутился въ томъ положеніи, въ которое онъ хотѣлъ его поставить. Съ одной стороны, это было выгодно для молодого человѣка въ служебномъ отношеніи, на что онъ,

поглощенный своею любовью, не обращалъ никакого вниманія, а съ другой, отказъ его отъ производства слѣдствія повлекъ-бы за собою передачу дѣла другому лицу. Новый слѣдователь, совершенно незнакомый съ характерами лицъ совершившейся драмы, пошелъ-бы, чего добраго, ложной дорогой, что-нибудь напуталъ-бы и пришлось-бы бросить дѣло. Это было-бы тѣмъ болѣе непріятно, что такое дерзкое преступленіе, оставшпсь не открытымъ, оказало-бы дурное вліяніе на жителей города и подало поводъ къ разнымъ, хотя несправедливымъ, но все-же непріятнымъ для прокурора толкамъ. Открыть его было необходимо и слѣдовало, во что-бы то ни стало, достигнуть цѣли.

Выйдя отъ прокурора, Крыловичъ былъ какъ-бы въ чадѣ. Все, случившееся въ этотъ обильный происшествіями день, вертѣлось и путалось въ его головѣ. Убіиство, слѣдствіе, разговоры съ прокуроромъ, а главное, мысль о роковомъ участіи въ дѣлѣ обожаемой имъ дѣвушки, довели его до умственнаго изнеможенія. Да такъ-ли все это? Думалъ онъ и сейчасъ являлось сомнѣніе. Онъ делѣялъ это сомнѣніе, составлявшее единственную его отраду, единственное утѣшеніе... Иванъ Ильичъ основываетъ все на какихъ-то нравственныхъ выводахъ, на умственныхъ заключеніяхъ. Все его зданіе построено на одномъ словѣ, вырвавшемся у испуганной дѣвушки утромъ, на ея безпокойствѣ о сестрѣ... Развѣ этого достаточно? А ея безчувственное состояніе не простое-ли обыкновенное явленіе болѣзненнаго расстройства нервовъ, безъ всякихъ нравственныхъ причинъ? Прокуроръ ухватился за какую-то тѣнь намека и создалъ фантастическую исторію любви...

Но тогда отчего-же утромъ, когда Крыловичъ еще ничего не зналъ, мысль о существованіи этой роковой для него любви невольно приходила ему въ голову, мучила его? Нѣтъ! Эта любовь не мечта прокурора—она существуетъ... Развѣ онъ не зналъ ея раньше, не чувствовалъ? Да, прокуроръ правъ,

онъ слишкомъ опытенъ, чтобы ошибаться, онъ на одномъ невольномъ вырвавшемся словѣ построилъ всѣ свои выводы и они вѣрны, вѣрны—любовь существуетъ... теперь онъ въ этомъ убѣжденъ! Случилось то, о чемъ онъ съ такимъ страхомъ думалъ утромъ—и еще въ какой формѣ? Въ самой грубой, отталкивающей. Его идеалъ, его ангелъ чистоты и невинности отдалъ свое сердце другому, и кому? Преступнику, убійцѣ... Нѣтъ! Развѣ это возможно? Развѣ возможно, чтобы такое сердце, какъ у Антонины, могло чувствовать симпатію, любовь къ человѣку, способному совершить звѣрскій, безобразный поступокъ? Казалось-бы, оно должно было инстинктивно отдаляться отъ убійцы и заранѣе предчувствовать, какое отвратительное, презрѣнное существо оно выбираетъ себѣ идеаломъ. Если даже допустить, что этого предчувствія не было, то теперь, когда вся низость любимаго человѣка открылась при такой ужасающей обстановкѣ, неужели возможно, чтобы молодая дѣвушка не почувствовала къ нему презрѣнія, не оттолкнула его съ отвращеніемъ и не предала той карѣ, которую онъ заслужилъ? Казалось-бы, это должно было такъ быть—но увы! Крыловичъ невольно чувствовалъ, что это будетъ не такъ. Такая дѣвушка, какъ Антонина, не можетъ любить вполнину. Если она полюбила человѣка, то принесетъ ему въ жертву все... Онъ давно ее угадалъ! Можетъ быть, оттого онъ и обожаетъ ее такъ сильно, такъ горячо.

Но что-же теперь? Онъ будетъ мучиться ея горемъ, страдать ея страданіями и... больше ничего! Онъ увѣрялъ себя, что всякая надежда на счастье для него безвозвратно погибла, и въ то-же время на что-то надѣялся, не допускалъ возможности отойти, не думалъ побѣдить свою страсть, спасти себя отъ гибели, а, напротивъ, пламенно желалъ погибнуть за любимое существо, принести ему въ жертву свое счастье и свою жизнь. Мысль о настоящихъ и будущихъ страданіяхъ не приносила ему даже горькой отрады, что Антонина замѣ-

тить эти страданія и хотя и не полюбить его, а все-таки оцѣнить ихъ. Она сама слишкомъ несчастна, слишкомъ поглощена своимъ горемъ, чтобы обратить вниманіе на его горе... Она также любить и не любима... и сверхъ того, даже не имѣетъ утѣшенія въ чувствѣ уваженія къ любимому человѣку. Что можетъ быть хуже ея положенія? Крыловичъ чувствовалъ сердцемъ ея безвыходное, страшное горе. Онъ хотѣлъ-бы помочь ей, хотѣлъ-бы принести себя въ жертву за ея счастье—напрасно! Роковымъ преступленіемъ два существа сошли въ могилу, а другія два хоть и остались на землѣ, но были убиты нравственно. Чья участь была ужаснѣе и болѣе достойна сожалѣнія?

XIV.

Доктору удалось спасти Антонину отъ горячки. Удачно принятыя мѣры и сильная, здоровая натура дѣвушки побѣдили болѣзнь. Ночью она окончательно пришла въ себя—ея безсознательное, безчувственное состояніе смѣнилось горькими слезами. Она проплакала всю ночь—ей необходимо было выплакать свое горе... Только утромъ она нѣсколько успокоилась.

Комната, въ которой она находилась, была настолько удалена, что въ ней только смутно слышались шумъ и возня, происходившіе въ это время въ залѣ и около дома. Только что извѣстіе о преступленіи распространилось, тотчасъ-же всѣ, интеллигентные и неинтеллигентные, знакомые и незнакомые поспѣшили побывать на мѣстѣ происшествія, чтобы взглянуть на убитыхъ. Нѣкоторыми руководило участіе и сожалѣніе, но большинствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, любопытство. Человѣкъ любить сильныя ощущенія, въ какомъ-бы видѣ они ему ни представлялись.

Конечно, посѣщенія сопровождались многочисленными разпросами и чувствительными возгласами особъ нѣжнаго пола, значительно превышавшихъ численностію приходившихъ мужчинъ. Къ сожалѣнію, разпросы, обращенные исключительно къ прислугѣ, такъ какъ Павелъ Аркадьевичъ не выходилъ къ посѣтителямъ, оставались далеко не удовлетворенными; прислуга могла рассказать только, гдѣ и въ какомъ положеніи были найдены убитые, но больше ничего. Оставалось обширное поле для различныхъ догадокъ и предположеній, которыя, посте-

пенно разростаясь, усложняясь новыми догадками и предположеніями, достигли, наконецъ, невѣроятныхъ, фантастическихъ размѣровъ.

Надежда Ивановна, по отъѣздѣ Всеволода, тоже немедленно пришла съ дочерью. Къ ней Павелъ вышелъ, излилъ свое горе и много былъ утѣшенъ тѣмъ искреннимъ, безыскусственнымъ сочувствіемъ, которое слышалось въ каждомъ словѣ доброй женщины и, особенно, Лизы. Однакоже, несмотря на всѣ просьбы, къ сестрѣ онъ ихъ не пустилъ и просилъ повременить до слѣдующаго утра, такъ какъ въ это время докторъ еще не рѣшилъ окончательно, спасена-ли она отъ горячки. На другой день, когда опасность миновала, Павелъ рѣшился повести къ сестрѣ Лизу, но не Надежду Ивановну, потому что слишкомъ усердныя, многорѣчивыя утѣшенія послѣдней могли не успокоить больную, а наоборотъ, разстроить ея слабыя нервы.

Когда Антонина увидѣла входившую Лизу, она вся какъ будто содрогнулась и закрыла глаза. Лиза подошла къ постелѣ и нагнулась къ больной. „Тоня! Милочка!“ произнесла она тѣмъ мягкимъ, дѣтскимъ полушепотомъ, который такъ тихо, нѣжно ласкаетъ слухъ.

Антонина широко открыла глаза и посмотрѣла на дѣвочку необъяснимымъ, растеряннымъ взглядомъ. Потомъ, вдругъ, съ необыкновенною при ея слабости силой, охватила ее, крѣпко прижала къ себѣ и горько заплакала.

Съ этой минуты она не отпускала ея отъ себя ни на шагъ. Лиза сидѣла или на ея кровати, или около нея. Рука ея все время искала руку дѣвочки, взоръ слѣдилъ за нею. Больная какъ будто только въ ней видѣла утѣшеніе, только отъ нея ожидала облегченія страданій.

Докторъ нашелъ, что присутствіе Лизы не только не можетъ принести вреда, но очень полезно для Антонины Аркадьевны, почему и разрѣшилъ ей оставаться около больной

сколько угодно. Лиза такъ обрадовалась этому разрѣшенію, что готова была расцѣловать добраго эскулапа. Она прислуживала подругѣ, старалась развлекать ее и исполнять малѣйшія ея желанія. Желанія эти были, впрочемъ, весьма не велики: Антонинѣ хотѣлось только все время видѣть Лизу и чувствовать ее около себя.

Подобная неожиданная нѣжность со стороны Антонины была не совсѣмъ натуральна. Хотя прежде и существовала между дѣвушками привязанность, но далеко не такая сильная. Докторъ предполагалъ, что она появилась у больной вслѣдствіе разстройства и напряженія нервовъ. Вѣрно-ли это было? Отчего она появилась въ дѣйствительности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могло дать только сердце молодой дѣвушки.

Къ вечеру того-же дня пріѣхали Аркадій Петровичъ и Авдотья Алексѣевна Невѣровы. Хотя Алинскій весьма осторожно и разумно приготовилъ ихъ къ роковому извѣстію, тѣмъ не менѣе оно произвело на нихъ потрясающее впечатлѣніе; потому что явилось совершенно неожиданно какъ разъ въ то время, когда они ожидали со дня на день увидѣться съ дочерью и затемъ, радовались свиданію и приготовлялись ихъ принять. Однакоже впечатлѣніе было неодинаково. Отецъ выражалъ свое горе громко, приходилъ въ отчаяніе и въ первую минуту, казалось, сходилъ съ ума отъ поразившаго его несчастія, а мать плакала тихо, сдержанно, стараясь скрыть отъ людскихъ взоровъ свое горе. Кто изъ нихъ страдалъ больше? Безъ сомнѣнія—она. Невѣровъ, человѣкъ характера горячаго, откровеннаго, сначала предавался горю всѣмъ своимъ существомъ, но скоро остывалъ. Потоки чувствъ у него изливались быстро, стремительно, но источникъ также быстро изсякалъ и онъ возвращался въ обыденную колею. Минувшаго горя для него какъ будто не существовало. Она же была женщина тихая, скромная, почему потокъ страданій изливался у нея медленно, капля по каплѣ, и долго, долго не изсякалъ,

долго рана сердца не заживала. Иногда такія раны не излечиваются во всю жизнь.

Конечно, Аркадій Петровичъ немедленно пожелалъ видѣть Крыловича и отправился къ нему.

Слѣдователь нѣсколько успокоился за ночь. Какъ-бы сильно ни былъ пораженъ человѣкъ горемъ, природа беретъ свое, она требуетъ хотя физическаго успокоенія и часто это успокоеніе облегчаетъ нравственныя страданія. Молодой человѣкъ былъ хотя блѣденъ, видимо сильно утомленъ и разстроенъ, но довольно спокоенъ. Онъ, однакоже, не чувствовалъ въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы рассказывать подробности дѣла несчастному отцу и предпочелъ свести его со своимъ руководителемъ, сообщивъ Невѣрову, какое дѣятельное, горячее участіе принялъ прокуроръ въ горѣ, постигшемъ ихъ семейство. Участіе и содѣйствіе такого человѣка, какъ Иванъ Ильичъ, пользовавшагося общимъ уваженіемъ въ городѣ, было не малымъ утѣшеніемъ Аркадію Петровичу. Оно подавало надежду, что звѣрское убійство его дочери и зятя не останется безнаказаннымъ и преступникъ будетъ открытъ.

Къ сожалѣнію, это была только мечта и даже самъ прокуроръ не только не могъ сказать утвердительно, но даже подать основательную надежду, что разслѣдованіе темнаго преступленія будетъ имѣть успѣшный исходъ. Тѣмъ не менѣе, сочувствуя горю отца, онъ постарался насколько возможно успокоить его, обѣщая употребить всѣ средства и все свое умѣнье, чтобы найти убійцу. Иванъ Ильичъ, со своимъ умомъ и знаніемъ людей, съумѣлъ такъ расположить къ себѣ прямодушнаго Невѣрова и внушилъ ему такое довѣріе, что тотъ дѣйствительно нѣсколько успокоился.

Похороны были очень многолюдны. Всѣ знакомые Тименева, всѣ лица, съ которыми онъ имѣлъ дѣла, наконецъ, много даже совершенно незнакомыхъ присутствовали на нихъ.

Крыловичъ вспомнилъ слова Ивана Ильича относительно

анализа выражений и вглядывался безпокойнымъ взоромъ во всѣ лица, стоявшія вокругъ гробовъ—но увы! Рѣшительно не могъ замѣтить никого, кто-бы походилъ на убійцу. „Онъ долженъ быть молодъ, думалъ слѣдователь, онъ долженъ быть красивъ, лицо у него должно быть умное — другого она не могла-бы такъ любить“. Взгляды его невольно обращался на Алинскаго... Что за вздоръ! Такое подозрѣніе невозможно! Да наконецъ—какое выраженіе его лица? Совершенно спокойное. Онъ смотритъ на убитую, смотритъ задумчиво, печально... очень печально... ему жаль ее—это ясно, но у него не дикій, пристальный взглядъ чловѣка, безумно ее любившаго, въ сердцѣ котораго и въ настоящую минуту еще пылаетъ мучительная страсть. Нѣтъ—это не онъ! Вотъ подходитъ бывший обожатель Вѣры, Бариновъ. Онъ также смотритъ пристально на свой бывший идеалъ, но какой страхъ въ его взорѣ. Онъ отворачивается... ему противно... отвращеніе ясно изображается на его лицѣ. Отвращеніе!. За поцѣлуй этой женщины три дня тому назадъ онъ готовъ былъ отдать годъ жизни, а теперь нужно толкать его, тащить насильно, чтобы онъ прикоснулся губами къ ея холодному, почернѣвшему лицу. А Недолинъ? Какъ онъ смотритъ натянуто-спокойно! Я чловѣкъ твердый, какъ будто хочетъ сказать это тусклое лицо безъ выраженія. Что такое смерть? Окончаніе комедіи жизни — и только! Всѣ мы умремъ—это неизбежно! Вотъ молодой Лѣницкій—онъ видимо ежится, переминается... покойниковъ боится! И не скрываетъ, что боится—силъ не хватаетъ скрыть! Заглядываетъ на нихъ какъ-то бокомъ, изподлобья... Вчера говорилъ, что если не смѣлъ живую, такъ хоть мертвую поцѣлуетъ, а теперь и подойти-то не рѣшается. Мертвая страшнѣе живой. Ему—убить? Да онъ курицу не зарѣжетъ, не только что чловѣка! Вонъ стоитъ Авдѣевъ—глаза вытаращены, налиты кровью... по лицу багровыя пятна... широкія ноздри какъ будто вдыхаютъ кровь. Онъ шатается на ногахъ...

чего добраго упадетъ. Вотъ онъ, настоящій убійца... какъ есть—весь тутъ! Да нѣтъ—онъ просто мертвецки пьянъ... ничего не соображаетъ. Сестры притащили... Хорошъ! Такого любить Антонина? Она? Что за бессмыслица! Ушелъ-бы онъ лучше! Какъ ему не стыдно являться передъ всѣмъ городомъ, на похороны убитыхъ, въ такомъ видѣ? Тамъ, въ сторонѣ, Вирскій, блѣдный, печальный. Онъ сильно былъ влюбленъ въ покойницу, но никогда даже не смѣлъ показать ей свою любовь. Не онъ-ли? Можетъ быть, онъ молчалъ, долго молчалъ и вдругъ рѣшился все покончить разомъ... Вотъ онъ поднимаетъ глаза... Онъ убійца? Не можетъ быть! Если-бы онъ былъ ночью въ ея спальнѣ—его нашли-бы тамъ утромъ. Онъ лежалъ-бы теперь также неподвижно, какъ она лежитъ. Развѣ это не написано на его лицѣ?

Такъ перебиралъ молодой человѣкъ всѣхъ — и напрасно. Отъ одного онъ переходилъ къ другому и заключительнымъ словомъ каждаго наблюденія было все то-же: нѣтъ—не онъ!

Но кто-же тогда? Значить Иванъ Ильичъ ошибся—„его“ здѣсь нѣтъ. А, можетъ быть, здѣсь?..

Крыловичъ готовъ былъ сейчасъ-же пожертвовать жизнью, лишь-бы угадать преступника, этого ужаснаго, страшнаго человека, который убилъ Тименевыхъ, погубилъ его, погубилъ „ее“...

XV.

Прошла недѣля. Слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ впередъ. Скорѣе даже отодвинулось назадъ, потому что исчезла надежда узнать что-нибудь отъ лицъ, имѣвшихъ дѣла съ Тименевымъ, которыя, согласно объявленію, явились въ назначенный срокъ. Ихъ было весьма немного, потому что Петръ Сергѣевичъ, въ послѣднее время, мало занимался дѣлами и большую часть времени проводилъ съ молодой женой. Состояніе свое онъ обратилъ въ акціи и другія процентныя бумаги, а частныхъ обязательствъ у него оставалось, сравнительно, весьма мало.

Приведя въ порядокъ денежные дѣла покойнаго, Невѣровъ и Кириловичъ сдѣлали вызовъ наслѣдниковъ, если таковые найдутся. Родственниковъ у Тименева въ наличности не имѣлось и никогда онъ не упоминалъ о нихъ, такъ что никому не было извѣстно, существуютъ-ли они гдѣ-либо на земномъ шарѣ.

Прокуроръ раза два посѣтилъ Невѣровыхъ въ это время. Антонина Аркадьевна еще была больна и изъ комнаты не выходила. Принимали его Аркадій Петровичъ съ женой, стараясь показать гостю всевозможную любезность и расположеніе, такъ какъ питали большую надежду, что ему удастся найти убійцу ихъ дочери. Впрочемъ, надо сказать правду, иши руководила при этомъ не одна эгоистическая цѣль: Иванъ Ильичъ счумѣлъ вполне приобрѣсти ихъ довѣріе и симпатію, тѣмъ болѣе, что ему, повидимому, самому очень хотѣлось сойтись съ ними и покороче познакомиться въ ихъ домѣ. Это

вполнѣ понятно, если вспомнить его выводы о преступникѣ и тѣ средства, которыя онъ имѣлъ въ виду употребить, чтобы открыть его. Такъ какъ Невѣровы предполагали скоро вернуться въ деревню, то Аркадій Петровичъ, конечно, пригласилъ его посѣтить ихъ тамъ, если служебныя дѣла дозволятъ ему отлучиться изъ города. Иванъ Ильичъ не только сразу принялъ приглашеніе, но даже выразилъ, что для него это посѣщеніе, кромѣ большого удовольствія, доставитъ и пользу, такъ какъ здоровье его въ послѣднее время нѣсколько расшаталось и деревенскій воздухъ несомнѣнно долженъ значительно укрѣпить его. Онъ боялся только злоупотреблять ихъ любезностью, а то, по его выраженію, „широко“ воспользовался-бы ихъ радушнымъ гостепріимствомъ. Конечно, ему было тотчасъ заявлено, что когда-бы онъ ни сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ, всегда будетъ дорогимъ гостемъ. Такимъ образомъ прокуроръ подготовлялъ себѣ поле дѣйствій и шелъ прямой дорогой къ достиженію своей цѣли. Убѣжденный въ томъ, что Антонина знаетъ убійцу и молчитъ, потому-что влюблена въ него, онъ поставилъ себѣ непремѣнной задачей открыть тайну молодой дѣвушки.

По окончаніи разбора бумажъ, отобѣдавъ у Невѣровыхъ, Крыловичъ поѣхалъ домой.

Молодой человѣкъ, хотя и успокоился за недѣлю, но былъ еще очень задумчивъ и печаленъ. Онъ какъ будто совершенно переродился: изъ веселаго и беззаботнаго сдѣлался грустнымъ и молчаливымъ. Поразившій его ударъ былъ такъ силенъ, что онъ все еще не могъ отъ него оправиться. Антонину онъ не видѣлъ — она не выходила. Да зачѣмъ ему было ее видѣть? Онъ боялся этого свиданія... Одинъ взглядъ на обожаемую дѣвушку долженъ былъ растравить нанесенную его сердцу жестокою рану. Онъ самъ не зналъ, какъ будетъ съ ней? Что скажетъ? Что сдѣлаетъ? Онъ боялся, страшно боялся, что она замѣтитъ что-нибудь по его лицу, по его

глазамъ, и если спросить — что онъ отвѣтитъ? Неужели онъ выскажетъ ей всю правду? А вѣдь это можетъ случиться... Да нѣтъ! Развѣ возможно, чтобы она спросила что-нибудь, если дѣйствительно знаетъ и любитъ убійцу! Она будетъ молчать... это несомнѣнно! Если-же она ничего не знаетъ, не подозрѣваетъ, тогда, конечно, спросить, даже будетъ разспрашивать. О, какъ онъ желалъ, чтобы она спросила! Если это случится, то, значить, всѣ выводы ложны и она ничего не знаетъ, потому-что не способна такъ хитрить и притворяться. Если-бы она спросила! тогда какой восторгъ, какое торжество... Да нѣтъ! Напрасная надежда! Никогда этого не будетъ...

Крыловичъ собрался-было ѣхать къ прокурору, чтобы сообщить ему результаты разбора бумагъ Тименева, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, тотъ вошелъ къ нему самъ.

— А какъ вамъ! объявилъ онъ, здороваясь. Ну—какъ дѣла?

— Да плохи, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ слѣдователь, подвигая ему кресло.

— Приходили сегодня?

— Мало. Никакихъ особенныхъ дѣловыхъ сношеній Тименевъ ни съ кѣмъ не велъ. Деньги больше все въ процентныхъ бумагахъ.

— Медовымъ мѣсяцемъ наслаждался — дѣла бросилъ. Кажется, всю жизнь человѣкъ на поклоненіи золотому тельцу построилъ, а все-таки амуры побѣдили. Это значить—сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро.

— Онъ, дѣйствительно, въ женѣ души не чаялъ — только и любовался на нее.

— Тоже своего рода золотой телецъ была — настоящая красавица. Пріятную жизнь устроилъ себѣ покойникъ, да, Господь съ нимъ, и поплатился порядочно...

— Чего хуже!

— Правда—хуже не выдумашь. Такъ, значить, съ этой стороны, надежда открыть что-нибудь приведена къ нулю?

— Приведена.

— Ну, будемъ искать съ другой. Я вѣдь не безъ цѣли явился къ вамъ, объявилъ Иванъ Ильичъ, поправляя очки. Пришелъ въ гости васъ звать.

— Какъ въ гости? удивился Крыловичъ.

— Хочу Авдіевыхъ посѣтить — сегодня у нихъ „день“. Только, правду сказать, одному идти робость одолеваетъ, боюсь, что съѣдятъ. Хочу васъ просить мнѣ подкрѣпленіе составить.

— Отчего это вы такъ неблагоклонны къ нимъ, Иванъ Ильичъ? улыбнулся Крыловичъ. Въ сущности вѣдь она ничего...

— Ничего? Помилуйте! Да вспомните только Крылова — по моему, у него въ одномъ мѣстѣ прямо про нихъ упомянуто: „вѣдь ты чума, ты язва здѣшнихъ мѣстъ...“

— Ужъ вы слишкомъ строго...

— Строго? протестоваль прокуроръ. Да что-же можетъ быть отвратительнѣе сплетницъ, хуже того — клеветницъ? Это настоящая чума, настоящая язва! Я-бы ихъ въ Петербургъ повезъ, да на каждое представленіе „Севильскаго цирюльника“ обязательно, насильно таскалъ. Тамъ донъ-Базиліо про клевету знаменитую арію поетъ — пусть поучатся, пусть поучатся...

Крыловичъ засмѣялся.

— Но сознайтесь откровенно, замѣтилъ онъ, кто-же изъ нашихъ барынь не зараженъ немножко слабостью посплетничать?

— Согласенъ — всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство заражено. Происходитъ это, какъ я понимаю, отъ того, что имъ иначе говорить не о чемъ. Заведите съ барыней разговоръ о какомъ-нибудь отвлеченномъ или серьезномъ предметѣ: говорить-то, пожалуй, она и будетъ, изъ самолюбія больше, чтобы показать, что и мы, дескать, современны, дѣломъ интересуемся и о чемъ хотите разсужденіе вести можемъ, но осо-

беннаго наслажденія въ бесѣдѣ вы съ ея стороны не замѣтите, а попробуйте перевести на то, что вотъ, дескать, такой-то или такая-то... сейчасъ глазки заблещутъ, въ лицѣ оживленіе и—поѣхала! Особенно между собою—тема сплетень у нихъ самая распространенная. Но дѣло въ томъ, Михаилъ Алексѣевичъ, что сплетня сплетнѣ рознь. Иная скорѣе на шутку похожа, посмѣшить можетъ, пожалуй, даже кто-нибудь и подосадуетъ—все это ничего, занятіе невинное... А вѣдь есть такія сплетни, которыя людей на вѣки врагами дѣлаютъ, до ожесточенія доводятъ, Богъ знаетъ на какіе отчаянные подвиги подталкиваютъ... Вотъ гдѣ настоящая чумато! Авдіевыхъ я причисляю къ злымъ, опаснымъ сплетникамъ. Да вотъ, время у насъ еще есть—идти рано, хотите я вамъ характеристику этого милаго семейства сдѣлаю?

— Пожалуйста, это очень интересно.

— Начинаю съ сестрицъ. Старшую, тощую Олимпіаду, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, назовемъ для отличія сплетней „ядовитой“, а младшую, толстую Капитолину съ короткимъ, горбатымъ носомъ, сплетней „болтливой“. Ядовитая сплетня—черствая и злая эгоистка—это видно по ея глазамъ. Никого и ничего она не любитъ или, вѣрнѣе, всѣхъ ненавидитъ. Особенно-же ненавидитъ брата; это ея *bête noire*. Хотя, положимъ, онъ и заслуживаетъ отчасти такую ненависть, но только отчасти, какъ дальше увидите. Про всякаго она готова чортъ знаетъ что сказать, но сказать особеннымъ способомъ, „ядовито“, почему и получила отъ меня это наименованіе. Въ извѣстную минуту, при удобномъ случаѣ, она дастъ только ловкій намекъ, пуститъ въ ходъ сплетню не многорѣчиво, но основательно, и потомъ любитъ, какъ сплетня разрастается, надувается и изъ мыши горой дѣлается. Если по какому-нибудь случаю выйдетъ фіаско и сплетня оборвется, она опять поддастъ жару... Говоритъ она мало, но зло и съ знаніемъ дѣла, потому-что умна. Это женщина въ полномъ смыслѣ

слова опасная и тѣмъ болѣе опасная, что когда сплетня надуется горой, то не всякій даже и догадается, что Олимпиада Семеновна выпустила ее мышью. Она въ сторонкѣ, ея хата съ краю...

— Непривлекательный портретъ.

— Правда — скверный. Могу, впрочемъ, васъ утѣшить тѣмъ, что это старшій и самый отвратительный членъ семейства. Сплетня болтливая все-таки лучше, хоть также не далеко ушла. Эта будетъ подобрѣе сестры, хотя тоже чувствительностію сердца похвастать не можетъ. Къ брату симпатіи или хоть сожалѣнія не чувствуетъ ни на грошъ. Она говоритъ много и вретъ еще больше. Горя ей мало, что узнають, отъ кого вышла сплетня, правдоподобна она или нѣтъ и тому подобныя мелочи; суть въ томъ, чтобы дать пищу языку, хорошую или дурную—все-равно. У нея есть всегда хорошій исходъ: я, дескать, слышала... и пошла, и пошла... Она безвреднѣе ядовитой сплетни въ томъ отношеніи, что человѣкъ мало-мальски здравомыслящій легко можетъ усмотрѣть, на какомъ инструментѣ играетъ Капитолина Семеновна, почему ни малѣйшей вѣры къ ея рѣчамъ имѣть не будетъ. Но для людей легкомысленныхъ, пустенькихъ, которые сами любятъ подчасъ языкъ почесать, это чистый кладъ—можно значительный запасъ разныхъ фантастическихъ свѣдѣній сдѣлать. И до такой-то степени она иногда вретъ, такія несбыточныя, баснословныя вещи вылетаютъ изъ ея толстыхъ устъ, что и смѣшно, и досадно становится: вѣдь есть-же люди, которые ее одобрительно слушаютъ, да мало того—вѣрятъ, да и еще мало того—другимъ рассказываютъ... Чего-же еще? Только остается плечами пожать и плюнуть. Бываютъ и такіе случаи: попадетъ фантастическая сплетня къ человѣку, хотя и зараженному страстью почесать языкъ, но неглупому. Видитъ онъ—матеріаль хорошъ, только обработки требуетъ. Фантастическое-то повикинетъ и пустить уже правдоподобную, под-

ходящую сплетню. А начало все-таки сыщете на языкѣ горбоносой Капитолины. Однако-же, во всякомъ случаѣ, она лучше ядовитой, много лучше...

— Тоже не особенно привлекательна.

— Все-таки лучше. Вотъ съ такими-то прелестными свойствами, хотя и деньги есть, а остались обѣ онѣ въ дѣвицахъ. Вѣдь старшей-то подѣ сорокъ будетъ!

— Кто ее знаетъ? На видѣ, пожалуй, будетъ.

— Будетъ непременно. Младшая хоть и помоложе, а тоже къ бабьему вѣку подѣзжаетъ. Мнѣ кажется, что остались онѣ въ дѣвицахъ больше отъ внутреннихъ междоусобій.

— Какъ такъ?—улыбнулся Крыловичъ.

— А очень просто: представляется одной партія, другой завидно. Зависть, замѣчу въ скобкахъ, составляетъ неотъемлемую принадлежность сплетницъ всѣхъ видовъ и наименований. „Ты что это замужъ вздумала? А я-то что? Хуже тебя, что-ли? Ты нашла партію, а я дрянь, меня никто не возьметъ?“ Пойдетъ она милой сестрицѣ всякія родственныя услуги языкомъ оказывать и кончится дѣло тѣмъ, что устрешенный женихъ скорѣе на попятный. Такимъ порядкомъ старались, старались онѣ одна въ пользу другой, пока обѣ въ вѣчныхъ весталокъ, безъ опасности быть заживо похороненными, не обратились. А какъ попали въ категорію „старыхъ дѣвъ“—ну, тутъ ужъ всему конецъ! Озлобленіе невѣроятное! — никому пощады! Катай съ плеча! А главное братъ... онъ всему виновать!

— Да вѣдь и братъ-то, надо правду сказать, Иванъ Ильичъ, особеннаго сочувствія не можетъ возбудить. На похоронахъ, знаете, даже противно было на него смотрѣть.

— А что? Въ настоящемъ видѣ былъ?

— Ужъ, право, въ такомъ настоящемъ, что даже неприлично. На ногахъ шатался. Неужели сестры не могли объ-

яснить ему, что невозможно являться въ такомъ видѣ, особенно на похороны?

— Да онѣ нарочно привели его—повѣрьте! Вотъ, дескать, посмотрите добрые люди на насъ несчастныхъ—какой онѣ у насъ варваръ? Ну, какъ-же послѣ этого не лупить его?

— И слѣдуетъ лупить—это вѣрно,—разгорячился Крыловичъ.—Жаль только, что такой быкъ и четвернымъ не поддается, а хорошо-бы онѣ сдѣлали, кабы разложили, да высѣкли его хорошенько... Такой у него видъ былъ, что я, признаться, подумалъ, ужь не онѣ-ли Тименевыхъ на тотъ свѣтъ отправилъ? Просто—настоящій убійца!

— Идеаль Антонины Аркадьевны? — улыбнулся прокуроръ:

— Это-то меня и разубѣдило. Такого любить не только Антонинѣ Аркадьевнѣ, да никакой женщинѣ на свѣтѣ невозможно.

— Ну, не говорите. Часто бываютъ странности. Марія была влюблена въ Мазепу...

— Мазепа былъ только старикъ, это еще ничего... При томъ-же онъ былъ человѣкъ умный, дѣльный...

— А вы полагаете, что Авдіевъ неумный? Напрасно! Совершенно напрасно! Авдіевъ далеко не глупъ. Онъ звѣроподобенъ—это правда, но не глупъ. Есть женщины, которыхъ не пугаетъ звѣроподобіе, скажу даже больше: есть женщины, которыя ему симпатизируютъ...

— Только уже никакъ не Антонина Аркадьевна!

— Я лично не имѣю чести знать Антонину Аркадьевну, но полагаю, судя по вашимъ, хотя, между нами будь сказано, и нѣсколько пристрастнымъ описаніямъ, что она такой личности симпатизировать не можетъ. Тѣмъ не менѣе продолжаю утверждать, что есть женщины, которыя Авдіева полюбить могутъ и даже очень, очень могутъ.

— Я полагаю, что если и могутъ, то весьма немногія. Не говорю про пьянство, это еще ничего, тѣмъ болѣе, что сильно

пить онъ началъ недавно—прежде больше кутилъ и безобразилъ, а въ пьянствѣ все-таки мѣру зналъ. Но возьмите другія его свойства: онъ развратенъ...

— Это также ничего.

— Грубъ, неотесанъ....

— Тоже не препятствіе.

— Онъ постоянно лжетъ и даже, какъ говорятъ, не чистъ на руку...

— Кто это говорить? Вѣрно, сестрицы? Продолжайте—и это ничего...

— Но въ такомъ случаѣ, по вашему, женщина можетъ полюбить всякаго мерзавца?

— Можетъ.

— Мошенника? Преступника?

— И мошенника, и преступника. Знаете-ли, Михайлъ Алексѣвичъ, если женщина любитъ человѣка, она все ему прощаетъ, понимаете-ли—все, кромѣ одного: ничтожества.

— То-есть какъ это?

— Есть, видите-ли, люди, пожалуй, и довольно добрые, и довольно честные—но ничтожные. Они ничего изъ себя не изображаютъ, это олицетворенный нуль. Трудно объяснить, въ чемъ именно заключается уподобленіе человѣка нулю. Это не глупость и не трусость, потому что можно быть и глупымъ, и трусомъ, а все-таки не нулемъ. Человѣкъ нуль есть такая комбинація различныхъ свойствъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, что если сдѣлать математическое сокращеніе, такъ въ итогѣ ничего не останется. Человѣкъ настолько уменъ, что ничего не сдѣлаетъ умнаго, настолько глупъ, что не отличится никакою выдающеюся глупостію, настолько смѣлъ, что впередъ не пойдетъ, и настолько трусливъ, что назадъ не побѣжитъ. Въ физическомъ отношеніи онъ таковъ, что взоръ на немъ не останавливается ни съ удовольствіемъ, ни съ отвращеніемъ, а просто проскользаетъ мимо его лица и сейчасъ-же

его забываетъ. Никогда онъ не скажетъ ничего такого, что привлекло-бы ваше вниманіе; слухъ вашъ такъ-же скользнуть мимо его рѣчей, какъ взоръ мимо его лица. Однимъ словомъ это человѣкъ „ничего“—полное ничтожество. Сказалъ и повторяю: всякаго полюбить женщина—но его никогда! И замѣтите, чѣмъ дальше удаляется человѣкъ отъ этого печальнаго равновѣсія, тѣмъ сильнѣе можетъ быть любимъ. Герой и преступникъ, красавецъ и уродъ являются идеалами женщины и чѣмъ сильнѣе крайность, тѣмъ сильнѣе можетъ быть и любовь.

— Странная теорія, воля ваша, Иванъ Ильичъ. Кажется, въ дѣйствительности, большинство людей подходитъ скорѣе къ равновѣсію, чѣмъ къ крайностямъ. Я полагаю, что крайности являются исключеніемъ...

— Да вѣдь и сильная любовь является исключеніемъ. Большинство, громадное большинство живутъ вмѣстѣ, пожалуй, и любятъ другъ друга—отчасти по привычкѣ, отчасти отъ сердечной пустоты, и такъ до могилы дотягиваютъ. Если-же найдется идеаль, искомая крайность, тогда прощай привычка, прощай сердечная пустота... является любовь.

— Значитъ Авдѣевъ дѣйствительно можетъ быть идеаломъ, потому что съ такими скверными инстинктами, какъ у него, не трудно дойти до крайности.

— Это обоюдоострый мечъ, Михаилъ Алексѣевичъ. Тутъ не одни инстинкты, отчасти обстановка и среда. Молодой человѣкъ горячаго характера увлекся въ дурной компаніи, началъ кутить, оставилъ гимназію...

— Выгнали, поправилъ Крыловичъ.

— Положимъ — выгнали. Это еще хуже, потому-что раздражили. „Что, молъ, испугать хотѣли? Наплевать мнѣ на васъ! Вотъ на зло-же вамъ—на весь городъ набуяню!“ Деньги были, ну и пошла писать. А тутъ еще сестрицы съ руганью: „Ахъ ты такой, сякой, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь дуракъ—изъ гимназіи выгнали... на что ты годенъ? Ступай хоть воль-

нонаемнымъ писаремъ въ канцелярію, хлѣбъ зарабатывай!“ — „Писаремъ? Какъ-бы не такъ? Я вамъ покажу писаря!“ И еще хуже. День по вертепамъ, ночь по притонамъ — пока грошъ былъ. Сестрицы пуще ругать — онъ пуще безобразить. Ни одного добраго слова, ни одного дѣльнаго, разумнаго совѣта или указанія... А вѣдь такая жизнь, знаете, вѣдается. Человѣкъ все-равно какъ въ омутъ попадаетъ: чѣмъ дальше погружается, тѣмъ сильнѣе его ко дну тянетъ. Постепенно и стыдъ, и совѣсть въ притонахъ да вертепахъ расходуются, такъ что наконецъ и вовсе исчезаютъ. Не оставалось ни копѣйки... „Ну — сестрицы! Ругали меня много... теперь дѣлайте со мною что хотите — весь вашъ! Довольно! коротко, да зато хорошо!..“ Что ему теперь? Лѣтъ двадцать пять, двадцать шесть будетъ? — Въ родѣ этого.

— А онъ уже довольно давно на ихъ иждивеніи живетъ. Значить, живо свои дѣлишки обдѣлалъ... Знаете, какъ говорятъ — ухнулъ и баста! А какъ попался онъ въ лапки къ ба-рышнямъ, онѣ и обрадовались. „А, голубчикъ! Конецъ? Ну, теперь, пожалуйста, Мишенька, сюда, покажите, какія вы штуки показывать умѣете?“ Бросятъ Мишенькѣ корку и ужъ лупятъ его за нее, лупятъ... хотя, положимъ, не палками, а языками, да еще хуже выходитъ. Озлобили онѣ его страшно. Если и были дурные инстинкты, такъ до апогея ихъ довели, тѣмъ болѣе, что натура у него горячая, увлекающаяся, страсти бурныя, еще болѣе развитыя безшабашною жизнію. Сестрицы его неистово грызутъ, онъ ихъ неистово честить. Онѣ ему водки не даютъ — онъ у нихъ деньги воруетъ. Нельзя безъ водки! Хоть тресни, а выпить надо... Вотъ вамъ положеніе человѣка! Знаете-ли что я вамъ скажу, Михаилъ Алексѣвичъ? Жалко мнѣ Авдіева — право жалко! Конечно, отчасти онъ погибъ отъ дурныхъ инстинктовъ, которымъ слишкомъ много воли далъ, но отчасти и среда его погубила, милыя сестрицы живьемъ заѣли...

— Положимъ, что это такъ, Иванъ Ильичъ, отчасти согласился Крыловичъ, а все-таки человѣкъ онъ далеко не симпатичный, даже отталкивающій, и полюбить такого...

— Можно было прежде, перебилъ прокуроръ, а теперь, конечно, трудно. Но если-бы его женщина полюбила, когда онъ еще человѣческій образъ имѣлъ, такъ она его и теперь не бросила-бы, несмотря на то, что онъ звѣроподобнымъ сдѣлался—повѣрьте! По моему мнѣнію, какъ ни противенъ Авдѣевъ, а все-таки онъ лучше Сестеръ... право лучше! А ужъ эти весталки...

— Скажите-же, пожалуйста, зачѣмъ вы идете, если чувствуете къ нимъ такую антипатію?

— Ужъ очень хочется мнѣ словесныя городскія газеты почитать. Развѣ вамъ не интересно послушать, что умные люди про тименевское дѣло вѣщаютъ? Полагать надо, теперь умозаключенія уже до значительнаго развитія достигли. Зачѣмъ-же пренебрегать? Положимъ, изъ океана глупостей трудно здравую мысль выудить, а все послушать не мѣшаетъ.

— При васъ-то пожалуй что не очень будутъ...

— Не беспокойтесь! Сначала, быть можетъ, нѣкоторые конфузъ ощущать, а потомъ расходятся и хоть Миноса съ Радамантомъ тутъ посадите, все едино—поѣдутъ! Еще пожалуй скорѣе... Захочется все изъ головного мѣшка высыпать. Сначала шагомъ пойдутъ, за-то, потомъ карьеромъ поскачутъ. Я-же ихъ пришпоривать немножко буду... Однако-же, пойдете въ редакцію словесныхъ извѣстій—должно быть уже наборъ сдѣланъ...

Была у прокурора и другая цѣль, которая побуждала его быть на вечерѣ Авдѣевыхъ, но онъ ея не высказалъ. Что-же касается до слѣдователя, то хотя онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія идти слушать городскія сплетни, въ которыхъ не могло заключаться ничего для него утѣшительнаго, но покорился, скрѣпя сердце, желанію почтеннаго юриста.

XVI.

Авдіевы жили въ собственномъ домѣ. Квартира ихъ была довольно большая, удобная и хорошо убрана. Хотя средства ихъ были не велики, но настолько достаточны, что онѣ могли жить прилично для губернскаго города, тѣмъ болѣе, что отличались бережливостью, даже скупостью и обладали искусствомъ успѣшно изворачиваться, несмотря на обширный кругъ знакомыхъ. Эти знакомства были даже выгодны для нихъ въ томъ отношеніи, что онѣ почти каждый день сновали по гостямъ, то къ тѣмъ обѣдать, то къ другимъ чай пить, такъ что нагоняли значительную экономію на столѣ. Братъ рѣдко имъ сопутствовалъ, но о немъ онѣ не особенно заботились — поѣсть чего-нибудь, а нѣтъ, то и такъ обойдется. Съ голоду не умереть.

Для того, чтобы отплатить знакомымъ за приемы и обѣды, онѣ устроили у себя по средамъ „дни“. Правда, обильнымъ угощеньемъ дни эти не отличались, потому-что кромѣ чая да незамысловатой закуски, ничего ровно не подавалось, но за-то, если не доставляли пищи желудку, то обильно насыщали умъ. Сами хозяйки всегда были начинены всевозможными, самыми животрепещущими городскими сплетнями, а гости являлись также съ значительнымъ запасомъ, почему время у Авдіевыхъ проходило „очень пріятно“ и дни посѣщались весьма многими. Въ любителяхъ собиранія и разноски новостей никакой городъ, ни значительный, ни незначительный, никогда недостатка не терпѣть.

Дни блистали преимущественно особами прекраснаго пола

и имѣли довольно семейный видъ: гости усаживались въ обширной столовой вокругъ большого стола, на которомъ кипѣлъ необъятной величины самоваръ и, упиваясь произведеніемъ Китая съ вареньемъ, сливками, ромомъ и другими произведеніями Россіи, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ усердно раздирали въ клочки поголовно всѣхъ ближнихъ и дальнихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Въ гостиной и по угламъ происходили также частыя бесѣды или сплетни конфиденціального характера, которыя не желали выпустить публично безъ предварительной подготовки.

Въ тотъ вечеръ, когда Иванъ Ильичъ явился со своимъ спутникомъ въ эту, по его выраженію, „редакцію словесныхъ извѣстій“, комнаты уже вмѣщали значительное количество гостей, потому-что была первая среда послѣ надѣлавшаго такъ много шума убійства Тименевыхъ и каждому хотѣлось о немъ послушать и потолковать. Большинство составляли дамы и пожилыя дѣвицы; мѣстами виднѣлись также военные и гражданскіе сюртуки. Пиджаковъ, спеціального костюма еще юныхъ кавалеровъ, и свѣтлыхъ платьевъ молодыхъ барышень почти не было. Надо замѣтить, что молодые люди рѣдко интересуются судами и пересудами на счетъ другихъ и предпочитаютъ больше заниматься собственною особою. На дняхъ, подобныхъ Авдіевскимъ, они сильно скупаютъ и немилосердно зѣваютъ, почему посѣщаютъ ихъ крайне неохотно. Сидятъ они за столомъ большею частью молча и такъ внимательно рассматриваютъ узоры на скатерти или цвѣтъ налитого имъ чая, что даже глаза начинаютъ слипаться. А если дозволятъ себѣ открыть ротъ и высказать что-нибудь, то присяжные ораторы собранія окидываютъ ихъ небрежно-снисходительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно-презрительнымъ взглядомъ, какъ-бы говоря: „Какъ это ты позволяешь себѣ въ разговоръ соваться, когда тутъ поумнѣе тебя есть? Вѣдь только пустяки говоришь и больше ничего!“ Молодая особа краснѣетъ, кон-

фузится, замирается и дѣйствительно выходить пустяки. Встрѣчаются, конечно, и молодыя особы, которыя присяжныхъ ораторовъ за поясъ заткнутъ—все бываетъ...

Прибытіе прокурора и слѣдователя произвело значительную сенсацію.

— Наконецъ-то, Иванъ Ильичъ,—заговорила, здороваясь, толстая Капитолина Семеновна,—удостоили вы насъ чести пожаловать... А ужъ мы и надежду потеряли... Я слышала, что вы дали клятвенное обѣщаніе не переступить нашего порога...

Слово „я слышала“ такъ сроднилось съ языкомъ горбоносой барышни, что рѣдко могла она обойтись безъ этого излюбленнаго выраженія.

— Давно собирался, Капитолина Семеновна, да все дѣла...

— Пожалуйста, и не говорите!—замахала она руками.— Старое, отжившее извиненіе! Дѣла, дѣла... Когда къ кому хочется, такъ и дѣла по боку, а какъ желанія нѣтъ, такъ самыя неотлагательныя являются... Садитесь-же, пожалуйста! Вотъ здѣсь! Поликсена Антиповна — будьте любезны... немножко вправо... Mesdames—маленькое мѣстечко...

Объемистая Поликсена Антиповна съ готовностію подвинула свой стулъ пальца на два вправо, заботливо заглядывая въ узкій промежутокъ между собою и сосѣдкою, какъ-бы предполагая, что прокуроръ сядетъ около нея на полъ, и рассчитывая, хватитъ-ли ему тамъ мѣста.

— Возьмите стулъ!.. Еще немножко... un peu...

— Не беспокойтесь, пожалуйста! — проговорилъ Иванъ Ильичъ, умѣщаясь, какъ въ футлярѣ, между двумя дебелыми представительницами нѣжнаго пола. Представительницы хотя и потѣснились, но были рады сосѣдству. „Самъ прокуроръ!—вертѣлось уже у нихъ на умѣ; вотъ услышимъ! Всю суть услышимъ!“

— Чаю, Иванъ Ильичъ! Сдѣлайте одолженіе! Безъ cere-

моніи...—угощала Олимпиада Семеновна.—Вотъ сливки, лимонъ... Можетъ быть, ложечку рому?

— Покорно васъ благодарю!

— И, знаете, блѣдный, блѣдный...—послышалось на другомъ концѣ стола.

— Кто блѣдный?—повернулась въ ту сторону Капитолина, какъ боевой конь, слышавшій трубный звукъ.

— Да вотъ, Мавра Осиповна про похороны Тименевыхъ рассказываетъ...

— Ахъ, та chère, что вы замѣтили? Расскажите, пожалуйста! Это очень интересно! Я, знаете-ли, сама замѣтила... а потомъ слышала... Вы, Иванъ Ильичъ,—вдругъ обратилась она къ прокурору,—теперь, я думаю, день и ночь возитесь съ этимъ дѣломъ и оно вамъ уже по горло надоѣло, ну, а насъ оно такъ интересуесть—просто сказать нельзя! Мы напуганы, страшно напуганы...

„Ну, ужъ тебѣ-то пугаться совсѣмъ напрасно,—подумалъ прокуроръ,—наружность успокоительная...“

— Такой преступникъ среди насъ... А, можетъ быть, ихъ шайка...

— Кровавый походъ на особъ прекраснаго пола! — вернулся военный среднихъ лѣтъ въ мѣшковатомъ скортукѣ.

— Пожалуйста, не шутите этимъ, Иванъ Федоровичъ,—умоляю васъ!—вдругъ испугалась Поликсена Антиповна. Развѣ возможно такъ легко относиться къ подобнымъ ужасамъ?..

— Что до меня касается,—произнесла, жеманясь, барыня жоржзандовскихъ лѣтъ, нѣсколько напоминающая вѣху съ пучкомъ соломы на верхушкѣ, я теперь не отпускаю мужа вечеромъ ни на шагъ... Я въ спальню и онъ въ спальню, я въ постель и онъ...

— Да что мужа!—перебила ее Капитолина.—Я слышала, что Анна Петровна Уткина, такъ та двухъ мужей... то, бишь, двухъ людей кладеть...

— Какъ? Въ спальнѣ?—развернулся опять военный.

Дамы стыдливо опустили глаза и закусили губы.

— Да перестаньте! Какія вы, право, все глупости говорите!—разсердилась Капитолина Семеновна.—Одного въ гостиной, а другого въ уборной, съ обѣихъ сторонъ...

— Подъ бокомъ...

— *C'est charmant!*

— Полная безопасность!

— Слышите, — проговорила сидящая въ углу у столика барыня своей собесѣдницѣ, — говорятъ, что съ убійства Тименевыхъ Уткина къ себѣ въ спальню людей спать кладетъ... Какъ вамъ это нравится?

— А до убійства?—наивно спросила собесѣдница.

— Дѣйствительно, вѣдь это ужасно страшно!—продолжала ораторствовать хозяйка.—Если ихъ цѣлая шайка... никто не обезпеченъ...

— Такъ вы полагаете, что ихъ цѣлая шайка? невинно спросилъ Иванъ Ильичъ.

— О! погрозила ему пальцемъ зрѣлая весталка, кому-же это лучше знать, какъ не вамъ? Я думаю, половину-то уже узнали, да скрываете, всѣхъ поймать хочется...

— Говорятъ, ихъ цѣлая шайка! слышалось въ дверяхъ гостиной.

— Но позвольте! протестовалъ прокуроръ.

— Хорошо, хорошо! Если это секретъ, то мы молчимъ... мы нѣмы...

— Да, вѣдь, по всѣмъ признакамъ убійство совершилъ одинъ...

— Совершилъ одинъ, конечно, одинъ! Въ этомъ сомнѣнія нѣтъ! Но есть-ли у него сообщники? Этого вы намъ не скажете...

— Я даже подозреваю, кто способенъ... процѣдила Мавра Осиповна.

— Вы подозрѣваете? чуть не привскочить на стулѣ Крыловичъ.

— То-есть, какъ подозрѣваю? Конечно, утверждать не могу, но по нѣкоторымъ примѣтамъ, на похоронахъ...

— Ахъ, расскажите! Душечка, Мавра Осиповна, расскажите! я тоже замѣтила...

— Стою я, знаете, на выносѣ, начала Мавра Осиповна, весьма довольная тѣмъ, что обратила на себя всеобщее вниманіе, и чувствую въ себѣ что-то необъяснимое, какой-то неопредѣленный страхъ, точно меня сейчасъ кто-нибудь ножомъ ударить... Сердце мое замираетъ... я такая нервная. Смотрю вокругъ себя... и вдругъ увидѣла лицо моего сосѣда. Боже! что это было за лицо! Дѣйствительно, меня какъ будто ножомъ въ сердце поразили... Я невольно отшатнулась, чуть-чуть не закричала... Онъ былъ блѣденъ, блѣденъ, какъ полотно... глаза его бѣшено блуждали... онъ отчаяннымъ взоромъ заглядывалъ на гробы... дрожалъ всѣмъ тѣломъ... и мнѣ слышалось, будто онъ шепчетъ: „О ужасъ, ужасъ!“ Онъ былъ такъ страшень, что я подумала: „Боже! Я стою около преступника... непременно! Я мысленно молилась, горячо молилась...

— Кто-же это былъ, Мавра Осиповна? Ради Создателя— кто это былъ?

— О!.. отклонилась нервная дама, бросивъ значительный взглядъ на прокурора, при судьяхъ...

— Ахъ, Боже мой! Около кого-же вы стояли? суетилась толстая Капитолина. Вѣдь я тоже замѣтила... Позвольте... Ну да — вы около Лѣницкаго стояли... Конечно!..

Мавра Осиповна съ многозначительнымъ, отчаяннымъ выраженіемъ опустила голову. Она какъ будто и въ настоящую минуту чувствовала подлѣ себя страшнаго человѣка.

— Лѣницкій — убійца?

— Лѣницкій! раздалось съ перекатами на разные тоны по столовой.

„Вотъ тебѣ разъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, нашли!..“

— Но подумайте, душенька Мавра Осиповна, протестовала Поликсена Антиповна, вѣдь Лѣницкій трусъ, извѣстный трусъ! Онъ покойниковъ до смерти боится! Когда мать его умирала и доктора объявили ему, что спасенья нѣтъ, онъ такъ испугался, что какъ былъ, въ халатѣ, безъ шляпы, полетѣлъ на желѣзную дорогу, сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ въ Петербургъ!

— Въ халатѣ?

— Говорю вамъ въ халатѣ... Это весь городъ видѣлъ! Ему даже кассиръ билета давать не хотѣлъ, принялъ за сумасшедшаго... право!

— Еще-бы! въ халатѣ!..

— Въ туфляхъ!..

— Безъ шляпы!..

— Безъ...

— Но какъ-же умирающая, Поликсена Антоновна? что она сказала?

— Говорятъ, кричала, призывала сына, хотѣла видѣть его, проститься... Всѣ растерялись, не знали, что дѣлать... Сцена вышла раздирательная!

— Это ужасно! Убѣжать отъ умирающей матери...

— Въ Петербургъ! Еще понятно было-бы, еслибы онъ, въ непобѣдимомъ ужасѣ, убѣжалъ въ лѣсъ, въ какую-нибудь пустыню, а то — въ Петербургъ! И это называется — сынъ!

— Такъ развѣ возможно, продолжала торжествующая Поликсена Антиповна, чтобы такой человѣкъ могъ посягнуть на страшное убійство, ночью...

— Позвольте, Поликсена Антиповна! горячилась Мавра Осиповна. Неужели-же у меня ни глазъ, ни чувствъ нѣтъ? О, я такая нервная, такая нервная!.. Да, наконецъ, развѣ я

говорила, что это былъ Лѣницкій? Развѣ я его обвиняла? Я никого не назвала, никого! Чтобы когда нибудь я рѣшилась даже тѣнь подозрѣнія бросить на человѣка, мнѣ незнакомаго... можетъ быть, невыносимо страдающаго въ эту минуту? прибавила она вдругъ раздирательнымъ тономъ. Вѣдь Лѣницкій былъ безумно, бѣшено влюбленъ въ Тименеву, весь городъ это знаетъ...

„Видно она съ Лѣницкимъ не въ ладахъ, подумалъ прокуроръ. Вотъ язва!“

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, душечка! прервала Капитолина. Вы правы! Тысячу разъ правы. Я тоже обратила вниманіе на его лицо... Дѣйствительно, оно было ужасно! Тогда еще, помню, я невольно подумала: „Боже! Какъ это можетъ Мавра Осиповна спокойно стоять возлѣ такого человѣка и не чувствовать... Я-бы просто въ обморокъ упала!“ Да, онъ былъ влюбленъ... и какъ влюбленъ! Онъ говорилъ, что за одинъ ея поцѣлуй готовъ на Сахалинъ поѣхать и десять лѣтъ тамъ жить... На Сахалинъ, понимаете—chez les Patagons!.. Что онъ не храбръ, это правда: онъ боялся Тименева, страшно боялся! Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ его взгляда, а вѣдь, entre nous, развѣ Тименевъ былъ такъ страшенъ? Бывало, я сама видѣла, говорить съ нею тихонько въ уголку, вдругъ увидить издали мужа и отскочить, отскочить, какъ будто его змѣя ужалила...

— Неужели она съ нимъ по уголкамъ шепталась?

— О! да развѣ только съ нимъ?

— А Недолинъ?

— А Бариновъ?

И пошла номенклатура. „Хоть покойницу-то пощадите!“ внутренне протестовалъ Иванъ Ильичъ, поправляя очки, чтобы скрыть отвращеніе.

— Развѣ она была такъ хороша?

— Говорили — красавица, а въ сущности... замѣтилъ съ

глубокомысленнымъ видомъ штатскій съ круглымъ, довольно глупымъ лицомъ.

— Она его при всѣхъ дуракомъ назвала... шепнула одна изъ барынь сосѣдкѣ.

— Ну, не говорите! ввернулъ военный. Это была женщина съ пикомъ! Настоящая, знаете, левантинская роза, одалиска эдакая... И онъ слегка прицѣлкнулъ языкомъ.

— О, да! Elle avait du chic! подтвердила Капитолина.

— Развѣ что одалиска! произнесла, гримасничая, вѣха съ головой въ видѣ пучка соломы. Петербургская одалиска... изъ театра буффъ...

— А вы бывали въ театрѣ буффъ? освѣдомилась Олимпиада, бросивъ значительный взглядъ вокругъ стола.

— Фи! Помилуйте! За кого вы меня принимаете? Развѣ это возможно? C'est indécent!

— Какъ-же вы знаете, какія тамъ одалиски бываютъ? подхватила на лету одна изъ барынь.

Вѣха смутилась.

— Мнѣ мужъ говорилъ... пояснила она какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ.

— Какъ? Вы, такая нравственная, строгая супруга, пускаете мужа въ театръ буффъ?

Всѣ засмѣялись.

— Ай да Семень Иванычъ!

— Молодецъ! Право молодецъ!

— О чемъ это такъ смѣются? спросилъ, появляясь въ дверяхъ, сѣдоватый господинъ стоявшую по близости даму.

— Да говорятъ, что Семень Иванычъ Грузиковъ въ какую-то одалиску изъ театра буффъ влюбился...

— Неужели? Что-же супружница? Полагать надо громъ и молніи извергаетъ?

— Какое! Сама рассказываетъ, смѣется.

— Ай-да строгая барыня! покачалъ головою сѣдоватый

господинъ. Какъ, однакоже, замѣтно растлѣніе нравовъ нашего общества! присовокупилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— Я не бывала въ театрѣ буффъ, объявила Поликсена Антиповна, и не знаю, какія тамъ бываютъ одалиски, но должна замѣтить, что у Тиленовой были какія-то особенныя манеры, она ничѣмъ не стѣснялась и поэтому-то, какъ мнѣ кажется, мужчины за ней такъ и бѣгали. О, мужчины! У нихъ какой-то извращенный, испорченный вкусъ!

„Да, интересно-бы видѣть, какому мужчинѣ ты по вкусу придешься?“ осмотрѣлъ Иванъ Ильичъ свою дебелую сосѣдку.

— Что до меня касается, объявила Капитолина, то мнѣ гораздо больше нравится Антонина Аркадьевна. Какъ она скромна, какъ мила, какъ симпатична.

„Ну, подумалъ съ досадою Крыловичъ, такъ упомянула! Теперь пойдутъ“.

— Не говорите, Капитолина Семеновна! протестовала вѣха. Покойная Тиленова была много красивѣе сестры лицомъ—объ этомъ и спорить невозможно! Вѣдь если говорить откровенно, Невѣрова нехороша собой, вовсе нехороша! У нея даже одинъ замѣчательный недостатокъ есть, ненормальность, особенная игра природы.

— Какая-же игра природы? не утерпѣлъ Крыловичъ, боясь даже глаза поднять на говорившую.

— Стою я, знаете, какъ-то съ правой стороны отъ нея, смотрю и думаю: какія у нея хорошенькія, маленькія уши! Такое прелестное, нѣжное, розовое ухо. Просто заглядѣлась! Случилось мнѣ потомъ посмотрѣть на нее съ лѣвой стороны и что-же я увидѣла?... Большое, некрасивое ухо! Что это, думаю, глаза меня обманываютъ? Не можетъ быть. Нарочно обошла, осмотрѣла внимательно и, представьте, убѣдилась, что у нея уши разной величины!

— Уши разной величины?

— Да, правое маленькое, а лѣвое большое... Вѣдь это замѣчательная игра природы!

„Господи! Да что-же это такое?“ подумалъ Иванъ Ильичъ. Брыловичъ взглянулъ на исследовательницу игры природы необъяснимымъ взглядомъ, потомъ вдругъ улыбнулся.

— Это замѣчательно!

— Ну я не могу сказать, чтобы замѣтила этотъ недостатокъ ея ушей, заявила толстая Капитолина, а вотъ что у нея ротъ большой, это сразу видно.

— Ротъ-бы еще ничего, но скулы... обратите вниманіе, какія у нея длинныя скулы. Лицо какъ будто вытянутое... *C'est comme si elle faisait toujours la moue...*

— Да помилуйте! Развѣ только лицо? добавила Поликсена Антиповна. Она вся вытянутая, худая, какъ скелеть.

— И при такой худобѣ, присовокупила вѣха, въ ней все нѣтъ ни гибкости, ни граціи. Когда она танцуетъ, мнѣ все кажется, что вотъ, вотъ сломается...

Брыловичъ не вытерпѣлъ—слишкомъ уже невыносимо ему было слушать.

— Что, Олимпіада Семеновна, поднялся онъ съ мѣста, Левъ Семеновичъ дома?

— Дома, да вѣдь вы знаете его? Или по цѣлымъ суткамъ неизвѣстно гдѣ пропадаетъ, или сидитъ въ своей комнатѣ.

— Я пройду къ нему. Можно?

— Вотъ охота! вмѣшалась Капитолина. Онъ теперь въ такомъ видѣ, что ничего, кромѣ самыхъ глупыхъ пошлостей, сказать не въ состояніи. Этотъ человѣкъ составляетъ наше несчастіе! воздѣла она руки къ небу.—Какое испытаніе послалъ намъ Господь—и за что? За что? Чѣмъ мы заслужили такія страданія? Мы измучены, совсѣмъ изведены этимъ человекомъ... но не ропщемъ, любимъ его... вѣдь братъ, родной братъ!

Присутствующіе сочувственно мотали головами“. Ну не

замѣтно, чтобы ты была совсѣмъ изведена, подумаль прокуроръ, еще порядочно осталось“.

Крыловичъ не убоаяся „глухихъ пошлостей“, которыя могъ услышать отъ Авдіева, потому что хуже слышанныхъ имъ передъ этимъ для него быть не могло. Онъ настоялъ на своемъ желаніи навѣстить Льва Семеновича и вышелъ изъ столовой.

XVII.

— Замѣчательно, продолжала интересный разговоръ Мавра Осиповна, какія крайности встрѣчаются иногда въ одномъ семействѣ, даже между родными сестрами. Вотъ, напримѣръ, Невѣровы. Одна ужъ слишкомъ была развязна, даже подчасъ сердце за нее болѣло, такъ и ждешь, что вотъ, вотъ какой-нибудь пассажъ выкинетъ, а другая неподвижная, безцвѣтная.

— Особенно въ послѣднее время, процѣдила Олимпіада, я замѣтила что Антонина Аркадьевна какъ-то неестественно была печальна и задумчива. Видно было, что какое-то тайное горе какъ будто сосетъ, гложетъ ее.

Прокуроръ наострилъ уши. „Ну — выпустила!“ подумалъ онъ.

— Это прямо въ глаза бросалось! подхватила одна изъ барынь. А какъ она была разсѣянна? Даже невѣроятно. Я слышала, что наканунѣ убійства, въ театрѣ... Вѣдь вы знаете, что они были въ этотъ вечеръ въ театрѣ? Какой ужасный переходъ!

— Что-же случилось въ театрѣ?

— Одинъ молодой человѣкъ подсѣлъ къ ней и говоритъ: „Что это вы такъ печальны сегодня, Антонина Аркадьевна? Смотрите смѣшную комедію съ такимъ трагическимъ видомъ“. А она такъ пристально, пристально на него поглядѣла и вдругъ проговорила: „Это не можетъ быть! Не можетъ быть!“ Бѣдный молодой человѣкъ совсѣмъ растерялся. „Не помѣшалась-ли?“ думаетъ. Смотритъ на нее, вытаращивъ глаза, а она

опустила голову и задумалась, какъ будто забыла, что происходитъ вокругъ нея.

— Знаете, это просто удивительно!

— Понять невозможно!

— Хотя, положимъ, она и прежде была задумчивая, печальная.

— Это всегда у нея было.

— Но все-таки не настолько, чтобы въ театрѣ, при публикѣ, разговаривать вслухъ сама съ собою.

— И въ день убійства... поддала жару Олимпиада. Просто непостижимо!

— Вѣдь она одна была въ домѣ, когда совершилось это ужасное преступленіе? обратилась Мавра Осиповна къ прокурору.

— Одна, отвѣчалъ тотъ, но дѣло происходило ночью, она спала.

— Она спала? Увѣрены-ли вы въ этомъ, Иванъ Ильичъ? подозрительно произнесла Олимпиада.

— А я вамъ скажу, хотя, положимъ, оно и не слѣдовало-бы, не утерпѣла Капитолина, что я слышала, будто она не спала.

— Нетолько слышала, но даже видѣла преступника, окончательно увлеклась горбоносая барышня, и только могу удивляться, какъ до васъ не дошло? Правда, мнѣ сообщили подъ секретомъ, подъ большимъ секретомъ.

— Ахъ, душечка, расскажите!

— Ради Создателя!

— Ради всего святаго!

— Вы насъ просто съ ума сводите.

— Вы надъ нами, право, насмѣхаетесь!

— Это даже обидно.

Оживленіе было необычайное.

— Но позвольте, Капитолина Семеновна! замѣтилъ про-
„медуза“.

куроръ. Вѣдь если-бы Антонина Аркадьевна что-нибудь знала, такъ, надо полагать, что и мы были-бы не безъизвѣстны?

— Ничего не можетъ сказать, Иванъ Ильичъ. Принуждена молчать!

— Принуждена?

— Принуждена насильно, связана по рукамъ и по ногамъ... Подъ ножомъ жить! Она готова скорѣе какую хотите пытку вынести, чѣмъ слово сказать. И молчить, молчить.

— Но если она такъ упорно молчить, возразилъ Иванъ Ильичъ, какъ-же вы-то узнали?

— Въ бреду... О, я знаю! Изъ вѣрнаго источника знаю!

— Да она вовсе не бредила.

— Очень ошибаетесь! Вамъ, можетъ быть, не сказали—да впрочемъ, и не могли сказать. Только одинъ человѣкъ слышалъ ея бредъ, только одинъ—ея братъ. И онъ теперь связанъ, страшною тайною связанъ... Въ началѣ она долго лежала безъ чувствъ, потомъ вдругъ вскочила и говорить: „Я не больна! Веди меня къ сестрѣ! Хочу видѣть Вѣру! Она убита! Имъ убита!“ Замѣьте, она сказала „имъ убита“, значитъ она „его“ знаетъ. Потомъ вдругъ съ ней сдѣлался страшный припадокъ и кричить: „Это невозможно! Ты шутишь! Невозможно!“ Онъ едва ее уложилъ.

Всѣ пожирали глазами рассказчицу.

— Душечка, что-же потомъ? Что-же потомъ?

— Потомъ послали за докторомъ, а пока онъ пришелъ, она въ бреду все рассказала брату. Убійца входилъ въ ея комнату. Видъ его былъ мраченъ... въ рукахъ окровавленный ножъ. Увидя его, она обмерла отъ ужаса, потомъ стала кричать, но кто могъ услышать ея крики? Кругомъ были одни мертвецы! Онъ замahнулся на нее ножомъ и проговорилъ страшнымъ, нечеловѣческимъ шепотомъ: „Молчи! Всю жизнь молчи! Если ты скажешь слово—ты погибла! Не отъ моей руки, такъ

отъ другой. Много есть рукъ, много кинжаловъ. Я тебя по-
щадилъ... помни!“

— Боже, какіе ужасы!

— Да это просто какой-то Ринальдо Ринальдини!

— Картушь!

— Несчастная дѣвушка! Воображаю, что съ нею было!

— Она почти не помнила себя. Въ головѣ ея путалось.
Онъ заставилъ ее подъ ножомъ дать страшныя клятвы молчанія
и потомъ исчезъ, какъ тѣнь... какъ привидѣніе.

— Mon Dieu—какой романъ!

— О, теперь все объясняется. Это молчаніе, обмороки,
болѣзнь.

— Слезы, рыданія.

„Господи!“ думалъ Иванъ Ильичъ, глядя на окружающія
его искаженные любопытствомъ лица, сверкающіе глаза и от-
крытые рты, и это разумныя существа девятнадцатаго вѣка?
Да вѣдь это не люди, одаренные способностію мышленія, а
чортъ знаетъ что такое! Возможное-ли дѣло, чтобы напелся
въ наше время человѣкъ, способный повѣрить такой нелѣпой,
глупой баснѣ? А вѣдь повѣрять, да мало того начать раз-
сказывать все съ большими подробностями и прибавленіями
собственной фантазіи. До чего-же это, наконецъ, дойдетъ? Но
откуда взялось начало этой сказки? Изъ головы горбоносой
сплетницы? Нѣтъ—основаніе есть. Вѣдь Антонина говорила
съ братомъ. Конечно, подслушивали. Всего подслушать не
могли, а схватили нѣкоторыя слова и—поѣхали! Чудное, право,
дѣло: иногда съ человѣкомъ съ глазу на глазъ рассуждаешь,
кажется, только стѣны слушаютъ, даже близко-то никого нѣтъ,
а смотришь—узнаютъ, рассказываютъ... Положимъ девяносто
девять сотыхъ вранья, а все-таки одна сотая правды есть, кое
что и вѣрно. Какъ узнали? Какъ открыли? Самъ дьяволъ не
разберетъ!“

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ наше положеніе ужасно!

Вдругъ запугалась молодая, довольно смазливая барынька. Вы говорите этотъ злодѣй сказалъ, что есть много кинжаловъ...

— Не беспокойтесь! расшаркался военный. Мы готовы васъ день и ночь защищать...

Барынька кокетливо опустила глаза и покраснѣла.

— Не находите-ли вы, обратилась къ прокурору дебелая Поликсена Антиповна, закусывая губы и видимо завидуя громадному успѣху Капитолины, это обстоятельство ужъ такимъ романичнымъ, такимъ романичнымъ, что даже, отчасти...

— Можетъ быть, вы подозрѣваете, что я его сочинила? обидѣлась толстая барыня. Вы меня считаете способною выдумать и рассказать неправду? Позвольте васъ увѣрить, что я вовсе не такъ изобрѣтательна! Наконецъ, я даже раскаиваюсь, что дозволила себѣ, въ присутствіи представителя правосудія, обнаружить такую тайну... Но вы ее знали, Иванъ Ильичъ, вдругъ повернулась она къ нему съ лукавымъ выраженіемъ, сознайтесь—вѣдь знали? Вы только притворяетесь, а вамъ все, все до тонкости извѣстно...

— Смѣю васъ честью увѣрить, оправдывался прокуроръ, что никакого притворства съ моей стороны нѣтъ. Я въ первый разъ слышу эту удивительную исторію и, откровенно говоря, изумляюсь... *Je tombe des nues*—какъ говорятъ французы.

— Въ такомъ случаѣ я еще больше раскаиваюсь, что проболталась. Вы еще, чего добраго, въ свидѣтели меня поставите... Ради Бога! Иванъ Ильичъ, с^нег Иванъ Ильичъ—не дѣлайте этого, умоляю васъ! Я такъ застѣнчива! Если мнѣ придется сѣсть на скамью свидѣтелей, и глаза публики устремятся на меня, я упаду въ обморокъ, я умру...

Горбоносою весталкѣ до смерти хотѣлось выступить передъ публикой въ качествѣ свидѣтельницы, чтобы показать изумительный даръ слова, которымъ, по ея мнѣнію, одарила ее природа.

— Но позвольте, Капитолина Семеновна, успокойте прокурора застенчивую деву, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что не я произвожу слѣдствіе по дѣлу Тименевыхъ, а Крыловичъ. Кстати его теперь здѣсь нѣтъ... Что-же до насъ касается, прибавилъ онъ, обводя невиннымъ взоромъ вокругъ стола, то мы en petit comité, и я увѣренъ, что никто не поидетъ выносить соръ изъ избы, рассказывать вашу тайну...

Присутствующіе энергически замахали руками въ знакъ отрицанія возможности подобной нескромности съ ихъ стороны, а нѣкоторые особы нѣжнаго пола даже закатили глаза къ потолку, какъ-бы принося мысленно страшную клятву молчанія.

— Далѣе, продолжалъ прокуроръ, какъ ни интересны сообщенныя вами свѣдѣнія, но въ юридическомъ отношеніи они не имѣютъ никакого значенія.

— Никакого! глубоко оскорбилась вѣстовщица, чувствуя, что ея торжество и будущее участіе въ этомъ интересномъ дѣлѣ начинаютъ исчезать, какъ пары стоявшаго на столѣ самовара, съ которымъ она имѣла сходство во всѣхъ отношеніяхъ. Что вы, Иванъ Ильичъ? Такое важное, душу раздирающее событіе, какъ вопль отчаянія несчастной дѣвушки...

— Душу-то, особенно нѣжную, оно, можетъ быть, и раздираетъ, но все-таки факта или улики не представляетъ.

— Вамъ, судьямъ, все нужны какіе-то факты... улики... какъ будто обидѣлась Мавра Осиповна. Дойдите-же до фактовъ! Матеріаль у васъ богатый...

— Позвольте мнѣ кончить, сударыня. Матеріаль, конечно, богатый, но только не въ судебномъ отношеніи. Разберемъ его, какъ слѣдуетъ. Вѣдь Капитолина Семеновна на судѣ не скажетъ, изъ какого источника она почерпнула свои достовѣрныя свѣдѣнія?

— О, ни за что! Это такая тайна, такая страшная тайна...

Согласитесь, вѣдь гнѣвъ убійць можетъ обрушиться на меня, и тогда...

— Ну, вотъ, видите-ли—разъ! Далѣе—если-бы даже добились до того, что Антонина Аркадьевна дѣйствительно говорила все выше рассказанное, то вѣдь сама-же Капитолина Семеновна упомянула, что она говорила въ бреду... А мало-ли чего не путаетъ человѣкъ въ бреду? Она была сильно напугана и ей представилась фантазмагорія. „Ничего, скажете, не знаю, ничего не помню—и прощайте!“ Вотъ вамъ—два! Наконецъ, если-бы даже преступникъ и вошелъ въ ея комнату? Что онъ былъ мраченъ—думать надо, потому что, совершивъ двойное убійство, нельзя пріятное, любезное выраженіе лица сохранить. Что у него былъ ножъ въ рукахъ, тоже понятно,—чтобы совершить преступленіе обязательно надо въ рукѣ орудіе имѣть...

— Но его угрозы? Его страшныя угрозы?

— Заучилъ тираду изъ романа чудесной памяти Анны Ратклифъ и пригрозилъ, чтобы людей не позвала слишкомъ рано, пока онъ не успѣетъ улизнуть. А на счетъ кинжаловъ просто прихвастнулъ, чтобы внушительнѣе было.

— Какъ вы про все это говорите! Боже, какъ легко! замотала своей соломой вѣха. Есть свидѣтель убійства, молодая дѣвушка видѣла преступника, а для васъ это рѣшительно все равно. Вы разсуждаете такъ равнодушно, такъ спокойно...

— Да что-же прикажете дѣлать? нѣсколько нетерпѣливо повернулъ къ ней голову Иванъ Ильичъ. Пыткъ что-ли ординарной и экстраординарной Антонину Аркадьевну подвергнуть? Назови, дескать, неизвѣстнаго тебѣ человѣка, кто онъ таковъ. Или очную ставку ей со всѣмъ городомъ сдѣлать? Да мало со всѣмъ городомъ, со всѣмъ свѣтомъ, потому что преступникъ-то теперь, можетъ быть, за тридевять земель отсюда обрѣтается... махнулъ онъ рукой въ заключеніе.

— А если она знаетъ, кто преступникъ? ухватилаcь Капитолина. Если была съ нимъ знакома прежде? Вѣдь она проговорилась „имъ убита“—не проста-же это?

— Имъ, то-есть тѣмъ, который въ ея комнатѣ былъ. Но и въ этомъ случаѣ опять-таки къ пыткамъ прибѣгнуть придется, потому что она подъ ножомъ ужасныя клятвы принесла сохранить тайну. Вѣдь вотъ сами-же вы, Капитолина Семеновна, говорите, что гнѣвъ убійцы на васъ обрушиться можетъ. Почему-же вы предполагаете, что Антонина Аркадьевна больше храбрости покажетъ? Отъ бреда-то, конечно, она откажется, а доказать логично, что она видѣла убійцу, невозможно, потому что никто его въ ея комнатѣ воочію не лицезрѣлъ и улики не имѣется.

Общество было сильно разочаровано. Сухія разсужденія прокурора отнимали у новости главное ея украшеніе—захватывающую, увлекательную романичность.

— Наконецъ, прибавляю еще, процѣдила тощая Олимпиада, что появленіе убійцы въ комнатѣ Антонины Аркадьевны и его угрозы доказываютъ, что онъ совершилъ свое ужасное преступленіе совершенно для него неожиданно, а между тѣмъ по ея виду въ послѣднее время, по сценѣ въ театрѣ...

— О! она навѣрно имѣла какое-нибудь подозрѣніе! встрепенулась Поликсена Антиповна. Не можетъ быть, чтобы тутъ ничего не было! Связь должна быть—воля ваша!

„Ядовитая-то вѣрнѣе бьетъ, подумалъ прокуроръ, вотъ гдѣ настоящая чума!“

— Но позвольте! горячилась Капитолина, пламенно желавшая поднять кредитъ своей исторіи, почему-же вы полагаете, что одно исключаетъ другое? Она могла знать убійцу, могла даже имѣть подозрѣніе, мучиться тѣмъ, что онъ что-то замышляетъ, какъ вдругъ онъ исполняетъ совершенно неожиданно для нея свой замыселъ и является къ ней ночью...

— Неожиданно? язвительно замѣтила Мавра Осиповна.

„Хорошо, что Крыловичъ ушелъ, разсуждалъ про себя Иванъ Ильичъ, а то онъ, чего добраго, тронуть-бы личность этой пріятной особы... Она еще хуже Олимпиады, а я думалъ, что хуже и выдумать ничего нельзя“.

Всѣ пріумолкли. Тема была настолько опасна, особенно въ присутствіи прокурора, что даже этотъ ареопагъ записныхъ сплетницъ побоялся за свою искру и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни попридержалъ языки. Конечно, если-бы его не было, такъ рано не остановились-бы... Иванъ Ильичъ это отлично понималъ и рѣшился довести свое намѣреніе до конца полнымъ объясненіемъ.

— Что касается до участія Антонины Аркадьевны въ убійствѣ, произнесъ онъ серьезно и безъ обвиняковъ, то слѣдствіемъ доказано, доказано на основаніи точныхъ, неоспоримыхъ фактовъ, что она въ немъ рѣшительно никакого участія не принимала и не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія ни о чемъ до той минуты, пока утромъ прислуга не сообщила ей, что ея сестра и зять убиты.

Прокуроръ бралъ на себя много — фактически невинность Антонины не была доказана. Но, на этотъ разъ, сердце побѣдило: уже очень было ему жаль бѣдную жертву безпощадныхъ городскихъ сплетницъ. Въ этомъ-то и заключалась главная цѣль его прихода, хотя онъ не высказалъ ея Крыловичу, чтобы не огорчать его заранѣе. Умный юристъ догадывался, что имя молодой дѣвушки непременно появится на этой состязательной аренѣ злыхъ языковъ и, убѣжденный нравственно въ ея невинности, рассчитывалъ прикрыть ее своимъ авторитетнымъ словомъ. Удалось-ли ему это? Можетъ быть, отчасти, но навѣрное не вполне. Есть люди, которымъ никакой авторитетъ здраваго смысла не придаетъ...

— Вотъ почему, добавилъ Иванъ Ильичъ, я позволяю себѣ сомнѣваться отнюдь не въ правдивости Капитолины Семеновны, не дай Богъ! поклонился онъ въ ея сторону, но

въ вѣрности того источника, изъ котораго она получила разсказанныя ею событія. Если разсказъ вѣренъ, то выходитъ, что Антонина Аркадьевна знала объ убійствѣ раньше прихода прислуги, между тѣмъ какъ доказано, что этого не было.

— Чѣмъ-же это такъ неопровержимо доказано? недоувѣрчиво процѣдила Мавра Осиповна.

— Вы меня извините, ретировался, вставая, прокуроръ, пока слѣдствіе производится, я его дѣйствій разоблачать не могу. Если преступникъ найдется, тогда судъ будетъ гласный и каждому все будетъ ясно видно...

— Что это? Иванъ Ильичъ! востепенулись хозяйки. — Неужели вы уходите собираетесь? Какъ это возможно? Всего десять часовъ... Мы васъ не пустимъ!

— Позвольте мнѣ немножко встать, ноги размять... проговорилъ онъ, любезно улыбаясь. — Не могу, знаете, долго сидѣть, ноги затекаютъ...

Ноги-то у него не затекали, но уже слишкомъ противно ему сдѣлалось смотрѣть на сидѣвшую противъ него и въ упоръ на него смотрѣвшую Мавру Осиповну. Просто силъ не было, терпѣнья не хватало...

„Вишь Парка проклятая! Думалъ онъ, отходя отъ стола. Лѣницкій убійца, Невѣрова участница... Отца родного готова разорвать на клочки... фурия эдакая!.. Въ двадцать разъ хуже убійцы! Тотъ хоть разразить одного, да и баста, а эта языкомъ цѣлую сотню безъ зазрѣнія совѣсти зарѣжетъ! Билъ-бы тебя, кажется, колотилъ всѣми силами, пока руки не отнялись-бы...“

ХVІІІ.

Когда Крыловичъ вошелъ въ мрачную комнату, вѣрнѣе кануру, которую нѣжныя сестры отвели во владѣніе брата, Левъ Семеновичъ сидѣлъ у стола, опустивъ голову. Передъ нимъ стояла пустая рюмка и лежалъ на тарелкѣ кусокъ хлѣба, но какихъ-либо бутылокъ или другихъ вмѣстилищъ спиртныхъ напитковъ не было видно.

Увидя входившаго, Авдіевъ сначала вытаращилъ на него свои большіе, налитые кровью глаза, но потомъ, какъ будто взявъ надъ собою верхъ, скривилъ ротъ въ широкую улыбку, привсталъ и протянулъ руку.

— А, слѣдователь! Милости просимъ! заговорилъ онъ сиплымъ, глухимъ голосомъ.

Замѣтно было, что Авдіевъ находился уже въ „не вполне нормальномъ“ состояніи.

— Берите стулъ, садитесь! Скажите, пожалуйста, какими это судьбами вы въ нашъ звѣринецъ попали? Сегодня вѣдь у насъ большое, чрезвычайное кормленіе звѣрей...

— Какое кормленіе звѣрей? удивился Крыловичъ.

— Развѣ вамъ неизвѣстно, что нѣжныя сестрицы мои, Липочка и Капочка, каждую среду кормятъ самыми горячими, свѣжими сплетнями городскихъ звѣрей, то-есть, виновать — городскую публику?

— Значить вы и меня, Левъ Семеновичъ, къ звѣрямъ причисляете?

— Пока еще нѣтъ. Допускаю, что вы человѣкъ... А вотъ если часто сестрицъ навѣщать по средамъ будете, такъ несо-

миѣнно обратитесь въ звѣря, потому что примѣръ заразителенъ. Не желаете-ли освѣжиться?

Говоря это, Авдіевъ запустилъ руку подъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, вытащилъ оттуда штофъ, наполнилъ рюмку и спряталъ его обратно.

— Прошу покорно—пропустите!

— Извините меня, Левъ Семеновичъ, я вѣдь не пью водки.

— Это не водка, слѣдователь, очень ошибаетесь! Это олимпійская амброзія, ибо поднесена мнѣ сестрою моею Олимпиадою. Не хотите? Напрасно! Напитокъ боговъ. Ну, такъ я за ваше здоровье пропущу...

Онъ взялъ рюмку, пристально посмотрѣлъ на нее, медленно вылилъ водку себѣ въ ротъ, помоталъ головой и закусилъ хлѣбомъ.

— Что это вы одни здѣсь сидите, Левъ Семенычъ? Отчего къ гостямъ не выйдете?

— Отчего здѣсь сижу? Потому что сегодня среда и я нахожусь въ средѣ блаженства... Надо вамъ сказать, что мои сестрицы предложили мнѣ заключить съ ними весьма выгодный и пріятный для меня договоръ: того для, чтобы я не появлялся передъ звѣрями, наполняющими парадные апартаменты, не производилъ шума или другихъ какихъ-либо неприличныхъ дѣяній, онѣ обязались подносить мнѣ каждую среду штофъ сей олимпійской амброзіи. Подобное завлекательное предложеніе ввело меня во искушеніе... Я многого лишень, это вѣрно, потому что видѣть такую рѣдкостную звѣриную коллекцію не всякому доведется, но зато... сіе воздаяніе...

Онъ вынулъ штофъ и, наливъ рюмку, опять его спряталъ.

— До настоящаго времени я переносилъ свое единство довольно благодушно, но сегодня сокрушаюсь, по истинѣ сокрушаюсь...

— Почему-же такъ именно сегодня?

— Помилуйте! Да сегодня день замѣчательный, день не-

обычайный... Сегодня въ первый разъ собираются послѣ того... знаете?

— Послѣ убійства Тименевыхъ?

— Да, послѣ убійства.

Авдіевъ проглотилъ рюмку.

— Замѣчательныя должно быть вещи тамъ изъ устъ звѣриной публики вылетаютъ, продолжалъ онъ. Послушать очень, до смерти хотѣлось-бы! Думаю, такое языческое столпотвореніе вавилонское совершается, что уму непостижимо...

— Пока, ничего особеннаго.

— Ничего особеннаго? Быть этого не можетъ. Сестрица Липочка самыя ужасающія извѣстія отъ знакомаго мясника получила, а сестрица Капочка такія потрясающія новости отъ кухарки, встрѣченной въ бакалейной лавкѣ, слышала, что волосы на головѣ дыбомъ поднимаются...

— И охота вамъ, Левъ Семенычъ, такъ на родныхъ сестеръ нападать.

— Нападать? Да развѣ я нападаю? Говорю, что онѣ имѣютъ замѣчательныя свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ, а вы говорите нападать... Я тоже получилъ изъ подобныхъ-же источниковъ извѣстіе, что нѣкоторые городскія барыни, какъ на отдыхъ отправляться пожелаютъ, такъ мужей за волосы въ спальню тащутъ, а коли мужа на лицо нѣтъ, удастся ему удрать куда-нибудь отъ дражайшей половины, то и другими не брезгуютъ... Не могутъ въ спальнѣ однѣ оставаться—и баста! Вотъ, вотъ незванный гость пожалуетъ... Только, по моему мнѣнію, напрасно такъ тревожатся—развѣ его также, какъ мужа, за волосы будутъ тащить, а самъ едва-ли рискнетъ... Вы, я полагаю, тоже ночей не спите? вдругъ взглянулъ онъ на Крыловича.

— Мнѣ-то почему-же не спать? Я вѣдь не барыня!

— Ну, вы по другой причинѣ—голову ломаете, пока не разболится. А какъ разболится—прощай сонъ! Сознаться—

вѣдь мало спите, а, можетъ, и вовсе не спите? Ну-ка—по совѣсти?

— Напрасно вы думаете, что я такой ретивый служака, усиленно засмѣялся Крыловичъ. Занимаюсь усердно, но покоя себя не лишаю.

Лицо Авдіева скривилось въ улыбку.

— Ну, зачѣмъ-же вы притворяетесь, слѣдователь? Скажите, Христа ради, зачѣмъ притворяетесь? Дѣло-то вѣдь Невѣровыхъ касается, а какому-же лицу на семь свѣтѣ неизвѣстно, что они вамъ дороже отца родного? Знаемъ, будьте благонадежны—все это мы знаемъ и отлично понимаемъ!

— Да тутъ и понимать нечего. Я вовсе не скрываю, что привязанъ къ семейству Невѣровыхъ, отъ души, уважаю ихъ и очень сожалѣю...

— Почему лезете изъ кожи, чтобы до чего-нибудь добиться... Только напрасно, слѣдователь, совершенно напрасно. Ни до чего вы не добьетесь—будьте благонадежны!

— Отчего это вы такъ полагаете? Слѣдствіе на хорошей дорогѣ...

— Хвастаетесь! расхохотался вдругъ Авдіевъ. Видитъ Богъ—хвастаетесь! Ваше слѣдствіе не только что на дорогу, да и на тропинку-то еще не попало!...

— Не понимаю, взглянулъ на него Крыловичъ, откуда у васъ взялось такое убѣжденіе! Повторяю вамъ—вы ошибаетесь.

— Что-же, вы хотите меня увѣрить, что имѣете малѣйшее представленіе о томъ, кто могъ сдѣлать это дѣло? Да полноте! Къ чему это передо мной-то такія комедіи разыгрывать? Положимъ, сознаться передъ какой-нибудь Поликсеной или Маврой, что въ лѣсу ощупью гуляете, въ рѣкѣ броду со связанными ногами ищете, не совсѣмъ-то удобно, потому что это все равно, что на площади принести повинную; да я вѣдь не Поликсена и не Мавра, на площадь не пойду и трубами въ горлѣ не обладаю...

— Ни вамъ, никому другому не буду я говорить неправду, съ нѣкоторою досадою возразилъ Крыловичъ. Почему вы непременно хотите, чтобы я сознавался вамъ въ томъ, чего нѣтъ? Да наконецъ, на большой-ли я дорогѣ стою или по лѣсу ощупью хожу, ничего никому неизвѣстно, пока порученное мнѣ слѣдствіе не кончено. Я даже, признаюсь откровенно, не понимаю, почему вамъ такъ желательно, чтобы я сознавался вамъ въ своемъ безсиліи?

— Ну, не сердитесь, слѣдователь, не сердитесь! примирительно произнесъ Авдіевъ. Я вѣдь пошутилъ, а вы сейчасъ и на дыбы! Ну—виноватъ! Согласенъ, что вы не только по простой, а хоть по желѣзной дорогѣ катите... Понимаете-ли—согласенъ! Я вѣдь потому собственно такъ поинтересовался, вдругъ прибавилъ онъ, что думаю самъ скоро къ вамъ въ ручки въ качествѣ подсудимаго прибыть...

Крыловичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. Авдіевъ потянулся подъ стулъ, наполнилъ рюмку и выпилъ.

— Вы полагаете, что я шучу? Напрасно. Я совершенно серьезно говорю, то-есть что называется въ полномъ смыслѣ слова серьезно. Вы не думайте, что я выпивши—это миражъ. Я обладаю способностями мышленія въ удовлетворительной степени и въ настоящую минуту хладнокровенъ, какъ Катонъ... Помните времена прелестной юности и злосчастной латыни? Какими дивными надеждами и отвратительной долбней питалось тогда мое пылкое, неопытное сердце! *Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra* (Долго-ли еще, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ?) Вѣдь это Катонъ сказалъ? Или нѣтъ, виноватъ, кажется Цицеронъ? Правда? Вѣдь Цицеронъ?

— Цицеронъ.

— Вотъ видите-ли! Значить и во мнѣ есть зачатки классической образованности... Совершенно вѣрно—это сказалъ Цицеронъ. Хотя, въ сущности, для меня рѣшительно все едино,

сказаль-ли это Цицеронъ или Катонъ, и для васъ, слѣдовательно, я полагаю, также—не правда-ли? Почему и возвращаюсь къ занимающей меня въ настоящую минуту мысли. Хочу я на убійство посягнуть...

— Что вы это, Левъ Семенычъ? Опомнитесь—какія вы вещи говорите.

— Говорю, что хочу посягнуть на убійство... Нѣжную Липочку и милую Капочку задушить имѣю намѣреніе.

— Левъ Семенычъ, перестаньте! Скучно слушать, ей-Богу, скучно! И непріятно даже...

— Вы все думаете, что я шучу! Опять-таки повторяю—напрасно! Quousque tandem... А пріятное будетъ, знаете, чувство, какъ эдакъ разложишь ихъ на кровать, да прижмешь посильнѣе, посильнѣе, а онѣ начнутъ хрипѣть... хрипѣть...

Авдіевъ былъ страшенъ въ эту минуту: кровавые глаза его широко открылись, ноздри вздувались, руки дрожали. Онъ даже какъ-то приподнялся съ мѣста...

Крыловичъ, глядя на него, вспомнилъ то лицо, которое онъ видѣлъ на похоронахъ Тименевыхъ...

— Левъ Семенычъ!—проговорилъ онъ,—я уйду, право, уйду!

Звуки этого голоса какъ будто напомнили Авдіеву дѣйствительность. Онъ опустился на стулъ, машинально вытащилъ штофъ, налилъ рюмку и выпилъ ее быстро, залпомъ...

— Вотъ отъ этого у васъ и мысли такія являются,—укоризненно продолжалъ Крыловичъ, указывая на штофъ. Вы меня простите, что я позволяю себѣ такъ откровенно высказывать свою мысль. Знаю, что я вамъ не учитель, а все-таки скажу, что вы себя губите... право губите...

— Это вѣрно—не учитель!—проговорилъ Авдіевъ еще болѣе хриплымъ, глухимъ голосомъ. Ну, скажите на милость,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — какже можете вы быть моимъ учителемъ? Чтобы обучать какой-нибудь наукѣ,

надо сначала самому ее выучить, а вы въ этой наукѣ профанъ, совершенный профанъ!

— И слава Богу, что профанъ!

— Пусть будетъ слава — это для меня рѣшительно все равно. Впрочемъ, терять вамъ надежду не слѣдуетъ. Можетъ быть, наступитъ время, когда и вы къ сей наукѣ прилежать начнете. Темна вода во облацѣхъ...

— Ну васъ! Какія непріятныя предсказанія вы мнѣ дѣлаете! — засмѣялся Крыловичъ.

— Я не колдунъ, на бобахъ и картахъ не гадаю, почему и предсказаній не дѣлаю, а такъ говорю, что будущее неизвѣстно, и все можетъ случиться... Иной сегодня душой и тѣломъ спокоенъ, нѣжится на ложѣ изъ розъ, а завтра вотъ на эдакихъ булыжникахъ, — указаль онъ на свою жалкую постель, — испытываетъ муки чистилища... Вѣдь правъ я, скажите? Вѣдь правъ?

— Конечно, судьба переменчива.

— Значитъ правъ. А если достаточнымъ количествомъ напитка боговъ укрѣпить свою душу и тѣло, такъ и булыжники въ розы превращаются... Вотъ почему я и дозволю себѣ выпить еще одну рюмку сего напитка...

Авдѣевъ вытащилъ штофъ, но онъ былъ пустъ.

— Вы не подумайте, — какъ-бы оправдывался онъ, — что я былъ настолько расточителенъ и дозволилъ себѣ непростительную неосторожность такъ быстро уничтожить весь даръ Олимпіады. Нѣтъ! На столько-то я владѣю моими страстями... Имѣю въ своемъ обладаніи еще одинъ, хотя и не гласный даръ сей великодушной дѣвицы...

Онъ всталъ, направился, шатаясь, къ своей кровати, спрятавъ подъ нее порожній штофъ и вытащилъ полный. По звону стекла, который былъ при этомъ слышенъ, можно было заключить, что тамъ находилась и другая подобная-же посуда. Возвратившись на свое мѣсто, онъ откупорилъ штофъ, не-

медленно налилъ себѣ рюмку и поставилъ его на мѣсто прежняго.

— Эта лучше, произнесъ онъ, разжевывая корку хлѣба. — свѣжѣе какъ-то, выдохнуться не успѣла... Вотъ что, слѣдователь, — хотите я объясню вамъ, почему вы автора разслѣдуемаго вами дѣла не найдете?

Хотя Крыловичу очень непріятно было возвращаться къ вопросу о преступленіи, но онъ зналъ, что если пьяному засядетъ въ голову какая-нибудь мысль, то ея не выбить оттуда никакими силами, и лучше былъ согласенъ слушать полупьяныя бредни Авдіева объ убійствѣ, чѣмъ вернуться въ гостиную. Онъ чувствовалъ, что тамъ въ эту минуту рвутъ въ клочки обожаемую имъ дѣвушку... Если-бы онъ сталъ защищать ее, то легко могъ прорваться и наговорить такого, чего въ его положеніи говорить не слѣдовало. Тамъ Иванъ Ильичъ; онъ счумѣетъ защитить ее не хуже его самого, если ужъ очень заврутса.

— Почему-же? спросилъ онъ снисходительно, какъ всегда говорятъ съ пьянымъ человѣкомъ, чтобы не раздражить его.

— Вотъ почему: авторъ этого подвига Фра-Діаволо, а ужъ Фра-Діаволо-то вамъ, Михаилу Алексѣевичу Крыловичу, не поймать никакимъ способомъ.

— Какъ Фра-Діаволо?

— Такъ, Фра-Діаволо. Читали вы старинный, преотличный романъ „Фра-Діаволо“?

— Нѣтъ, не читаль.

— Напрасно! Интересъ, я вамъ скажу, необычайный. Просто слюнки текутъ... Если желаете, я могу въ краткихъ словахъ объяснить вамъ его тему, иначе говоря сюжетъ, а если не желаете, то не объясню, потому что не имѣю гнусной привычки насиловать кого-либо въ чемъ-бы то ни было. Я не въ сестрицѣ!

— Расскажите, я слушаю. Вы, какъ я понимаю, на-

или сходство между сюжетомъ этого романа и производимымъ мною слѣдствіемъ?

— Не сходство, слѣдователь, а тождество... Понимаете-ли, тождество! Я по этому поводу уже все какъ слѣдуетъ разобралъ и обдумалъ... Полнѣйшее тождество!

— Тѣмъ болѣе интересно познакомиться.

— И познакомьтесь—совѣтую, отъ всей души совѣтую. Дѣло было, видите-ли, такимъ манеромъ: происходила вся эта комедія въ Венеціи... Подъ чуднымъ небомъ Италіи. Гондолы, знаете, женщины—что твоя малина! Уму помраченье!.. Однимъ словомъ въ странѣ дивнаго пѣнья, дивной любви, дивнаго вина, хотя, что до меня касается, я не любитель заморскихъ напитковъ и поклоняюсь нашему національному... Всему національному!.. Я славянинъ, въ полномъ смыслѣ слова славянинъ...

— Ну, что-же случилось въ Венеціи?

— Да, виноватъ! увлекся любовью къ отечеству—извинительно... Ну-съ, въ этой самой Венеціи жили два брата. Была у одного изъ нихъ невѣста—такая, я вамъ скажу, что даже фантазіи человѣческой вообразить трудно. И задумалъ любезный братецъ невѣсту эту у своего родича стянуть, что вполне натурально и братской привязанности достойно. Милѣйшія сестрицы мои, Липочка и Калочка, являются живыми доказательствами той аксіомы. Онъ даже, пожалуй, имѣютъ преимущество передъ итальянскимъ братцемъ, потому что не только-что невѣсту, но даже собственную мою шкуру весьма охотно-бы съ меня стянули... И такъ, съ истинно-родственнымъ увлеченіемъ написалъ онъ на братца отчаяннѣйшій доносъ и засадили раба Божьяго въ ужаснѣйшую темницу, иначе говоря въ острогъ, потому что болѣе печальнаго мѣста заточенія, насколько я разсудить могу, даже въ Италіи не могло существовать... А какъ упрятали милаго родственника подъ сокровѣтъ замковъ, онъ, конечно, сейчасъ свои чувства прекрасной

особѣ объявилъ и получилъ съ ея стороны полное одобреніе, что также совершенно натурально. Какъ я полагаю, онъ, по всей вѣроятности, открылъ передъ ней бумажникъ и показалъ заключенные въ немъ акціи и другіе документы самаго пріятнаго содержанія, что, безъ сомнѣнія, можетъ ввести юную дѣвицу въ сильнѣйшій соблазнъ, чѣмъ самыя остроумныя и пламенныя любовныя объясненія. Вотъ женились они и начали медовымъ мѣсяцемъ упоительно наслаждаться. А знаете ли вы, слѣдователь, какъ медовымъ мѣсяцемъ наслаждаются? Конечно, не знаете! Это, я вамъ скажу, такая штука, что и выразить невозможно: супруга порхаешь, какъ фея фантастическая, на всѣхъ такіе наивные, соблазнительнѣйшіе взгляды бросаетъ, что въ головѣ мутится, а супругъ вылупить на нее свои буркулы и глядить, глядить... Постороннему вчуже сладко становится... Такъ-бы, кажется, поднялъ кулакъ, да съ легкостію жернова и спустилъ-бы его въ самую середину его масляной фізіономіи... Чтобы поласкать только, слѣдователь, чтобъ поласкать!... Авось еще маслянье сдѣлается..!

Авдіевъ вдругъ остановился, замолкъ на минуту и рука его опустилась на стулъ... Крыловичъ внимательно смотрѣлъ на него и слушалъ—его какъ-то невольно интересовалъ этотъ полу-пьяный разсказъ.

— Но я увлекся постороннимъ предметомъ — виновать! продолжалъ разсказчикъ, подкрѣпившись рюмкой водки. И такъ, упивались они медовымъ мѣсяцемъ и все шло прелестно, но случись тутъ, какъ на грѣхъ, что братцу удалось получить увольненіе изъ острога собственною властію, что, впрочемъ, и у насъ можно видѣть неоднократно и вамъ, какъ подвижнику по судейской части, не безъизвѣстно. Какъ узналъ онъ, знаете, какую милую родственную услугу оказалъ ему братецъ, такъ у него даже поджилки задрожали. Ахъ ты, думаетъ, такой-сякой! Да такія вещи даже между родственниками не дѣлаются... Вѣдь только одинъ дьяволъ можетъ такую

штуку выдумать! Погодите-же, удружу я вамъ, голубчики! Надо мной смѣяться? Отнимать у меня женщину, которой я отдалъ всю свою жизнь, за которую готовъ дать себѣ всѣ жилы до одной вытянуть, все тѣло свое на мельчайшія кусочки разрѣзать? Нѣтъ — шалишь! Тебѣ-ли, твоей-ли пошлой фигурѣ съ головой, набитой подобно бумажнику, подобаетъ обладать ею? это дѣло нужно привести въ порядокъ... Подстеречь онъ ихъ, знаете, въ собственномъ ихъ домѣ и сжегъ живьемъ... живьемъ...

Авдѣевъ мрачно опустилъ голову. Онъ, повидимому, былъ совсѣмъ пьянъ, но все-таки опять потащился за штофомъ.

Мысль какъ молнія мелькнула въ головѣ Крыловича — „не онъ-ли?“ Но рядомъ съ нею явилась и другая мысль: „Такого любить Антонина? Невозможно!“

— Я не могу согласиться, Левъ Семеновичъ, проговорилъ онъ, чтобы вапа исторія была тождественна съ убійствомъ Тименевыхъ. Во-первыхъ, думать надо, что это случилось уже давно, когда, по грубости нравовъ, люди давали волю страстямъ и самоуправство было въ модѣ...

— Самоуправство всегда будетъ въ модѣ, подыалъ Авдѣевъ свои кровавые глаза. Какимъ-же судомъ вы такое дѣло будете судить? Тутъ всякій самъ себѣ судья, потому что — *Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?* сказалъ Катонъ и всякій за нимъ тоже повторяетъ... Катонъ вѣдь сказалъ? Катонъ?

— Во-вторыхъ, продолжалъ Крыловичъ, я никогда не слыхивалъ, чтобы у Вѣры Аркадьевны былъ не только изъ рода Тименевыхъ, но и вообще какой-нибудь женщѣ...

— А позвольте узнать, милостивый государь, вы повѣреннымъ ея тайнъ, сизнзбеемъ, что-ли, тамъ состояли, или изъ бакалейной лавки достовѣрное извѣстіе о семъ имѣете?

— Крыловичъ не обидѣлся — да и была-ли возможность обидѣться?

— Я былъ довольно хорошо знакомъ въ ихъ домѣ...

— Ну и дай вамъ Богъ здоровья съ вашимъ знакомствомъ!

— Исторіи-то я вамъ, однако-же, не кончилъ... Какъ от-правилъ онъ знаете, милыхъ друзей наслаждаться медовымъ-то мѣсяцемъ въ Елисейскія, такъ ушелъ отъ людей и сдѣ-лался разбойникомъ. „Всѣ вы, говоритъ, дрянъ, выѣденнаго яйца не стоите! Всѣхъ васъ надо на одну висѣлицу!“ И на-чалъ онъ людей такъ усердно на висѣлицы развѣшивать, что нагналъ на весь народъ страху необычайнаго... Ловили, ловили его — да кукишъ съѣли... Куда тамъ! Вѣшаетъ да вѣ-шаетъ... И полагаю я, что еслибы мои сестрицы въ тѣ поры жили, такъ онъ ихъ первыми на висѣлицу вздернулъ-бы, по-тому что онѣ по родственнымъ своимъ чувствамъ много того достойны. *Quousque tandem...* кричитъ Капочка, а Липочка только глядитъ... но какъ глядитъ!.. Брррр... На висѣлицу ихъ!.. Вотъ почему, слѣдователь, я ихъ задушить собираюсь... и задушю... увидите, какъ хорошо задушю... пусть хрипятъ...

Крыловичъ всталъ. Онъ видѣлъ, что Авдѣевъ уже не въ состояніи былъ поддерживать разговоръ.

— Куда-же вы? вдругъ поднялъ тотъ отяжелѣвшую го-лову. Ужъ уходить собрались? Или вамъ пріятнѣе вавилон-скимъ столпотвореніемъ любоваться, чѣмъ со мной умную бѣ-сѣду вести? Сожалѣю!.. Еще много поучительнаго услышали-бы... Вы думаете, я пьянъ?.. Ни въ одномъ глазу...

— Неловко, знаете; нужно-же и тамъ побывать, а то при-шелъ да и убѣжалъ прямо къ вамъ... Обидѣться могутъ...

— Ну ступайте... ступайте... Это правда, онѣ одарены очень нѣжнымъ сердцемъ... Скоро обижаются... Особливо Ли-почка... такая, скажу я вамъ, обидчивая... Это даже по ея носу сейчасъ угадать можно. Замѣтили вы, какой у нея носъ? Какъ у орла, въ облакахъ парящаго... Такъ и чудится, что вотъ, вотъ налетитъ и клонетъ... налетитъ и клонетъ... А про Фра-Діавола не забудьте... Исторія преотличная и по-

учительная... Купите и почитайте... У васъ деньги есть? Конечно, есть, а у меня нѣтъ... гроша мѣднаго нѣтъ... нагъ родился и нагимъ обрѣтаюсь... У сестрицъ вотъ деньги есть... Прячуть, бестіи...

Крыловичъ потерялъ, наконецъ, всякое терпѣніе. Онъ поспѣшилъ проститься съ Авдѣевымъ и выбрался изъ его берлоги. „Звѣринецъ! думалъ онъ — дѣйствительно звѣринецъ! Этого-то хоть въ клѣткѣ сидить, а тѣ на волѣ гуляютъ. Пожалуй, что и ихъ не мѣшало-бы въ клѣтки посадить...“

Авдѣевъ смотрѣлъ вслѣдъ уходившему посѣтителю съ пьяно-презрительной улыбкой.

— И это слѣдователь!.. пробормоталъ онъ, махнувъ рукой. Ну куда онъ годенъ? Да ему не слѣдствія производить, а барановъ въ киргизскихъ степяхъ пасти...

Вдругъ лицо его омрачилось, голова поникла и онъ начал шарить рукой подъ стуломъ...

Когда Крыловичъ вошелъ въ столовую, прокурора уже тамъ не было. Исполнивъ свое намѣреніе сдѣлать все возможное, чтобы защитить Антонину отъ злыхъ языковъ городскихъ сплетницъ, почтенный юристъ поспѣшилъ потихоньку исчезнуть. Нечего и говорить, что Крыловичъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы послѣдовать его примѣру. Разговоръ съ Авдѣевымъ произвелъ на него непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Слушая его, онъ чувствовалъ какое-то смутное, невольное подозрѣніе, но мысль о полнѣйшей невозможности того, чтобы обожаемая имъ дѣвушка, идеаль совершенства въ его глазахъ, могла любить такого безобразнаго, звѣроподобнаго человѣка, немедленно побѣждала и разбивала въ прахъ всѣ зарождавшіеся въ его головѣ сомнѣнія.

Окончаніе первой части.

МЕДУЗА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Л ю б о в ь .

I.

Два года до происшествій, описанныхъ въ первой части этого разсказа, въ началѣ іюня, въ имѣніи Невѣровыхъ ожидали пріѣзда Вѣры Аркадьевны изъ учебнаго заведенія.

Самъ Аркадій Петровичъ поѣхалъ за нею въ Петербургъ и долженъ былъ на-дняхъ привезти ее. Всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ любопытствомъ ожидали новое лицо. Дѣйствительно, она уѣхала маленькою дѣвочкою, а возвращалась взрослою, вполне развитою дѣвицею, такъ-что даже для матери и сестры должна была явиться совершенно другою, чѣмъ была прежде. Семейство-же Алинскихъ, хотя уже второе лѣто гостило въ домѣ, вовсе ее не знало и никогда не видѣло.

Антонина очень любила сестру и радовалась ея возвращенію, но радость эта была не безъ примѣси нѣкоторыхъ грустныхъ предчувствій и сомнѣній. Дѣло въ томъ, что молодая дѣвушка была влюблена въ Алинскаго.

Много уже говорили и писали о томъ, какими послѣдствіями угрожаютъ приглашенія молодыхъ людей на продолжительное время въ имѣнія, гдѣ есть молодыя дѣвушки или

женщины, въ качествѣ учителей или просто гостей. Рѣдко случается, чтобы между ними, при житѣи подѣ одной кровлей, при частыхъ разговорахъ и постоянныхъ столкновеніяхъ, не завязалось любовной интриги, особенно если дѣвушка имѣетъ характеръ съ романическимъ оттѣнкомъ. Ея сердечная пустота требуетъ занятія. Сначала она, со свойственною каждой дочери Евы кокетливостію, хочетъ понравиться молодому человѣку, заинтересовать его, а потомъ увлекается и сама влюбляется. Замѣчательно, какъ легкомысленно относятся къ этой любви родители и мужья, полагая ее больше изобрѣтеніемъ авторовъ современныхъ романовъ и повѣстей, чѣмъ дѣйствительностію; а между тѣмъ она встрѣчается на практикѣ заурядъ. Они продолжаютъ приглашать опасныхъ гостей, съ улыбкой, какъ будто шутя смотря на возникающую интригу и слѣпо вѣрять въ невозможность серьезныхъ послѣдствій. „Мало-ли что пишутъ, говорятъ они, вѣдь все это не болѣе, какъ романъ... а у насъ дѣйствительная жизнь. Это дѣло совсѣмъ другое...“ Дѣло выходитъ не другое и интрига завязывается. Есть и такіе, которые относительно дѣвушекъ рассуждаютъ такъ: „Ну, чтожь такое? Пускай молодые люди пошалаютъ... Кто не былъ молодъ? Серьезнаго ничего выйти не можетъ...“ Къ сожалѣнію, часто выходитъ много серьезнаго и тогда сцена мѣняется: эти, легко относившіяся къ дѣлу особы начинаютъ выходить изъ себя, извергаютъ громъ и молніи противъ виновныхъ, направляя ихъ, конечно, главнымъ образомъ, на молодого человѣка, который, по ихъ мнѣнію, явился завѣдомо съ самыми предосудительными, гнусными намѣреніями или съ корыстолюбивою цѣлію сдѣлать выгодную партію. Почти всегда дѣло кончается для всѣхъ очень печально.

Между тѣмъ ни молодой человѣкъ, ни молодая дѣвушка ни на волосъ не виновны, а если кто виновенъ, то сами родители, допустившіе ихъ сближеніе. Они предполагали, что

молодость такъ-же холодно и спокойно посмотреть на любовь, какъ смотрять на нее они сами на закатѣ жизни. Воспоминаніе о томъ, чѣмъ они были прежде, какъ они рассуждали и дѣйствовали въ лѣта юности, совершенно испарилось изъ ихъ памяти—они увѣрены, что всегда рассуждали и дѣйствовали такъ-же, какъ въ настоящую минуту. „Вотъ нынѣшняя молодежь! восклицаютъ они.—На что это похоже?... Въ наше время...“ А что было въ ихъ время? Рѣшительно то-же самое. Случая не представилось, все обошлось благополучно, а представился-бы, такъ результатъ былъ-бы такой-же.

Такой случай вышелъ въ имѣніи Невѣровыхъ — молодые люди полюбили другъ друга. Ихъ еще болѣе сблизило то, что Всеволодъ давалъ уроки Антонинѣ. Что можетъ быть прелестнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣе для юноши, какъ давать уроки молоденькой дѣвушкѣ? За уроками происходитъ обмѣнъ мыслей, изученіе другъ друга. Наставникъ можетъ заинтересовать, завлечь ученицу своими познаніями, своимъ развитіемъ, а ученица, въ свою очередь, очаровываетъ его своею граціею, своимъ невольнымъ кокетствомъ. Она задаетъ часто самые наивные вопросы, конфузится, краснѣетъ, когда сообщаетъ выученное ею. Во время разсказа учителя, она то смотритъ на него внимательно, широко открывъ свои прелестные глазки, такъ-что иногда наставникъ чувствуетъ даже неловкость, то застѣнчиво опускаетъ глаза, оттѣненные длинными, густыми рѣсницами, внизъ, съ задумчивымъ, наивно-глубокомысленнымъ видомъ. Если она пишетъ, смущенный учитель жаднымъ взоромъ смотритъ на бѣлую, маленькую ручку съ тонкими пальцами, какъ-то неловко, неудобно, держащую перо и созданную не для писанія, а для поцѣлуевъ... Да, опасны, очень опасны эти часы, проведенные въ учебныхъ занятіяхъ: повидимому, заняты серьезнымъ предметомъ, а на дѣлѣ заняты другимъ. Говорятъ о наукѣ, думаютъ о любви.

Любовь Антонины къ Всеволоду была тѣмъ болѣе опасна,

что возникла сама собою, безъ всякихъ раздражающихъ причинъ и виѣшнихъ вліяній. Она началась незамѣтно и развивалась постепенно. Сначала онъ только нравился ей, она любила быть съ нимъ, говорить съ нимъ, не отдавая себѣ отчета, почему это происходитъ. Потомъ чувство привязанности сдѣлалось сильнѣе—сердце ея начало биться, когда онъ смотрѣлъ на нее, когда руки ихъ случайно касались одна другой. Она жаждала его присутствія, жаждала слышать его голосъ. Сначала часы уроковъ были для нея только пріятны, мало-по-малу они сдѣлались наслажденіемъ, необходимостію. Антонина не была настолько опытна, чтобы не понимать, какое чувство овладѣло ея сердцемъ, но она не возставала, не боролась противъ него и отдалась ему беззавѣтно.

Нечего и говорить, что любовь эта была дорогой тайной, сохраняемой въ сердцѣ молодой дѣвушки. Никому ни за какія сокровища въ мірѣ не согласилась-бы она довѣрить эту тайну, а тѣмъ болѣе ему. Скромная, застѣнчивая, она трепетала отъ мысли, что онъ замѣтитъ и откроетъ эту любовь, наполнявшую все ея сердце, а въ то-же время ей и хотѣлось, чтобы онъ открылъ ее.... но открылъ самъ, угадалъ собственнымъ сердцемъ, безъ малѣйшаго намека съ ея стороны. Когда это будетъ? Не все-ли равно — теперь она счастлива, она съ нимъ, она его видитъ, слушаетъ, проводитъ цѣлые дни въ его обществѣ, а тогда будетъ-ли она болѣе счастлива? Она поняла его характеръ и ей было ясно, что часть объясненія будетъ часомъ разлуки — можетъ быть, навсегда. Наконецъ, Антонина даже не умѣла, просто не умѣла показать ему свою любовь. Воспитанной дома, въ деревнѣ, ей неизвѣстны были тѣ ловкіе искусные маневры, которые употребляются въ подобныхъ случаяхъ дѣвушками опытными и бывавшими въ свѣтѣ. Конечно, случается иногда, что и неопытная, не свѣтская дѣвушка умѣетъ дать понять мужчинѣ, что онъ ей нравится — ея женскій инстинктъ вполне замѣняетъ умѣнье и

опытность, но это правило далеко не может быть признано общимъ. Все зависитъ отъ натуры и отъ характера. Для того, чтобы высказаться, нужны нѣкоторая смѣлость и рѣшимость, а Антонина далеко не была ни смѣла, ни рѣшительна.

Всеволодъ тоже неизбѣжно долженъ былъ привязаться къ своей хорошенькой ученицѣ. Его любовь началась и развивалась такъ-же постепенно и незамѣтно, какъ и ея любовь. Онъ обожалъ ее всѣми силами души, но также молчалъ. Молчаніе это, болѣе странное, чѣмъ молчаніе Антонины, происходило отъ двухъ причинъ. Первою былъ характеръ появленія и развитія его любви, а второю характеръ самого молодого человѣка.

Относительно первой причины можно сказать, что иногда случается мужчинѣ быть какъ-бы пораженнымъ прелестями встрѣченной женщины. Любовь загорается и охватываетъ все его существо мгновенно; даже не любовь, а скорѣе страсть. Онъ не въ силахъ скрывать ее въ сердцѣ, она пламеннымъ потокомъ изливается наружу и, конечно, изливается передъ тою, которая зажгла ее. Подобная любовь сопровождается горячими порывами и подчасъ самыми безумными поступками. Человѣкъ забываетъ весь міръ, чтобы отдать всю свою душу, все существо поразившему его идеалу. Но такая любовь скоротечна: пожаръ потухаетъ и одно изъ двухъ — бѣшеная страсть или обращается въ спокойную, разумную привязанность, или совершенно исчезаетъ. Последнее даже чаще случается, чѣмъ первое. Любовь-же, развивающаяся тихо и медленно, подобная любви Всеволода къ Антонинѣ, хотя также наполняетъ душу, но постепенно, почему не имѣетъ случая высказаться. Для такой любви, чтобы высказаться, необходимъ внѣшній толчокъ. Пока этого толчка нѣтъ, она всегда будетъ скрываться въ самыхъ глубокихъ изгибахъ сердца. Человѣкъ какъ-то привыкаетъ къ ней и, если его жизнь около любимаго существа спокойна, то онъ счастливъ. Бываетъ даже иногда,

что онъ самъ какъ будто сомнѣвается—любовь-ли это? Но разъ внѣшній толчокъ данъ, любовь, казавшаяся простой дружбой, вдругъ мѣняетъ характеръ и обращается въ бурную страсть, тѣмъ болѣе сильную, чѣмъ болѣе глубокіе корни она успѣла пустить въ сердцѣ любящаго человѣка. Даже въ супружеской жизни бываетъ, что мужъ, напримѣръ, живетъ спокойно съ женою и никакихъ порывовъ, никакого сердечнаго волненія не чувствуетъ. Онъ до такой степени невозмутимъ, что женѣ кажется, будто онъ и не особенно любитъ ее, а такъ, больше по долгу и по привычкѣ. Но случись женѣ увлечься кѣмъ-нибудь—дремавшая въ глубинѣ души любовь мужа вырывается наружу и проявляется во всей силѣ...

Вторая причина молчанія Всеволода заключалась въ томъ, что, несмотря на всю свою любовь, онъ понималъ невозможность надѣяться въ настоящемъ его положеніи на хорошій исходъ, если чувства его будутъ замѣчены. Могъ-ли рассчитывать бѣдный студентъ, даже еще не окончившій образованія, получить ея руку? Онъ былъ вполне убѣжденъ въ благородствѣ Антонины: не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что если она его любитъ, то согласится раздѣлить его судьбу, какая-бы она ни была, но какой-же будетъ онъ ей мужъ? Жить хоть одинъ день на счетъ жены было для него невыносимо—онъ даже не могъ подумать о томъ безъ отвращенія, а доставлять ей, избалованной дѣвушкѣ, достаточныя средства для жизни онъ еще не могъ. Такимъ образомъ, открыть ей въ настоящую минуту свою любовь значило, по его мнѣнію, завлекать ее безцѣльно. Долгъ заставлялъ выдержать характеръ. А если она его не любитъ? Если она привязалась къ нему только, какъ къ наставнику, какъ къ другу? Какимъ взоромъ посмотреть она на него, если онъ вдругъ вздумаетъ объясняться ей въ любви? Нѣтъ! это невозможно! Нужно молчать. Когда онъ кончитъ образованіе, сдѣлается достойнымъ ея любви своими трудами и успѣхами, тогда...

И такъ, молодые люди любили другъ друга, скрывая свою любовь подъ маской дружескихъ отношеній. Несмотря на это, они были счастливы, никакое облако не туманило ихъ безмятежнаго спокойствія. Появился Крыловичъ, и Алинскій испугался, потому-что замѣтилъ, что Антонина ему нравится. Но онъ скоро успокоился—сердце подсказало ему, что Антонина никогда не полюбитъ молодого слѣдователя. Онъ это прочиталъ въ ея глазахъ. Нѣтъ, ея сердце принадлежитъ ему, онъ это чувствуетъ, онъ это видитъ... Скоро-ли наступитъ время, когда онъ узнаетъ ея тайну и отдастъ за нее всю свою жизнь?

Это время наступило, но не такъ, какъ оно рисовалось въ пламенномъ воображеніи молодого человѣка. Мрачная туча висѣла надъ ихъ головами—она принеслась вмѣстѣ съ приѣздомъ Вѣры.

II.

Молодая дѣвушка, выпущенная на Божій свѣтъ изъ учебнаго заведенія, особенно закрытаго, находится первое время какъ-бы въ чадѣ. Всѣ мечты и фантазіи, которыми питалась ея головка въ послѣднее время пребыванія въ воспитательной тюрьмѣ, могутъ теперь быть примѣнены на дѣлѣ, могутъ осуществиться. Она, наконецъ, будетъ жить среди другой, совершенно новой для нея обстановки, она будетъ самостоятельна, она будетъ свободна. Мысль о свободѣ, столь дорогая сердцу каждаго разумнаго существа на земномъ шарѣ, владычествуетъ и здѣсь—она приводитъ въ восторгъ юную затворницу, обѣщая ей радости, счастье, наслажденія, однимъ словомъ—жизнь. Разговоръ съ подругами, проекты, предположенія, часто довольно фантастическіе и несбыточные, еще больше распаляютъ воображеніе. Все кажется въ розовомъ свѣтѣ, все улыбается.

Въ такомъ положеніи находилась Вѣра Аркадьевна. Она была въ восхищеніи, что ѣдетъ домой, что сниметъ, наконецъ, форменный, противный „мундиръ“, будетъ одѣваться, какъ пожелаетъ, конечно, къ лицу, и такъ далѣе. Мысль о свиданіи съ родными, конечно, также радовала ее, но занимала-ли она ее больше, чѣмъ нѣкоторыя другія мысли? Это вопросъ невозможный для рѣшенія не только для посторонняго лица, но даже для самой молодой дѣвушки. Если-бы у нея спросили, она, безъ сомнѣнія, отвѣчала-бы—да, можетъ быть, сама увѣренная, что говорить правду, но такъ-ли это было въ дѣйствительности? На счетъ такого щекотливаго предмета лучше умолчать. Подруги, съ которыми она вела бесѣды,

разсказывая о своей семьѣ и обстановкѣ, завидовали ей. „Ахъ, ma chère, какая ты счастливая! Ты ѣдешь въ деревню... c'est charmant! Восходъ солнца, роскошныя нивы, крестьянскія избы... des chalets... Ces bons viallageois! Ты будешь пить молоко, гулять въ восхитительной, роскошной рошѣ, собирать грибы... c'est si bon, les champignons! Потомъ стадо, быки, коровы, овцы, пастухъ со свирѣлью... А вечеромъ слушать въ темномъ паркѣ пѣнье соловья—какой восторгъ! C'est délicieux!..“ Собственно говоря, если-бы любой изъ завидовавшихъ юныхъ грацій предложить на выборъ дачу въ Павловскѣ или самую живописную деревню съ роскошными нивами, быками и коровами, она ни минуты не колебалась-бы...

Вообще картины деревни и жизни среди полей, которыя рисовало воображеніе молодыхъ барышень, вступавшихъ въ свѣтъ, также какъ и самой Вѣры, имѣли главнымъ источникомъ и основаніемъ сочиненія, приготовляемыя къ урокамъ русскаго языка на темы: утро въ деревнѣ, восходъ солнца, прогулка по лѣсу и многія другія. Подобныя сочиненія наполняются исключительно тѣмъ, что рисуется въ пылкомъ воображеніи юнаго автора, потому-что большинство никогда даже не видѣло деревни или восхода солнца, а если и видѣло, то роскошныхъ нивъ и пастуховъ со свирѣлью, требуемыхъ для болѣе поэтическаго изложенія заданной темы, не встрѣчало. Трудно представить себѣ то жалкое, беспомощное положеніе, въ которомъ часто находится воспитанница, обдумывая сочиненіе, воистину сочиненіе, на тему: „Восходъ солнца“, „Ахъ, ma chère! У меня восходъ солнца... Господи! Что я напишу? Скажи мнѣ, je te conjure, какъ восходитъ солнце?“ Солнце восходитъ красиво, это вѣрно, но совсѣмъ не такъ, какъ это явленіе изображается въ представленномъ сочиненіи.

Вѣра Аркадьевна, преисполненная розовыхъ мечтаній, пріѣхала домой. Первое время все ее восхищало, все радо-

вало, но это продолжалось недолго. Восхода солнца она не наблюдала, предпочитая видѣть его во снѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, пастухи со свирѣлью тоже не попадались, все больше съ ивовыми дудочками, въ видѣ оборванныхъ мальчишекъ, chalets совсѣмъ не подходили къ тому понятію, которое имѣли о нихъ завидовавшія ея судьбѣ подруги; ses bons villageois хотя и смотрѣли на нее, вытаращивъ глаза, но довольно безучастно, а пѣнье соловья только тогда очаровательно для слуха молодой барышни, когда служить аккомпаниментомъ другому пѣнью... Такимъ образомъ дѣвушка нѣсколько разочаровалась, ей стало скучно и она начала смотрѣть по сторонамъ, не найдется-ли кого-нибудь, кто придасть-бы больше поэзіи ея жизни среди полей и заставилъ ея сердце биться отъ прелести соловьиныхъ трелей. Вниманіе ея немедленно обратилъ на себя Алинскій.

На молодого человѣка произвела впечатлѣніе красота Вѣры Аркадьевны, но онъ не смотрѣлъ на нее, какъ на хорошенькую картинку, и если-бы онъ былъ свѣтскій человѣкъ, то можно было-бы прибавить—какъ на модную картинку. Хотя она имѣла прекрасныя манеры и скоро усвоила, если не по опыту, то по инстинкту „смѣлой“ барышни, остроумный jargon, но она казалась ему пустою. Онъ не находилъ въ ней чего-то того, что могло-бы привязать его сердце. Она могла, по его мнѣнію, занять только умъ, да и то не на долго. Такая строгая оцѣнка была тѣмъ болѣе понятна, что сердце Всеволода было занято другою и, при его характерѣ, выбранный имъ идеалъ не только ничего не уступалъ при сравненіи, но даже много выигрывалъ. Если-же прибавить, что каждый человѣкъ неминуемо пристрастенъ къ предмету своей любви, то понятно, что его сердце не было встревожено присутствіемъ блестящей барышни.

Однако-же могъ-ли онъ сохранить спокойствіе при той обстановкѣ, въ которой находился? Онъ постоянно сталкивался

съ Вѣрой Аркадьевной, и бойкая барышня тотчасъ сѣмѣла показать ему, что интересуется имъ. А спрашивается, есть-ли на свѣтѣ мужчина, который не обратилъ-бы вниманія на хорошенькую дѣвушку, дѣлающую ему „авансы?“ Можетъ быть, въ романахъ, но въ дѣйствительности едва-ли. Человѣкъ можетъ быть заинтересованъ, влюбленъ сколько угодно, но разъ хорошенькіе глазки остановились на немъ съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, отъ котораго дѣлается какъ-то неловко и невольно бьется сердце, мужская натура сейчасъ сказывается—онъ оборачивается. Нечего и говорить, что главнымъ двигателемъ при этомъ является самолюбіе. Быть замѣченнымъ женщиной да еще „такой“ женщиной! Положимъ, влюбиться въ нее онъ не влюбится (хотя и это иногда случается), но, во всякомъ случаѣ, посмотреть на нее очень, очень снисходительно... Надо-же быть вѣжливымъ! Искушеніе слишкомъ сильно, и нужно быть настоящимъ Діогеномъ, чтобы ему не поддаться. Не настоящіе Діогены поддаются ему на каждомъ шагу...

Поддался и Всеволодъ. Вѣра болтала съ нимъ — онъ смѣялся и болталъ съ нею. Онъ, застѣнчивый и молчаливый! Вѣра звала его гулять—онъ шелъ гулять. Когда гуляли всѣ вмѣстѣ, Вѣра какъ-бы шутя возьметъ его подъ руку и онъ ведетъ ее, и ведетъ не безъ удовольствія. Вечеромъ, на террасѣ, Вѣра усядется въ кресло, заставитъ его сѣсть около нея и заведетъ разговоръ, подниметъ вопросъ, интересующій его, а она отлично сообразила, какіе вопросы его интересуютъ, и онъ говоритъ, онъ воодушевляется...

Что-же дѣлала въ это время Антонина? Что она чувствовала, видя эти „авансы“ сестры и слабость любиматаго человѣка. Она страдала и—молчала. Часто уходила она въ свою любимую бесѣдку, на краю обрыва въ нѣсколько десятковъ сажень, надъ рѣкой. Изъ этой уединенной бесѣдки былъ прекрасный видъ на огромное пространство. Молодая дѣвушка садилась

у окна и смотрѣла, но видала-ли она превосходную панораму, разстилавшуюся передъ нею? Нѣтъ, она ничего не видѣла... Она смотрѣла въ себя, въ свое сердце и тоскливо прислушивалась, какъ оно бьется отъ боли. Да, это была боль, не только нравственная, но простая, физическая боль. Не даромъ боялась она приѣзда сестры: она уже прежде чувствовала, что приѣздъ этотъ будетъ гибелью для ея сладкихъ надеждъ, для ея любви! Сопротивляться, поднять голову и вступить въ открытую борьбу? Возможно-ли это? Развѣ можетъ она, не получившая почти никакого образованія, не знающая ни свѣта, ни людей, стать рядомъ съ воспитанной, элегантною красавицей? Бороться съ такимъ страшнымъ, непобѣдимымъ соперникомъ и еще съ сестрой! Да наконецъ, какія ея надежды на успѣхъ? Ей прежде казалось, что „онъ“ любитъ ее, но она вѣрно ошиблась... Возможное-ли дѣло, чтобы онъ могъ, если сердце его принадлежитъ ей, обратить вниманіе на другую женщину, какъ-бы хороша, какъ-бы завлекательна она ни была? Нѣтъ—онъ никогда не любилъ ея! А если такъ, то съ ея стороны будетъ и постыдно, и унижительно мѣшать сестрѣ, по тривіальному выраженію, „отбивать“ у нея человѣка, который ей нравится и которымъ она любима. Это недостойно благородной дѣвушки. Да, она должна молчать, она должна еще болѣе скрыть свою несчастную любовь въ сердцѣ. Она будетъ мучиться, страдать, но они будутъ счастливы... Пусть будутъ счастливы... А все-таки это ужасно!

Такъ говорило сердце Антонины, такъ говорилъ ея умъ, можетъ быть, нѣсколько увлекаемый романтизмомъ, но она прислушивалась къ этому голосу и внимала ему. Разъ это такъ—пусть будетъ такъ.

Прошло нѣкоторое время и, несмотря на всѣ усилія, которыя употребляла Антонина, чтобы скрыть свои чувства, Всеволодъ замѣтилъ въ ней перемѣну. Отчего она произошла? задалъ себѣ вопросъ молодой человѣкъ и подумалъ: „Не я-ли

причина? Вѣра? Можетъ быть, мое обращеніе съ Вѣрой не нравится „ей“? Но я не люблю Вѣру, я люблю ее, ее одну! Нѣтъ, все это надо кончить. Я долженъ отдалиться отъ Вѣры, долженъ прямо высказать ей, что я ей не женихъ, наконецъ, просто объяснить, что вовсе не думаю, не желаю завлекать ее. Тогда „она“ успокоится и все пойдетъ по-прежнему...

Но къ чему всѣ эти объясненія? разсуждалъ Алинскій. Не лучше-ли просто отдалиться безъ всякихъ разговоровъ? Въ какое смѣшное положеніе я буду поставленъ, если вдругъ окажется, что Вѣра никогда и не думала интересоваться мною, а просто находила удовольствіе разговаривать, спорить со мною отъ скуки, отъ нечего дѣлать? Да, она просто засмѣется мнѣ въ глаза, когда я начну свои объясненія. Нѣтъ—объясняться неловко, невозможно! Лучше отдалиться, просто отдалиться и только. А для этого слѣдуетъ уѣхать, уѣхать какъ можно скорѣе. Но для того, чтобы уѣхать, нужно согласіе матери, а согласится-ли она на этотъ преждевременный отъѣздъ, настоящую причину котораго открыть ей нельзя?

Алинскій попробовалъ было заикнуться Надеждѣ Ивановнѣ на счетъ переселенія въ городъ, но встрѣтилъ рѣшительный протестъ.

— Это еще что? Какая муха тебя укусила? вскипятилась она. Жили, жили, а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего—нате, прощайте! Съумасшедшіе мы, что-ли? Чѣмъ мы васъ обидѣли, спросятъ, что вы какъ испуганные изъ дому бѣжите? Какія тамъ у васъ необходимыя дѣла нашлись въ городѣ? Да никакихъ — просто Всеволодъ Александровичъ соскучился, на городскіе заборы полюбоваться понадобилось... Поди-ка лучше пройдишь на вольномъ воздухѣ, да подумай, какую глупость ты выдумалъ. И съ чего, скажи, ради Христа, съ чего?

Сказать „съ чего“ Всеволодъ не могъ, да если-бы и сказалъ, то врядъ-ли-бы что изъ того вышло. Безъ всякаго сомнѣнія Надежда Ивановна всѣ его любовныя дѣла и затрудненія назвала-бы глупостями, чистѣйшими пустяками, выдумками его

воображенія и вмѣсто прогулки посовѣтовала-бы ему сходить выкупаться, чтобы прохладить свою разыгравшуюся фантазію. Тѣмъ дѣло-бы и кончилось.

Уѣхать одному было еще болѣе странно, совсѣмъ неловко. Слѣдовало объяснить причину отъѣзда, а причины никакой не находилось, да и найти не представлялось возможности. Говорятъ, что для того, чтобы во время порвать начинающуюся интригу и избѣжать разныхъ сердечныхъ непріятностей, стоитъ только удалиться отъ заинтересовавшаго насъ предмета. Это легко сказать, а какъ удалиться? Подчасъ, даже большею частію обстоятельства такъ складываются, что удалиться неудобно, просто невозможно—да и только.

Часто случается, напримѣръ, въ супружествѣ, что жена интересуется какимъ-нибудь постороннимъ лицомъ. Мудрые люди совѣтуютъ мужу, для избѣжанія всякихъ неудобствъ, могущихъ произойти для него отъ впечатлительности сердца и пылкости воображенія молодой супруги, какъ можно скорѣе удалить ее отъ предмета, угрожающаго, иногда даже вовсе невольно, разстроить его семейное спокойствіе. Но такая мѣра, хотя и очень умѣстная въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть приведена въ исполненіе весьма и весьма немногими, только тѣми баловнями судьбы, которые обладаютъ настолько значительными матеріальными средствами, что могутъ безпрепятственно мѣнять свою резиденцію и гулять по бѣлому свѣту, какъ по собственной своей квартирѣ. Большинство-же смертныхъ связаны въ этомъ отношеніи по рукамъ и по ногамъ. Они волей-неволей должны сидѣть на мѣстѣ, гдѣ служатъ или гдѣ заняты дѣлами, дающими имъ средства къ жизни, и смотрѣть скрѣпя сердце, какъ разыгрываются фантазіи ихъ дражайшихъ половинокъ,—фантазіи, приводящія часто къ весьма реальному заключенію, въ видѣ разныхъ неудобныхъ украшеній на челѣ постылаго супруга. Вотъ и примѣняйте къ дѣлу теорію удаленій и развлеченій! Одно тутъ остается: самому удалиться; но даже и это подчасъ бываетъ невозможно испол-

нить. Обстоятельства складываются такъ, что хоть замѣчаешь, какъ тебя тянетъ въ омутъ все глубже и глубже, а все-таки погружаешься и погружаешься сознательно. Ничего нельзя сдѣлать—нѣтъ ни вѣточки, ни соломенки, за которую можно было-бы ухватиться...

Въ такомъ положеніи находился и Алинскій. Онъ очень хорошо понималъ, что самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, это было уѣхать отъ Невѣровыхъ, а исполнить этого не могъ—обстановка не допускала отъѣзда. Однако-же онъ невольно сдѣлалъ уступку своему сердцу, порѣшивъ, что во всякомъ случаѣ ему все-таки необходимо отдалиться отъ Вѣры, чтобы показать Антонинѣ, что одна любовь къ ней наполняетъ все его сердце. Нечего и говорить, что человѣкъ болѣе опытный, хотя мало-мальски видѣвшій свѣтъ и понимавшій женщинъ, разсуждалъ-бы въ данномъ случаѣ совершенно иначе, но Всеволодъ былъ въ полномъ смыслѣ слова новичокъ въ дѣлахъ любви, а неопытность всегда и всюду самый плохой руководитель. Принявъ рѣшеніе, онъ и исполнилъ это рѣшеніе, но исполнилъ такъ прямо, такъ наивно, что перемѣна его обхожденія съ блестящей барышней бросалась въ глаза. Онъ началъ просто-на-просто избѣгать ея: уходилъ изъ дому чуть-ли не на цѣлые дни или, если былъ дома, старался держаться какъ можно дальше отъ нея. Кончились прежніе оживленные разговоры и споры; отдѣлавшись двумя-тремя короткими, общими фразами, онъ спѣшилъ ретироваться и ступеваться. Когда собирались на прогулку, онъ держался въ сторонѣ, чтобы она не взяла его руку. Однимъ словомъ, бѣгалъ отъ нея, какъ отъ огня. Вообще удаленіе было показано такъ рѣзко и неловко, что Вѣра тотчасъ его замѣтила и оно имѣло совершенно неожиданныя для Алинского послѣдствія, послѣдствія, болѣе серьезные, чѣмъ тѣ, которыя могли бы явиться результатомъ самаго усерднаго ухаживанія и поклоненія.

III.

Часто рассказывают и утверждают, что если молодой человек избѣгаетъ дѣвушки и какъ-бы боится ея, то это признакъ зарождающейся любви. Такимъ образомъ завязывается обыкновенно интрига между неопытными юношами и барышнями. „Онъ боялся ея, онъ трепеталъ отъ ея божественнаго взгляда... Скрываясь въ тѣни, слѣдилъ жаднымъ взоромъ за каждымъ ея движеніемъ, но только что она приближалась, онъ краснѣлъ, терялся и хотѣлъ скрыться, бѣжать“... и такъ далѣе. Можетъ быть, это и такъ, весьма вѣроятно, что застѣнчивый влюбленный боится предмета своей страсти, робѣетъ и какъ-бы невольно удаляется отъ него, но чтобы разгадать характеръ и причину этого удаленія, нужно, чтобы предметъ любви былъ, по меньшей мѣрѣ, опытный и выдавшій свѣтъ. Если онъ производилъ уже маневры на полѣ любовныхъ столкновеній, такъ можетъ уяснить себѣ все и видѣть поведеніе влюбленнаго юноши въ настоящемъ свѣтѣ, но Вѣра Аркадьевна, хотя получила образцовое воспитаніе и обладала нѣкоторыми теоретическими познаніями въ наукѣ сердца, но все-таки была совершенно неопытна въ практическомъ отношеніи. А теорія и практика двѣ вещи разныя. Иной юнецъ въ теоріи такія системы разныя, измышленія расписываетъ, что только слушаешь его развѣся уши, да думаешь—вотъ-то знатокъ дѣла—Ловелась! Совсѣмъ Ловелась! А посмотришь на практикѣ—Ловелась въ мокрую курицу превратился и у первой заинтересовавшей его особы отличнѣйшимъ образомъ подъ башмакомъ обрѣтается. Положимъ, муж-

чины въ этомъ отношеніи образцомъ служить не могутъ, имъ и самъ Богъ велѣлъ посредственными, такъ сказать, второстепенными способностями въ сердечныхъ интригахъ обладать, но и женщины, должно сознаться, не сразу мастерицами любовныхъ дѣлъ дѣлаются, хоть и говорятъ, что уже по инстинкту онѣ мастерицы. Одного инстинкта тутъ мало, все-таки чуточку практики нужно, непременно нужно...

Вѣра Аркадьевна была очень высокаго о себѣ мнѣнія и не имѣла ни чуточки практики—этого довольно. Она поняла удаленіе Всеволода à la lettre, то-есть прямо, безъ всякихъ объяснительныхъ предлоговъ, какъ это, впрочемъ, въ дѣйствительности и было. Самолюбіе и гордость молодой дѣвушки оскорбились. Если она до сихъ поръ только шутила съ нимъ, забавлялась отъ скуки, безъ всякаго участія сердца, то теперь оно забилося, забилося отъ досады, отъ злости. Она начала искать причину холодности, нелюбезности Всеволода и, натурально, причина была тотчасъ найдена: Антонина. Всеволодъ влюбленъ въ Антонину. Это вѣрно! „Но, разъ я здѣсь, развѣ это возможно? Онъ предпочитаетъ мнѣ сестру, и какую сестру — просто дурнушку! Потому что, въ сущности говоря, вѣдь въ ней нѣтъ ровно ничего хорошаго, даже ничего интереснаго. Лицомъ она только „такъ себѣ“, ни то, ни се, а по образованію и обращенію и того меньше. Какое-же тутъ можетъ быть сравненіе со мною? Такое сравненіе — просто обида, оскорбленіе! Нѣтъ, это невозможно—въ этомъ нужно убѣдиться...”

Чтобы убѣдиться, Вѣра прямо взялась за Антонину.

— Замѣтила ты перемѣну во Всеволодѣ Александровичѣ? спросила она ее безъ всякихъ предисловій.

— Какую перемѣну?

— Какъ—какую перемѣну? Да это просто въ глаза бросается! Прежде былъ такой любезный, предупредительный, я думала, что это un jeune homme comme il faut, а теперь

вдругъ превратился въ медвѣдя. Его совсѣмъ узнать нельзя! Объясни, пожалуйста, ты лучше его знаешь: не страдаетъ-ли онъ меланхоліей или другой какой-нибудь странностью?

— Меланхоліи или странностей я за нимъ не замѣчала, улыбнулась Антонина, а задумчивымъ и молчаливымъ онъ былъ всегда.

— Всегда? Что ты мнѣ рассказываешь? разсердилась Вѣра. Онъ все лѣто не былъ ни задумчивъ, ни молчаливъ, ты сама это очень хорошо видѣла — и ходилъ, и разговаривалъ, какъ человѣкъ, а теперь Богъ знаетъ на кого похожъ сдѣлался. Исчезаетъ на цѣлый день неизвѣстно куда или торчитъ молча въ углу съ опущенными глазами, какъ истуканъ, и слова отъ него не добьешься.

— Не могу тебѣ объяснить, отчего произошла эта пере-
мѣна. Говоря откровенно, я не теперь вижу въ немъ пере-
мѣну, а до этого. Прежде онъ былъ всегда такой, какъ те-
перь, и ни развязностію, ни разговорчивостію не отличался. Въ послѣднее время что-то на него вдругъ нашло, а теперь опять онъ возвратился къ прежнему характеру.

— Къ чему-же ты относишь всѣ эти перемѣны и превращенія?

— Можетъ быть, твой приѣздъ имѣлъ на него вліяніе. Новое лицо, новыя впечатлѣнія... Ты весела, разговорчива, ну и онъ заразился твоею веселостію, развернулся.

— А теперь опять свернулся, какъ „улитка высуну рога?“ Ну ужъ, только это совершенно напрасно — „пирогъ“ за его любезности я ему никакого не дамъ. Если господину Алинскому угодно дуться, смотрѣть на насъ съ пренебреженьемъ, какъ на глупыхъ, неразвитыхъ дѣвчонокъ, такъ и пусть дуется, для насъ это рѣшительно все равно. И безъ него найдется съ кѣмъ говорить.

— А ты попробуй, попустила Антонина, сказать ему въ самомъ дѣлѣ: „улитка высуну рога — дамъ пирога“, можетъ быть, онъ и развеселится.

Вѣра совсѣмъ разсердилась.

— Мнѣ кажется, проговорила она колко, скорѣе тебѣ добавляетъ сказать ему это.

— Почему-же мнѣ?

— Слава Богу! Два года чуть не съ глазу на глазъ цѣлые дни проводили, было время познакомиться! Я даже не понимаю, право, не понимаю, какъ вы не влюбились другъ въ друга? Это удивительно!

— Какъ тебѣ не стыдно говорить такъ, Вѣра? покраснѣла Антонина.

— Стыдно? Скажи пожалуйста! Учитель—и не влюбиться! Да я цѣлый годъ обожала учителя словесности, а потомъ исторіи... Такой душка былъ, даже конфетъ мнѣ въ шляпѣ приносилъ. А Marie Ковалева, которая обожала учителя математики, такъ такія записки ему писала, просто délicieux, adorable!.. Она рѣшилась никогда, никогда за другого замужъ не выходить... она дала ему слово, священное обѣщаніе... Почему-же и вы не могли-бы обожать другъ друга? Или у васъ здѣсь въ деревнѣ иначе? Обожать нельзя?

— У насъ въ деревнѣ иначе.

— Это очень глупо. Любовь — это такое высокое, святое чувство! А впрочемъ, надо тебѣ сознаться, та chère Тоня, мнѣ кажется, что ты теперь врешь и вы преотлично обожали другъ друга. Думаю даже, что и до сихъ поръ обожаете.

— Вѣра!

— Что, Вѣра? Конечно, обожаете! Только вѣдь ты скрытная, развѣ скажешь что-нибудь, даже сестрѣ? Если-бы я была твой другъ, ну, тогда другое дѣло, а то сестра и больше ничего... О! Ты ужасно скрытная — это вѣрно! Душечка, ну скажи, скажи правду...

— Да что-же я тебѣ скажу?

— Ну скажи: вѣдь вы обожали другъ друга?

— Нѣтъ, проговорила какъ-то неясно Антонина.

— Лжешь, клянусь всѣмъ священнымъ, что лжешь! Ахъ, какая ты скрытная! Отъ тебя никогда ничего не добьешься! Напримѣръ, тебѣ очень хорошо извѣстно, отчего перемѣнился Алинскій, а вѣдь не скажешь, ни за что не скажешь! Это просто упрямство и больше ничего!..

— Какая ты странная, Вѣра! Хочешь непременно, чтобы я говорила тебѣ то, чего нѣтъ или чего сама не знаю. Никогда у насъ съ Алинымъ не было никакихъ объясненій и никакихъ разговоровъ о любви...

— И ты ему не дѣлала глазки? быстро прервала ее Вѣра. Будешь меня увѣрять, что не дѣлала ему глазки?

— Я даже не знаю, какъ дѣлають глазки.

— Не знаешь? пронически засмѣялась Вѣра. Скажите пожалуйста, какая невинность! Mon Dieu — какая невинность!

— Ты совершенно напрасно смѣешься, съ нѣкоторой досадою проговорила Антонина. Я говорю, что не знаю, и говорю правду. Тебѣ очень хорошо извѣстно, что я всегда жила въ деревнѣ и некому было меня учить не только такимъ свѣтскимъ тонкостямъ, какъ дѣланье глазокъ, а даже и болѣе важнымъ, необходимымъ въ жизни предметамъ.

— Помилуй, ma chère! Да такой учитель, какъ Всеволодъ Александровичъ, всему, всему можетъ выучить. Онъ такъ уменъ, такъ ученъ...

— Совсѣмъ напрасно трунишь; онъ вовсе не особенно ученъ, а все-таки скажу, что если-бы я знала столько, сколько онъ, то для меня было-бы совершенно довольно.

— О, конечно! Особенно въ свѣтскихъ приличіяхъ и манерахъ comme il faut.

— Что-же ты нашла дурного въ его манерахъ? Только теперь ты открыла въ немъ сходство съ медвѣдемъ, а до сихъ поръ, кажется, не находила этого сходства. Цѣлые дни разговаривала, гуляла съ нимъ...

— Разговаривала и гуляла, вспыхнула Вѣра, потому что

въ здѣшной глуши и разговаривать больше не съ кѣмъ. „На безрыбѣ и ракъ рыба“...

— Благодарю за любезность.

— Съ чего-же ты разсердилась? Развѣ родные считаются? Я говорю про постороннихъ. Что-же мнѣ съ этой интересной Надеждой Ивановной, очень похожей на нашу кастеляншу, бесѣдовать прикажешь или съ миленькой Лизой, которая и говорить-то порядочно кажется не умѣть? Признаюсь, общество очень занимательное, нечего сказать! Я только тебѣ удивляюсь: что можешь ты находить пріятнаго въ компаніи этой дѣвочки, съ которой возишься съ утра до вечера? По моему, она просто *insipide*!

— Ты потому такъ отзываешься о ней, что совсѣмъ ея не знаешь. Лиза очень милая дѣвушка.

— Можетъ быть и милая, только интереса она для меня никакого не представляетъ и проводить все время съ ней я не намѣрена. *Grand merci*! Да это можно умереть съ тоски!

— Я съ ней никогда не скучаю.

— Ну, тебѣ честь и слава, а я такимъ самоотверженіемъ не обладаю. Удивительно, право, какъ вы тутъ до сихъ поръ существовали? Кажется, есть средства жить порядочно, имѣть общество, а домъ нашъ какъ монастырь какой-то съ Надеждой Ивановной настоятельницей, Лизой послушницей и ея братцемъ схимникомъ. Пріятное *société*, нечего сказать!

— А Крыловичъ?

— Ну, ужъ что касается до этого кавалера, то я уступаю тебѣ его полностью.

— По твоему, всѣ въ меня влюблены, улыбнулась Антонина. Что-же, и Крыловичъ также мой обожатель?

— О Боже, Тоня, какая ты притворщица! И тебѣ не стыдно говорить мнѣ прямо въ глаза, то-есть что называется прямо въ глаза, что Крыловичъ не обожаетъ тебя? Да онъ только и существуетъ любовью къ тебѣ... Вѣдь просто глазъ

съ тебя не спускаетъ, слѣдить за каждымъ твоимъ движеніемъ, ходить за тобою, какъ тѣнь—и не влюбленъ? Ты будешь утверждать, что не влюбленъ? Не влюбленъ?

— Надѣюсь, что не влюбленъ. Я очень расположена къ Крыловичу и уважаю его, но скажу и тебѣ, и всѣмъ, и даже ему самому, что не желала-бы быть предметомъ его любви и никогда, никогда въ жизни не буду въ состояніи отвѣчать ему такимъ-же чувствомъ.

— Это откуда же вдругъ появилось такое непобѣдимое отвращеніе? Кажется, Крыловичъ вовсе не дурень...

— Очень хорошъ, даже, можетъ быть, слишкомъ хорошъ для меня. Я знаю, что онъ добръ, честенъ, простого, открытого характера, могу чувствовать къ нему расположеніе, если хочешь даже дружбу, но не любовь. Никогда, никогда не буду я любить его!..

— Скажите, какое рѣшительное заявленіе! насмѣшливо замѣтила Вѣра. Очень огорчился-бы Крыловичъ, если-бы узналъ, какъ ты расположена принимать его обожаніе. Но будь спокойна, я не скажу ему...

— Отчего-же? Пожалуйста говори, если тебѣ угодно. Мнѣ рѣшительно все равно. Никогда ни словомъ, ни взглядомъ не показывала я Крыловичу, что могу полюбить его, и если, какъ ты говоришь, онъ интересуется мною, то отъ души желаю, чтобы этотъ капризъ прошелъ. Надѣюсь, что онъ пройдетъ...

— Ну, а на счетъ Алинскаго, какъ ты думаешь? Если этотъ тебя обожаетъ, то слѣдуетъ-ли и ему ожидать такого-же немилостиваго рѣшенія? Или на этотъ разъ mademoiselle Тоня будетъ поспіисходительнѣе?

— Ахъ, Вѣра, я, право, не знаю, что тебѣ за охота все насмѣхаться надо мною? Ты вообразила себѣ, не знаю, почему, что всѣ окружающіе влюблены въ меня, а въ сущности, увѣряю тебя, никто мною не занимается. Особенно теперь, когда ты пріѣхала, ты въ тысячу разъ красивѣе, образован-

нѣе меня, кто будетъ интересоваться мною? Повѣрь мнѣ, милая Вѣрочка, вдругъ обняла она сестру, я не завидую тебѣ, клянусь—не завидую и люблю тебя всей душой! Мнѣ хочется, чтобы ты всегда, вездѣ была первою, лучше всѣхъ! Я сама люблюсь тобою и за твое счастье готова пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ, даже жизнию! Пускай тебя любятъ, восхищаются тобою; такъ и должно быть, это совершенно натурально. Ты такая хорошенькая, такая прелестная!

— А ты думаешь я не люблю тебя столько-же? Если ты скрытничаешь со мною, притворяешься, такъ развѣ я въ этомъ виновата? Я тебѣ сестра и желаю, всей душой желаю быть твоимъ другомъ, но ты сама не хочешь моей дружбы, не хочешь открыть мнѣ свое сердце...

Антонина готова была высказаться, довѣрить сестрѣ тайну своей души, свою любовь къ Всеволоду, но, взглянувъ ей въ глаза, вдругъ остановилась. Она прочла въ ея взорѣ что-то такое, что вдругъ заставило ее умолкнуть. Что она замѣтила въ черныхъ глазахъ Вѣры, смотрѣвшихъ на нее съ ласковымъ, мягкимъ выраженіемъ? Трудно рѣшить этотъ вопросъ, да и она сама едва-ли могла-бы на него отвѣтить, а только сердце посовѣтовало ей промолчать, скрыть свою дорогую тайну и—она промолчала.

Какъ-бы то ни было, но минута была рѣшительная: сестры вдругъ поняли, что хотя и любятъ другъ друга, но только родственною любовью, не болѣе. Онѣ увидѣли ясно, что никогда не будутъ жить душа въ душу, никогда не будутъ довѣрять другъ другу своихъ задушевныхъ мыслей, своихъ заветныхъ думъ и надеждъ. Сердце одной навсегда закрылось для сердца другой—осталась только привязанность, обыкновенная, обыденная привязанность. Дружба между ними была слишкомъ тяжела, просто невозможна и онѣ отказались отъ этой дружбы, отказались навсегда.

Не добившись ничего изъ разговора съ сестрой, Вѣра

осталась въ томъ-же неопредѣленномъ, раздраженномъ состояніи духа. Гордая и самолюбивая, она не только не обратилась къ Всеволоду, но сама видимо старалась отдаляться отъ него, избѣгала встрѣчъ и разговоровъ, усердно бѣгала его и результатомъ такого поведенія было то, что молодая дѣвушка все больше и больше въ него влюблялась. Прежде она была съ нимъ совершенно свободна и натуральна, разговаривала спокойно, безъ всякой натяжки, а теперь сердце ея билось, когда онъ входилъ, она чувствовала его присутствіе и спѣшила отвернуться отъ него. Когда взглядъ его останавливался на ней, что случалось очень рѣдко, такъ какъ онъ упорно продолжалъ избѣгать ея, ей дѣлалось неловко и она спѣшила уйти. А когда его не было, она думала все о немъ и только о немъ. Ей хотѣлось, ей просто необходимо было, чтобы онъ любилъ ее, чтобы онъ преклонился передъ ней. Какъ она тогда посмѣется надъ нимъ! Какъ она презрительно оттолкнетъ его и будетъ наслаждаться его страданіями! Да—будетъ наслаждаться всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ.

— Нѣтъ, пора все это бросить! подумала молодая дѣвушка. Нужно бросить, непременно бросить. Ничего въ немъ нѣтъ хорошаго! Мужемъ моимъ онъ никогда быть не можетъ, зачѣмъ-же мнѣ нужна его любовь? Да и можетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, серьезно понравиться такой нелюдимъ, такой медвѣдь? Пусть любитъ кого ему угодно, мнѣ это рѣшительно все равно!

IV.

Какъ разъ въ это время къ Невѣровымъ пріѣхали Авдіевы, посѣщавшіе ихъ довольно рѣдко. Левъ Семеновичъ сопровождалъ сестрицъ. Хотя онъ тогда и жилъ уже на ихъ счетъ, прокутивъ все свое состояніе, но еще не пилъ запоемъ и, если не обладалъ физической красотой, все-же имѣлъ человѣческій видъ и нѣкоторое умѣнье вращаться въ обществѣ.

Красота Вѣры Аркадьевны, которую онъ видѣлъ въ первый разъ, поразила его. Ни въ одномъ вертепѣ или притонѣ, гдѣ онъ имѣлъ почти постоянную резиденцію, не встрѣчалось ему ничего подобнаго. Да и можетъ-ли быть что-нибудь общаго между красотой продажной женщины, такъ сказать, современной гетеры, какъ-бы она ни была блистательно разукрашена, какою-бы ловкостію въ обращеніи съ мужчинами ни обладала, и красотой молодой, невинной дѣвушки, только что выпущенной изъ затворничества на арену жизни?

Если первыя производятъ иногда сильное впечатлѣніе, то преимущественно или на юныхъ, неопытныхъ птенцовъ, которые влюбляются въ нихъ, какъ говорится, по уши не столько движеніемъ собственнаго сердца, сколько вслѣдствіе маневровъ и разныхъ женскихъ хитростей, употребляемыхъ съ цѣлію вѣрнѣе завлечь ихъ, или на развращенныхъ людей, уже отжившихъ душой, которые ищутъ въ женщинѣ какъ можно болѣе опытности и умѣнья оживить ихъ обветшалое сердце, а вѣрнѣе—пробудить уснувшую чувственность. Но страсть къ подобной женщинѣ никогда не можетъ быть истинною, сердечною привязанностію; ее скорѣе можно назвать увлеченіемъ,

такъ-же быстро испаряющимся, какъ оно появилось, и не оставляющимъ никакихъ слѣдовъ. Иногда воспоминаніе о невинной молодой красавицѣ, видѣнной только нѣсколько разъ и съ которою человѣкъ размѣнялся всего нѣсколькими словами и намеками на любовь, остается сладкимъ и жгучимъ на всю жизнь. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ему такъ и видится ея свѣтлый, ясный взглядъ, ея наивная, нѣжная улыбка, рука его еще какъ будто чувствуетъ слабое пожатіе ея маленькой ручки. Между тѣмъ какъ воспоминаніе о современной гетерѣ, въ обществѣ которой онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже годъ жизни, давно уже испарилось. Даже и лицо-то ея какъ-то забывается—какая она была „изъ себя“.

Левъ Семеновичъ много разъ увлекался различными легкими особами и погибшими созданіями, истратилъ на нихъ все свое состояніе, но никогда не былъ влюбленъ или, вѣрнѣе, никогда не любилъ страстно. Желанія его просто переходили отъ одной къ другой и онъ мѣнялъ предметы любви, какъ перчатки. Теперь-же онъ влюбился въ полномъ значеніи этого слова и влюбился съ перваго взгляда. Тѣмъ не менѣе, характеръ его любви, въ сущности, былъ такой-же, какъ и до сего времени. Такой человѣкъ, какъ Авдіевъ, понимавшій подъ словомъ любовь только удовлетвореніе чувственной страсти, уже потерялъ способность любить сердцемъ, любить такую любовь, которая непременно сопровождается уваженіемъ къ любимому предмету. Любить, по его убѣжденію, значило то-же, что желаніе обладать. Вся разница между прежними его увлеченіями и настоящею любовью заключалась въ томъ, что прежде онъ скоро забывалъ интересовавшихъ его женщинъ, мало былъ знакомъ съ ревностію и легко смотрѣлъ вообще на сердечныя отношенія, а теперь было не то: ему не только хотѣлось обладать „ею“, но обладать одному, нераздѣльно, всю жизнь. Тогда онъ былъ-бы совершенно счастливъ. Но главное овладѣть ею непременно, чего-бы это

ни стоило, во что-бы то ни стало. Его огромные, круглые глаза, устремленные на нее, горѣли не огнемъ хотя и пламенной, но честной, возвышенной любви, а огнемъ грубой, животной страсти.

Вѣра тотчасъ замѣтила взглядъ Авдіева и поняла, какое впечатлѣніе она произвела на него, хотя совершенно не поняла характера этого впечатлѣнія. Молодая дѣвушка только увидѣла, что Авдіевъ очарованъ ея наружностію, и, несмотря на то, что съ своей стороны не почувствовала ни малѣйшей симпатіи къ нему, была очень довольна его восхищеніемъ.

Врожденный инстинктъ женщины—стараніе нравиться всѣмъ и каждому. Въ этомъ главная потребность ея сердца, главная задача ея ума. Истина старая и давно уже доказанная. Конечно, и Вѣра Аркадьевна должна была слѣдовать общему закону. Она больше, чѣмъ кто-нибудь, отчасти по свойствамъ характера, а отчасти потому, что только-что вышла изъ воспитательнаго заведенія, гдѣ любовь хотя и занимаетъ юныя головки питомицъ, но любовь только мечтательная, идеальная. По выходѣ въ свѣтъ, молодая дѣвушка чувствовала необходимость „испытать свои силы“ на практической почвѣ любовныхъ интригъ.

Авдіевъ не нравился Вѣрѣ, а все-таки она была съ нимъ любезна, даже кокетлива, потому что замѣтила произведенное на него впечатлѣніе. Кромѣ того, у нея была и другая причина: „Покажу „ему“, что я рѣшительно равнодушна, любезень-ли онъ со мною или нѣтъ. Нашелся другой, прекрасно, займусь другимъ. Алинскій-ли, Авдіевъ-ли, не все-ли равно? Пусть видитъ, что его глупое поведеніе нисколько меня не затрагиваетъ!“

На основаніи этого рѣшенія, молодая дѣвушка показала большую любезность въ обращеніи съ Авдіевымъ, а когда послѣ обѣда собрались гулять, то устроила такъ, что онъ могъ предложить ей руку.

— Отчего это, Левъ Семеновичъ, проговорила она, кладя свою маленькую, бѣлую руку на мощную ручищу; которую онъ постарался выгнуть кольцомъ какъ можно граціознѣе, даже слегка склонившись всѣмъ туловищемъ въ ея сторону, отчего это вы, когда прѣхали, разглядывали меня съ такимъ напряженнымъ любопытствомъ, какъ какого-нибудь заморскаго звѣря? Вѣдь знаете, я могу подумать, что во мнѣ есть что нибудь очень смѣшное, какой-нибудь недостатокъ, и обидиться.

— Въ васъ, Вѣра Аркадьевна, какой-нибудь недостатокъ? Помилуйте! Да развѣ это возможно?

— Почему-же нѣтъ? Вы такъ пристально меня разсматривали, что мнѣ невольно пришла эта мысль.

— Недостатокъ, Боже мой, недостатокъ! Да вы идеаль, въ полномъ смыслѣ слова идеаль всѣхъ качествъ, всѣхъ достоинствъ, всѣхъ совершенствъ.

— Фи, какъ это приторно любезно! Скажите, пожалуйста, зачѣмъ такая лесть? Къ чему говорить то, чего вы вовсе не думаете?

— Я не думаю, что вы идеаль, что вы въ полномъ смыслѣ слова идеаль? Чѣмъ-же увѣрить васъ, что это мое истинное убѣжденіе? Говорите, приказывайте, чѣмъ могу я доказать, что говорю въ настоящую минуту совершенно откровенно, отъ души?

— Бросьте, пожалуйста, всѣ эти невозможные комплименты, и особенно такіе!

— Но я клянусь вамъ честью.

— Пожалуйста, не клянитесь. Ну, сознайтесь сами, возможное-ли дѣло, чтобы вы, видя меня въ первый разъ, размѣнявшись со мною только нѣсколькими словами, успѣли уже открыть, что я идеаль всѣхъ совершенствъ? Вѣдь я очень хорошо понимаю, что это не болѣе, какъ любезность, и, скажу вамъ откровенно, любезность, которая мнѣ вовсе не нравится. Ужъ слишкомъ приторна.

— Ну, чѣмъ доказать вамъ? Чѣмъ доказать?

— Не надо мнѣ никакихъ доказательствъ, да и доказательства для такого вздора найти нельзя.

— Какъ вы немилосердны, безжалостны. Я стремлюсь убѣдить васъ, что вы произвели на меня впечатлѣніе идеала, совершеннѣйшаго идеала.

— Ну, скажите на милость, усмѣхнулась Вѣра, что это за фраза: произвели впечатлѣніе идеала? Слишкомъ ужъ темное выраженіе. Расскажите, пожалуйста, какъ это можно произвести впечатлѣніе идеала? Весьма любопытно!

— Произвести впечатлѣніе идеала... это... Ну, представьте себѣ, что я вижу какую-нибудь восхитительную, божественную картину, какую-нибудь мадонну Рафаэля. Я пораженъ, очарованъ. Смотрю и думаю: это идеаль, идеаль...

Вѣра громко засмѣялась.

— Это я-то похожа на мадонну Рафаэля? Нашли! Удивительные, право, эти мужчины — вѣдь найдутъ-же сравненіе. Сегодня мадонна, ну, а завтра что? Скажите, что завтра?

— Завтра? И завтра тоже мадонна или что-нибудь еще лучше мадонны.

— Лучше мадонны! Нѣтъ, я вамъ вотъ какъ скажу: сегодня мадонна, а завтра чертенокъ, бѣсенокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Непремѣнно!

— Вѣра Аркадьевна! возможно-ли.

— Ну, ужъ, пожалуйста, не рассказывайте! опять захохотала Вѣра. Знаю, отлично знаю, что я сегодня и что буду завтра. Какая только у васъ манера говорить такіе, просто невозможные комплименты! Вѣдь нашли-же сравнить меня съ мадонной Рафаэля? Ну скажите на милость, есть-ли тутъ хоть на волосъ правдоподобія, искренности?

— По моему убѣжденію или, если хотите другое выраженіе, на мой взглядъ, сходство полное, совершенное.

— И сравненіе, лукаво замѣтила молодая дѣвушка, не въ пользу мадонны, не правда-ли?

— По моему мнѣнію, не въ пользу.

— Ахъ, какія вы говорите, *raison* за выраженіе, гл... изумительныя вещи!

— Вы хотѣли сказать „глупости“, Вѣра Аркадьевна, съ жаромъ сказалъ Авдіевъ, и напрасно остановились, только позвольте замѣтить, что вы не совсѣмъ правы въ этомъ отношеніи.

— Я не права? насмѣшливо замѣтила Вѣра. Сравненіе меня съ мадонной не будетъ въ пользу мадонны? И вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно. Не говоря уже о томъ, что характеръ красоты совсѣмъ другой, достаточно упомянуть, что мадонна Рафаэля картина, не болѣе, какъ картина, въ ней нѣтъ того оживленія, той жизненности. Она представляетъ идеаль красоты мертвой, а вы...

— Довольно комплиментовъ, Левъ Семеновичъ! Я и не подозревала, что вы такой льстецъ!

— Увѣряю васъ, Вѣра Аркадьевна, что я не умѣю ни льстить, ни говорить комплиментовъ. Я вѣдь не болѣе, какъ неучъ, провинціальныи медвѣдь.

— Ну, это незамѣтно.

Авдіевъ просвѣтлѣлъ.

— Вы находите, что я...

— Я нахожу, небрежно проговорила Вѣра, что изъ васъ возможно что-нибудь сдѣлать, если у кого достанетъ на это охоты.

— О! Но у кого-же найдется такая невозможная охота? Не правда-ли, вѣдь невозможная? Невозможная?

— Почему-же? Я не нахожу, что невозможная.

— Вы не находите? О! Если-бы я былъ настолько счастливъ...

— Чтобы у меня пришла эта охота? Ну, что касается до этого, произнесла молодая дѣвушка, взглянувъ кокетливо на своего кавалера, я не могу вамъ сказать ничего опредѣленнаго. Покуда у меня ея еще вовсе нѣтъ.

— Покуда? вы сказали—покуда?

— Сказала: покуда.

— Значить, она можетъ явиться? Скажите, ради Бога, Вѣра Аркадьевна—она можетъ явиться?

— Все возможно. Однако, что это мы совсѣмъ отделились отъ общества? Пойдемте-же къ другимъ.

Авдіевъ былъ совершенно счастливъ. Вѣра намекнула ему, что онъ можетъ ей понравиться, и онъ надѣялся ей понравиться. Почему-же нѣтъ?

Существуетъ-ли на свѣтѣ человѣкъ, который не питалъ-бы надежды понравиться женщинѣ, особенно въ началѣ знакомства? Конечно, не существуетъ. Если-бы Авдіевъ взглянулъ на дѣло хладнокровно, такъ сказать, посторонними глазами, то непременно убѣдился-бы тотчасъ, что онъ, прокутившійся гимназистъ, не отличающійся ни красотою, ни образованіемъ, ни умѣньемъ нравиться, положительно не обладаетъ никакими качествами, чтобы обратить на себя вниманіе богатой свѣтской дѣвушки; но онъ посмотрѣлъ на него глазами своей разгорѣвшейся страсти и надѣялся достигнуть успѣха. Впрочемъ, говоря откровенно, почему-же ему было и не надѣяться? Любовь дѣвушки—это капризъ сердца, игра воображенія. Кого она полюбитъ и за что полюбитъ? Такой вопросъ для рѣшенія невозможенъ.

Если со стороны Авдіева было естественно влюбиться въ Вѣру и надѣяться на ея взаимность, то со стороны Вѣры было нѣсколько легкомысленно и неосторожно завлекать человѣка, характеръ котораго ей былъ совершенно неизвѣстенъ. „Не суйся въ воду, не спросивши броду“, говорить пословица—и говорить истинную правду. Вѣра забыла про эту поучительную

поговорку и завязала роковую для себя интригу. Желаніе показать Алинскому, что совершенно равнодушна къ нему, пренебрегаетъ имъ, увлекло молодую дѣвушку, но—увы! Она совершенно не достигла цѣли. Алинскій не выразилъ ни досады, ни зависти на предпочтеніе, оказанное красавицей Авдіеву, и даже, какъ будто, былъ доволенъ этимъ предпочтеніемъ. Онъ видимо повеселѣлъ и не только не убѣгалъ отъ общества, но сдѣлался гораздо развязнѣе и разговорчивѣе.

Причина такой перемѣны понятна: видя, что Вѣра такъ-же свободно болтаетъ и кокетничаетъ съ Авдіевымъ, какъ и съ нимъ, онъ вывелъ заключеніе, что молодая дѣвушка уже отъ природы такова, а слѣдовательно ничего серьезнаго между ними выйти не могло. Она занималась имъ, пока онъ былъ одинъ на лицо. Явился другой, она занялась другимъ, явится третій—займется третьимъ и такъ далѣе. Теперь, значитъ, онъ можетъ быть спокоенъ, онъ можетъ любить, обожать свой идеаль и никто не встанетъ между ними. Онъ разсуждалъ такъ, но увы! также ошибался, какъ ошибалась и Вѣра. Ему готовилась тоже ужасная судьба.

V.

Наступила осень. Алинскіе переѣхали въ городъ. Всеволоду оставалось пробыть еще два года въ университетѣ и тогда онъ —человѣкъ. Тогда онъ получитъ мѣсто, такъ сказать, станетъ на ноги и можетъ надѣяться на счастливую во всѣхъ отношеніяхъ будущность. Онъ работалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, а это было не легко, потому что, кромѣ университетскихъ занятій, имѣлъ много уроковъ — нужно было помогать матери и сестрѣ. Такимъ образомъ молодой человѣкъ, обремененный трудами, не могъ уже видѣть часто предметъ своей любви. Онъ говорилъ про нее съ Лизой — и это было не малымъ утѣшеніемъ.

Невѣровы жили всю зиму въ деревнѣ, но часто пріѣзжали въ городъ. Аркадій Петровичъ понялъ, что необходимо вывезти дочерей въ свѣтъ. Антонинѣ эти выѣзды въ собраніе и на вечера доставляли мало удовольствія, потому что она на нихъ почти никогда не встрѣчалась съ Алинскимъ, а слѣдовательно и не видѣла большого интереса. Собранія онъ не посѣщалъ вовсе, а кругъ общихъ знакомыхъ у нихъ былъ очень малъ. Для Вѣры же развлеченія были необходимы — она не могла существовать безъ нихъ. Кромѣ удовольствія, которое она находила въ танцахъ и вообще въ свѣтской жизни, ей хотѣлось еще разсѣяться, выкинуть изъ головы ничтожнаго мальчишку, о которомъ она невольно постоянно думала.

Нечего и говорить, что красота Вѣры Аркадьевны произвела въ городѣ фуроръ. Съ перваго-же бала въ собраніи у нея оказался цѣлый легіонъ поклонниковъ мужского пола и

легионъ враговъ женскаго. Грубая половина человѣческаго рода превозносила ее до небесъ, а нѣжная половина готова была упечь въ преисподнюю. Вообще о ней вездѣ и много говорилось.

Въ числѣ поклонниковъ былъ и Петръ Сергѣевичъ Тименевъ. Человѣкъ уже солидныхъ лѣтъ и положительный, онъ вовсе не имѣлъ цѣлью достигнуть нѣжнаго взгляда хорошенькихъ глазокъ, слабаго пожатія маленькой ручки или пустенькой фразы романическаго характера, чего обыкновенно жаждутъ ловеласы юные, у которыхъ сердце „пылаетъ пламенемъ пылкой страсти“, а просто-на-просто хотѣлъ сдѣлать хорошую аферу, женившись на подходящей во всѣхъ отношеніяхъ невѣстѣ.

Лѣта не позволяли ему долго мѣшкать, почему, познакомившись, какъ слѣдуетъ всякому „серьезному“ ухаживателю, съ родителями барышни и убѣдившись, изъ нѣсколькихъ разговоровъ, что онъ не противенъ молодой дѣвушкѣ, Петръ Сергѣевичъ сдѣлалъ формальное предложеніе.

На предложеніе свое Тименевъ не получилъ ни согласія, ни отказа.

Удивительная есть манера у нѣкоторыхъ барышень на предложеніе вступить въ бракъ не отвѣчать ни да, ни нѣтъ! Мотивомъ подобнаго неопредѣленнаго рѣшенія онѣ выставляютъ или „я васъ еще мало знаю“ или „я еще не чувствую къ вамъ достаточно влеченія“. На первый предлогъ можно замѣтить, что если дѣвушка не узнала человѣка, дѣлающаго ей предложеніе, до этой фразы, то развѣ она ему сказала ее, уже никогда его не узнаетъ въ настоящемъ свѣтѣ до самой свадьбы. Развѣ возможно узнать человѣка, находящагося на испытаніи, такъ сказать, на смотру? Да если онъ очень влюбленъ и имѣетъ сильное стремленіе овладѣть любимой дѣвушкой, то, конечно, постарается удовлетворить всѣмъ ея взглядамъ и понятіямъ о „совершенномъ“ мужѣ—а тамъ что дальше

будетъ, увидимъ... Что-же касается до второй фразы, то можно съ увѣренностію сказать, что если дѣвушка не чувствовала влеченія къ мужчинѣ до предложенія, то послѣ предложенія почувствуетъ его еще меньше. Всякій человѣкъ, а особенно женщина, всегда желаетъ имѣть то, чего у него нѣтъ, то-же, что есть, быстро теряетъ цѣнность въ его глазахъ. Такъ и въ этомъ случаѣ: разъ женщина увѣрена въ любви мужчины, разъ она знаетъ, что его сердце полностью принадлежитъ ей, сейчасъ цѣнность этого сердца начинаетъ уменьшаться и тутъ уже слѣдуетъ разсчитывать не на увеличеніе, а на уменьшеніе „влеченія“.

Между тѣмъ, въ какое непріятное, натянутое положеніе бываетъ поставленъ несчастный смертный, которому пришлось выслушать это „ни да, ни нѣтъ!“ Онъ желаетъ получить любимую дѣвушку и боится потерять ее. Вотъ, вотъ явится счастливый соперникъ и прощай всякая надежда! А, можетъ быть, и не явится? Вотъ ей не понравился тотъ взглядъ, это слово... Откажетъ! Неминуемо откажетъ! А, можетъ быть, и не откажетъ? Просто человѣкъ и живетъ и не живетъ, и свободенъ и связанъ, между небомъ и землею обрѣтается. Иногда ему думается: „Да ну ее совсѣмъ! Вишь какая нашла — точно кошка съ мышью играетъ... Брошу! Право брошу!“ А между тѣмъ не бросаетъ — любовь изъ сердца не выметешь, какъ соръ изъ комнаты. И такое бываетъ это положеніе странное, что еслибы предметъ любви, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался хуже вѣдьмы кievской, то все-таки, если воспослѣдуетъ окончательное „да“, человѣкъ женится, непременно женится... Изъ одного самолюбія, чтобы вознаградить себя за терпѣніе, женится... А что будетъ дальше? Объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Случается также, въ чемъ, конечно, не сознается никогда ни одна барышня, что она имѣетъ виды на „кого-либо“, но этотъ „кто-либо“ предложенія не дѣлаетъ, а является оно

вдругъ отъ совершенно другого лица. Положеніе юной особы затруднительно: хотѣлось-бы ей соединиться узами брака съ тѣмъ, кого выбрало ея сердце, но и другого упустить не хочется. А что, если ея мечты и желанія не осуществляются? Тогда она останется не при чемъ. Не лучше-ли утѣшить сдѣлавшаго ей предложеніе смертнаго неопредѣленнымъ отвѣтомъ? Оставить его, такъ сказать, про запасъ? Можетъ быть, когда избранникъ ея сердца узнаетъ, что у него есть соперникъ, то поторопится немножко? Если-же онъ окончательно оставитъ ее, то все-же ея будущность будетъ устроена...

Нѣчто въ родѣ этого произошло и въ данномъ случаѣ. Конечно, Вѣра Аркадьевна еще не рассчитывала, что Алинскій можетъ быть когда нибудь ея мужемъ, но она была равнодушна къ нему и трудно, очень трудно было ей отдать себя на всю жизнь другому — и кому еще? человѣку, который едва-ли могъ внушить какое нибудь романическое, нѣжное чувство. Отталкивать-же Тименева вполнѣ она тоже не хотѣла. Интрига съ Алинскимъ шла дурно, она была недовольна и имъ, и собою, такъ не лучше-ли оставить все, бросить его, забыть и выйти за мужъ за человѣка, хотя и не представлявшаго ничего поэтического, но за то выгоднаго въ матеріальномъ отношеніи? Лучше всего подождать, что будетъ. Кромѣ того, Тименевъ избавитъ ее отъ Авдіева, страшно надѣждавшаго ей своими ухаживаніями и котораго она просто терпѣть не могла.

Левъ Семеновичъ, получивши надежду понравиться когда нибудь дѣвушкѣ, къ которой чувствовалъ даже не любовь, а какую-то бѣшеную, дикую страсть, совершенно перемѣнился. Онъ пересталъ проводить ночи въ кутежахъ, пересталъ пьянствовать, началъ за собою ухаживать, старался бывать вездѣ, гдѣ только бывала Вѣра, и немилосердно осаждалъ ее своими любезностями. Одно только было неудобно: денегъ у него не было, чтобы удовлетворить расходамъ, которые повлекла за

собою его любовь. Необходимо было одѣваться прилично, тратиться на разъѣзды, на угощенія, а на сестрицъ была плохая надежда. Олимпиада Семеновна и Капитолина Семеновна плохо вѣрили въ исправленіе брата, онѣ были твердо убѣждены, что онъ просто на просто надуваетъ ихъ, чтобы выманить у нихъ денегъ. Когда онъ было заикнулся о возможности вступить въ законный бракъ съ Вѣрой Александровной, такъ Липочка только плюнула, а Капочка захохотала ему прямо въ глаза.

— Ну посмотри на себя—на кого ты похожъ? Да развѣ статочное дѣло, чтобы такая богатая и образованная дѣвушка, красавица собой, пошла за такого уроды? Ну что въ тебѣ есть? Заштатный гимназистъ, неучъ и больше ничего. Вѣдь ни съ рожи, ни съ кожи... И придетъ-же дураку такая нелѣпая фантазія? Какъ бы ты раньше подумалъ о своей будущности, кончилъ-бы, какъ слѣдуетъ, образованіе и въ люди вышелъ, такъ могъ-бы еще женихомъ считаться, а теперь, послѣ всѣхъ твоихъ художествъ и безобразій, не только такая дѣвушка, какъ Невѣрова, а простая торговка съ рынка за тебя не пойдеть! Чучело, вѣдь, право — настоящее чучело!

Авдіевъ страшно разсердился на сестеръ и порѣшилъ никогда къ нимъ ни за чѣмъ не обращаться, потому что—мерзкія твари, поганья жидашки и больше ничего! А все-таки денегъ нужно достать. Но гдѣ достать? Никто рѣшительно не соглашался дать ему ни гроша, что, впрочемъ, весьма понятно: какой онъ могъ имѣть кредитъ? Какъ Левъ Семеновичъ ни ломалъ голову, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, но рѣшительно не зналъ, чѣмъ помочь горю, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, явился выходъ, и очень хорошій выходъ. Петръ Сергѣевичъ Тименевъ самъ предложилъ ему займы денегъ.

Что побудило Тименеву, разумнаго афериста, знатока коммерческихъ дѣлъ, дать деньги на вѣрную потерю? потому что

разсчитывать, что Авдіевъ когда-либо отдастъ ихъ, было совершеннымъ ребячествомъ. Побудили его слѣдующіе разсчеты: задумавъ жениться на Невѣровой, Петръ Сергѣевичъ, какъ человѣкъ основательный, прежде всего обратилъ вниманіе на то, какіе у него представлялись конкуренты? На первомъ планѣ онъ тотчасъ замѣтилъ Авдіева. Конечно, Тименевъ былъ убѣжденъ, что Авдіевъ никуда не годится, какъ женихъ, и Вѣра никогда за него не пойдетъ, но если Авдіевъ самъ не женится, то развѣ это помѣшаетъ ему разстроить свадьбу его, Тименева. Авдіевъ человѣкъ задорный, извѣстный скандалистъ, а Петръ Сергѣевичъ, надо сознаться, ни храбростію, ни воинственностію не отличался и изрядно побаивался его. Слѣдовало какимъ нибудь способомъ забрать его въ руки и поставить въ такое положеніе, чтобы онъ волей-неволей уступилъ предметъ своей любви. Способъ этотъ — дать ему денегъ взаймы и держать подъ Дамокловымъ мечомъ уплаты. Сдѣланная-же затрата покроется изъ приданого невѣсты. Подобный разсчетъ былъ совершенно въ духѣ Тименева: аферистъ во всемъ и всегда, онъ и въ этомъ случаѣ хотѣлъ, такъ сказать, купить своего конкурента. Авдіевъ, не знавшій намѣреній и разчетовъ Петра Сергѣевича, былъ въ восторгѣ отъ его любезности.

— Не знаю, право, заговорилъ онъ, чѣмъ я могъ заслужить, но вы оказываете мнѣ такую услугу, такую неоцѣненную услугу...

— Очень радъ, что могу служить, спокойно поклонился Тименевъ.

— Конечно, теперь мои дѣла нѣсколько разстроены, продолжалъ влюбленный левъ, но вы не беспокойтесь. Сестры мои, какъ вамъ извѣстно, имѣютъ средства и, конечно, никогда не откажутся...

— Я вполне увѣренъ въ этомъ, согласился аферистъ, совершенно убѣжденный въ противномъ.

— Понимаете — честь фамиліи...

— О, конечно!

— Во всякомъ случаѣ, если сестры окажутся настолько неблагодарными, что упрутся, не захотятъ помочь брату въ крайности, то скоро у меня будетъ другой источникъ для уплаты денегъ, которыя вы мнѣ такъ обязательно одолжаете. Я, видите-ли...

— Мнѣ совершенно не нужно знать ваши дѣла, Левъ Семеновичъ, прервалъ Тименевъ, вовсе не желавшій быть повѣреннымъ проектовъ и надеждъ Авдіева, и безъ того хорошо ему извѣстныхъ. Вы нуждаетесь въ деньгахъ и я, имѣя свободную тысячу рублей, даю вамъ ихъ взаймы, а слѣдовательно разговоръ конченъ. Только, во всякомъ, случаѣ, долженъ васъ предупредить, что я, какъ человѣкъ наблюдающій порядокъ въ дѣлахъ, попрошу васъ дать мнѣ нѣкоторое обезпеченіе.

— Все, что вамъ угодно! Но вѣдь вамъ извѣстно, Петръ Сергѣевичъ, что у меня недвижимой собственности нѣтъ, да и движимая...

— О, не беспокойтесь! Рѣчь идетъ вовсе не о залогѣ. Я не закладчикъ и не ростовщикъ, подъ залогъ денегъ не даю. Попрошу васъ дать мнѣ письменное обязательство...

— Росписку? Конечно, иначе я и не предполагалъ. Проценты назначьте сами, какіе вамъ угодно, я на все соглашаюсь съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же проценты? Вѣдь я уже докладывалъ вамъ, что я не ростовщикъ; просто ссужаю васъ по знакомству. Но относительно росписки долженъ васъ предупредить, что простая форма этого обязательства не въ моихъ правилахъ. Я попросилъ-бы у васъ сохранную росписку, конечно, безсрочную. Денегъ я требовать у васъ не буду, въ этомъ можете быть увѣрены. Отдадите, когда будутъ лишнія...

Тименевъ, поступая въ этомъ случаѣ согласно составленнаго имъ плана, не потребовалъ векселя. Дѣйствительно, по векселю онъ могъ взыскивать деньги только по истеченіи изъ-

вѣстнаго срока, что было для него неудобно. Имѣя-же сохранную росписку, по силѣ взысканія не уступающую векселю, онъ могъ требовать деньги въ данную минуту. Авдіевъ не имѣлъ понятія о силѣ разныхъ долговыхъ обязательствъ, но его покорило отъ формальности.

— Мнѣ кажется, проговорилъ онъ, что между честными людьми подобныя формальности едва-ли необходимы. Неужели вы сомнѣваетесь въ моей честности? Повѣрьте, ваши деньги будутъ возвращены вамъ аккуратно... Если я беру на себя обязательство, то исполню его въ точности, будьте спокойны. Даже безъ всякаго документа я почту первымъ долгомъ, священнымъ долгомъ расквитаться съ вами, потому что вы оказываете мнѣ въ настоящую минуту такое одолженіе, просто, можно сказать, благодареніе...

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей честности, Левъ Семеновичъ, но, знаете, человѣкъ смертенъ, все можетъ случиться, а я, повторяю, люблю порядокъ въ дѣлахъ. На этомъ основаніи, если вамъ угодно занять у меня деньги, то вы не откажете дать мнѣ форменную сохранную росписку. Вѣдь согласитесь, если вы вполнѣ увѣрены, что уплатите мнѣ долгъ, то для васъ это рѣшительно все равно.

— Но, знаете, будутъ говорить...

— Что-же будутъ говорить! Что вы заняли у меня деньги? Дѣло обыкновенное, не вы одни занимаете. Впрочемъ, если вы не желаете, чтобы это знали, то мы можемъ все сдѣлать келейно, между нами. Я рассказывать ничего не буду, вы, я полагаю, также, и все будетъ шито-крыто.

— А нотариусъ?

— О, помилуйте! Мало-ли у него заключаютъ дѣла? Очень нужно ему рассказывать, что вотъ господинъ Авдіевъ взялъ на сохраненіе у господина Тименева тысячу рублей? Вѣдь это не какое нибудь историческое событіе — кому оно инте-

ресно? Повѣрьте, что нотаріусъ черезъ пять минутъ забудеть о нашемъ дѣлѣ.

Приходилось Авдіеву согласиться, другого исхода не было. Конечно, еслибы онъ догадался о замыслахъ, съ которыми Тименевъ давалъ ему деньги, то никогда не отдался-бы въ его руки, но цѣль афериста была ему неизвѣстна. Наконецъ, онъ расчитывалъ, женившись на Вѣрѣ Аркадьевнѣ, отдать долгъ. А жениться онъ расчитывалъ, и даже очень серьезно. Для людей съ характеромъ Авдіева, по ихъ мнѣнію, нѣтъ ничего невозможнаго. Они всегда готовы набуянить, надѣлать скандаловъ, потомъ, вслѣдъ затѣмъ, остепениться, жениться и— все забыто. Все въ жизни пустяки! Захотѣлось поскандалить— валяй съ плеча, вздумалось жениться — и это можно. Все вздоръ, все возможно, стоитъ только захотѣть...

Условіе было заключено и росписка выдана. Оба потирали себѣ руки и были довольны. Авдіевъ нашелъ средства для ухаживанья, а Тименевъ забралъ буйнаго соперника въ руки. Значить, все идетъ прекрасно и всѣмъ хорошо.

Однако-же скоро Левъ Семеновичъ замѣтилъ, что все идетъ не совсѣмъ хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ Тименевъ сдѣлалъ предложеніе Невѣровой, она видимо стала отдаляться отъ Авдіева. Желаніе „сдѣлать изъ него что нибудь“, какъ она выразилась въ первомъ ихъ разговорѣ, повидимому, совершенно покинуло ее и она начала прямо пренебрегать имъ. Нетерпѣливый, порывистый Авдіевъ, замѣтивъ это отдаленіе, началъ выходить изъ себя.

— Вѣра Аркадьевна! сказалъ онъ ей разъ на вечеръ въ собраніи, я васъ просто не узнаю!

— Почему не узнаете? холодно освѣдомилась молодая дѣвушка.

— Вы, такая добрая, снисходительная, любезная, вдругъ сдѣлались горды и неприступны... Отчего эта перемѣна?

— Во первыхъ, я никогда не была ни добра, ни снисходительна, а во вторыхъ, и теперь не замѣтно, чтобы я сдѣлалась горда и недоступна. Все это ваши фантазіи.

— Вспомните, что вы говорили мнѣ, когда мы шли въ саду, подъ руку...

— Что-же я говорила?

— Вы говорили, что у васъ можетъ явиться желаніе сдѣлать изъ меня что нибудь...

— Такъ что-жъ что говорила? Желаніе это не явилось — вотъ и все тутъ.

— И все тутъ?

— И все тутъ.

— Но вѣдь вы могли-бы, и теперь можете сдѣлать изъ меня все, все...

— Ничего не хочу я изъ васъ дѣлать и — оставьте меня въ покоѣ.

— Но могу-ли я оставить васъ? Вы были такъ добры, такъ снисходительны ко мнѣ, и я началъ питать сладкую надежду, блаженную мысль, что когда нибудь вы оцѣните мои чувства, поймете меня...

— Ну и оставьте вашу надежду. Я васъ не поняла и никогда не пойму. Поищите другую дѣвушку, которая показала-бы къ вамъ больше сочувствія, что-же касается до меня....

— О! Не говорите этого ужаснаго слова! Не изрекайте моего приговора!

— Никакого приговора я не изрекаю, а просто прошу васъ оставить меня въ покоѣ, вотъ и все.

— Такъ холодно? Такъ спокойно?

— О чемъ-же прикажете мнѣ беспокоиться?

Глаза Авдіева сверкнули нехорошимъ огнемъ.

— Вы не видите причины? проговорилъ онъ.

— Совершенно не вижу. Извините, мнѣ нужно пройти въ уборную.

Она ушла. Левъ Семеновичъ стоялъ нѣсколько минутъ неподвижно. Мысли путались въ его головѣ. Одна только неопредѣленная идея вертѣлась неотступно: „Неужели она никогда не будетъ моею? Нѣтъ—будетъ! Во что-бы то ни стало, а будетъ! Будетъ! Будетъ!..“

Зима прошла, а дѣла оставались все въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи. Тименевъ терпѣливо ждалъ отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе. Онъ отлично понималъ, что такая дѣвушка, какъ Вѣра Аркадьевна, влюбиться въ его не можетъ. Притягательная сила его заключалась въ деньгахъ, и афёрисъ, выше всего ставившій матеріальныя средства, былъ твердо убѣжденъ, что въ концѣ-концовъ останется побѣдителемъ, не смотря на то, что Вѣра была окружена поклонниками. Эти поклонники были ему не страшны: все люди молодые, они занимались только поэзіей любви и не имѣли возможности подкрѣпить эту воздушную поэзію основательной прозой. Онъ хладнокровно смотрѣлъ какъ на ихъ ухаживанья, такъ и на кокетство молодой дѣвушки, тѣмъ болѣе, что она кокетничала со всѣми безъ исключенія, не отдавая никому предпочтенія. „Пусть потѣшится! разсуждалъ благоразумный Петръ Сергѣевичъ. Ужъ лучше теперь, чѣмъ потомъ. Какъ женюсь, такъ приберу къ рукамъ...“ Впрочемъ, всѣ мужчины разсчитываютъ передъ свадьбой прибрать своихъ будущихъ женъ къ рукамъ, а сбывается-ли это на самомъ дѣлѣ? Увы! Большею частію выходитъ наоборотъ...

Вѣра дѣйствительно кокетничала, и кокетничала напропалую. Ей непремѣнно хотѣлось уничтожить зародившуюся любовь къ Аллинскому, но, чѣмъ больше она употребляла усилій, тѣмъ хуже шло дѣло. Что еще болѣе ее раздражало, такъ это совершенное равнодушіе и хладнокровіе молодого человѣка, который упорно продолжалъ держаться своей сп-

стемы удаленія и не обращалъ никакого вниманія на всѣ ея маневры.

Замѣчательно, что никогда удовлетворенная любовь такъ не разжигаетъ и не доводитъ до такого изступленія страсти, какъ любовь неудачная, отвергнутая. Если человѣкъ достигъ желанной цѣли, если онъ счастливъ, то его нервы успокаиваются, какъ-бы засыпаютъ, упоенные успѣхомъ. Онъ отдыхаетъ нравственно и весьма часто случается, что отъ этого нравственнаго отдыха переходитъ къ разочарованію, апатіи и недовольству тѣмъ, чего прежде такъ страстно желалъ. Нѣкоторые лица, особенно прекраснаго пола, постигли это свойство человѣческой натуры и прилагаютъ всѣ старанія, чтобы не довести любимаго человѣка до апатіи и разочарованія. Они постоянно поддерживаютъ въ немъ неувѣренность, постоянно волнуютъ его и не даютъ чувствамъ успокоиться даже по достиженіи того, къ чему онъ стремятся. Иногда подобное поведение называютъ кокетствомъ и жестоко осуждаютъ его, но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Если подобное кокетство имѣетъ цѣлью привязать къ себѣ крѣпче любимый предметъ и поддержать его любовь, которая безъ того могла-бы скоро угаснуть, то оно происходитъ не отъ пустоты или вѣтренности характера, а изъ чувства самосохраненія, почему и осуждаемо быть не можетъ. Подливая немного масла въ лампу, можно поддерживать огонь и, точно также, подливая нѣсколько горечи въ сердце, можно поддерживать любовь.

Если-же человѣкъ не счастливъ въ любви, то избытокъ горечи не только не тушитъ огонь его страсти, но развиваетъ его въ полный пожаръ. Здѣсь затронуты всѣ чувства, а главное — самолюбіе. Если-бы даже онъ и могъ побѣдить свою любовь, то только до тѣхъ поръ, пока не явится соперникъ. Разъ соперникъ явился, самолюбіе начинаетъ свое дѣло и заинтересованность обращается въ страсть. Успѣхъ соперника доводитъ эту страсть до апогея. Тутъ уже не можетъ быть и

рѣши о томъ, чтобы уступить... Чѣмъ меньше надежды достигнуть цѣли, тѣмъ пламеннѣе желаніе во что-бы то ни стало ея достигнуть. Часто такое невозможное желаніе доводить человека до послѣднихъ столбовъ и дѣло кончается очень дурно, иногда даже самоубійствомъ. Многіе отрицаютъ логичность самоубійства отъ любви, но хотя быть можетъ приводимыя ими доказательства и вѣрны теоретически, практика доказываетъ не то: такія самоубійства случаются часто. Отъ какихъ-бы причинъ они не происходили, но случаются и всегда случаться будутъ—этого довольно.

Вѣра Аркадьевна прежде всего была самолюбива, а затѣмъ видѣла и соперницу — Антонину. Что Антонина влюблена въ Алинскаго, она была увѣрена. Ея безучастное отношеніе къ мужчинамъ, равнодушіе къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, весьма странное въ дѣвушкѣ ея лѣтъ, наконецъ, нѣкоторые взгляды и слова, которые Вѣрѣ удалось подмѣтить, все ясно указывало, что сердце ея занято. Но любить-ли ее Алинскій? Въ началѣ, по пріѣздѣ Вѣры, обхожденіе его съ нею какъ будто показывало, что этой любви не существуетъ, но перемѣна въ немъ, необъяснимая холодность въ обращеніи съ ней, Вѣрой, заставляють придти къ убѣжденію, что что нибудь да есть. Это надо выяснить, узнать, непременно узнать! А какъ узнать? Антонина молчитъ и отъ нея ничего нельзя добиться; можетъ быть даже и сама она не знаетъ, любима-ли имъ? Нѣтъ, знаетъ, конечно знаетъ, но ни за что не сознается... Обращаться-же къ Алинскому неловко, унижительно... „Человѣкъ видимо меня избѣгаетъ, а я буду къ нему приставать? Я — которой онъ и одного мизинца не стоитъ! Но я хочу это узнать навѣрное, хочу, непременно хочу! И узнаю, такъ или иначе, а узнаю...“

Вотъ почему, несмотря на то, что Вѣра Аркадьевна провела зиму среди развлеченій, окруженная поклонниками, нѣкоторая горечь оставалась въ ея сердцѣ, зародившаяся любовь

не исчезала, а рѣдкіе случаи, когда она встрѣчалась съ Алинскимъ, поддерживали эту горечь и возбужденное состояніе.

Не легче, если не тяжелѣе, было положеніе Авдіева. Человѣкъ далеко не глупый, онъ мало-по-малу началъ разочаровываться въ своихъ надеждахъ. Увлечшись фантастическими мечтами пылкаго воображенія, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ ихъ несбыточности. Нѣсколько разговоровъ, подобныхъ тому, который онъ имѣлъ съ Вѣрой въ собраніи, ясно показывали ему, что предметъ его страсти не только равнодушенъ къ нему, но даже не любитъ и презираетъ его. Подобныя мысли доводили его до изступленія и, чтобы забыться, онъ опять началъ пить. Затѣмъ вдругъ у него являлась идея, что такимъ способомъ онъ потеряетъ окончательно всѣ шансы на успѣхъ, онъ бросалъ пить и, хватаясь за соломенку, опять начиналъ усиленно ухаживать за молодой дѣвушкой. Такимъ образомъ онъ бросался отъ одного къ другому порывисто, съ какимъ-то отчаяніемъ. Къ сожалѣнію, если въ одномъ ему удавалось достигнуть удовлетворительнаго успѣха, то есть, напиться до забвенія всего, то въ другомъ успѣха не было ровно никакого: Вѣра относилась къ нему все болѣе и болѣе небрежно. Въ добавокъ сестры, видя, что его поведеніе опять ухудшилось, начали немилосердно пилить его, да мало того, Капитолина Семеновна прибавляла къ пиленію еще невыносимыя насмѣшки.

— Ну что, женихъ? Понялъ, наконецъ, что не съ твоимъ рыломъ въ калачный рядъ соваться? Убѣдился, что съ твоей пьяной рожей не за невѣстами ухаживать, а по кабакамъ на гармоніи играть? Вчера, вотъ, хорошъ былъ! Пошелъ-бы къ Невѣровой въ любви объясняться... Да она тебя велѣла-бы гнать со двора палками! И откуда только у тебя, негодяя, деньги взялись? Право — уворовалъ гдѣ-нибудь, не иначе... Помадиться тоже началъ, волосе à la Carul зачесывать... Красавецъ! Чѣмъ къ парикмахеру, ты-бы лучше въ винный

погребъ сходилъ, тамъ тебя къ лицу причешутъ! Jeune premierъ изъ пятого класса гимназіи, франтъ утонченный! Теперь опять безобразить началъ, срамникъ эдакій! Погоди, ужъ дождешься ты, увидишь, что изъ тебя выйдетъ... Погоди только...

Такія и тому подобныя рѣчи выводили изъ себя Льва Семеновича. Часто чесались у него кулаки отъ желанія попробовать ихъ силу на сестрицахъ—въ ожиданіи того, что изъ него выйдетъ, посмотрѣть, что изъ нихъ выйдетъ. Послѣ такихъ сценъ онъ, приведенный въ отчаяніе и на зло имъ, жестоко напивался. Но затѣмъ наступала реакція: опять-таки на зло сестрамъ, чтобы доказать имъ, что онѣ все врутъ и что онъ непременно достигнетъ цѣли, пьянство бросалось и начиналось ухаживание.

Наступило лѣто. Алинскіе опять были приглашены въ имѣніе Невѣровыхъ. Всеволоду не хотѣлось ѣхать, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Жить около Антонины, видѣть ее каждый день... Возможно-ли устоять? Къ тому-же, зная вѣтренный характеръ Вѣры, молодой человѣкъ рассчитывалъ, что она занята теперь совсѣмъ другими мыслями и не обратитъ на него никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что число посѣщавшихъ ихъ знакомыхъ увеличилось и она скучать не будетъ, а, слѣдовательно, онъ можетъ оставаться въ тѣни. Убаюканный съ одной стороны этими успокоительными мыслями, а съ другой побуждаемый почти насильно деспотической любовью матери, которая требовала „для его пользы“, чтобы онъ непременно прожилъ лѣто въ деревнѣ на свѣжемъ воздухѣ, Всеволодъ поддался искушенію и поѣхалъ.

Когда Вѣра очутилась въ той-же обстановкѣ, какъ прежде, въ головѣ ея пробудились воспоминанія прошлаго лѣта. Опять она увидѣла Алинскаго каждый день рядомъ съ Антониной и опять ее начала преслѣдовать мысль: любить-ли онъ сестру? Что-же касается до сестры, то въ любви ея къ молодому человѣку она уже не сомнѣвалась. „Нѣтъ, это невозможно! Я

лучше ея, во всѣхъ отношеніяхъ лучше! Онъ долженъ любить меня! Онъ скрываетъ, навѣрное скрываетъ свои чувства... Онъ думаетъ, что недостойнъ меня, онъ боится показать свою любовь, потому и отдаляется. Я должна все открыть! Непременно должна!"

Не чувствуя больше въ себѣ силъ выносить неопредѣленное положеніе, Вѣра рѣшилась, наконецъ, объясниться съ Алинскимъ.

Однажды послѣ обѣда, пользуясь удобнымъ случаемъ, она подошла къ нему и проговорила очень серьезно:

— Всеволодъ Александровичъ! Мнѣ необходимо переговорить съ вами о важномъ для меня дѣлѣ.

Онъ молча поклонился.

— Пойдемте въ садъ, продолжала она, взявъ его руку. Я не желала-бы, чтобы нашъ разговоръ былъ услышанъ.

Они вышли вмѣстѣ и шли подъ руку, не говоря ни слова. Вѣра обдумывала, какъ и что слѣдуетъ ей говорить, а Всеволодъ находился въ тревожномъ ожиданіи. Онъ предчувствовалъ, что этотъ разговоръ долженъ быть для него непріятенъ. Дойдя до скамейки въ отдаленной, уединенной части сада, Вѣра оставила его руку и сѣла.

— Я всегда считала васъ за благороднаго и разумнаго человѣка, Всеволодъ Александровичъ, начала она.

— Вы слишкомъ добры, какъ-то неопредѣленно проговорилъ Алинскій.

— По крайней мѣрѣ, это мое убѣжденіе. Мы въ прошломъ году много съ вами говорили, много разсуждали, и я могла замѣтить, какъ правильны и основательны ваши сужденія обо всемъ. Теперь, прибавила она съ горькой улыбкой, наши разговоры, наша возникавшая дружба, все прекратилось по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ...

— Я никогда не считалъ себя достойнымъ быть вашимъ другомъ, Вѣра Аркадьевна.

— Совершенно напрасно говорите такъ, потому что вовсе этого не думаете, Всеволодъ Александровичъ. Не наоборотъ-ли? Кажется, не вы недостойны моей, а я недостойна вашей дружбы. Дѣйствительно, могла-ли такая пустая, вѣтренная дѣвушка, какъ я, заслужить симпатію такого основательнаго, серьезнаго человѣка, какъ вы? Между нами такъ мало общаго, что ваше отдаленіе весьма понятно.

— Я никогда не показывалъ вамъ, Вѣра Аркадьевна, что читаю васъ вѣтренною или пустою.

— Въ такомъ случаѣ позвольте замѣтить, что ваше поведеніе относительно меня совершенно необъяснимо. Любезный, предупредительный, разговорчивый въ началѣ, вы вдругъ дѣлаетесь несообщительнымъ, скажу даже нелюбезнымъ со мною. Къ чему-же я могу отнести подобное поведеніе, какъ не къ недостатку симпатіи?

— Я никогда не предполагалъ, Вѣра Аркадьевна, чтобы могъ обратить хоть сколько-нибудь на себя ваше вниманіе. Твердо убѣжденный, что вамъ рѣшительно все равно, я предполагалъ, что мое возвращеніе къ обычному моему характеру останется даже незамѣченнымъ вами.

— А! Такъ это было возвращеніе къ обычному характеру?

— Именно возвращеніе. До вашего пріѣзда я всегда былъ такимъ, какимъ вы меня теперь видите. Вашъ пріѣздъ, совершенно не могу объяснить, по какой причинѣ, вывелъ меня изъ обыденной колеи, я измѣнилъ себѣ, но природа, согласитесь сами, всегда должна взять свое, и медвѣдя нельзя превратить въ человѣка, да еще развязнаго. Я хотѣлъ попробовать играть роль свѣтскаго человѣка, но замѣтилъ свою несостоятельность и опять облекся въ шкуру медвѣдя, вполне увѣренный, что вы не обратите никакого вниманія на этотъ переходъ.

— Къ сожалѣнію, вы нѣсколько ошибались: я обратила на него вниманіе и думала о причинахъ вашего превращенія,

вовсе для меня не лестнаго. Теперь вы объясняете его тѣмъ, что природа взяла свое, но, вѣдь, могла-же я сдѣлать также и другія заключенія...

— Какія-же? какъ-то нерѣшительно освѣдомился Всеволодъ.

— Напримѣръ то, что я заняла незавидное мѣсто въ вашемъ мнѣніи. Когда вы меня достаточно узнали, то поняли, что я не стою ни малѣйшаго вниманія съ вашей стороны...

— Вы этого не думаете! Неужели, Вѣра Аркадьевна, вы считаете меня способнымъ на такое невѣжество?

— Могло быть и другое предположеніе: что вы, напримѣръ, боитесь меня...

— Боюсь? удивился Алинскій. Кажется, прибавилъ онъ, улыбнувшись, вы не отличаетесь ничѣмъ такимъ, что могло бы внушить страхъ.

— Это съ какой точки зрѣнія посмотрѣть на вопросъ. Значить, проговорила молодая дѣвушка съ печальной улыбкой, мое предположеніе оказалось неправильнымъ и вы меня не боитесь нисколько, то-есть нисколько?

— Отчего-же я могу бояться васъ? Помилуйте, Вѣра Аркадьевна, развѣ это возможно?

Очевидно, молодой человѣкъ не понималъ или не хотѣлъ понять, на что она его наводила. Значить, онъ ея не любитъ, совсѣмъ не любитъ, это ясно...

— Ну, хорошо, продолжала она съ тяжелымъ вздохомъ, который постаралась заглушить, я принимаю данное мнѣ вами объясненіе вашей перемѣны—пусть будетъ такъ! Но, опять-таки возвращаясь къ началу нашего разговора, повторяю, что считаю васъ за благороднаго, разумнаго человѣка, почему и обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ. Я увѣрена, что вы посоветуете мнѣ прямо отъ души, безъ притворства...

— Если вы, поклонился Всеволодъ, считаете меня достойнымъ вашего довѣрія...

— Если-бы я не считала васъ достойнымъ, то и не обра-

тилась-бы къ вамъ. Мнѣ сдѣлали предложеніе... взглянула она на него пристально.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, онъ не поблѣднѣлъ, не покраснѣлъ, не смутился, онъ оставался совершенно спокоенъ... Значить, онъ ея не любитъ! Вовсе не любитъ!..

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Молодой человѣкъ какъ будто ждалъ продолженія, но она молчала.

— Вамъ сдѣлали предложеніе? проговорилъ онъ, наконецъ. Я нахожу, что это вполне естественно и этого слѣдовало ожидать. Только я не совсѣмъ понимаю, въ чемъ я могу...

— Я еще не дала никакого отвѣта и хочу просить вашего совѣта, принять мнѣ его или нѣтъ.

— Позвольте замѣтить, Вѣра Аркадьевна, что въ подобномъ случаѣ я совершенно не могу дать вамъ никакого совѣта; все зависитъ отъ вашего желанія. Могу только выразиться общей фразой: если сдѣлавшее предложеніе лицо вамъ нравится и вы увѣрены, что будете съ нимъ счастливы, то выходите за него, если-же нѣтъ, то откажите.

— А если я увѣрена, что не буду съ нимъ счастлива?

— Въ такомъ случаѣ, улыбнулся Всеволодъ, вамъ, конечно, слѣдуетъ искать человѣка болѣе для васъ подходящаго, болѣе отвѣчающаго вашимъ желаніямъ. Съ вашимъ умомъ, наружностію и состояніемъ у васъ недостатка въ женихахъ быть не можетъ.

— А если подходящаго человѣка вовсе нѣтъ и я ни съ кѣмъ не могу быть счастлива? Если у меня нѣтъ надежды, пристально взглянула она на него, сдѣлаться когда-нибудь женою человѣка, отвѣчающаго моимъ желаніямъ?

— Для васъ, Вѣра Аркадьевна? Для васъ нѣтъ надежды? Мнѣ кажется, что вы, окруженная людьми, готовыми сейчасъ же отдать вамъ всю свою жизнь, должны были-бы только затрудняться въ выборѣ...

— Но если мнѣ не нужно всѣхъ этихъ окружающихъ меня

обожателей? вспыхнула молодая дѣвушка. Если я къ нимъ равнодушна? Если они мнѣ противны? Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, считаете меня настолько пустою, что я способна увлекаться глупыми любезностями, пошлыми комплиментами, которые говорятъ мнѣ всѣ эти люди? Неужели вы такого дурного, такого жалкаго обо мнѣ мнѣнія?

Алинскій молчалъ.

— Да? Вы молчите, значить это вѣрно. Но вы ошибаетесь, говорю вамъ—вы ошибаетесь! Вы думаете, что я, глупая, наряженная кукла, только и создана для свѣтской, бессмысленной жизни? О! Вы ошибаетесь, повторяю вамъ, вы ошибаетесь! У меня есть сердце, сверкнула она своими прелестными черными глазами, и я могу любить, да еще какъ любить! Если я кого-нибудь люблю, то знайте, что люблю такъ, какъ никто, никого, никогда не любилъ! Для моей любви я отдамъ все: и родныхъ, и друзей, и будущность, и счастье и—свою жизнь! Я ни передъ чѣмъ, понимаете-ли, ни передъ чѣмъ не остановлюсь... Все для меня возможно! Нѣтъ жертвы, которую я не принесла-бы...

Она закрыла лицо руками. Смущенный этимъ неожиданнымъ порывомъ, Всеволодъ молча смотрѣлъ на нее.

— Но, Вѣра Аркадьевна, произнесъ онъ, наконецъ, вѣдь вы теперь никого не любите...

— А вы почему знаете? вдругъ подняла она голову.

— Я такъ полагаю, потому что если-бы вы кого-нибудь полюбили, то и онъ въ свою очередь...

— Что-же: и онъ въ свою очередь?

— Если его сердце свободно...

— А! Договорились! Если его сердце свободно! А свободно-ли оно? Скажите—свободно-ли оно?

— Какъ-же я могу это сказать? Вы настолько умны, настолько проницательны, что сами, конечно, это замѣтите.

— Ну, а если я замѣтила, что оно не свободно? Если я знаю, что оно занято другою?

— Тогда...

— Что тогда? Говорите-же—что тогда?

— Тогда нужно удалиться отъ этого человѣка, бросить его, успокоиться, показать твердость характера, силу воли, взять надъ собою верхъ и...

— И въ концѣ-концовъ выйти замужъ за Тименева, не такъ-ли?

— Это Тименевъ сдѣлалъ вамъ предложеніе? нѣсколько удивился Всеволодъ.

— Кажется, такой человѣкъ, котораго трудно обожать! Ну что-жь, любовь несчастна, сердце мертво, за то матеріальная обстановка хороша, на балахъ танцовать можно—не правда-ли?

— Тименевъ, насколько я его знаю, человѣкъ порядочный и, если не можетъ внушить страстной любви, то будетъ хорошимъ, внимательнымъ мужемъ. Говоря безпристрастно, такая партія для благоразумной дѣвушки вовсе не дурна...

— А я, по вашему, благоразумная дѣвушка или нѣтъ?

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ благоразуміи, Вѣра Аркадьевна, твердо произнесъ Алинскій.

Вѣра опустила голову. Она потеряла послѣднюю надежду—ясно, онъ ея не любитъ и никогда не любилъ.

— Ну, хорошо, горько улыбнулась она. Значить, вы совѣтуете мнѣ принять предложеніе Тименева?

— Повторяю вамъ, что въ подобномъ дѣлѣ совѣтовать не могу. Какъ-же возможно взять на свою отвѣтственность чью-либо судьбу и рѣшить, постороннему человѣку, такой важный вопросъ? Можно только сказать, что хотя въ Тименева влюбиться трудно, но, какъ вы уже сами замѣтили, жена его будетъ пользоваться матеріальнымъ благосостояніемъ, будетъ спокойна, свободна...

— Вы сказали—свободна? вдругъ быстро подняла голову

молодая дѣвушка. Да, это правда! Я буду свободна, совѣмъ свободна...

— Насколько позволяютъ супружескій долгъ и обязанности жены, конечно.

Вѣра нервно захохотала.

— Супружескій долгъ? Обязанности жены? Скажите, пожалуйста, кто-же говоритъ въ наше время такія громкія фразы, а еще болѣе, кто ихъ понимаетъ?

— Говорятъ и понимаютъ всѣ честные люди. Мнѣ даже удивительно, Вѣра Аркадьевна, слышать отъ васъ то, что вы сейчасъ сказали, и я не знаю, чѣмъ объяснить...

— Не объясняйте! порывисто прервала она его, никакихъ объясненій не нужно! Я говорю глупости! Развѣ вы не видите, что я говорю глупости? Супружескій долгъ, обязанности жены... все это вѣрно, совершенно вѣрно. И свобода, свобода..."

Она опустила голову и замолчала. Всеволодъ тоже молчалъ и задумчиво смотрѣлъ на нее. „Неужели это она меня такъ любить? вертѣлось въ его головѣ. Не дай Богъ! А вѣдь похоже, очень похоже... Но развѣ я подаль поводъ къ этой любви или искалъ ея? Что-же я сдѣлалъ такого, что могло пробудить это несчастное чувство? Зачѣмъ мнѣ оно? Если-бы вмѣсто Вѣры сидѣла здѣсь „она“ и говорила мнѣ такъ, тогда... О! Какъ я былъ-бы счастливъ! А теперь? Теперь впереди только страданія...

Вдругъ Вѣра подняла голову и взглянула на него.

— Благодарю васъ, Всеволодъ Александровичъ, произнесла она натянуто спокойно. Хотя вы дали мнѣ довольно неопредѣленный совѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, я постараюсь ему послѣдовать. Конечно, самое лучшее удалиться, успокоиться... Мнѣ представляется выгодная партія и я поступлю неблагоразумно, если упущу ее. Вы сами находите, что я дѣвушка благоразумная, вѣдь такъ? Ну я и постараюсь доказать, что дѣйстви-

тельно заслуживаю ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; я постараюсь показать силу воли, взять надъ собою верхъ. Вѣдь это будетъ хорошо, не правда-ли?

— Имѣть силу воли всегда хорошо, Вѣра Аркадьевна.

— Я съ вами согласна и докажу, что имѣю ее: я приму предложеніе Тименева. Благодарю васъ.

Она встала и протянула ему руку, стараясь не смотрѣть на него; потомъ медленно повернулась и пошла по дорожкѣ.

Вѣра дѣйствительно рѣшилась. Разговоръ съ Алинскимъ показалъ ей ясно, что онъ ея не любитъ. Онъ даже намекнулъ, что любить другую. Чего-же больше? Она должна окончательно оставить его. Но уступить Антонинѣ—никогда! Онъ не будетъ принадлежать ей, пусть такъ, но и Антонина его не получитъ. Это вѣрно! Антонина помѣшала ея счастію и она, въ свою очередь, помѣшаетъ счастію Антонины. И какъ еще помѣшаетъ! Перенести все на себѣ одной она не можетъ—пусть лучше всѣ будутъ несчастны...

VII.

— Хочешь услышать интересную новость, Тоня? сказала Вѣра въ тотъ-же вечеръ сестрѣ.—Я выхожу замужъ.

— Ты выходишь замужъ? удивилась Антонина.

— Да, и очень скоро. Что-же тутъ особеннаго? Мнѣ сдѣлали предложеніе, я нашла партію для меня подходящую и приняла его—вотъ и все.

— Но папа и мама? Знаютъ они уже объ этомъ?

— Пока не знаютъ, но скоро узнаютъ. Въ ихъ согласіи сомнѣваться нечего. Тебѣ, вѣдь, извѣстно, что они дали намъ полную свободу распоряжаться нашей судьбой, какъ намъ угодно. Вотъ я и распорядилась. Впрочемъ, я совершенно увѣрена, что и безъ того они согласились-бы, потому-что за-браковать моего жениха трудно, особенно родителямъ.

— Кто-же онъ? Впрочемъ, можетъ быть, это секретъ....

— Для другихъ—да, но съ тобою я не вижу причины секретничать. Мой женихъ Петръ Сергѣевичъ Тименевъ.

Антонина пристально взглянула на сестру.

— Вѣра, ты шутишь! проговорила она.

— Нисколько; я говорю совершенно серьезно. Развѣ тебѣ не нравится мой выборъ?

— Ты выходишь замужъ за Тименева?

— Я выхожу замужъ за Тименева.

— Безъ шутокъ?

— Безъ шутокъ.

— Но, помилуй, Вѣрочка, вѣдь это совершенно неподходящій для тебя женихъ...

— Почему не подходящий?

— Онъ старъ, не красивъ, не развитъ, не образованъ... Если у него есть умъ, то развѣ только для торговыхъ дѣлъ. Возможно-ли, чтобы ты могла полюбить такого человѣка?

— Почему-же не полюбить?

— О, это невозможно!.. Неужели ты... но, нѣтъ, это еще болѣе невозможно!...

— Что-же я? Говори, пожалуйста. Почему ты остановилась?

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше не буду говорить, нерѣшительно проговорила Антонина, опустивъ глаза. — Миѣ пришла дурная, очень дурная мысль... Глупость, совершенная глупость!

— Ты хотѣла сказать: неужели ты выходишь за него потому, что онъ богатъ? Продаешь себя за деньги? Вѣрно? Ты это хотѣла сказать?

— Вѣрочка!..

— Пожалуйста, не притворяйся, я отлично знаю, что ты это подумала, и многіе другіе подумаютъ то-же самое; даже и говорить будутъ. Ну, чтожь такое? Развѣ въ наше время рѣдкость, что дѣвушка выходитъ замужъ не по страсти, а по расчету? Это показываетъ, что она благоразумна—и только. Ну, вотъ и я хочу быть благоразумною... Наконецъ, я вовсе не согласна съ тобою, что Тименевъ и старъ, и некрасивъ, и глупъ—онъ, по моему мнѣнію, человѣкъ очень представительный и миѣ весьма неприятно, что ты такого печальнаго мнѣнія о моемъ женихѣ.

— Прости меня, Вѣра, но, признаюсь тебѣ, я думала, да и до сихъ поръ думаю, что ты шутишь.

— *Par exemple!* Вотъ упрямство! — слабо усмѣхнулась Вѣра.—Ей говорятъ серьезно, а она непремѣнно хочетъ принимать за шутку! Повторяю тебѣ, что я вовсе не шучу.

— Если такъ, то и я скажу тебѣ серьезно, что никакъ не ожидала отъ тебя подобнаго выбора. Съ твоей красотой и съ твоимъ состояніемъ можно было навѣрное рассчитывать

сдѣлать лучшую партію. Я не отрицаю, что Тименевъ, по крайней мѣрѣ, насколько я слышала, человѣкъ порядочный и, какъ ты выразилась, представительный, но, по моему мнѣнію, тебя онъ не стоитъ. Что ты вышла за него изъ разсчета, конечно, говорить будутъ и, признаюсь, не безъ основанія...

— Это для меня рѣшительно все равно! Пусть говорятъ, что хотятъ. Въ глаза за мною всѣ будутъ ухаживать, а за глаза всякаго осуждаютъ, не за то, такъ за другое. Повѣрь, что и теперь меня никто не щадитъ и всѣ городскія барыни ругаютъ напропалую, но мнѣ отъ этого ни теплѣе, ни холоднѣе. Такъ или иначе, я рѣшилась выйти замужъ—и выйду. Тименевъ человѣкъ приличный, я буду свободна, буду независима и, наконецъ, буду пользоваться матеріальнымъ благосостояніемъ—больше мнѣ ничего не нужно.

Послѣднія слова Вѣра произнесла такимъ страннымъ тономъ, что Антонина невольно посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Вѣра! проговорила она мягкимъ голосомъ, — у тебя есть другая причина, по которой ты приняла это рѣшеніе.

— Другая причина? встрепелась Вѣра.

— Да, другая причина. Иначе быть не можетъ. Ты не говоришь ея, но она есть.

— Никакой у меня нѣтъ причины... Просто, надоѣло мнѣ сидѣть въ дѣвушкахъ, вотъ и все.

— Неправда! Съ тобою что-то случилось, только ты не хочешь сознаться. Я не навязываюсь на твою откровенность, какъ хочешь, такъ и поступай; скажу тебѣ только, какъ искренно преданная тебѣ сестра: обдумай, хорошенько обдумай этотъ шагъ... Разъ замужъ выйдешь, тогда уже все кончено, на всю жизнь...

— Ахъ, Тоничка, какія общія фразы! Ну, къ чему ты говоришь все это? Кто-же этого не знаетъ? Я рѣшилась поступить такъ, полагая, что поступаю благоразумно. Надо тебѣ

сказать, что я теперь очень высокаго о себѣ мнѣнія и считаю себя благоразумною дѣвушкой... А кому извѣстно будущее? Можетъ выйти хорошо, можетъ выйти и дурно. Хорошо выйдетъ, слава Богу; выйдетъ дурно — сама-же я и раскаяваться буду. Кому какая нужда?

— Тѣмъ, кто тебя любить.

— Прекрасно. Ну, вотъ, тѣ, которые меня любятъ, исполнили свой долгъ, напомнили мнѣ азбучныя, общеизвѣстныя правила о важности дѣлаемаго мною шага. Очень благодарна! Затѣмъ окончательное рѣшеніе вопроса все-таки предоставляется мнѣ и я остаюсь при своемъ. Высказывать причины, заставляющія меня поступать такъ, а не иначе, я не хочу и не буду. Ты, напримѣръ, сама имѣешь скрытный характеръ, позволъ-же и мнѣ имѣть такой-же! Да, наконецъ, къ чему поведутъ всѣ эти откровенности? Я не маленькій ребенокъ, могу разсуждать и, разсуждая, признаю всякія откровенности излишними и неумѣстными. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ нужно выйти замужъ и я хочу выйти... Хочу, непременно хочу! Хозяйка-ли я своей судьбы или нѣтъ? Надѣюсь, что хозяйка! Когда ты будешь въ такомъ-же положеніи, повѣрь, что я не буду рассказывать тебѣ правила благоразумія, которыя ты считаешь нужнымъ мнѣ напомнить, потому-что знаю, что они тебѣ прекрасно извѣстны. Впередъ общаю тебѣ никакихъ назиданій и моралей не читать. Впрочемъ, для тебя это дѣло, можетъ быть, иначе повернется...

— Я вижу, что ты, Вѣрочка, обижаешься на меня и, право, не знаю, за что. Ты сама объявила мнѣ о твоёмъ предстоящемъ выходѣ замужъ и я высказала тебѣ отъ души мое мнѣніе. Хочешь—слушай, хочешь—нѣтъ. Не высказать его я не могла, потому-что люблю тебя; ты мнѣ сестра, и я не могу отнестись равнодушно къ твоей судьбѣ. Изъ твоихъ словъ я вижу, что ты рѣшилась на этотъ шагъ по важнымъ причинамъ, которыхъ открыть не хочешь. Но я, повторяю,

не навязываюсь на твою откровенность. Если причины настолько важны, что иначе поступить нельзя...

— Иначе поступить нельзя! рѣшительно подтвердила Вѣра.

— Нельзя, такъ нечего и говорить объ этомъ. Могу только поздравить тебя и пожелать отъ всей души, отъ всего сердца счастья...

Понятно, что Антонина, видя, что Вѣра относится къ ней не только безъ всякаго родственнаго чувства, но даже какъ-то враждебно, уклонилась отъ дальнѣйшихъ объясненій на эту тему. Она начала смутно понимать, что между ея сестрою и Алинскимъ что-то было. Но что именно? Что могло побудить Вѣру вдругъ идти замужъ за Тименева, за человѣка, котораго она, очевидно, любить не могла? Ясно, что между сестрою и Всеволодомъ была непріятность, но какая? Отъ него или отъ нея она произошла? Всеволодъ избѣгалъ Вѣры, Антонина отлично это замѣтила, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра сама навела ее на эту мысль. Значить онъ ея не любитъ? Значить, онъ можетъ любить ее, Антонину, а можетъ быть уже и любить... Развѣ она не замѣчала его чувства раньше, по его обращенію съ нею, по его взглядамъ, по всему, по всему... Молодая дѣвушка, по откровенной честности своего характера, высказала Вѣрѣ, что считаетъ Тименева не подходящимъ для нея женихомъ, но отчасти, даже противъ ея воли, радостная мысль являлась ей и заставляла биться ея сердце: Вѣра выйдетъ замужъ и она избавится отъ опасной соперницы—„онъ“ опять будетъ принадлежать ей, какъ прежде... Она опять можетъ рассчитывать на счастье...

Вѣра, съ своей стороны, рассчитывала иначе. Зная, что Антонина любитъ Всеволода, она подозрѣвала, что онъ также любитъ ея сестру, но уступить его не хотѣла ни за что. Въ настоящемъ положеніи она ничего не могла сдѣлать, чтобы помѣшать ихъ любви, а хладнокровно смотрѣть на нее положительно не имѣла силъ. Нужно было во что-бы то ни стало

разлучить ихъ, поставить между ними непреодолимую преграду. Какія-же употребить для этого средства? Теперь никакихъ, но когда она сдѣлается свободною, самостоятельною женщиною, когда получить возможность распоряжаться своими поступками, тогда будетъ все въ ея рукахъ и она, безъ сомнѣнія, найдетъ средства сначала удалить Алинскаго отъ сестры, а потомъ неразрывно приковать его къ себѣ. Для этой цѣли она сдѣлаетъ все, рѣшится на все... Что-же касается до Тименева, то она не очень имъ затруднялась: развѣ въ наше время не расходятся съ мужьями на каждомъ шагу? Не сошлись характерами, да и кончено. Не будетъ-же онъ удерживать ее насильно; а если пустится на это, такъ она ему такую адскую жизнь устроить, что, въ концѣ концовъ, онъ самъ радъ будетъ съ нею развязаться. Конечно, нѣкоторое время придется притворяться, но что-же дѣлать? Для „него“ она готова на все. Не въ Тименевѣ дѣло—его всегда можно бросить въ данную минуту. Разъ „его“ желаніе будетъ, чтобы она бросила мужа — и она немедленно его броситъ.

Конечно, всѣ расчеты молодой дѣвушки были легкомысленны, но она ни передъ чѣмъ не останавливалась и ничто ея не затрудняло. Она перескакивала черезъ всѣ препятствія и въ ея воображеніи рисовалось только одно, что она достигла цѣли, поставила на своемъ! Богатая фантазія ея рисовала картины будущаго счастья и забывала о томъ, сколько нужно сдѣлать, сколько перенести, чтобы его достигнуть. А, можетъ быть, когда она его достигнетъ, оно уже не покажется ей такимъ желаемымъ, какъ теперь? Подобнаго вопроса ни Вѣра, да и никто въ мірѣ себѣ не задаетъ, особенно въ дѣлахъ любви. Когда человѣкъ любитъ, онъ твердо увѣренъ, что будетъ любить всю жизнь. Но пройдетъ время, пройдетъ любовь, и самъ потомъ смѣется надъ собою: „Какъ я былъ легкомысленъ! Какъ глупъ!..“

Вѣра Аркадьевна объявила Тименеву свое согласіе на вступленіе съ нимъ въ законный бракъ. Петръ Сергѣевичъ былъ обрадованъ не только тѣмъ, что достигъ цѣли, но и тѣмъ, что вышелъ изъ неопредѣленнаго, отвратительнаго положенія неизвѣстности, которое сильно ему надоѣло.

— Я счастливъ, Вѣра Аркадьевна, сказалъ онъ, — что вы нашли меня достойнымъ вашей руки. Постараюсь всѣми силами сдѣлать все, чтобы вы не были недовольны вашимъ рѣшеніемъ.

— Прежде всего, Петръ Сергѣевичъ, я должна вамъ объяснить, какъ понимаю супружескую жизнь. Если вы найдете, что мой взглядъ неправильный или неподходящій къ вашимъ убѣжденіямъ, то имѣете возможность, пока никто еще ничего не знаетъ, отказаться отъ меня.

— Помилуйте! Да развѣ это возможно? Какія-бы ни были ваши убѣжденія, повѣрьте, они будутъ моими. Я настолько обожаю васъ...

— Во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ ихъ высказать. Я считаю, что бракъ основанъ на взаимной свободѣ. Какъ мужъ, такъ и жена не должны стѣснять другъ друга ни въ поступкахъ, ни въ убѣжденіяхъ.

— О, это конечно! Но...

— Вотъ уже и „но“. Скажите, пожалуйста, въ чемъ-же заключается это „но“?

— Я хотѣлъ только сказать, что поступки замужней женщины...

— Не должны ни въ чемъ отклоняться отъ принятаго ею на себя долга и обязанностей? Такъ?

— Вѣра Аркадьевна... замаялся Тименевъ.

— Будемъ говорить откровенно. Вы замѣтили, что я люблю кокетничать, и это побудило васъ вставить ваше „но?“ Считаю долгомъ предупредить васъ, что люблю кокетничать и

буду кокетничать. Берите меня такою, какая я есть, или вовсе не берите...

Тименевъ поморщился, но постарался это скрыть.

— Вѣдь если вы, Петръ Сергѣевичъ, продолжала бойкая барышня, — дѣлаете мнѣ честь вашимъ предложеніемъ, то, значить, уважаете меня, а, уважая дѣвушку, нельзя даже подумать, что она способна сдѣлать дурной поступокъ и нарушить свой долгъ.

— О, помилуйте! Да у меня и мысли не было...

— Вотъ видите-ли. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи вы должны быть совершенно спокойны. Пока я буду жить съ вами, я не нарушу моего долга...

— Пока будете жить? прервалъ озадаченный Тименевъ. — Но вѣдь, я полагаю, вы будете жить со мною всю жизнь! Не на срокъ-же я вступаю въ бракъ!

— Вотъ въ этомъ-то и заключается мое понятіе о взаимной свободѣ. Теперь мы еще мало знаемъ другъ друга. Можетъ случиться, что характеры наши не сойдутся, что жить вмѣстѣ для насъ сдѣлается тяжело, невыносимо...

— О, этого никогда не будетъ! Я для васъ на все готовъ: и характеръ переменю, и привычки... Жизнь наша будетъ устроена совершенно такъ, какъ вамъ угодно.

— Все это очень хорошо, но все-таки можетъ случиться, что или съ вашей, или съ моей стороны явится желаніе, скажу больше, необходимость разорвать связывающія насъ цѣпи. Подъ именемъ свободы я понимаю возможность исполнить это безъ насилія со стороны другого изъ желанія поддерживать невозможныя отношенія.

— О, помилуйте! Развѣ возможно насиліе? Только могу васъ увѣрить, что съ моей стороны...

— Желаніе разорвать наши цѣпи не явится? Прекрасно. Ну, оно можетъ явиться съ моей, почему и прошу васъ, чтобы то, что вы теперь мнѣ обѣщаете, не было пустыми словами.

Женихъ все готовъ обѣщать и во всемъ готовъ поклясться, а какъ женится, такъ взглядъ его вдругъ мѣняется и онъ начинаетъ притѣснять жену всѣми способами. Я хоть и молода, но, повѣрьте, не настолько неопытна, чтобы этого не знать. Поэтому-то и предупреждаю васъ заранѣе, чтобы избѣжать всякихъ сценъ и упрековъ въ будущемъ. Если-же въ теперешнихъ вашихъ словахъ и увѣреніяхъ заключается задняя мысль и вы послѣ свадьбы заговорите другое, то лучше намъ разойтись теперь, потому-что счастливы мы не будемъ.

Тименеву было ясно, что Вѣра Аркадьевна, выходившая за него замужъ не по любви, выгораживала себѣ всевозможныя выгодныя условія. Впрочемъ, даже дѣлая ей предложеніе, онъ отлично понималъ, что если она и согласится, то изъ разсчета. По его убѣжденію, золотой телецъ долженъ былъ побѣдить—и онъ дѣйствительно побѣдилъ. Но на этотъ разъ почтенный Петръ Сергѣевичъ нѣсколько ошибался: не одинъ золотой телецъ побѣдилъ, а въ соединеніи съ другими обстоятельствами. Обстоятельствъ этихъ онъ не могъ не только знать, но даже подозрѣвать. Отношенія Вѣры къ Алинскому совсѣмъ не бросались въ глаза и не могли ему на умъ прийти. Изъ всего, что говорила молодая дѣвушка, онъ понялъ только то, что она, какъ большинство современныхъ барышень, зараженная мыслями о свободѣ и равноправности женщинъ съ мужчинами, желала поставить себя совершенно независимо.

Слѣдуетъ замѣтить, что разговоры, подобные тому, который завела Вѣра съ Тименевымъ, въ наше время, къ сожалѣнію, далеко не рѣдкость. Многія современныя барышни смотрятъ на бракъ, какъ на аферу, въ которой на первомъ планѣ должны стоять вопросы матеріальныя, иначе говоря, проза жизни. О поэзіи онѣ не очень хлопчутъ, разсчитывая, что поэзія, такъ или иначе, сама собою явится. Бываютъ даже и такія, которыя находятъ, что бракъ и поэзія понятія несовмѣстимыя, что это два магнита, взаимно отталкивающіеся.

Понятно, что если встрѣтится третій магнитъ, то онъ неминуемо долженъ быть притянутъ однимъ изъ двухъ первыхъ. Вотъ тогда начнется поэзія, но, увы! иногда очень скверная поэзія.

Въ прежнее время было не такъ, но было-ли лучше? Едва-ли. Если въ настоящее время бракъ является аферой для дѣвушки, которая рѣшается сдѣлать этотъ важный жизненный шагъ, то въ прежнее время онъ былъ аферой ея родителей, договоромъ между ними и женихомъ, часто даже простымъ торгомъ, въ которомъ сама она не принимала ровно никакого участія. Нѣтъ, ужъ лучше по нынѣшнему — пусть дѣвушка сама собою торгуетъ, чѣмъ ею будутъ торговать другіе!..

Тименева, афериста и дѣльца въ полномъ смыслѣ слова, не могло поразить то, что Вѣра Аркадьевна смотрѣла на бракъ, какъ на коммерческій договоръ. Онъ самъ всякое дѣло въ жизни понималъ въ видѣ подобнаго договора и считалъ вполне натуральнымъ, что невеста объявляетъ свои условія. Но слѣдуетъ сознаться, что если онъ и соглашался на нихъ теперь, то далеко не считалъ ихъ неизмѣнными. „Всѣ дѣвушки начитались романовъ, фантазируютъ, разсуждалъ онъ. Воображаютъ себя героинями и ожидаютъ какихъ-то необыкновенныхъ приключеній въ жизни. А выйдутъ замужъ — обойдутся. Познакомятся съ прозой жизни, войдутъ въ обыденную колею, пойдутъ дѣти и всѣ фантастическія мечтанія исчезнутъ. Пусть потѣшится, пока не уходилась, но я смотрѣть буду зорко и если что-нибудь, то—атанде! Попридержу маленько“.

— Какъ я теперь говорю, Вѣра Аркадьевна, объявилъ онъ спокойно своей будущей невестѣ, такъ буду и всегда говорить. Твердо увѣренъ, что никакихъ несогласій между нами не будетъ, но, во всякомъ случаѣ, еслибы, чего Боже сохрани, что и случилось, то никогда не сочту себя вправѣ дѣйство-

вать насиліемъ. Помилуйте! Да развѣ это современно?; Насильно миль не будешь, говоритъ пословица, и я признаю ее совершенно вѣрною. Я не имѣю права ограничивать вашу личную свободу, да и никогда не могу имѣть этого права. Надѣюсь, что вы сами привыкните ко мнѣ и не пожелаете разстроить нашу жизнь.

На это Вѣра ничего не отвѣчала, да и отвѣчать было трудно: уже теперь, когда еще даже бракъ не былъ заключенъ, она разсчитывала ее разстроить...

— Что-же до меня касается, продолжалъ онъ, то вся моя жизнь будетъ посвящена на то, чтобы устроить вамъ спокойную будущность. Родныхъ у меня нѣтъ, друзей также, слѣдовательно все мое сердце будетъ принадлежать вамъ однѣмъ и я буду заботиться только о вашемъ счастіи.

— Въ такомъ случаѣ, протянула молодая дѣвушка руку Тименеву, — вотъ вамъ моя рука...

Петръ Сергѣевичъ очень любезно поцѣловалъ протянутую ему хорошенькую ручку. Объясняться въ любви, говорить пылкія, восторженные тирады онъ не умѣлъ, да и зачѣмъ? Развѣ, при заключеніи серьезныхъ договоровъ умѣстны подобныя пустяки?

— Слѣдовательно, вы позволите мнѣ обратиться къ Аркадію Петровичу?

— Обратитесь.

— Я думаю, что съ его стороны...

— Затрудненій не будетъ, можете быть спокойны. Разъ я этого желаю, то и дѣло кончено. Съ настоящей минуты мы для всего свѣта формальные женихъ и невѣста.

Тименевъ былъ въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны ему хотѣлось, чтобы весь городъ узналъ, что за него выходитъ Невѣрова, надѣлавшая столько шума своей красотой, потому что тогда ей будетъ трудно возвратиться, какъ говорятъ, „на попятный“, а съ другой желательно было пока со-

хранить дѣло въ секретѣ, потому что, откровенно говоря, онъ крѣпко побаивался Авдіева. Хотя и удалось ему сохранною роспискою забрать свирѣпаго льва въ свои руки, но какъ знать? Съ отчаянія, пожалуй, въ драку полѣзетъ, а то и того хуже... Человѣкъ горячій, порывистый, отъ котораго всего можно ожидать. Не лучше-ли пока сохранить дѣло въ тайнѣ?

Въ настоящее время вошло въ моду держать въ секретѣ помолвку дѣвушки до самой свадьбы. Она лишена удовольствія явиться передъ всѣмъ свѣтомъ съ титуломъ невѣсты, который составляетъ ея гордость и можетъ назваться самымъ интереснымъ, самымъ заманчивымъ изъ всѣхъ титуловъ. Откуда-же произошла эта мода? Кажется, основаніе ея кроется во взаимномъ недовѣріи: а что если дѣло разстроится? Не пострадаетъ-ли отъ этого репутація молодой дѣвушки? Оно, конечно, отчасти такъ, но позволимъ себѣ замѣтить, хороши-ли, что недовѣріе является между женихомъ и невѣстой еще до свадьбы? Если они не довѣряютъ другъ другу съ самаго начала, то что будетъ въ концѣ? И въ этомъ, какъ во всей обстановкѣ современнаго брака, на первомъ планѣ является расчетъ и расчетъ...

Нечего и говорить, что Аркадій Петровичъ и его жена согласились на бракъ дочери, хотя, можетъ быть, и желали для нея лучшей партіи. Впрочемъ, послѣ всего, Тименевъ человѣкъ хорошій, солидный, съ деньгами... Дастъ Богъ, будетъ счастлива... Сама захотѣла, ну и пусть идетъ — суженаго конемъ не объѣдешь.

УШ.

Хотѣ Тименевъ и желалъ-бы сохранить свою будущую свадьбу въ тайнѣ, но ему неловко было предлагать Невѣровымъ не говорить никому о помолвкѣ дочери, такъ какъ инициатива въ этомъ отношеніи должна была принадлежать невестѣ. Вѣра Аркадьевна не видѣла причинъ держать дѣло въ секретѣ, новость не замедлила распространиться и быстро дошла до Авдіевыхъ.

— Ну чего добился? подтрунила Капитолина Семеновна надъ братомъ, — невеста-то — тютю!.. Что-жъ ты глядѣлъ? Даромъ только труды пропали... Ужъ право лучше-бы и не совался, гулялъ-бы по кабакамъ, да трактирамъ, тамъ тебѣ настоящее мѣсто выходить. Въ *jeune premier*ы полѣзь, невесту выглядѣлъ, а что въ концѣ концовъ вышло? Пьяницей былъ, пьяницей на вѣкъ и останешься, да еще съ носомъ! Говорили тебѣ, чтобы со своимъ свинымъ рыломъ въ чужое корыто не совался, ну вотъ и получилъ по ушамъ...

Въ первую минуту Авдіевъ не повѣрилъ извѣстію. Ему необходимо было убѣдиться, узнать все непосредственно отъ самой Вѣры. Можетъ быть, все вздоръ, глупыя слухи... Можетъ быть, даже просто выдумка сестеръ, чтобы побѣсить его. Съ нихъ это станется! Жидовки проклятыя!

Онъ полетѣлъ къ Невѣровымъ.

Вѣра, отлично понявшая по разстроенному виду Авдіева, что слухъ о ея свадьбѣ достигъ до него, сначала хотѣла избѣжать объясненій, но поняла, что объясненіе такъ или иначе неизбежно, потому что противный ухаживатель самъ собою

отъ нея не отстанетъ. Она только постаралась сдѣлать его какъ можно короче.

— Вѣра Аркадьевна! началъ нетвердымъ голосомъ Левъ Семеновичъ, до меня дошли глупые слухи, безобразныя сплетни...

— Какія сплетни? холодно освѣдомилась молодая дѣвушка.

— Говорять, что будто вы... Но это, конечно, чистый вздоръ... Говорять, что будто вы замужъ выходите?

— Это вовсе не вздоръ, а правда.

Несмотря на грубую красноту своей широкой фізіономіи, Авдіевъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Серьезно? пробормоталъ онъ.

— Совершенно серьезно.

— За... господина Тименева?

— За господина Тименева.

— Но вѣдь это невозможно! Совершенно невозможно!

— Почему-же невозможно?

— Чтобы вы, вы могли полюбить такого стараго безобразнаго торгаша, ростовщика...

— Я васъ покорнѣйше попрошу, Левъ Семеновичъ, не отзывать такъ о моемъ женихѣ. Согласитесь, что не совсѣмъ деликатно въ глаза дѣвушкаѣ награждать подобными эпитетами ея будущаго мужа.

— Будущаго мужа!

— Конечно, будущаго мужа. Скажу вамъ откровенно, меня, право, удивляютъ всѣ ваши выходки. Изъ-за одной шутки, которую я имѣла неосторожность сказать вамъ прошлымъ лѣтомъ, вы въ теченіе цѣлой зимы преслѣдовали меня. Я давно уже просила васъ оставить меня въ покоѣ и прямо заявила, что если я вамъ нравлюсь, то вы мнѣ, pardon за откровенность, вовсе не нравитесь. Послѣ этого, мнѣ кажется, все должно быть между нами кончено. Надѣюсь, что я вправѣ располагать собою и не должна вамъ отдавать никакого отчета

въ выборѣ мужа и въ устройствѣ моей будущей судьбы. Вы знакомы въ нашемъ домѣ, прекрасно, ну и будемте знакомы, а о какихъ-нибудь другихъ отношеніяхъ, кромѣ обыкновеннаго знакомства, прошу васъ и не думать, потому что, серьезно говорю вамъ, это ни къ чему не поведетъ. Я увѣрена, что вы, какъ порядочный человѣкъ, не будете насильно приставать ко мнѣ и пожелаете мнѣ счастья. Затѣмъ, я считаю нашъ разговоръ оконченнымъ.

Вѣра повернулась, чтобы уйти.

— Итакъ, это рѣшено безвозвратно?

— Что „это?“

— Ваша... свадьба?

— Конечно, безвозвратно, засмѣялась Вѣра, разъ весь городъ о ней знаетъ.

— И вы имѣете еще силу смѣяться? побагровѣлъ Авдіевъ.

— Помилуйте! Да отчего-же мнѣ не смѣяться? Право, Левъ Семеновичъ, будьте добры, бросьте все это. Будемъ добрыми знакомыми, друзьями. Право—такъ лучше.

— Бросить! А вы полагаете, что это возможно бросить?

— Конечно, возможно. Неужели-же вы, мужчина, не имѣете настолько твердости воли? Полноте! Женщина можетъ побѣдить себя, а тѣмъ болѣе мужчина. Необходимо покориться судьбѣ...

— Покориться судьбѣ! О, Вѣра Аркадьевна, еслибы вы знали...

— Нѣтъ, Левъ Семеновичъ, быстро перебила Вѣра, пожалуйста, не говорите мнѣ ничего. Я не хочу и не могу васъ слушать. Одно говорю, оставьте эти мысли, развлекитесь, разсѣйтесь... Пройдетъ время и вы сами будете смѣяться надъ тѣмъ, что хотѣли теперь мнѣ говорить. До свиданья—пріѣзжайте ко мнѣ на свадьбу!..

Вѣра убѣжала.

Нѣсколько минутъ Авдіевъ стоялъ неподвижно, смотря ей

вслѣдъ, потомъ вдругъ повернулся, стремительно выбѣжалъ изъ дому и, ни съ кѣмъ не прощаясь, уѣхалъ отъ Невѣровыхъ.

Рѣшено! Вѣра пропала для него навсегда. Навсегда! Его идеаль, дѣвушка, за которую онъ позволилъ-бы разорвать себя въ клочки, вытянуть себѣ по одной всѣ жилы! Она! Она будетъ принадлежать другому? Да одна мысль объ этомъ мучительна, невыносима!.. И кому еще—Тименеву! Этому отвратительному, изношенному мѣшку съ деньгами! Нѣтъ! Это невозможно! Надо помѣшать ему, застрадать его, принудить отказаться отъ нея.—Непремѣнно! Во что-бы то ни стало!

Левъ Семеновичъ отправился къ Тименеву, но не засталъ его дома. Тогда, не зная, что дѣлать, совсѣмъ растерянный, почти помѣшанный, онъ бросился въ одинъ изъ хорошо знакомыхъ ему вертеповъ и сталъ пить, пить... пока не забылъ все: и Тименеву, и свою любовь, и весь міръ!

Нѣсколько дней безпробуднаго пьянства какъ будто успокоили Авдіева, но все-таки онъ находился въ какомъ-то неопредѣленномъ, умственно разстроенномъ состояніи. Мысль объясниться съ Тименевымъ и заставить его отказаться отъ Вѣры неотступно преслѣдовала его, хотя онъ и понималъ, что изъ этого объясненія ничего выйти не можетъ.

Прійдя, наконецъ, въ нормальное состояніе, онъ опять отправился къ аферисту и на этотъ разъ засталъ его. Узнавъ о томъ, „кто“ къ нему пріѣхалъ, Петръ Сергѣевичъ рѣшился принять гостя, потому что понималъ, что рано или поздно объясненіе неизбежно, но принялъ также и нѣкоторыя предосторожности: положилъ въ карманъ заряженный револьверъ, а Григорію и дворнику велѣлъ находиться въ сосѣдней комнатѣ, чтобы явиться по первому призыву.

Предосторожности эти нельзя было признать излишними, потому что видъ Авдіева далеко не былъ успокоительный и можно было предполагать, что онъ въ состояніи выкинуть

какую-нибудь очень рискованную штуку. Лицо у него было красное, обрюзглое от нѣсколькихъ сутокъ пьянства, ноздри раздуты, глаза на выкатѣ и налиты кровью. Однакоже онъ видимо дѣлалъ усилія, чтобы казаться спокойнымъ, и сѣлъ на предложенный ему стулъ. Онъ не подалъ Тименеву руки, которую тотъ, впрочемъ, и съ своей стороны не торопился протянуть ему. Петръ Сергѣевичъ помѣстился, на всякій случай, на приличномъ разстояніи отъ пріятнаго гостя.

— Я слышалъ, началъ Авдѣевъ хриплымъ голосомъ, что вы имѣете намѣреніе жениться?

— Не скрою — думаю пристроиться, отвѣчалъ Тименевъ примирительнымъ тономъ.

— На Вѣрѣ Аркадьевнѣ Невѣровой? рѣзко продолжалъ гость.

— Точно. Вѣра Аркадьевна мнѣ очень понравилась...

— И мнѣ также.

Заявленіе было такое короткое и ясное, что трудно было найти, что сказать.

— Я очень радъ, продолжилъ аферистъ, что вы одобряете мой выборъ... Да, дѣвушка прекрасная и я надѣюсь быть счастливымъ въ супружествѣ.

— Если только это супружество состоится.

— Я не вижу причины, почему-бы ему не состояться. Вѣра Аркадьевна сдѣлала мнѣ честь принять мое предложеніе...

— Причина та, что я не хочу, чтобы оно состоялось.

— Виновать, какъ будто изумился Тименевъ, я не совсѣмъ понимаю, какое отношеніе...

— Сейчасъ я вамъ объясню. Увидя въ первый разъ Вѣру Аркадьевну, а это было тогда, когда вы еще и понятія о ней не имѣли, я полюбилъ ее до безумія, полюбилъ такъ, какъ вамъ, съ вашей натурой, и въ голову не придетъ, чтобы возможно было любить. Она завладѣла всѣмъ моимъ существомъ, завладѣла на вѣки, нераздѣльно. Я не знаю, на что я готовъ

былъ... Да, впрочемъ, оборвалъ Авдіевъ, что вамъ объ этомъ рассказывать? Съ вашей натурой вы этого и понять не можете. Продолжаю. Тогда-же я рѣшилъ, что она будетъ моею, рѣшилъ неизмѣнно. Съ этой цѣлью я началъ ухаживать за нею, и она, съ своей стороны, была ко мнѣ снисходительна. Но вотъ сунулись вы съ вашимъ денежнымъ мѣшкомъ между нами и съ тѣхъ поръ все пошло шиворотъ на выворотъ. Обращеніе Вѣры Аркадьевны со мною совершенно измѣнилось. Конечно, вапа личность тутъ не при чемъ, главную роль играетъ мѣшокъ съ деньгами, потому что если сдѣлать сравненіе...

— Позвольте, Левъ Семеновичъ...

— Позвольте мнѣ кончить. Если сдѣлать сравненіе, то огромное преимущество останется за мѣшкомъ съ деньгами. Итакъ, этотъ мѣшокъ разрушилъ всѣ мои надежды, разстроилъ мою жизнь...

— Но на чемъ-же основывались ваши надежды? прервалъ Тименевъ.—Развѣ Вѣра Аркадьевна...

— Дѣла вамъ нѣтъ, что и какъ Вѣра Аркадьевна! разразился Авдіевъ.—Рѣчь идетъ не о Вѣрѣ Аркадьевнѣ, а обо мнѣ! У меня были надежды, и основательныя надежды—этого довольно. Васъ принесло и все пропало...

— Но позвольте! Вѣдь мнѣ кажется, каждый свободенъ...

— Вамъ можетъ казаться все, что вамъ угодно, но я раньше васъ зналъ ее, раньше ухаживалъ за ней, раньше и сильнѣе о! въ миллионъ разъ сильнѣе любилъ ее; почему вы и должны отказаться отъ нея и уступить ее мнѣ.

— Какъ-съ?

— Отказаться отъ нея и уступить ее мнѣ. Кажется, ясно?

— Но на какомъ-же основаніи...

— Основаніе я уже вамъ объяснилъ. Такой идеалъ, такая дѣвушка не можетъ принадлежать мѣшку съ деньгами. Это совершенная безмыслица. Поймите, что для васъ гораздо

приличіе сочтаться бракомъ съ подобнымъ-же вамъ мѣш-комъ изъ увѣсистыхъ, объемистыхъ купчихъ; это будетъ пра-вильно и натурально. Но такая дѣвушка...

— Дозвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ, Левъ Семеновичъ, сдержанно проговорилъ Тименевъ. Вы говорите, что я вамъ помѣшалъ; но въ чемъ-же? Еслибы Вѣра Аркадьевна смотрѣла благосклонно на ваши ухаживанья и отвѣчала на ваши чувства, то она, конечно, отказала-бы мнѣ. Разъ она изъ-явила согласіе на вступленіе въ бракъ со мною, значить любви къ вамъ не имѣла, а расположена ко мнѣ.

— И вы льстите себя надеждой, что какая-нибудь жен-щина на свѣтѣ можетъ быть расположена къ вамъ? Лично къ вамъ?

— Мнѣ кажется, что это доказывается фактомъ согласія...

— Черпать золото изъ вашего мѣшка. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я говорю вамъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что Вѣра Аркадьевна не чувствуетъ къ вамъ ни малѣйшаго, то-есть, понимаете-ли, ни малѣйшаго расположенія. Если она выходитъ за васъ замужъ, то по какой-нибудь другой причинѣ.

— По какой-же причинѣ? Если-бы она была бѣдна, то я еще понялъ-бы эту причину, но у нея есть нѣкоторое, хотя и не большое, состояніе...

— Причина эта мнѣ не извѣстна, но я знаю, я чувствую, что она васъ не любитъ. Это вѣрно. Поэтому вы сдѣлаете прескверную аферу, если женитесь на ней, могу васъ увѣрить. Гораздо благоразумнѣе будетъ съ вашей стороны во время отказаться отъ нея.

„Чтобы уступить ее такому безобразному негодяю, какъ ты“, чуть было не сорвалось съ языка Тименева, но онъ удержался.

— Я этого не могу сдѣлать, Левъ Семеновичъ, прогово-

рилъ онъ, даже въ интересахъ самой Вѣры Аркадьевны. Теперь все дѣло извѣстно и ея репутація неминуемо пострадаетъ.

— Объ этомъ не беспокойтесь—я возьму ее и съ пострадавшей репутаціей.

— Но это будетъ нечестно съ моей стороны!

— Пустяки! Какая тутъ честь? Вамъ ли, человѣку коммерческому, распространяться о чести?

— Какой-бы я ни былъ человѣкъ, съ жаромъ возразилъ Тименевъ, но безчестнаго поступка, изъ-за того, чтобы угодить вамъ, не сдѣлаю!

Ноздри Авдіева раздулись и глаза остановились съ такимъ выраженіемъ на аферистѣ, что тотъ инстинктивно опустилъ руку въ карманъ и взялся за револьверъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Такъ вы положительно отказываетесь уступить мнѣ Невѣрову? прохрипѣлъ гость.

— Положительно отказываюсь.

— Въ такомъ случаѣ, какъ благородный человѣкъ, вы должны дать мнѣ удовлетвореніе.

— Въ чемъ удовлетвореніе?

— Въ томъ, что вы отбили у меня невѣсту.

— Никогда Вѣра Аркадьевна не была вашей невѣстой.

— Если-бы не вы, такъ была-бы.

— Это еще вопросъ.

— Такъ вамъ не угодно дать мнѣ удовлетвореніе?

— Я не знаю, въ чемъ.

— Значитъ нужно, чтобы я оскорбилъ васъ публично? побилъ при свидѣтеляхъ?

— Позвольте, Левъ Семеновичъ! вдругъ насмѣшливо проговорилъ Тименевъ. Я теперь отлично понимаю, что разговоръ про мою невѣсту былъ только предлогомъ, и угадываю цѣль настоящей сцены.

— Цѣль настоящей сцены заставить васъ уступить мнѣ любимую мною дѣвушку.

— Извините, по моему мнѣнію это только предлогъ, а настоящая цѣль завести со мною ссору, чтобы не отдать должныхъ вами мнѣ денегъ.

— Это еще что?

— Очень ясно. Вы хотите нанести мнѣ ни съ того, ни съ сего оскорбленіе и добиться дуэли, на которой надѣетесь меня убить, чтобы освободиться отъ долга. Разсчитать не дурень!

— А! сверкнулъ глазами Авдіевъ, теперь я понимаю, зачѣмъ вы дали мнѣ денегъ займы!

— Я далъ деньги въ займы съ цѣлью помочь вамъ въ затруднительномъ положеніи, безъ всякой задней мысли, просто изъ любезности и расположенія. Изъ настоящаго-же поступка вашего вижу, что эта любезность была совершенно неумѣстна, потому что вы мало того, что не одѣживаете ея какъ слѣдуетъ, еще придираетесь къ первому попавшемуся случаю, чтобы отдѣлаться отъ долга. Но, считаю себя обязаннымъ заявить вамъ, что я вовсе не такъ глупъ, чтобы попасть въ такую простую ловушку.

— Вы врите и больше ничего! разразился Авдіевъ. Вы дали мнѣ деньги съ цѣлью держать меня въ своей зависимости, потому что видѣли, что я люблю Вѣру Аркадьевну и могу помѣшаться вашимъ замысламъ. Теперь это для меня ясно, какъ день. А я то удивлялся и не зналъ, зачѣмъ объяснить вашу услужливость и великодушіе! Оселъ! Ударилъ онъ себя по лбу, не разсудилъ, что такое великодушіе дряннаго ба-рышника не естественно и съ натурой его не сродно! Развѣ вы можете сдѣлать что нибудь безъ разсчета? Вы и теперь только изъ разсчета женитесь на Невѣровой, голову прозакладываю, что изъ разсчета! Вамъ нужны ея деньги—своихъ, видите-ли, мало... Ну хорошо, берите деньги, я вамъ уступлю ея приданое, отдамъ, подарю, подавитесь имъ!... Дамъ какое

хотите обязательство отдать все, что за нею получу, потому что, понимаете ли, мнѣ не деньги нужны, а она! Она одна! И я вамъ ее не уступлю ни за что! Ни за какія сокровища въ мірѣ! Ну чтожь—хотите ея деньги? Хотите?

— Я даже удивляюсь, пожалѣ плечами Тименевъ, какъ вы можете дѣлать мнѣ такія предложенія...

— Значить не хотите? Не хотите?

— Да съ какой-же стати я стану брать чужія деньги?

— Я у васъ ее покупаю! Понимаете ли—покупаю!

— Вѣра Аркадьевна не товаръ, чтобы ею торговать!

— Значить не хотите? Ну такъ чортъ-же васъ знаетъ, чего вы хотите! Въ такомъ случаѣ мнѣ ничего не остается, кромѣ дуэли... Если въ вашей ничтожной оболочкѣ есть хоть на волосъ чести, то вы не можете отъ нея отказаться!...

— Не только могу, но даже долженъ, твердо произнесъ Петръ Сергѣевичъ. Никто не можетъ заставить меня драться съ вами, пока вы не отдадите мнѣ долга. Наши шансы не равны. Отдайте мои деньги и я къ вашимъ услугамъ.

— А! разсвирѣпѣлъ Авдіевъ, хватаясь за ручки кресла и порывисто поднимаясь, значитъ только одно остается...

Тименевъ ловко ретировался за столъ, около котораго сѣлъ нарочно съ цѣлью воспользоваться имъ, какъ баррикадою, въ случаѣ надобности.

— Долженъ васъ предупредить, замѣтилъ онъ, что въ сосѣдней комнатѣ у меня люди, и если вы вздумаете дозволить себѣ какое-нибудь насиліе, то я вынужденъ буду позвать ихъ.

— Мѣры приняты! язвительно прохрипѣлъ Авдіевъ, опускаясь въ кресло. Еще-бы!..

— Принялъ-съ, потому что знаю вашъ характеръ. Послушайте, Левъ Семеновичъ, вдругъ заговорилъ Тименевъ примирительнымъ тономъ, по моему мнѣнію, вы напрасно такъ горячитесь и изъ себя выходите; такимъ способомъ ничего путнаго

изъ нашего разговора не выйдетъ. Ничего вы ни крикомъ, ни угрозами не сдѣлаете, потому что вамъ тутъ и сдѣлать ничего нельзя. Я-же съ своей стороны много могу сдѣлать: стоитъ только подать данную вами мнѣ росписку и вы попадете въ такое положеніе, изъ котораго вамъ не легко будетъ выпутаться...

— Наплевать мнѣ на вашу росписку! сверкнулъ глазами Авдіевъ.

— Ну, не говорите, не говорите... Вѣдь деньги эти я вамъ далъ не въ долгъ, а на сохраненіе, слѣдовательно истративъ ихъ, вы, такъ сказать, воспользовались чужою собственностію... Тутъ, знаете, дѣло довольно сложное... Но оставимъ это и перейдемъ къ другому вопросу, а именно, къ возможности вашей женитьбы на Вѣрѣ Аркадьевнѣ.

Авдіевъ пристально смотрѣлъ на Тиленева своими кровавыми глазами, но не говорилъ ни слова. Онъ какъ будто что-то обдумывалъ...

— Долженъ вамъ сознаться, продолжалъ тотъ, хотя мнѣ это очень прискорбно, въ томъ, что выйдетъ-ли за меня она замужъ или не выйдетъ, но за васъ не пойдетъ ни въ какомъ случаѣ, это она мнѣ сама говорила. Если вы мнѣ не вѣрите, то спросите у нея сами. Слѣдовательно, хотя-бы вамъ даже удалось разстроить мою свадьбу, то своей вы этимъ не устроите, а только навяжете себѣ на шею очень непріятное денежное дѣло. Ну хорошо: не выйдетъ она за меня, захочетъ выйти за другого, за третьяго... Неужели-же вы со всѣми будете заводить исторіи и скандалы? Чѣмъ-же это кончится? Вѣдь очень дурно для васъ кончится и ничего вы не выиграете. Невозможно насильно заставить дѣвушку выйти за себя замужъ, а добровольно, повторяю, она за васъ не пойдетъ, клянусь вамъ, не пойдетъ!

— Не пойдетъ... какъ-то разсѣянно проговорилъ Авдіевъ, вдругъ опустивъ глаза, вздрогнувъ и поблѣднѣвъ.

— Что съ вами, Левъ Семеновичъ? Вы нездоровы? приподнялся съ мѣста Тименевъ.

— Нѣтъ... ничего! проговорилъ тотъ, отвернувшись.

— Право, лучше успокойтесь и обдумайте дѣло хладнокровно. Вспомните пословицу: „Насильно милъ не будешь?“ Ну, положимъ, она понравилась вамъ, да вѣдь не на вѣкъ-же. Понравится еще много другихъ! Развлекитесь, разсѣйтесь... Что-же касается до настоящаго нашего разговора, то, принимая во вниманіе вашъ горячій характеръ и ваше возбужденное состояніе, я общаю вамъ забыть его, какъ будто его и не было...

Пока говорилъ Тименевъ, съ Авдіевымъ происходило что-то странное: глаза его были опущены, онъ поминутно мѣнялся въ лицѣ и судорожно сжималъ ручки кресла.

— Прощайте! вдругъ поднялся онъ съ мѣста.

Тименевъ нѣсколько удивился такому неожиданному исходу разговора.

— Но вѣдь вы будете благоразумны, Левъ Семеновичъ? проговорилъ онъ. Вѣдь не захотите сдѣлать зло безвинной дѣвушкѣ? Общаете, что будете благоразумны?

— Буду... благоразуменъ... Прощайте! порывисто повернулся Авдіевъ къ двери.

— Успокойтесь, отдохните, обдумайте хорошенько дѣло и, увѣряю васъ, вы согласитесь со мною, провожалъ его успокоительными рѣчами Петръ Сергѣевичъ, оставаясь все-таки за своей баррикадой.

— Успокоюсь... обдумаю... Прощайте! прохрипѣлъ Авдіевъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ послѣднее время разговора онъ ни разу не взглянулъ на Тименева.

Проводивъ посѣтителя, аферистъ съ довольнымъ видомъ потеръ руки. „Ну, слава Богу, подумалъ онъ, кажется все уладится хорошо. Вспылилъ, конечно, но этого нужно было

и ожидать отъ такого звѣря. Ничего, пойдеть въ кабакъ и все забудеть! Ему уже одна дорога—пусть спивается! Не думаль я, однако-же, чтобы онъ такъ скоро угомонился и при-смирѣлъ. Вѣрно росписка-то подѣйствовала! И какъ быстро... Подъ конецъ какой-то онъ странный былъ, точно думаль о другомъ, а не о томъ, что я ему говорилъ. Отчего-бы это произошла съ нимъ вдругъ такая переменъ? Ну, да для меня это рѣшительно все-равно, пусть что хочетъ затѣваетъ, лишь-бы мнѣ не мѣшаль. Во всякомъ случаѣ, до свадьбы надо быть осторожнымъ, а то, кто его знаетъ, напьется и выкинетъ скандалъ; съ такого все станется... Ему въ пьяномъ видѣ и море по колѣно! Такое какое нибудь сумасбродство выкинетъ, что и концовъ не соберешь... А тамъ, какъ женюсь, такъ поне-волѣ покорится судьбѣ—ужь ничего не подѣлаешь...”

IX.

Отчего произошла съ Авдіевымъ замѣченная Тименевымъ перемѣна?

Произошла она оттого, что ему пришла одна мысль.

Эта мысль была такая страшная, безобразная, что онъ самъ ея испугался. Она вертѣлась въ головѣ, какъ онъ ни гналъ ее. Разсѣяннo слушая Тименева, онъ старался прогнать эту мысль, неотступно преслѣдовавшую его...

Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ, выйдя отъ афериста, прибѣгнулъ къ обыкновенному способу: напился до безчувствія. Но хмѣль прошелъ, а „она“ опять пришла. Авдіевъ началъ борьбу...

У него еще оставалась часть взятыхъ у Тименева денегъ; онъ пустился кутить и напиваться въ такихъ размѣрахъ, до какихъ еще никогда не доходилъ. Безобразнѣйшіе кутежи и ужасныя сцены, съ выведенными изъ себя сестрами, чередовались между собою. Но деньги скоро вышли и занять больше было не у кого. Тогда онъ началъ воровать у сестеръ. Однако же, нужно сознаться, что воровалъ онъ вовсе не отъ исключительной страсти къ пьянству, а потому, что непремѣнно хотѣлъ побѣдить себя и одолѣть все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшую имъ мысль.

Сестры скоро замѣтили его маневръ, начали принимать предосторожности, и ему было труднѣе и труднѣе добыть что нибудь отъ нихъ. Тогда онъ сталъ дѣлаться все мрачнѣе и просиживалъ цѣлые дни въ отведенной ему конурѣ. Что онъ тамъ дѣлалъ? Ровно ничего. О чемъ думалъ? О! Думалъ онъ много, очень много...

Человѣкъ грубый, горячій, нетерпѣливый, непостоянный, способный одинаково увлечься и хорошимъ, и дурнымъ, но также скоро и бросить увлекшую его мысль, на этотъ разъ онъ какъ будто переродился. Прежде онъ бросался въ кутежи и развратъ безъ всякой цѣли, просто по склонности характера къ безалаберной, безшабашной жизни. Онъ даже рѣдко думалъ о чемъ нибудь серьезно, а такъ—жилъ со дня на день. Самой серьезной заботой его было досадить гдѣ только возможно и чѣмъ только возможно ненавидимымъ имъ сестрамъ. Теперь-же онъ былъ занятъ другимъ: когда, во время разговора съ Тименевымъ, ему пришла роковая мысль, онъ предался ей съ обычнымъ увлеченіемъ, и она постоянно занимала его, хотя онъ старался отдѣлаться отъ нея всѣми силами и средствами. Но ничто не помогло—несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ достигнуть никакого успѣха и все возвращался къ тому-же...

Ничего, ничего невозможно сдѣлать! Ничѣмъ нельзя поправить дѣло! Остается только одно, одно...

Неужели-же нѣтъ больше никакой надежды? Неужели нельзя все бросить и спастись, спастись, какъ спасается утопающій, которому въ роковую минуту протянули руку помощи? Нѣтъ—ему никто не протянетъ руки помощи—онъ погибъ, погибъ безвозвратно! Надо рѣшиться...

Однажды, это было незадолго до свадьбы Тименева, онъ вдругъ одѣлся и отправился къ нему. Хотя видъ у Льва Семеновича былъ суровый и сосредоточенный, но по его рѣчамъ можно было замѣтить, что онъ окончательно образумился и успокоился. Сознаваясь, что поступилъ дурно, явившись прежде съ объясненіями по дѣлу, вовсе его не касающемуся, онъ просилъ Петра Сергѣевича извинить его горячность, забыть тяжелый для обоихъ разговоръ и позволить ему считать себя искренно преданнымъ человѣкомъ какъ ему, такъ и будущей его супругѣ.

Тименевъ очень обрадовался тому, что левъ, котораго онъ такъ сильно боялся, наконецъ, укрощенъ, и отвѣчалъ съ полною любезностью, что, понимая его увлеченіе, съ своей стороны нисколько не претендуетъ на него, душевно расположенъ къ нему и желаетъ ему всякаго добра. Такимъ образомъ соперники помирились и разстались друзьями.

Послѣ этого свиданія Авдіевъ опять заперся въ своей комнатѣ. Сестры, видя, что онъ какъ будто уgomонился, очень обрадовались и согласились даже снабжать его водкой, конечно, въ благоразумной пропорціи, съ тѣмъ только, чтобы онъ сидѣлъ смирно и не показывался на свѣтъ Божій. Левъ Семеновичъ принималъ ихъ предложеніе, но принималъ вовсе не отъ того, что ему нужна была водка, а потому, что онъ и безъ того не выходилъ-бы изъ своего угла. Онъ былъ занятъ борьбою со своею мыслью.

Мало-по-малу она начала одолѣвать его. То онъ впадалъ въ страшные припадки ярости и отчаянія, метался, какъ безумный, и нѣсколько разъ хотѣлъ разбить себѣ голову объ стѣну, то вдругъ успокоивался, приходилъ какъ будто въ себя, даже выходилъ и разговаривалъ съ людьми. Въ эти спокойныя минуты онъ обдумывалъ свою мысль, рассчитывалъ шансы успѣха, препятствія...

Но онъ все еще не рѣшился. Все еще онъ былъ увѣренъ, убѣжденъ, что не можетъ рѣшиться, не рѣшится никогда... Да возможно-ли на „это“ рѣшиться? Нѣтъ — невозможно! Невозможно! Это вздоръ, просто сумасшествіе и больше ничего! Надо бросить и забыть! Бросить и забыть!

А она? Она никогда не будетъ принадлежать ему... Никогда! Она теперь счастлива, довольна — она цѣлуетъ теперь другого...

При одной этой идеѣ Авдіевъ скрежеталъ зубами, бросался, какъ безумный, на кровать, грызъ подушку, грызъ одѣяло,

грызъ дерево... Онъ хотѣлъ-бы загрызть самого себя, чтобы не видѣть, не слышать, не знать!.. Потому что, хотя онъ запертъ одинъ въ этой ужасной комнатѣ, но онъ все видитъ, все слышитъ, все знаетъ!..

Идея о томъ, что она расточаетъ свои ласки другому, страшнымъ привидѣніемъ стояла передъ нимъ.

Но онъ все еще не рѣшился... Онъ не могъ, не могъ...

Х.

Свадьбу отпраздновали въ имѣніи Невѣровыхъ. Вѣра Аркадьевна была весела и, повидимому, совершенно довольна; что-же касается Тиленева, то нечего и говорить, что онъ былъ вполне счастливъ. Не обладая личными качествами завиднаго жениха, онъ достигъ своей цѣли и блистательный успѣхъ оправдалъ его мнѣніе, что деньги все въ мірѣ и что съ помощью золотого тельца можно преодолѣть какія угодно преграды и препятствія.

Оно, пожалуй, что и такъ. Сколько въ наше время люди ни толкуютъ о возвышенныхъ стремленіяхъ и возрожденіи нравственнаго духа человѣка, а на практикѣ матеріализмъ все больше и больше овладѣваетъ цивилизованнымъ міромъ. Тѣ-же самыя личности, которыя толкуютъ о принципахъ нравственности, о социальномъ безкорыстіи и другихъ высокихъ матеріяхъ, при первомъ-же случаѣ оказываются несостоятельными и готовы на все, чуть дѣло коснется личнаго интереса. Извиненіе найдется — какъ не найтись! Прежде всего является такое оправданіе: „Что дѣлать — болѣзнь вѣка! Не пойду-же я одинъ наперекоръ всѣмъ! Теченіе уноситъ и меня за другими. Противъ всего общества не пойдешь!“ Замѣчательно, что подобныя фразы слышатся на каждомъ шагу, отъ всѣхъ и каждого, а между тѣмъ этотъ каждый почему-то считаетъ себя „однимъ“. Въ наше время много говорятъ, много разсуждаютъ, а дѣлаютъ все меньше и меньше. Кричатъ, что надо идти вверхъ, надо подниматься, и вмѣстѣ съ тѣмъ двигаются внизъ, опускаются — и быстро, очень быстро....

Молодые послѣ свадьбы переѣхали въ городъ и поселились въ домѣ Тименева, за-ново отдѣланномъ и вычурно-роскошно убранномъ. Петръ Сергѣевичъ старался доставлять своей молодой женѣ всевозможныя развлеченія и удовольствія, такъ что даже пренебрегалъ дѣлами. Понимая, что она въ него не влюблена, а вышла за-мужъ больше изъ расчета, и припоминая разныя условія, которыми она обставила свое согласіе, онъ не спускалъ съ нея глазъ и, позволяя ей кокетничать съ личностями, для него не опасными, осторожно, незамѣтно, но зорко наблюдалъ за нею. Страстная любовь, которую онъ по своимъ лѣтамъ и по своему характеру едва ли могъ чувствовать, служила предлогомъ и оправданіемъ такого поведенія. Но если окружающіе и не находили ничего особеннаго въ подобномъ усиленномъ ухаживаніи Тименева за женой, относя его къ поговоркѣ: „Сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро“, то сама Вѣра Аркадьевна, женщина далеко не глупая и догадливая, скоро замѣтила, что состоитъ подъ строгимъ надзоромъ мужа. Нечего и говорить, что она была очень недовольна этимъ надзоромъ, но такъ какъ онъ не подавалъ ей повода ни къ чему придратъся, то и приходилось показывать видъ, что ничего не понимаетъ и не замѣчаетъ. Она утѣшалась мыслию, что когда придетъ время, то воздастъ ему за все сторицею.

Однако, ничто не показывало, чтобы время это приближалось. Алинскій почти не бывалъ у нихъ, а приглашать его слишкомъ настойчиво было неудобно. Опасаясь, чтобы онъ не видѣлся часто съ Антониной въ деревнѣ, ускользая такимъ образомъ отъ ея наблюденія, Вѣрѣ удалось, подъ предлогомъ тоски по родительскому дому и непривычки жить вдали отъ семьи, принудить сестру пореѣхать къ ней въ городъ. Не малымъ доказательствомъ необходимости переѣзда служилъ и тотъ аргументъ, что Антонинѣ Аркадьевнѣ, достигшей уже того возраста, когда и замужъ пора, „необхо-

димо вращаться въ обществѣ и привыкать къ свѣту, а такую деревенскую нелюдимку кто возьметъ?“ Молодой дѣвушка очень не хотѣлось переѣзжать къ сестрѣ — она въ глубинѣ души рассчитывала, что съ удаленіемъ Вѣры опять возможно сближеніе съ любимымъ человѣкомъ и на этотъ разъ уже безъ помѣхи и виѣшательства соперницы, но пришлось уступить, особенно когда отецъ и мать стали настаивать на переѣздѣ. Аркадій Петровичъ даже разгорячился и разбранилъ дочь за неумѣстное капризничанье, такъ что вышла порядочная сцена.

Однако-же переѣздъ Антонины успокоилъ Вѣру Аркадьевну только отчасти. Любовь къ Всеволоду, разжигаемая препятствіями и нетерпѣливымъ характеромъ молодой женщины, усилилась до того, что нужно было выйти изъ невыносимаго положенія и принять окончательное рѣшеніе. Это являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что приближалось лѣто, приходилось ѣхать въ деревню, опять видѣть передъ собою каждый день счастье соперницы и, на этотъ разъ, видѣть безъ возможности помѣшать ея блаженству. Нѣтъ — такое положеніе невозможно! Надо съ нимъ окончательно объясниться, надо, чтобы онъ или принадлежалъ ей, или удалился навсегда! Надо, непременно надо...

Но какъ устроить, чтобы говорить съ нимъ на свободѣ, безъ помѣхъ и не возбудить подозрѣній неусыпно наблюдавашаго за нею мужа? Возбудить-же его подозрѣнія слишкомъ рано, пока еще ничего не условлено и не рѣшено, она не хотѣла. Онъ можетъ все испортить, все разстроить! Да кромѣ того, если Алинскій рѣшительно откажется отъ нея и ей придется остаться съ мужемъ, какова будетъ ея жизнь? Нѣтъ, осторожность, полная осторожность необходима.

Долго думала молодая женщина, долго искала удобнаго случая, но онъ не находился. Наконецъ, ей пришла мысль устроить свиданіе съ Всеволодомъ вечеромъ, въ своей спальнѣ.

Нѣсколько разъ она отступала отъ этой мысли: слишкомъ рискованно и неприлично. Какъ сдѣлать такой шагъ? Да и согласится-ли онъ? Никогда, ни за что не согласится! Вѣдь если ихъ застигнуть, то ея репутація погибла, да и ему будетъ очень нехорошо. А съ другой стороны—кто застанетъ? Кто можетъ застать? Сестра? Она навѣрно будетъ молчать. Не такого характера Антонина, чтобы рѣшилась разгласить неосторожный поступокъ родной сестры и бросить тѣнь на ея репутацію. Мужъ? Мужъ тѣмъ болѣе будетъ молчать. Не такой человѣкъ Тименевъ, чтобы рѣшился пуститься на крутыя мѣры. Прислуги въ домѣ нѣтъ, окно, какъ нарочно, выходитъ на такой глухой переулокъ, что никто не можетъ видѣть, какъ онъ войдетъ — слѣдовательно, устроить свиданіе можно легко. А устроить его необходимо, совершенно необходимо! Такъ жить невозможно!

Вѣра Аркадьевна послѣ долгихъ, сильныхъ колебаній, наконецъ, рѣшилась и, улучивъ минуту, потребовала у Алинского свиданія. Онъ, конечно, испугался ея намѣренія и отказался наотрѣзъ. Не имѣя возможности долго уговаривать его, она сразу поставила такое рѣшеніе:

— Если вы откажетесь дать мнѣ объясненіе, такъ какъ я его требую, то даю вамъ честное слово, что я устрою скандалъ, погублю себя, сестру, все наше семейство, и вы будете виновникомъ нашей гибели. Вы меня знаете — я не останавлиюсь ни передъ чѣмъ! Я рѣшилась.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, ясно показывалъ, что она дѣйствительно рѣшилась. Бѣдный молодой человѣкъ видѣлъ, что ему невозможно разорвать цѣпь, сковавшую его по рукамъ и по ногамъ, иначе, какъ уступивъ ея требованію. Послѣ серьезнаго размышленія, онъ рѣшилъ, что объясненіе является единственнымъ способомъ вырваться, освободиться отъ этой женщины, неотступно преслѣдовавшей его, и что если онъ теперь откажется отъ свиданія, то большія

несчастія угрожаютъ въ будущемъ семейству, къ которому онъ былъ искренно расположенъ, а главное „ей“, — ей, которую онъ любилъ болѣе жизни. Можетъ быть, ему удастся убѣдить Вѣру, упросить ее пощадить будущность и счастье родной сестры, опомниться, взять надъ собою верхъ! Удалось-же это ему разъ...

Онъ согласился. Вечеръ свиданія былъ назначенъ.

Вѣра Аркадьевна нашла предлогъ чтобы удалить мужа. Когда въ домѣ все успокоилось, она открыла окно и стала ждать. Сердце ея сильно билось, мысли быстро мелькали въ головѣ одна за другою. Она находилась въ положеніи подсудимаго, ожидающаго черезъ нѣсколько минутъ рѣшенія своей участи. Спасеніе или гибель? Жизнь или смерть?

„Онъ долженъ быть моимъ! мысленно твердила она. Онъ будетъ моимъ! я этого хочу!.. Довольно притворства, довольно горя, довольно страданій — я больше не могу выносить всего этого. Я не могу такъ жить! Не могу и не могу... Развѣ я мало перенесла, развѣ я мало перетерпѣла, чтобы заслужить счастье? Довольно! О, довольно! Неужели-же онъ не сжалятся, наконецъ, надо мною? Неужели онъ не оцѣнитъ того, что я приношу ему въ жертву спокойствіе, семью, репутацію, однимъ словомъ — все? Нѣтъ, онъ благороденъ, онъ честенъ, онъ пойметъ меня... Господи! помоги мнѣ убѣдить его...“

Вѣра опустила голову и закрыла лицо руками. Нѣсколько минутъ мысли вертѣлись, путались въ ея головѣ и она не могла отдать себѣ отчета, что съ нею происходитъ. Раздался легкій шумъ. Она подняла голову — Всеволодъ стоялъ передъ нею.

— Вѣра Аркадьевна! произнесъ онъ серьезно, — вы видите, я исполнилъ ваше желаніе, но это объясненіе будетъ послѣднее — не правда-ли?

— Последнее... слабо отозвалась она.

— Оставаться долго я не могу, мнѣ слишкомъ дорога ваша репутація, почему прошу васъ, скажите мнѣ прямо, чего желаете вы отъ меня теперь, когда ваша судьба уже рѣшена безвозвратно и ни я, никто въ мірѣ не можетъ измѣнить ея?

— Вы полагаете, встрепенулась молодая женщина, — что моя судьба рѣшена безвозвратно? Почему-же такъ?

— Вы уже замужемъ...

— Полноте, пожалуйста! Вы не ребенокъ и должны очень хорошо знать, что бракъ не рѣшаетъ судьбу безвозвратно.

— Для людей честныхъ...

— Въ чему это вы начинаете съ такихъ фразъ? Я просила васъ прійти вовсе не для того, чтобы разсуждать о честности и объ общепринятыхъ правилахъ долга и обязанностей. Вы сами говорите, что время дорого, почему и не будемъ терять его. Я хочу говорить съ вами откровенно, отъ души и вы будете отвѣчать мнѣ тѣмъ-же.

— Я всегда до сихъ поръ говорилъ съ вами откровенно. Нѣсколько секундъ оба молчали.

— Помните-ли вы, вдругъ начала молодая женщина, — нашъ разговоръ въ саду прошлымъ лѣтомъ, Всеволодъ Александровичъ.

— Помню.

— Я говорила вамъ тогда о предложеніи, которое сдѣлалъ мнѣ Тименевъ, и просила вашего совѣта.

— Я отвѣчалъ вамъ, Вѣра Аркадьевна, совершенно то, что указывали мнѣ честность и мое искреннее расположеніе къ вамъ.

— Говорила-ли я вамъ, что не люблю Тименева?

— Хотя прямо не говорили, но это можно было понять.

— Я, кажется, говорила вамъ также, что мое сердце занято?

— Также не ясно, но намеками...

— Такъ или иначе, но вы поняли—этого довольно. И несмотря на всѣ мои намеки, вы все-таки были того мнѣнія, что я должна принять предложеніе и выдти замужъ, не такъ-ли?

— Я находилъ, что если вы не можете рассчитывать получить взаимность отъ того, кто вамъ понравился, то слѣдуетъ удалиться, постараться забыть его и для этого хорошимъ средствомъ можетъ быть замужество. Что-же касается до безусловнаго принятія сдѣланнаго вамъ предложенія, то я совѣта не далъ никакого, да и не могъ дать, потому-что постороннему человѣку подобный вопросъ рѣшить невозможно.

— Однако-же,—настойчиво продолжала Вѣра,—вы говорили, что Тименевъ недурная партія, и хотя прямо не высказались, но я могла понять, что вы за принятіе предложенія.

— Да, но съ тѣмъ, что, принимая на себя обязательство, вы должны его выполнить.

— Пусть будетъ такъ, оставимъ это. Тогда, между прочимъ, вы упомянули слово „свобода“ и я ухватила за это слово. Признаюсь вамъ, мысль быть, во что-бы то ни стало, свободной овладѣла мною такъ сильно, что я, можетъ быть, только изъ-за этого слова рѣшилась выйти замужъ. Я надѣялась воспользоваться этой свободой и достигнуть счастья, но увы! сдѣлалась еще несчастнѣе, чѣмъ прежде...

— Я не вижу, Вѣра Аркадьевна, почему вы считаете себя настолько несчастною. Кажется, вашъ мужъ...

— Оставимъ его! прервала Вѣра съ горячностью. Онъ-ли, другой-ли, это рѣшительно все равно! Одно только вѣрно—выйдя замужъ, я мечтала о счастья, но увидѣла, что счастье для меня невысказано. Тогда я хотѣла забыть, и не могла..., хотѣла успокоиться и страдала въ миллионъ разъ больше, чѣмъ прежде... Все та-же мысль, которая занимала меня, когда я была дѣвушкой, занимала и послѣ брака... Я не могла отдѣлаться отъ этой мысли и отдалась ей вся. Спокой-

ствіе, счастье, котораго я стремлюсь достигнуть, покупаются мною дорогой цѣной... Повѣрьте, я много перенесла и заслужила его!.. И мнѣ необходимо, понимаете-ли, совершенно необходимо выйти изъ настоящаго положенія, чего-бы это не стоило!

— Но выйти изъ него теперь невозможно!

— Все возможно! сверкнула она глазами.— Говорю вамъ, для женщины все возможно, если только она захочетъ!

— Есть препятствія неодолимые...

— Для меня нѣтъ препятствій! Я не могу и не хочу больше переносить мое положеніе... Не могу и не хочу!

— Слѣдуетъ вспомнить, Вѣра Аркадьевна, что каждый долженъ переносить то, что послала ему судьба.

— Это легко сказать! горько засмѣялась она. — Переносить! А многіе-ли переносятъ.

— Настоящіе люди переносятъ и покоряются...

— Покориться? всплеснула Вѣра руками. — Вы думаете, я не хотѣла, не старалась покориться? Но нѣтъ, это выше моихъ силъ!..

— Такъ нужно! Только женщины слабыя, безхарактерныя не могутъ побѣдить себя и выносить невзгоды жизни съ твердымъ духомъ.

— Пусть такъ! Я женщина слабая, безхарактерная... Но дѣло въ томъ, вдругъ заговорила она съ отчаяніемъ, что я больше такъ жить не могу. Я такъ страдаю, такъ мучаюсь, что не имѣю силъ выносить подобныя мученія. О, смерть въ тысячу разъ лучше, чѣмъ подобная пытка! Я дошла до того, что просто схожу съ ума! Вы, право, можетъ быть, думаете, что я не старалась взять надъ собою верхъ, не дѣлала невѣроятныхъ, нечеловѣческихъ усилій, чтобы побѣдить себя, удалить чувство, которое меня губить, убиваетъ! О! много я боролась, возставала, но ничего не помогло... Ничего! Я чувствую, что больше не имѣю ни силъ, ни средствъ бороться

и только вы, вы одинъ можете спасти меня, не дать мнѣ погибнуть навсегда. Въ вашихъ рукахъ моя судьба и моя жизнь! Отъ одного вашего слова зависить вся моя будущность, и я васъ прошу, я васъ умоляю, помогите мнѣ, спасите меня...

— Но чѣмъ-же я могу спасти васъ? нерѣшительно взглянулъ на нее Алинскій.—Почему-же я...

— Почему вы? произнесла она рѣзко, рѣшительно.—Потому-что я васъ люблю!..

Это прямое, открытое признаніе молодой женщины дышало какимъ-то наивнымъ величіемъ. Она стояла передъ нимъ прямо, вытянувшись во весь ростъ. Бѣлый батистовый пеньюаръ обозначалъ неясно, неопредѣленно ея стройную талію и прелестныя формы. Маленькая ножка въ бѣлой атласной туфлѣ выдвинулась впередъ и выглядывала изъ-подъ пеньюара. Густые, черные волосы рассыпались по плечамъ, а большіе, блестящіе глаза, широко открытые и устремленные на Всеволода, горѣли чуднымъ огнемъ непобѣдимой страсти. Въ эту минуту она была дивно хороша...

Алинскій взглянулъ на нее, вздрогнулъ и опустилъ глаза. Нѣсколько секундъ длилось тяжелое молчаніе.

— Понимаешь-ли? проговорила она едва слышно, я тебя люблю! Возьми меня—я твоя!..

— Вѣра Аркадьевна! пробормоталъ растерявшійся молодой человѣкъ.

— Послушай! вдругъ схватила она его за руку. Ты не понимаешь того счастья, которое насъ ожидаетъ? Я брошу все, покину мужа, семью, чтобы принадлежать только тебѣ. Я буду всѣмъ, чѣмъ хочешь! Я буду ловить каждый твой взглядъ, каждое твое желаніе, какъ раба, и тѣломъ, и сердцемъ, и всѣмъ существомъ буду принадлежать тебѣ до самой смерти, пока во мнѣ останется искра жизни! Возьми меня! Безъ тебя для меня нѣтъ ни счастья, ни покоя, ни спасенія! Понимаешь-ли, я готова для тебя на все, на все! Прикажи,

я все исполню—только умоляю тебя, не отнимай у меня одного—моей любви, которая составляет всю мою жизнь! Если я потеряю надежду на твою любовь, то увѣрена, что не могу жить. Смерть ожидаетъ меня, и скорая — о, очень скорая! Спаси меня отъ смерти... Бѣжимъ, скорѣе бѣжимъ отъ нея... Она здѣсь, въ этой комнатѣ... О! Если-бы ты зналъ, сколько невыразимыхъ мученій я перенесла въ этой комнатѣ и теперь, если ты меня безжалостно оттолкнешь отъ себя, то я найду здѣсь смерть... Развѣ ты не видишь, что она уже сторожить меня? Всеволодъ—сжался, спаси меня!

Она протягивала къ нему умоляющія руки, голосъ ея прерывался отъ волненія. Онъ стоялъ молча, опустивъ голову. Мысли его путались и онъ начиналъ поддаваться.

— Бросимъ всѣхъ! продолжала она. Зачѣмъ намъ ихъ? Уйдемъ, уйдемъ далеко!... Ты меня полюбишь, я въ этомъ увѣрена—клянусь! Когда ты увидишь, когда ты поймешь, какъ я люблю тебя, ты меня полюбишь! Непремѣнно! Кто можетъ любить тебя такъ, какъ я? Неужели сестра? Да я увѣрена, что въ ея сердцѣ не существуетъ и сотой доли той страсти, какая наполняетъ мое! Да развѣ есть другая женщина въ мірѣ, которая могла-бы такъ любить, какъ я тебя люблю?

Воспоминаніе объ Антонинѣ пробудило Алинскаго. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Зачѣмъ вы вспоминаете о ней? проговорилъ онъ глухо.

Вѣра отшатнулась отъ него и поблѣднѣла.

— О! сверкнула она глазами, вы любите ее! Скажите—вы любите ее? Это правда? Неужели это правда?

— Это правда! отвѣтилъ онъ.

— И вы можете такъ говорить мнѣ, всплеснула она руками, послѣ всего того, что я вамъ сказала? И у васъ хватаетъ сердца рвать, мучить, добивать меня? Господи! Да развѣ это возможно?

— А! разразился вдругъ молодой человѣкъ, такъ вы на-

ходите возможнымъ имѣть чувства, выражать ихъ и въ то-же время не допускаете, чтобы другіе могли ихъ имѣть? Вы думаете, что все то, что вы говорили мнѣ сейчасъ, я не повторялъ мысленно тысячу разъ ей? Да, только мысленно, потому что никогда ни словомъ, ни намекомъ не позволю себѣ оскорбить такое чистое, невинное созданіе. Да развѣ я могу когда нибудь, кого-нибудь полюбить, кромѣ ея, ея одной? Спрошу васъ въ свою очередь—развѣ это возможно? .

Вѣра закрыла лицо руками и горько зарыдала. Она чувствовала, что всякая надежда исчезаетъ.

— Уже четыре года, продолжалъ онъ, слышите-ли—четыре года какъ я люблю ее, люблю страстно, беззавѣтно! Никогда не говорилъ я ей ни слова о моей любви, оттого, что не смѣлъ нарушить покой ея чудной, дѣвственной души, но былъ счастливъ около нея! Блаженство наполняло мою душу, когда я мечталъ посвятить ей мою будущность, мою жизнь! Явились вы, и все счастье, всѣ надежды мои рушились. Вы стали между нами, вы разбили мое сердце и мои мечты, вы разрушили мое счастье и теперь хотите, чтобы я бросилъ все, забылъ ту, которую любилъ и люблю въ миллионъ разъ больше, чѣмъ вы въ состояніи любить, и раздѣлить вашу судьбу! Зачѣмъ пришли вы? Зачѣмъ сдѣлали столько зла тому, который ничего вамъ не сдѣлалъ? Неужели-же вы думаете, что я когда-нибудь могу любить женщину, безжалостно разрушившую счастье всей моей жизни? Да вы съ ума сошли! До сихъ поръ я жалѣлъ васъ, я принималъ въ васъ участіе, скажу больше—я былъ расположенъ къ вамъ, тѣмъ болѣе, что вы ея сестра, но теперь...

— Сжальтесь, сжальтесь!... простонала молодая женщина.

— Теперь, продолжалъ онъ съ неудержимымъ порывомъ, я васъ больше не жалѣю! Вы недостойны жалости! Вы хотѣли разрушить спокойствіе вашей семьи, вы вышли замужъ уже мечтая о томъ, какъ-бы обмануть и бросить человѣка,

которому отдавали себя, которому клялись передъ алтаремъ въ вѣрности! Скажите—какъ это назвать? Я еще понимаю, что вы, когда были дѣвушкой, могли заинтересоваться мною, могли желать мнѣ понравиться, кокетничать и забавляться мною отъ скуки, но теперь, когда вы принадлежите другому и связаны клятвою, подобныя признанія и поступки недостойны честной женщины. Вы, въ своемъ увлеченіи, презираете мужа, ненавидите сестру, пренебрегаете семьей, добрымъ именемъ и хотите, чтобы я васъ любилъ? Нѣтъ, это невозможно и никогда не будетъ. Понимаете-ли—никогда!...

Вѣра медленно подняла голову.

— Никогда? прошептала она.

— Никогда! твердо повторилъ онъ.

— Хорошо. Теперь я знаю, что мнѣ остается дѣлать... Довольно, больше мнѣ ничего не нужно. Прощайте!

Алинскій испугался ея выраженія.

— Вѣра Аркадьевна! началъ онъ спокойнѣе и мягче, позвольте мнѣ сказать вамъ еще нѣсколько словъ. Сознаюсь, я погорячился и выразился неправильно, говоря о вашемъ поведеніи. Но согласитесь, возможно-ли мнѣ было сохранить хладнокровіе въ такую минуту? Извините меня — я былъ не правъ. Всегда я считалъ васъ за женщину благородную и съ добрымъ сердцемъ. Вы увлеклись — это ясно, а съ вашимъ характеромъ, подъ вліяніемъ увлеченія, можно надѣлать много дурного, а также и много хорошаго. Вы поступили дурно, но объ этомъ знаю только я одинъ и, клянусь вамъ, никто больше не узнаетъ. Все можно поправить. Повѣрьте, если-бы я поддался вамъ, если-бы я согласился на то, что вы, въ порывѣ горячаго характера, мнѣ предлагали, то это было-бы гибельно и для вашего семейства, и для васъ самихъ. Когда порывъ прошелъ-бы, вы сами стали-бы раскаиваться въ томъ, что случилось, а поправить дѣло уже было-бы поздно. Но я устоялъ и этимъ, только этимъ, увѣряю васъ, вы спасены. Я

понимаю, что вамъ нужно вылечиться отъ вашего увлеченія, но лекарство есть и я могу указать вамъ его—это удаленіе, разлука. Вы не должны видѣть меня, должны забыть о моемъ существованіи и тогда все пройдетъ и поправится...

— Удаленіе, разлука... Когда впереди предстоитъ цѣлое лѣто страданій.

— Этого лѣта страданій не будетъ. Я не поѣду къ вамъ въ деревню, а пока вы будете тамъ, уѣду совсѣмъ изъ города, такъ что вы меня никогда больше не увидите.

У Вѣры мелькнула мысль: „Не мнѣ, такъ и не ей—никому“!...

— Это возможно? взглянула она на него.

— Даю вамъ честное слово, что это будетъ такъ. Только объ одномъ прошу васъ: подумайте и разсудите, что Антонина Аркадьевна ни въ чемъ не виновна—пожалѣйте ее и верните ей вашу любовь... Разъ меня не будетъ, то это возможно, не правда-ли?

Вѣра молчала.

— Вы не отвѣчаете? Понимаю, вы еще слишкомъ взволнованы и раздражены. Но время могучій цѣлитель, и я твердо убѣжденъ, что оно окажетъ на васъ благотѣльное вліяніе. Тогда вы поймете, что я былъ правъ, и сами будете благодарны мнѣ за мое настоящее поведеніе. Теперь-же, главное, успокойтесь.

— Развѣ вы не видите, что я спокойна? какъ-то холодно отозвалась она. Я вполне оцѣняю ваше поведеніе и понимаю, что вы желаете мнѣ добра, но, позволю себѣ прибавить, и себѣ также. Впрочемъ, это вполне натурально.

— Позвольте, Вѣра Аркадьевна! горько усмѣхнулся онъ. Вы не находите, что, удаляясь, разставаясь съ вашимъ семействомъ навсегда, я тоже приношу жертву?

— Навсегда-ли? прошептала она недоувѣрчиво.

— По моему убѣжденію—навсегда, а будущее во власти одного Бога.

— Въ такомъ случаѣ, благодарю васъ. Больше, въ моемъ несчастномъ положеніи, и желать ничего нельзя.

— Чѣмъ-же вы такъ несчастны, Вѣра Аркадьевна? За чѣмъ такое отчаяніе и упадокъ духа?

— Довольно—оставимъ это! Я теперь проснулась отъ моего долгаго, тяжкаго сна. Я успокоюсь—это вѣрно. Прощайте, Всеволодъ Александровичъ, прощайте! Даю вамъ слово, что буду стараться... васъ забыть. Прощайте!

Голосъ ея оборвался. Она медленно, машинально протянула руку и прикоснулась къ его рукѣ. Онъ взглянулъ на нее, но не встрѣтилъ ея взгляда. Глаза ея были опущены, лицо судорожно подергивалось—видно было, что она сильно, невыразимо страдаетъ.

Ему стало жаль ея и минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости, какъ будто желая что-то сдѣлать или хотя сказать ей слово утѣшенія, но не сказалъ ничего, быстро отвернулся и исчезъ въ окнѣ.

Вѣра упала на стулъ и горько зарыдала. Все было кончено—онъ погибъ для нея навсегда!...

Навсегда! Какое страшное, роковое слово!...

Она нѣсколько минутъ не могла собрать мыслей, все перемѣшалось въ ея головѣ. Онъ отказался отъ нея! Бросилъ ее! Покинулъ. А она такъ безумно, такъ страстно любила его! Она готова была пожертвовать ему всѣмъ, всѣмъ въ жизни! Она предлагала ему эту жертву и онъ оттолкнулъ ее. Безжалостно оттолкнулъ! Да чего-же ему нужно? Есть-ли у него сердце? Стоитъ-ли онъ, чтобы она такъ сильно его любила? Стоитъ-ли онъ тѣхъ жертвъ, которыя она готова была принести ему? Нѣтъ, конечно, не стоитъ! Холодный, безчувственный эгоистъ, онъ только думаетъ о себѣ. Онъ отлично понималъ, что взять ее у мужа будетъ поступокъ, который ском-

прометтируетъ его будущность, его карьеру. Не любовь къ Антонинѣ, не сердце руководило имъ, а холодный, бездушный расчетъ. Одинъ расчетъ и больше ничего! Не стоитъ онъ ея любви, она забудетъ его, хочетъ, должна забыть... Она обратится къ мужу, къ доброму, ласковому, снисходительному мужу, который любить ее истинно, горячо, она укроется подъ его защиту и онъ защититъ ее, онъ поможетъ ей спастись... Да! Нужно открыть ему все, все! Нужно бросить это недостойное честной женщины увлеченіе и обратиться къ мужу... Она клялась ему въ вѣрности и не нарушить клятвы"...

Вѣра рѣшительно встала, подошла къ двери въ будуаръ и отомкнула замокъ, потому что еще до прихода Всеволода, изъ предосторожности, заперла ее на ключъ. Но вдругъ она почувствовала какую-то слабость во всемъ тѣлѣ и остановилась въ нерѣшимости.

„Теперь! Сознаться ему во всемъ теперь? Нѣтъ! это невозможно! Силъ не хватаетъ! Лучше завтра, пусть лучше завтра... Я успокоюсь, соберусь съ духомъ и открою ему все... Теперь нужно прежде всего успокоиться, непременно успокоиться...“

Молодая женщина медленно, почти шатаясь, отошла отъ двери, машинально затворила окно, сняла пеньюаръ и, затушивъ свѣчу, легла въ постель. Мысли ея переносились въ какомъ-то туманѣ съ одного предмета на другой, но все возвращались къ одному и тому-же: „О! какой „онъ“ человѣкъ! Могла-ли я думать, что у него нѣтъ ни души, ни сердца?.. Расчетъ, одинъ расчетъ... Бездушный, холодный эгоистъ! И какъ я до сихъ поръ не узнала его, не угадала? Отчего это онъ являлся мнѣ всегда какимъ-то идеаломъ? Но вѣдь я любила его... О, какъ любила!.. И никогда больше не увижу я его! Никогда! А если-бы онъ согласился? Если-бы онъ сбнялъ, поцѣловалъ меня и сказалъ: „Я твой на всегда“. О! Тогда!.. какъ я была-бы тогда... Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда! Надо

все открыть мужу... Сознаться во всемъ... Онъ поможетъ мнѣ, онъ спасетъ меня...

Мало-по-малу она начала забываться и, наконецъ, заснула тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда все замолкло, дверь изъ будуара тихо, неслышно отворилась...

XI.

Невѣровы торопились выѣхать какъ можно скорѣе изъ дома, въ которомъ было совершено такое страшное преступленіе. Только что Антонина поднялась и могла вынести перѣздъ, они тотчасъ отправились въ имѣніе. Надежда Ивановна и Лиза пріѣхали туда вслѣдъ за ними. Павелъ и Алинскій остались на время въ городѣ, но было рѣшено, что они пріѣдутъ вмѣстѣ, какъ только будетъ возможно.

Всеволоду не было теперь причинъ избѣгать пребыванія въ деревнѣ Невѣровыхъ: никто уже не могъ стать между нимъ и обожаемою имъ дѣвушкою и наступающее лѣто общало доставить ему такіе-же сладкіе, дорогіе часы, какъ въ былые годы, до пріѣзда Вѣры изъ Петербурга. Опять онъ будетъ заниматься съ „нею“, гулять съ „нею“, и никто не будетъ мѣшать ему, наблюдать за нимъ, разлучать его съ „нею“. На землѣ уже такъ устроено, что несчастье одного благоприятно для другого, причина страданій ближняго часто доставляетъ намъ радость, однимъ словомъ, все подтверждаетъ глубокую справедливость поговорки: „Нѣтъ худа безъ добра“. Молодой человѣкъ укорялъ себя за невольнo бродившую въ его головѣ мысль, что совершенное преступленіе составить, быть можетъ, счастье всей его жизни, а между тѣмъ мысль эта не покидала его. Теперь онъ опять надѣялся, опять вѣрилъ въ будущее, опять мечталъ о счастіи. Цѣна, которою покупалось это счастіе, конечно, была ужасна, а все-таки сердце его билось, когда онъ думалъ, что такъ или иначе, счастье это теперь возможно.

Что произошло-бы, если-бы преступленіе не было совершено? Изъ послѣдняго разговора съ Вѣрой онъ понялъ, что молодая женщина, доведенная до крайней степени раздраженія, была способна на самые отчаянные, безумные поступки и могла погубить не только себя, но и всю свою семью. Она могла испортить на вѣки жизнь мужа, сестры и всѣхъ окружающихъ, не говоря уже о томъ, что увлекла за собою его, ни въ чемъ не повиннаго, въ бездну. Онъ, безъ сомнѣнія, въ глазахъ постороннихъ, остался-бы главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій, которыя произошли-бы отъ ея рокового увлеченія, а что эти несчастія должны были произойти, порукою служилъ порывистый, горячій характеръ молодой женщины. Если такъ, то не лучше-ли, что она пострадала одна? Правда—пострадала жестоко, но зато и Антонина, и онъ спасены. Она отдала свою жизнь за ихъ счастье...

А какая она была страшная, когда лежала мертвая на столѣ! Онъ такъ и видѣлъ передъ собою это восковое, подвязанное платкомъ, лицо... Ему казалось, что она и теперь смотреть на него прищуреннымъ глазомъ... Лицо покойницы такъ живо представлялось ему, что онъ невольно вздрагивалъ, закрывалъ глаза и старался перемѣнить мысли.

Но все-таки часто, очень часто, несмотря на всѣ усилія, ему мерещилось мертвое лицо несчастной женщины, такъ сильно его любившей...

Если совершенное преступленіе невольно являлось въ мысляхъ Алинскаго благопріятнымъ для его будущности, то въ мысляхъ Антонины оно погубило эту будущность навсегда. Трудно вообразить то ужасное нравственное состояніе, въ которомъ находилась несчастная молодая дѣвушка. Прокуроръ не ошибся: она не спала въ роковую ночь, она слышала голосъ любимаго человѣка въ комнатѣ сестры и была твердо убѣждена, что онъ преступникъ. Она старалась найти исходъ, искала возможность оправдать его и ничего не находила —

фактъ, ужасный фактъ былъ ясенъ, неопровержимъ! Не обмануль-ли ея слухъ — не было-ли тутъ простое сходство голосовъ? Не ошиблась-ли она? Вѣдь это возможно, вѣроятно... Нѣтъ — она не ошиблась! Всѣ событія послѣдняго времени, все поведеніе сестры, „его“, все доказывало, что это правда, ужасная, безобразная правда! Какъ-же она заблуждалась, когда мечтала о томъ, что Всеволодъ равнодушенъ къ Вѣрѣ, что онъ избѣгаетъ ея, что его сердце отдано ей, Антонинѣ! Теперь только, послѣ роковой развязки интриги, припоминая и соображая всѣ обстоятельства, она понимала, какъ была слѣпа, недогадлива... Ей сдѣлалось ясно, почему Вѣра вышла за мужъ за Тименева, котораго не могла любить; конечно, ей нужны были свобода и средства... Но онъ! Какъ онъ притворялся, какъ онъ обманывалъ, какъ онъ смѣялся надъ ней, несчастной! И зачѣмъ? Ей казалось, что она читаетъ въ его взглядахъ любовь — и это было одно притворство, одна ложь!

Теперь онъ въ ея рукахъ, она можетъ отомстить ему. Можетъ... и отомстить! За себя, за сестру!.. Одно слово — и онъ пропасть на вѣки, навсегда... Но... можетъ-ли она? Согласится-ли ея сердце на это мщеніе? Въ сущности, правали она будетъ, если отмститъ? За что? Развѣ онъ говорилъ ей когда нибудь, что любить ее? Правда, ей казалось, что любовь видна въ его взорѣ, въ его поступкахъ, но вѣдь ей только казалось... И она ошиблась, жестоко ошиблась! Онъ никогда, никогда не любилъ ея! А она? О! какъ она любила его! Теперь, теперь, когда она увѣрена, убѣждена, когда она знаетъ, что онъ совершилъ ужасное преступленіе, она все-таки любить его, любить больше жизни, больше всего въ мірѣ! Его выдать, погубить, сдѣлать несчастнымъ на всю жизнь? Да развѣ это возможно? Нѣтъ! Лучше самой погибнуть, лучше отдать эту жизнь, отъ которой теперь уже нечего ждать, кромѣ мученій... Возможно-ли для нея не только быть когда

нибудь счастливой, но даже спокойной? Нѣтъ, никогда! И счастье, и покой исчезли навсегда! Навсегда!

Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это страшное, безобразное дѣло? Какія причины принудили его такъ безчеловѣчно убить любимую женщину? Молодая дѣвушка задавала себѣ эти вопросы съ лихорадочнымъ, мучительнымъ любопытствомъ. Въ роковую ночь она не слышала разговора сестры съ Всеволодомъ. Возмущенная тѣмъ, что обожаемый ею человѣкъ находится ночью въ спальнѣ сестры, она убѣжала отъ его голоса, бросилась на постель, зарылась въ подушки и рыдала, только рыдала... Она не имѣла силъ слушать его голосъ, не могла вынести тѣхъ мученій, которыя онъ доставлялъ ей! Теперь она раскаивалась, что не слушала, она обвиняла себя въ слабости, въ безхарактерности, ей нужно было знать...

Но зачѣмъ знать? Она и такъ все знаетъ! Развѣ не ясно, что причиною убійства была ревность, вполне понятная ревность! Онъ хотѣлъ, чтобы Вѣра принадлежала ему одному, хотѣлъ, чтобы она пожертвовала ему мужемъ, чтобы бросила его... Вѣдь Антонина такъ хорошо изучила Всеволода! Развѣ возможно, чтобы съ его характеромъ онъ согласился дѣлаться съ кѣмъ-бы то ни было любимой женщиной? Это слишкомъ низко, слишкомъ подло для него... Вѣра не хотѣла исполнить его желаніе, противилась, и онъ не выдержалъ — отуманенный безумною страстію, съ сердцемъ, разбитымъ всѣми мученіями ревности, наконецъ, почти сошелъ съ ума и рѣшился... Развѣ онъ такъ виновенъ? Тутъ ясно видно непобѣдимое увлеченіе, порывъ безумной любви. И за такой порывъ выдать его, осудить на вѣчное мученье? Имѣеть-ли она на это право? Онъ уже и безъ того невыразимо страдаетъ — конечно, страдаетъ! Не довольно-ли для него и тѣхъ мукъ, которыя будутъ теперь наполнять его душу всю жизнь? Да еще и выдержать-ли онъ ихъ? Не откроетъ-ли онъ самъ того, что она не хочетъ, не

можетъ открыть? Пусть ужъ лучше самъ откроетъ, только не она, не она!.. Низачто!.. Никогда!..

Такія безпорядочныя, мучительныя мысли наполняли голову молодой дѣвушки. Сердце ея страдало невыразимо: она не только потеряла навсегда любимаго человѣка и надежду на счастье, но, убѣжденная, что этотъ человѣкъ преступникъ, обрекала себя на вѣчное притворство и дѣлалась какъ-бы соучастницей его въ убійствѣ родной сестры. Мысль о соучастіи приводила ее въ ужасъ, она начинала колебаться въ принятомъ ею рѣшеніи спасти его, намѣревалась открыть все, чтобы выйти изъ невыносимаго положенія, но потомъ опять являлось раздумье, мысль пожертвовать для него своею жизнію брала верхъ...

Особенное сожалѣніе она чувствовала къ Лизѣ. Бѣдная дѣвочка имѣла только одного друга, одного покровителя въ жизни и этотъ покровитель былъ погибшій нравственно человѣкъ, преступникъ! Что ожидало ее въ будущемъ? Не слѣдовало-ли Антонинѣ скрыть все уже для того, чтобы спасти судьбу несчастнаго ребенка? Если братъ ея погибнетъ, то и она должна погибнуть... Такое милое, невинное созданіе! Возможно-ли такъ безжалостно разрушить ея жизнь? Чѣмъ она виновата? Нѣтъ, этотъ бѣдный ребенокъ долженъ спасти преступника и спасетъ его—Антонина будетъ молчать.

Люди вообще чувствуютъ особенную жалость къ роднымъ и близкимъ преступниковъ; эти лица возбуждаютъ всегда большую симпатію. Конечно, такая симпатія происходитъ отъ мысли, что они терпятъ горе безвинно, что жизнь ихъ испорчена дурнымъ поступкомъ, совершеннымъ помимо ихъ воли и въ которомъ они не принимали никакого участія, а между тѣмъ, за который имъ приходится расплачиваться, и часто тяжело расплачиваться — цѣною страданій цѣлой жизни. Эта мысль была причиною, что Антонина сдѣлалась особенно нѣжна, ласкова съ Лизой и проводила съ нею цѣлые дни.

Она какъ будто почерпала отъ нея рѣшимость твердо держаться принятаго намѣренія скрыть преступленіе ея брата.

Лиза понимала поведеніе молодой дѣвушки иначе. Хотя она была совершенно незнакома съ чувствомъ любви и не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ оно проявляется, но, какъ извѣстно, юныя особы прекраснаго пола знакомятся съ нимъ по инстинкту. Можно взять какую угодно невинную, неопытную дѣвочку и съ увѣренностію сказать, что когда она достигнетъ четырнадцати, пятнадцати-лѣтняго возраста, то въ ея головкѣ непременно самостоятельно выработается понятіе о любви. Правда, понятіе это часто бываетъ весьма фантастическое и мало подходящее къ дѣйствительности, но все-таки оно существуетъ. Иначе, откуда-бы могло появиться у дѣвочки-подростка кокетство? Кокетство, опять-таки, очень наивное и даже смѣшное, а все-таки кокетство. Нѣтъ сомнѣнія, что кокетство это находится въ прямой связи съ выработаннымъ понятіемъ о любви. Кому не доводилось, въ юные годы жизни, вести самыя оригинальныя интриги съ дѣвочками-подростками? Интриги эти, при воспоминаніи о нихъ въ зрѣломъ возрастѣ, кажутся очень забавными, даже смѣшными, но въ свое время какъ занимали онѣ, какъ увлекали молодое воображеніе! И эти шалости невинной, пылкой молодости часто являются однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній въ жизни.

Итакъ, Лиза понимала, что Антонина любитъ ея брата. Знала она также, что и братъ любитъ Антонину. Ее радовала мысль, что тѣ, которыхъ она сама любила такъ сильно, чувствуютъ другъ къ другу такую глубокую привязанность. Особенно была она довольна за брата, котораго любила больше всего на свѣтѣ. Дружбу къ ней Антонины она приписывала тому, что молодая дѣвушка, сближаясь съ нею, имѣла въ виду сблизиться съ ея братомъ и, въ ея лицѣ, ласкала его. Поэтому она постоянно старалась наводить разговоръ на Всево-

лода и съ восхищеніемъ описывала его нравственныя качества, его умъ и благородство.

— Хотя ты его довольно знаешь, Тоня, говорила она, а все-таки не можешь знать его такъ хорошо, какъ я. Я вижу его всегда, каждый день, и нахожу, что умнѣе и добрѣе его не можетъ быть человѣка на свѣтѣ. Право—онъ все знаетъ! О чемъ-бы я ни спросила его, онъ сейчасъ все объяснить, расскажетъ, и такъ просто, такъ ясно—сейчасъ понять можно. Когда я ходила въ гимназію, такъ, бывало, учителя такъ объясняютъ, что ровно ничего не поймешь... Потомъ бьешься, бьешься, ничего не выходитъ! Душой-бы рада выучить, да какъ-же выучить, когда не понимаешь? Долбишь, какъ сорока какая-нибудь!.. А какъ началъ учить меня Володя, тогда совсѣмъ другое—все объяснить, растолкуетъ, и гораздо легче учиться. Право, онъ такой хорошій! Мамаша часто говоритъ ему, что напрасно онъ такъ утомляется за уроками, бьется со всякимъ безтолковымъ ученикомъ; что за какой-нибудь полтинникъ не стоитъ такъ изнуять себя... А знаешь-ли, что онъ отвѣчаетъ? Мнѣ, говоритъ, все-равно какую плату я получаю за урокъ. Разъ я взялся учить, то и долженъ учить добросовѣстно. Знаю я, что многіе берутся заниматься съ дѣтьми такими предметами, о которыхъ и сами почти не имѣютъ понятія, лишь-бы деньги получать, но, по моему мнѣнію, они этимъ просто преступленіе дѣлаютъ. Не говоря уже о томъ, что безчестно браться за то, чего не можешь исполнить, да кромѣ того этимъ наносится неисправимый вредъ ученику, который и время теряетъ, и получаетъ о предметѣ самое превратное понятіе, часто остающееся на всю жизнь. Ничто не оказываетъ такого вреднаго вліянія на развитіе ученика, какъ дурной, невѣжественный наставникъ. Неправда-ли, какъ это справедливо и благородно? И во всемъ, во всемъ онъ такой...

Для Антонины разговоры о Всеволодѣ были просто мучи-

тельны. Она хотѣла-бы изгнать его изъ головы, забыть его, а между тѣмъ не только собственныя мысли постоянно съ невыразимымъ страданіемъ были имъ заняты, а тутъ еще Лиза безжалостно растравляла ея горе. И зачѣмъ она все хвалитъ его, все восхищается имъ? Развѣ можно найти въ немъ хоть что-нибудь хорошее послѣ того... Но вѣдь Лиза не знаетъ, ничего не знаетъ! Лучше-бы она хулила, бранила его, тогда все-таки больше подходило-бы къ правдѣ, а то восхвалять... Да это просто несообразность какая-то! А между тѣмъ несчастная дѣвушка ничего не могла возразить Лизѣ, даже не могла остановить ее; до тѣхъ поръ она сама была высокаго мнѣнія объ Алинскомъ и теперь боялась малѣйшимъ словомъ, малѣйшимъ взглядомъ выказать себя и навлечь на него подозрѣніе. Она даже боялась разузнавать отъ Лизы о поведеніи ея брата наканунѣ преступленія, но дѣвочка сама высказалась и слова ея еще больше убѣдили Антонину въ виновности Всеволода.

— Онъ какъ-будто предчувствовалъ несчастіе, говорила Лиза; послѣднее время ходилъ такой скучный, такой печальный. По вечерамъ все уходилъ куда-то къ товарищамъ и возвращался поздно.

— А въ тотъ вечеръ? робко освѣдомилась Антонина.

— Въ тотъ вечеръ тоже вернулся поздно; не знаю, въ которомъ часу. Мамаша отворяла—я спала. Утромъ поспорилъ съ мамашей, а потомъ, какъ принесли записку отъ Павла Аркадьевича, то былъ такъ пораженъ, такъ пораженъ. Поблѣднѣлъ, упалъ на стулъ, я ужъ думала, что съ нимъ сдѣлается обморокъ. Еще-бы! Такое ужасное извѣстіе!...

„Онъ! Онъ! думала Антонина. Конечно, этотъ сильный испугъ происходилъ отъ мысли, что все можетъ быть открыто. Какъ не ужаснуться въ первую минуту? А потомъ—сколько притворства, сколько ужаснаго, безобразнаго притворства! Развѣ возможно, чтобы человѣкъ могъ настолько притворяться,

имѣя такое страшное дѣло на душѣ? А я? вдругъ обращалась она къ себѣ, развѣ на моей душѣ не лежитъ такой-же камень? Вѣдь я-же притворяюсь... И всегда, всю жизнь должна притворяться“!

Пріѣздъ Алинскаго съ Павломъ былъ новымъ ударомъ для Антонины. Трудно выстрадать больше, чѣмъ выстрадала она, при этой первой встрѣчѣ съ „нимъ“ послѣ роковой ночи. Мысли путались и мѣшались въ ея головѣ. Она смутно видѣла, какъ онъ подошелъ къ ней. Когда его рука коснулась ея руки, она вся затрепетала и ей сдѣлалось дурно. Ее унесли въ спальню.

Обморокъ приписали впечатлительности еще не вполне оправившейся больной, на которую оказывали вредное вліяніе самыя незначительныя неожиданности и потрясенія. Ей, безъ сомнѣнія, нуженъ былъ постоянный, абсолютный покой—это и доктора приказывали.

Антонина поспѣшила воспользоваться предлогомъ болѣзненнаго состоянія: она почти не выходила изъ спальни и старалась избѣгать всѣхъ случаевъ встрѣчаться съ нимъ. Видѣть его было для нея невыносимымъ мученіемъ. Тяжелое отвращеніе и невольная, непреодолимая любовь боролись въ ея сердцѣ. Она рѣшилась молчать, она дала себѣ слово спасти его, но при этомъ если-бы она могла не видѣть его, быть далеко отъ него, все-таки было-бы легче... А вмѣсто того ей приходится жить съ нимъ подъ одной кровлей, постоянно встрѣчать его и читать на этомъ дорогомъ для нея лицѣ ужасное, роковое слово. И подобная пытка должна продолжаться три мѣсяца! Эти три мѣсяца казались ей цѣлою вѣчностію, потому что каждая минута приносила новыя, жестокия страданія.

ХП.

Крыловичъ передалъ прокурору свой разговоръ съ Авдіевымъ и появившіяся у него подозрѣнія при его полупьяныхъ разсказахъ и намекахъ.

Иванъ Ильичъ задумался.

— Конечно, проговорилъ онъ, наконецъ, все возможно. Весьма вѣроятно, что Авдіеву кое-что и извѣстно по дѣлу убійства. Если онъ играетъ въ немъ какую-либо роль, то скорѣе всего можно предполагать, что онъ самъ его совершилъ.

— Предположеніе весьма вѣроятное, подсказалъ слѣдователь.

— Согласенъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ весьма способенъ на такой подвигъ, да, пожалуй, и въ физическомъ, потому что рожа у него вполнѣ разбойничья и силою для удущенія онъ обладаетъ соразмѣрною. Но только, воля ваша, связь въ этомъ дѣлѣ между Авдіевымъ и Антониной Аркадьевной никоимъ образомъ не вяжется въ моей головѣ. Если онъ преступникъ, то причемъ-же она тутъ и зачѣмъ такъ упорно молчитъ? Или, можетъ быть, какъ рѣшила Капитолина Семеновна, онъ ее въ самомъ дѣлѣ ножомъ припугнулъ?

— Почему вы непременно хотите, Иванъ Ильичъ, чтобы она была тутъ при чемъ-нибудь? съ жаромъ возразилъ Крыловичъ. Можетъ быть, какъ я склоненъ думать и даже, признаюсь откровенно, думаю, она ровно ничего не знаетъ о томъ, кто совершилъ убійство.

Прокуроръ слегка улыбнулся.

— Вы не говорите—думаю, Михаилъ Алексѣевичъ, это

не вполне точно. Скажите—надѣюсь, такъ будетъ вѣрнѣе. Однако-же, долженъ вамъ сознаться, я этой надежды совершенно не раздѣляю.

— Почему не раздѣляете? Потому что, простите за откровенность...

— Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь!

— Потому что построили зданіе на какихъ-то психологическихъ данныхъ и теперь вамъ жалко съ нимъ разстаться. Вѣдь сами-же вы какъ-то говорили мнѣ, что какъ забьется въ голову подозрѣніе на кого-нибудь, такъ потомъ трудно его выбить. А вѣдь, въ сущности говоря, до сего времени, кромѣ обморока и болѣзни, по вашему мнѣнію, неестественныхъ, мы со стороны Антонины Аркадьевны ровно ничего не видѣли.

— То-то и дурно, что ничего не видѣли, перебилъ прокуроръ; въ этомъ-то вся загвоздка и состоитъ. Знаете-ли, что каждый день ея молчанія приносить, если выразиться фигурно, новый камень къ моему зданію. Она сама его достроиваетъ.

— Ахъ, Боже мой! Да что-же вы хотите, чтобы она говорила? воодушевился молодой человѣкъ, которому уже одна мысль выгородить изъ дѣла любимую дѣвушку придавала энергію и развязала языкъ. Она вполне спокойна именно потому, что ничего не знаетъ! Вѣдь согласитесь сами, не придетъ-же ей въ голову, что вы подозрѣваете ее потому только, что она захворала отъ испуга? Вы хотите, чтобы она угадала ваши мысли и пришла вамъ объявить, что „вы, дескать, господинъ прокуроръ, усомнились въ естественности моего испуга и болѣзни, такъ я пришла заявить вамъ, что ровно ничего не знаю“. Согласитесь, что это неудобно, да, наконецъ, вы, вѣдь, и не повѣрите такому заявленію? Конечно, не повѣрите!

— „Такому“ заявленію не повѣрите.

— Да мало того, что не повѣрите, а, пожалуй, еще поду-

маете, что она сама забѣгаетъ и принесла на вашу постройку не только одинъ, а цѣлую груду камней...

— Вы тоже начинаете фигурно выражаться, вставилъ въ скобкахъ прокуроръ.

— Да ужъ такъ! И не отрицайте, Иванъ Ильичъ, вы непременно вывели-бы подобное заключеніе. Позвольте-же мнѣ объяснить дѣло просто, по видимымъ фактамъ, безъ всякихъ сложныхъ выводовъ: весьма вѣроятно, что Антонина Аркадьевна слышала ночью какой-нибудь неясный шумъ въ комнатѣ сестры, потому что задушить совершенно безъ шума едва-ли возможно, но не обратила на него никакого вниманія. Да и не имѣла причины обратить: могла-ли ей прійти ни съ того, ни съ сего мысль, что ея сестру душатъ? А утромъ, когда она увидѣла передъ собою испуганныя лица прислуги, она вспомнила о слышанномъ ею шумѣ и тотчасъ спросила о сестрѣ. Потомъ она лежала долго молча и неподвижно хотя, какъ вы говорите, безъ сознанія не была. Положимъ! Отчего-же она такъ лежала? Потому что старалась припомнить слышанный ею шумъ, можетъ быть, даже слышанный голосъ, чтобы имѣть возможность содѣйствовать открытію убійцы. Она вся углубилась въ свои усилія вспомнить и ничего не выходило. Тогда она, натура нервная и впечатлительная, стала обвинять себя, что не обратила должнаго вниманія на слышанный шумъ и допустила, такимъ образомъ, совершиться страшному преступленію. Я знаю ея характеръ: она вѣдь даже способна считать себя соучастницею, хотя и невольною, убійства, а отъ такихъ мыслей до горячки недалеко. Горячка теперь прошла, а мысль все-таки осталась—вотъ простая и ясная причина, почему она теперь печальна и молчитъ. Что ей говорить? Она очень хорошо понимаетъ, что подозрѣвать ее въ фактическомъ соучастіи нельзя, а отъ мысли, что она могла предотвратить случившееся и не сдѣлала этого, никто ее не избавить. Какъ хотите, Иванъ Ильичъ, а мое зданіе столько-же

правдоподобно, какъ и ваше. Вѣдь палка бываетъ о двухъ концахъ; вы держитесь за одинъ, я за другой. Который перетянетъ? Воля ваша—это очень трудно рѣшить.

— Очень трудно, подтвердилъ прокуроръ. Имѣя въ виду что все на свѣтѣ возможно, не смѣю отрицать что то, что вы сейчасъ изложили, могло случиться именно такъ, только...

— Позвольте, перебилъ Крыловичъ, я еще не все высказалъ. Возвратимся назадъ и разберемъ факты, предшествовавшіе убійству. Является вопросъ: въ кого могла быть влюблена Антонина Аркадьевна? Знаете-ли, Иванъ Ильичъ, какъ вы меня сразу, такъ сказать, ударили обухомъ, что она влюблена, я сгоряча и опѣшилъ, а теперь, обдумавъ дѣло хорошенько, нашелъ, что на это многое и многое можно возразить...

— Еще-бы! улыбнулся прокуроръ.

— Нѣтъ, вы не думайте, что я разсуждаю опрометчиво, на вѣтеръ, какъ всѣ влюбленные. Даже, скажу вамъ, я допускаю мысль, что она влюблена, какъ вы сейчасъ увидите. Антонина Аркадьевна не такая дѣвушка, чтобы могла сильно, страстно полюбить перваго встрѣчнаго, настолько страстно, чтобы скрыть даже такой ужасный фактъ, какъ убійство родной сестры. Въ этомъ-то, что вы мнѣ ни говорите, я увѣренъ твердо. А между тѣмъ у нея является подобная страстная любовь. Кто-же можетъ быть предметомъ этой любви? Прослѣдивъ внимательно все ея поведеніе въ послѣднее время и перебравъ всѣхъ ихъ знакомыхъ, понимаете-ли, всѣхъ до единого, я пришелъ къ заключенію, что этимъ предметомъ можетъ быть только Алинскій. Ею она дѣйствительно могла полюбить, и очень могла, вздохнулъ молодой слѣдователь, допускаю. Такъ значитъ Алинскій убилъ Тименева и его жену? Помилуйте! Да есть-ли тутъ малѣйшая тѣнь вѣроятія?

— А почему-же нѣтъ?

— Что вы, Иванъ Ильичъ! Во-первыхъ, между нимъ и

Вѣрой Аркадьевой не существовало ровно никакихъ отношеній...

— Вы почему-же это знаете?

— Да вѣдь видно — помилуйте! Я знаю даже, что два года тому назадъ, тотчасъ по прїѣздѣ, она съ нимъ кокетничала, это замѣтно было. Потомъ бросила его и съ тѣхъ поръ кокетничала съ массой, именно съ массой поклонниковъ.

— Это еще не резонъ: можно кокетничать съ массой и любить одного. Специалистки любовныхъ дѣлъ часто, знаете, такимъ способомъ, какъ говорятъ, глаза отводятъ...

— Да если она любила Алинскаго и онъ ее любилъ, такъ натурально-ли было выйти за мужъ за Тименева? Помилуйте, вѣдь тутъ смысла нѣтъ!

— Эхъ, Михаилъ Алексѣевичъ! Какой-же вы, какъ посмотрю я, юнецъ въ любовныхъ дѣлахъ! Да развѣ какаянибудь благомыслящая современная барышня можетъ смотрѣть на Алинскаго, какъ на серьезнаго жениха? Во-первыхъ, онъ слишкомъ молодъ, во вторыхъ — слишкомъ бѣденъ и, наконецъ, въ третьихъ — не имѣетъ никакого положенія въ обществѣ. Какой-же онъ женихъ? Вѣдь нужно цѣлыхъ десять лѣтъ ждать, а то и больше, пока онъ будетъ имѣть солидное, представительное положеніе. А безъ положенія какая-же дѣвушка пойдетъ за мужъ? Развѣ нищая какаянибудь, да и то подумаетъ. Знаете-ли, я не самолюбивъ, а скажу откровенно, что еслибы нынѣшней благовоспитанной дѣвицѣ предложили на выборъ меня или Алинскаго, она взяла-бы меня, право, меня! Какой я ни на есть старый и на видъ не казистый... Для амуровъ Алинскій пригоденъ, это вѣрно, а въ мужа — бракъ, чистѣйшій бракъ!

— Такъ она подождала-бы...

— Ждать? Нѣтъ ужъ извините — не въ характерѣ это современныхъ дѣвицъ. Онѣ справедливо слѣдуютъ пословицѣ: „лучше синица въ руки, чѣмъ соколъ въ небѣ“.

— Но нравственное чувство? Любовь?

— Любовь тутъ не при чемъ, она отъ вступленія въ законное супружество пострадать никоимъ образомъ не можетъ. Напротивъ...

— Какого-же вы сквернаго мнѣнія о женщинахъ, Иванъ Ильичъ! Неужели-же нравственность ихъ такъ упала въ наше время?

— Прежде всего, не о всѣхъ женщинахъ я говорю, Михаилъ Алексѣевичъ. Знаю, что есть женщины благородныя и высоко-нравственныя. Говорю только о нѣкоторыхъ и, замѣтите, только о нѣкоторыхъ современныхъ барышняхъ, которыхъ черезчуръ уже матеріальный взглядъ на жизнь порицаю, очень порицаю.

— Неужели-же вы и Вѣру Аркадьевну причисляете къ подобнымъ барышнямъ?

— Я уже имѣлъ честь разъ докладывать вамъ, что совершенно не зналъ эту особу. Но, принимая во вниманіе ея нѣсколько легкомысленное поведеніе, кокетство съ разными лицами, о которомъ и вы упоминали, а въ концѣ концовъ бракъ съ такою личностію, какъ Тименевъ, особенно высокаго мнѣнія о ней составить не могъ.

— Ну хорошо, допускаю, что она могла любить Алинскаго. Все возможно, какъ вы говорите. Но что онъ ея не любилъ, это вѣрно.

— Опять-таки не вижу, почему.

— Да потому, что, любя ее, онъ никогда не допустилъ-бы брака съ Тименевымъ.

— Не допустилъ? Интересно было-бы видѣть, какими путями онъ могъ ему воспрепятствовать?

— Онъ убѣдилъ-бы ее...

— Напротивъ, скорѣе она могла его убѣдить, что этотъ бракъ въ ихъ положеніи дѣло весьма подходящее. Онъ постигъ логичность ея разсужденій и — согласился.

— Зачѣмъ-же онъ убилъ-то ее въ такомъ случаѣ?

— Ну, это уже заходить за предѣлы моихъ предположеній. Мало-ли какая черная кошка могла между ними пробѣжать...

— Нѣтъ, воля ваша, Иванъ Ильичъ, я увѣренъ, твердо увѣренъ, что Алинскій никогда не любилъ Вѣру Аркадьевну. За это я готовъ чѣмъ угодно поручиться, потому что такое съ его стороны притворство, да еще цѣлыми годами, невозможно.

— Да помилуйте, Михайлъ Алексѣевичъ, съ чего вы взяли, что я подозрѣваю Алинскаго въ убійствѣ? Вы сами начали проводить всякія вѣроятія, а я только, выражаясь театрално, давалъ вамъ реплики. Начали разговоръ про Ивана, а кончили про Степана. Вѣдь мы говорили про Авдіева, котораго и самъ Богъ сотворилъ съ разбойничьей рожей, а перешли къ Алинскому, обладающему весьма привлекательною, вовсе не наводящею на мысль объ убійствѣ наружностію. Будемъ-же продолжать про Авдіева.

— Тѣмъ болѣе, что прибавилась еще одна причина, вслѣдствіе которой продолжать о немъ будетъ небезынтересно. Авдіевъ, какъ я теперь припомнилъ, сильно ухаживалъ за Вѣрой Аркадьевной.

— Ага! Это весьма важно, Михайлъ Алексѣевичъ, весьма важно. Отчего вы не сообщили мнѣ этого раньше?

— Да знаете, сначала-то не обратилъ я на него никакого вниманія въ дѣлѣ убійства, а за убитой такъ много ухаживали, что, право, легко и забыть когонибудь. Только послѣ разговора съ нимъ и его аллегоріи про Фра-Діаволо, взглянулъ я на него попристальнѣе и вспомнилъ, что онъ былъ довольно долгое время въ числѣ ея поклонниковъ.

— А какъ она? сочувственно къ нему относилась!

— Къ Авдіеву-то? Помилуйте!

— Не говорите, не говорите... Помните мое разсужденіе

о человѣкѣ-нуль? Авдіевъ не нуль, далеко не нуль! Конечно, въ отрицательномъ смыслѣ.

— Только ужъ, знаете, если Алинскій не женихъ, то Авдіевъ и подавно.

— Ну, конечно, мысли о томъ, чтобы она думала выйти за мужъ за такого людоеда, допустить нельзя. А вѣдь бываютъ и такіе случаи, прибавилъ прокуроръ какъ бы въ скобкахъ. Чего на свѣтѣ женщина не сочинить? Такое иногда, скажу я вамъ, *improvisu* выкинетъ, что просто уму помраченье! Но, нѣтъ, въ данномъ случаѣ я этого не допускаю. По всему видно, что Вѣра Аркадьевна была женщина изящная.

— Да она прямо избѣгала его.

— Ну, это-то оставьте. Всѣ такія избѣганія и иные фокусы въ дѣлахъ интриги употребительны; они ничего не доказываютъ. Вѣдь я уже говорилъ вамъ, что глаза отводятъ...

— Здѣсь и отводить было нечего. Право, еслибы я своими глазами увидѣлъ Вѣру Аркадьевну въ интригѣ съ Авдіевымъ, такъ усумнился-бы...

— Ну, хорошо, положимъ, она его не любила; но онъ ее любилъ и могъ задушить изъ ревности. Фактъ вѣроятный. И мужа кстати прирѣзалъ, деньги укралъ, а можетъ быть, и вексель какой нибудь прихватилъ... Весьма, весьма вѣроятно. Только, опять-таки, одно не могу въ толкъ взять: какую роль тутъ изображала Антонина Аркадьевна? Влюблена она, что-ли, была въ Авдіева?

— Я сейчасъ готовъ присягу принять, заявилъ Крыловичъ, что это невозможно.

— Признаться сказать я и самъ сильно, сильно сомнѣваюсь въ возможности подобной комбинаціи, хотя присяги и не приму...

— Отчего вы ни за что не хотите принять мое предположеніе, Иванъ Ильичъ?

— Ваше предположеніе? задумчиво произнесъ прокуроръ.

— Да, мое предположеніе, весьма вѣроятное, что Антонина Аркадьевна во всемъ этомъ дѣлѣ не при чемъ и ровно ничего не знаетъ?

Прокуроръ покачалъ головой.

— Не могу, Михаилъ Алексѣвичъ, что хотите—не могу! Значить она тутъ кое-что, непременно знаетъ. И не кое-что, а много, очень много знаетъ...

— Вы твердо держитесь вашего перваго предположенія и ни за что не хотите отъ него отказаться, но вы ошибаетесь, увѣряю васъ, вы ошибаетесь!

— *Erga humanum est*, процѣдилъ какъ-то неопредѣленно Иванъ Ильичъ; это еще римляне говорили, такъ мы и подавно должны говорить... А все-таки она кое-что знаетъ, непременно знаетъ. Вотъ что, Михаилъ Алексѣвичъ! Чѣмъ намъ съ вами тутъ головы ломать и всякія болѣе или менѣе фантастическія предположенія измышлять, поѣдьте-ка въ гости къ Невѣровымъ. Антонина Аркадьевна теперь настолько оправилась, что, можетъ быть, мнѣ и удастся выйти изъ предѣловъ фантазіи...

— Вы думаете, что она въ состояніи вынести допросъ? Не лучше-ли подождать, Иванъ Ильичъ?

— Откуда вы выдумали допросъ? даже разгорячился прокуроръ. Никакихъ я ей допросовъ дѣлать не буду. Вы, право, Михаилъ Алексѣвичъ, должны-бы хорошо меня знать, а между тѣмъ судите обо мнѣ, какъ о юномъ, только-что покинувшемъ школьную скамью и бросающемся, очертя голову, на первое слѣдствіе, которое должно составить его репутацію. Я, батюшка, производилъ, кажется, больше слѣдствій, чѣмъ у меня осталось волосъ на головѣ. И такія, скажу вамъ, попадались, что... фюитъ!.. Голову сломать можно!

— Вы не думайте, Иванъ Ильичъ...

— Ничего я не думаю, а вижу, что вы порядочно-таки, какъ говорится, врѣзавшись. Не бойтесь, ласково потрепалъ

онъ по плечу молодого человѣка, не буду я мучить и терзать вашъ идеаль. Осторожно пойду, очень осторожно. Мнѣ и самому, знаете-ли, такъ выгодноѣ: если что, такъ спрячусь, какъ улитка, и рогъ не покажу, будьте спокойны. Хотя, правду говоря, время не терпитъ, охъ! какъ не терпитъ... И такъ, не откладывая въ долгій ящикъ, заѣзжайте завтра за мной и отправимся.

Крыловичу неловко было отказываться отъ поѣздки. Онъ и самъ понималъ, что, разсуждая безпристрастно, терять время было невозможно. Чѣмъ медленнѣе производится слѣдствіе въ началѣ, по горячимъ слѣдамъ, тѣмъ труднѣе привести его къ хорошему концу. Хотя сердце его жестоко страдало отъ мысли, что любимая имъ молодая, неопытная дѣвушка должна будетъ вынести трудное испытаніе въ лапахъ такого юридическаго коршуна, какъ Иванъ Ильичъ, и своими неловкими отвѣтами, чего добраго, впутаетъ себя въ серьезное дѣло, которое можетъ кончиться для нея большими несчастіями, но помочь горю было невозможно. Долгъ прежде всего!

ХІІІ.

Прокуроръ вывѣдалъ отъ Крыловича положительно все, что тотъ зналъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ убійству, но былъ весьма недоволенъ неполностію полученныхъ свѣдѣній. Онъ какъ будто обвинялъ молодого слѣдователя въ недостаточной наблюдательности, столь необходимой при занимаемой имъ должности, а въ то-же время сознавалъ, что подобное обвиненіе несправедливо, потому-что никто не могъ предвидѣть случившагося.

— Такъ уже созданъ человѣкъ, говорилъ онъ ему на другой день дорогою:—вѣчно недоволенъ! Сознаюсь вамъ откровенно, что я обратилъ-бы еще меньше вниманія на любовныя пашни Вѣры Аркадьевны, а вѣрнѣе вовсе не обратилъ-бы на нихъ вниманія, теперь-же претендую на васъ за недостатокъ наблюдательности. Говоря правду, вы тутъ нисколько не виноваты: кому-же могла прійти въ голову мысль, что шалости молодой кокетки приведутъ къ такому казусному дѣлу? А все-таки вотъ досадно, почему вамъ не пришла въ голову именно эта мысль. Лучше-бы вы, право, въ нее влюбились...

Крыловичъ улыбнулся.

— Слишкомъ эгоистично разсуждаете, Иванъ Ильичъ. Вѣдь если-бы я былъ влюбленъ въ Вѣру Аркадьевну, такъ теперь мое положеніе было-бы очень незавидное.

— Правду вы говорите, задумчиво произнесъ прокуроръ,—эгоистъ я, вѣрно, совсѣмъ эгоистъ! Происходитъ это, какъ я понимаю, отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, оттого, что я старъ, а во-вторыхъ оттого, что холостъ. Всѣ старые холостяки обя-

зательно эгоисты. Однако-же, Михаилъ Алексѣевичъ, вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ, — хотѣлъ я васъ предупредить и чуть не забылъ: вы, пожалуйста, не говорите у Невѣровыхъ, что я принимаю участіе въ слѣдствіи. Неудобно это, знаете, какъ-то выйдетъ, да и по должности не резонъ мнѣ вмѣшиваться въ ваши дѣла. Наконецъ, для васъ самихъ...

— Для меня рѣшительно все равно, возразилъ Крыловъ. — Хотя я и самолюбивъ, правда, но въ данномъ случаѣ откладываю самолюбіе въ сторону, потому-что одинъ, пожалуйста-бы, и не выбрался.

— Ну, не говорите. Вѣдь вы тоже составили предположеніе и построили зданіе... А все-таки, прибавилъ Иванъ Ильичъ, помолчавъ, — простите за откровенность, имѣю смѣлость предполагать, что при настоящей обстановкѣ и разныхъ побочныхъ обстоятельствахъ и осложненіяхъ, чего добраго и не выбрались-бы. Такъ ужъ вы, Михаилъ Алексѣевичъ, примите все на себя; и, знаете, не разочаровывайте ихъ ужъ слишкомъ безуспѣшностію нашихъ розысковъ, тѣмъ болѣе, что это будетъ даже невѣрно: мы на хорошей дорогѣ, увѣряю васъ, на прекрасной дорогѣ.

Посѣтители встрѣтили самый любезный пріемъ.

— Вы меня простите, говорилъ Иванъ Ильичъ, любезно пожимая руку Невѣрову, — я поступаю совсѣмъ безцеремонно. Вы были такъ любезны, пригласили меня посѣтить васъ, вотъ я выбралъ свободную минуту и собрался къ вамъ дня на три... Не могъ, знаете, устоять отъ искушенія...

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ, да мы всей душой рады, что вы не забыли насъ. Только отчего всего на три дня? Лучше ужъ погостили-бы у насъ недѣлки три, четыре... Отдохнули-бы хорошенько, подышали чистымъ воздухомъ...

— Еге! Три недѣли! засмѣялся прокуроръ. — Да развѣ возможно при нашей каторжной службѣ отдыхать по три недѣли? И то благодаренье Богу, если хоть три дня пройдутъ

и въ городъ не потребуютъ. Такая наша судейская профессія, что не дай Господь. Вотъ на васъ поглядишь, такъ завидно, право: живеть себѣ человекъ, какъ сыръ въ маслѣ катается!

— Я, вѣдь, батюшка, тоже служилъ, только въ военной службѣ.

— Знаю-съ, слышалъ. Да что-же? Военная служба, по моему, одно только наслажденіе: шумъ, движеніе, перемѣна мѣста...

— Ну, перемѣна мѣста-то подчасъ бываетъ и не совсемъ усладительная. Какъ придется отмахать походъ эдакъ тысячи въ двѣ версты, такъ тутъ такимъ пѣтухомъ запоешь...

— Конечно, не спору, вездѣ есть свои непріятности, только сравнительно... Впрочемъ, надо сознаться, всѣ мы люди таковы: въ чужой шкурѣ все кажется привлекательнымъ, а своею вѣчно недовольны. Таковъ ужъ родъ человѣческій.

У Невѣровыхъ всѣ были довольны пріѣздомъ прокурора и Крыловича. Аркадій Петровичъ, Авдотья Алексѣевна и Павелъ надѣялись получить отъ нихъ утѣшительныя извѣстія о розыскахъ убійцы погибшей дочери. Надежда Ивановна рада была увидѣть постороннія лица, которыя хоть сколько нибудь разсѣютъ гнетущую тоску и мрачное настроеніе, царившія въ домѣ. Лиза надѣялась, что пріѣздъ гостей развлечетъ Антонину, становившуюся съ каждымъ днемъ все печальнѣе и молчаливѣе. Наконецъ, Всеволодъ питалъ надежду, что Антонина, интересуясь новостями о ходѣ слѣдствія, выйдетъ, наконецъ, изъ своей спальни, въ которой жила совершенной затворницей. Что-же касается до самой молодой дѣвушки, то нечего и говорить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала она лицъ, разыскивавшихъ такъ хорошо извѣстнаго ей преступника.

Открыли-ли они что-нибудь? Напали-ли на настоящій

слѣдъ? Или ихъ подозрѣнія направлены на какого-нибудь несчастнаго, котораго они впутаютъ въ дѣло и безвинно погубятъ на всю жизнь? Тогда еще новый упрекъ, новое преступленіе ляжетъ тяжелымъ камнемъ на ея сердце! Но что за дѣло? Она хочетъ, во что-бы то ни стало, спасти „его“... Пусть гибнетъ и пропадаетъ весь міръ, лишь-бы онъ былъ спасенъ!

Весьма понятно, что Антонинѣ необходимо было узнать о ходѣ слѣдствія. Но какъ узнать? Хорошо, если они сами будутъ о немъ разсказывать, а если не будутъ? Молодая дѣвушка была мало свѣдуща въ судебныхъ дѣлахъ и понятіе о нихъ получила только изъ прочитанныхъ ею романовъ, въ которыхъ обыкновенно слѣдственныя дѣла производятся въ непроницаемой тайнѣ, по всевозможнымъ хитро задуманнымъ планамъ и расчетамъ. Поэтому она была увѣрена, что и теперь слѣдователи будутъ скупы на разъясненія, тѣмъ болѣе при Аллинскомъ, если на него падало какое-нибудь подозрѣніе. Конечно, ей легко было узнать правду отъ Крыловича: она давно знала, что молодой человѣкъ влюбленъ въ нее и едва-ли выдержалъ-бы характеръ, если-бы она пожелала что-нибудь отъ него вывѣдать. Но воспользоваться его любовью для подобной цѣли, имѣя въ виду только скрыть и спасти преступника, казалось ей низкимъ, недостойнымъ поступкомъ. Ужъ лучше обратиться къ Ивану Ильичу. Антонина не была фizioномисткой, и спокойная, добродушная наружность прокурора сразу внушила ей расположеніе и довѣріе. Она рассчитывала, что такой добрый, ласковый на видъ человѣкъ не способенъ хитрить и скрывать правду отъ родной сестры жертвы преступленія, любопытство которой вполне понятно. Тѣмъ болѣе, что онъ, въ сущности, лицо постороннее: слѣдствіе производитъ другой и пока оно не кончено, онъ никакой роли въ дѣлѣ не играетъ, а слѣдовательно можетъ совершенно свободно говорить о немъ. Такимъ образомъ моло-

дая дѣвушка сама шла на встрѣчу желаніямъ опытнаго юриста и открывала ему широкое поле дѣйствій.

Однако-же, радость Невѣровыхъ скоро поуменьшилась: никакихъ особенно благопріятныхъ извѣстій они не услышали; и прокуроръ, и слѣдователь держали себя очень сдержанно. Крыловичъ выразился общими фразами, что все, дескать, идетъ недурно и есть данныя предполагать, что преступникъ будетъ вскорѣ найденъ, а прокуроръ и вовсе уклонялся отъ разспросовъ, ловко мѣняя разговоръ.

Антонина не выходила изъ спальни. Она разспрашивала у Лизы, но та ничего не могла ей сказать.

— Кто ихъ знаетъ? говорила дѣвочка съ недовольнымъ видомъ. — Такіе, право, нехорошіе — все секретничаютъ! Точно мы какія-нибудь трещотки, сплетницы, сейчасъ побѣжимъ рассказывать ихъ тайны всему городу. Увѣряетъ Крыловичъ, что все идетъ хорошо, а что именно идетъ хорошо и узнали-ли они что-нибудь, ничего понять нельзя. Иванъ Ильичъ тоже хорошъ: сразу объявилъ, что „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, у слѣдователя спросите, ему лучше знать“. Развѣ можно говорить такъ, да еще роднымъ бѣдной жертвы? Такіе нехорошіе — право!

— Это ихъ обязанность, Лиза, производить розыски въ тайнѣ. Если дѣйствовать открыто и рассказывать ходъ слѣдствія, то преступникъ будетъ держаться на-сторожѣ и приметъ мѣры, чтобы остаться не открытымъ.

— Да онъ и безъ того, я думаю, всѣ мѣры принялъ... Кому охота идти въ тюрьму, а оттуда попасть въ Сибирь? Ну, хорошо, пускай секретничаютъ съ другими, но родителямъ-то убитой нужно-же сказать, что и какъ... Вѣдь они, я полагаю, не захотятъ помѣшать людямъ, отыскивающимъ убійцу ихъ родной дочери! Развѣ это возможно?

Антонина сильно поблѣднѣла и опустила голову. Она,

именно она была въ этомъ отношеніи преступницей передъ родителями и покойной сестрой!

Трудно выразить ея страданія въ эту минуту... Но что дѣлать? Жребій брошенъ, путь избранъ и она должна идти этимъ путемъ.

На слѣдующій день молодая дѣвушка рѣшила непременно поговорить съ Иваномъ Ильичомъ, но не хотѣла, чтобы разговоръ ихъ вышелъ заранѣе подготовленнымъ. Необходимо было устроить такъ, чтобы онъ произошелъ какъ-бы случайно, неожиданно.

Послѣ обѣда, когда въ домѣ стало тише, она сказала Лизѣ, что хочетъ погулять одна, вышла въ садъ, направилась въ отдаленную, уединенную аллею и, опустившись тамъ на скамейку, стала обдумывать, какъ-бы ей поговорить съ прокуроромъ.

Иванъ Ильичъ, самъ сильно желавшій побесѣдовать съ Антониной наединѣ и выжидавшій удобнаго случая, замѣтилъ, что она вышла въ садъ и не замедлилъ воспользоваться ея уединенною прогулкою. Не прошло и десяти минутъ послѣ ея выхода, какъ онъ появился въ концѣ аллеи и, замѣтивъ какъ будто случайно молодую дѣвушку, направился прямо къ ней.

Когда Антонина увидѣла прокурора, сердце ея сильно забилося и она почувствовала какое-то лихорадочное волненіе, но старалась взять надъ собою верхъ и казаться спокойною.

— Очень радъ, что встрѣтилъ васъ въ саду, Антонина Аркадьевна, поклонился онъ, подходя. — Наконецъ-то вы покинули спальню — признакъ, что здоровье поправляется... А на свѣжемъ воздухѣ, знаете, еще скорѣе окрѣпнете. Вамъ свѣжій-то воздухъ всего полезнѣе. Я, признаться сказать, очень доволенъ нашей встрѣчей, потому что собирался уже просить чести быть вамъ представленнымъ. Помилуйте! Такъ хорошо познакомился со всѣмъ вашимъ семействомъ, а съ

вами совѣмъ не знакомъ. Какъ-то даже странно... Позвольте уже, пользуясь случаемъ, самому представиться... Впрочемъ, вы, я полагаю, въ послѣднее время, не мало обо мнѣ слышаны? присовокупилъ онъ, сядя на скамейку возлѣ молодой дѣвушки.

— Да, послѣ страшнаго горя, которое насъ постигло...

— Сожалѣю, право, отъ всей души сожалѣю, что познакомился съ вами въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Понимаю, что личность моя, при настоящей обстановкѣ, не можетъ производить на васъ пріятнаго впечатлѣнія.

— Почему-же? Развѣ вы виновны въ нашемъ несчастіи? Напротивъ, мы смотримъ на васъ, какъ на защитника...

— Такъ-то такъ, а все-таки водить знакомство съ прокуроромъ суда, когда приходится прибѣгать къ его профессіи, не совѣмъ-то пріятно. Я знаю многихъ почтенныхъ людей, на которыхъ даже самое званіе „прокуроръ“ производитъ непріятное впечатлѣніе. А что прикажете дѣлать—вѣдь надо-же кому-нибудь быть и прокуроромъ? Впрочемъ, спѣшу заявить, что до настоящей минуты я лицо постороннее и участія въ дѣлѣ не принимаю.

— Я слышала, напротивъ, будто вы были настолько любезны, что обѣщали принять участіе въ разслѣдованіи преступленія?

— Мое дѣло впереди, Антонина Аркадьевна, мое дѣло впереди-съ. Вотъ слѣдствіе кончится, поступить дѣло ко мнѣ, тогда настанетъ моя очередь орудовать, и я, еще разъ смѣю обѣщать вамъ, буду орудовать со всею усердіемъ, къ какому только способенъ.

— А какъ вы полагаете, скоро вамъ придется приняться за наше дѣло?

Вопросъ молодой дѣвушки, хотя и естественный, былъ сдѣланъ такимъ тономъ, что вполнѣ показывалъ неумѣнье ея вести разговоръ. Если-бы она была поопытнѣе, то устроила-бы

такъ, чтобы самъ прокуроръ сказалъ ей, въ какомъ положеніи слѣдствіе. Конечно, Иванъ Ильичъ понялъ прямой смыслъ вопроса.

— Не могу вамъ сказать, рѣшительно не могу. Теперь орудуетъ Крыловичъ и увѣряетъ, что слѣдствіе идетъ удовлетворительно. Мнѣ, согласитесь, неловко соваться въ чужое дѣло и разспрашивать его — еще, пожалуй, подумаетъ, что я хочу учить его, на помочахъ водить, да обидится. Вѣдь онъ, знаете, самолюбивъ, какъ молодой пѣтухъ! усмѣхнулся Иванъ Ильичъ.

— Ну, не думаю, чтобы онъ обидѣлся, слабо улыбнулась Антонина. Вы человѣкъ опытный и ваши совѣты едва-ли могутъ помѣшать успѣху его розысковъ.

— Не говорите такъ, Антонина Аркадьевна. У насъ, знаете, въ юридическихъ дѣлахъ такъ-же, какъ въ военныхъ, полководецъ долженъ быть одинъ. Онъ идетъ впередъ по намѣченному заранѣ плану, дѣйствуетъ сообразно со своимъ характеромъ, по собственному соображенію и приходитъ къ благополучному концу; а какъ начать давать ему совѣты справа да слѣва, такъ собьютъ его съ толку, заварятъ у него въ головѣ кашу и — прощай успѣшный исходъ! Такъ запутаетъ дѣло, что и концовъ не найдешь! Тѣмъ болѣе при такихъ темныхъ обстоятельствахъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

— Но, все-таки, вамъ что-нибудь извѣстно изъ производимаго Михайломъ Алексѣвичемъ слѣдствія? Никогда я не повѣрю, чтобы вы ровно ничего не знали.

— То-есть, какъ вамъ сказать? Конечно, извѣстно, потому, что я былъ при первоначальномъ разслѣдованіи и допросахъ прислуги. А затѣмъ, сложилъ оружіе — баста! Мое дѣло впереди.

— Какъ-же, по вашему мнѣнію, успѣшно кончится слѣдствіе или нѣтъ? Вы меня простите, вдругъ какъ-то поспѣшно прибавила молодая дѣвушка, что я позволяю себѣ дѣлать

вамъ подобные вопросы, но вы, вѣроятно, понимаете, какой интересъ имѣть для меня открытіе преступника...

Она не рѣшилась сказать „убійцы“. Языкъ отказывался произнести роковое слово.

— Если-же, прибавила она, ваше мнѣніе по нашему дѣлу тайна, то извините мою нескромность...

— Помилуйте, Антонина Аркадьевна! Какая-же у меня можетъ быть тутъ тайна, разъ я человѣкъ посторонній и въ дѣло еще не вмѣшивался? Каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и я, конечно, тоже могу... Вонъ Капитолина Семеновна Авдіева имѣетъ-же свое мнѣніе, и имѣть его никто ей запретить не можетъ. Она, видите-ли, убѣждена, что преступленіе совершилъ новый Ринальдо Ринальдини, появившійся въ нашемъ мирномъ градѣ на погибель прелестныхъ его обитательницъ. Она вовсе не секретничаетъ своимъ мнѣніемъ и я не вижу причины, почему мнѣ секретничать?

— Какое-же ваше мнѣніе?

— Мое мнѣніе въ двухъ словахъ, проговорилъ Иванъ Ильичъ, пристально взглянувъ на молодую дѣвушку, что настоящаго убійцу открыть трудно, но—возможно.

Антонина не могла выдержать: она невольно вздрогнула и поблѣднѣла! „Знаетъ! тотчасъ мелькнуло въ головѣ прокурора. Непремѣнно знаетъ!“

— Что съ вами, Антонина Аркадьевна? произнесъ онъ съ участіемъ. Вы, можетъ быть, утомились?

— Нѣтъ, проговорила она разбитымъ голосомъ, ничего!.. Только я еще очень слаба и такая сдѣлалась нервная, что не могу хладнокровно слышать это ужасное названіе...

— Моя вина—простите великодушно! Дѣйствительно, съ моей стороны большая неловкость, скажу даже не деликатность, вести съ вами такой мрачный разговоръ, когда вы еще едва на ногахъ держитесь... Сознайтесь, однако-же, вѣдь вы сами его затѣяли, почему моя вина нѣсколько уменьшается.

— Нѣтъ! нѣтъ! быстро проговорила успѣвшая оправиться молодая дѣвушка. Напротивъ, я очень желала-бы, чтобы вы высказали мнѣ все, какъ есть. Неизвѣстность для меня очень непріятна...

„Я полагаю! подумалъ Иванъ Ильичъ. Пытка порядочная!..“

— На чемъ-же вы основываете ваше мнѣніе о возможности найти преступника? настойчиво продолжала она.

— На чемъ-съ? Тутъ, знаете, существуютъ нѣкоторыя данныя, хотя и весьма неопредѣленные, а все-таки данныя. Прежде всего, я держусь того убѣжденія, что невозможно, совершивъ преступленіе, такъ схоронить концы, чтобы не осталось никакой ниточки, за которую можно было-бы ухватиться. Вопросъ только въ томъ, какъ найти эту ниточку, часто очень, очень маленькую, а все-таки гдѣ-нибудь да существующую. Вотъ почему бываетъ, что преступника открываютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даже черезъ нѣсколько лѣтъ по совершеніи имъ преступленія. Иногда, даже, и дѣло бросать... Нѣтъ и нѣтъ! А потомъ, совершенно неожиданно, наткнутся на искомую ниточку и — готово! Дѣло какъ на ладони. Случается, также, что преступникъ терпитъ, терпитъ, да вдругъ самъ и покажетъ ниточку... Особенно если онъ изъ интеллигентнаго класса и мысль о преступленіи гложетъ его. У простого-то народа впечатлѣнія скоро изглаживаются. Пройдетъ годъ, другой — ему ужъ кажется, что точно и не онъ сдѣлалъ безобразный поступокъ, а другой кто-то. У развитого-же не такъ: иногда въ первую минуту, такъ сказать сгоряча, онъ не очень страдаетъ, а въ послѣдствіи, когда начнетъ все больше и больше вдумываться въ совершенный имъ подвигъ, тогда дѣлается невыносимо скверно. Я, конечно, говорю о преступленіяхъ такого рода, какъ занимающее насъ въ настоящее время. Кромѣ того, положеніе его очень незавидно и въ томъ отношеніи, что онъ знаетъ о существованіи ниточки, за которую

могутъ ухватиться. Вдругъ попадется на глаза... Бѣда! Все пропало!.. Состояніе вообще непріятное и располагающее къ самымъ неосторожнымъ, необдуманнымъ поступкамъ. Слѣдовательно, какъ вы изволите видѣть, первая данная та, что найдется ниточка или преступникъ самъ ее укажетъ.

„Вѣрно! съ ужасомъ думала Антонина. Особенно съ характеромъ несчастнаго Всеволода это легко, очень легко можетъ случиться! Онъ непременно самъ себя погубить!“

— Далѣе, продолжалъ прокуроръ, внимательно наблюдая за молодой дѣвушкой, нѣтъ такого преступленія, которое не было-бы кому-нибудь извѣстно. Это фактъ. Только въ романахъ найдете вы такъ ловко скрытыя преступленія, что о нихъ никто ничего не знаетъ. Но вѣдь въ романахъ-то обстоятельства дѣла подобраны нарочито, все сглажено и прилажено, а въ дѣйствительной практикѣ такой подборъ почти невѣроятенъ. Бываетъ, конечно, что никто не имѣетъ въ рукахъ доказательствъ, что такое-то лицо совершило извѣстное преступленіе, но непременно существуютъ такіе, которые „подозрѣваютъ“ его, на что имѣютъ вѣскія, обстоятельныя данныя. Люди эти, если они посторонніе, часто не показываются сами на сцену, но когда ихъ выведетъ само правосудіе, тогда преступникъ пропасть неминуемо, потому что изъ основательныхъ подозрѣній не замедлятъ выясниться основательныя улики.

— Неужели вы не допускаете, робко возразила Антонина, что преступленіе можетъ не быть никому, рѣшительно никому извѣстно? Однако-же, насколько я слышала, подобные случаи бывали...

— Слышать вы этого не могли, улыбнулся прокуроръ, потому что если преступленіе никому неизвѣстно, то и говорить о немъ никто не можетъ. Развѣ въ романахъ читали. Бываетъ такъ, что суду неизвѣстно, не открыто, не доказано—это другое дѣло. Случается, что подсудимыхъ оправдываютъ по недостаточности уликъ, по неопредѣленности подо-

зрѣній, но все-таки подозрѣнія существуютъ. Главная-же причина оправданія часто заключается въ томъ, что важнѣйшіе свидѣтели не выведены на сцену, а сами не заблагоразсудили выйти. „Господь съ нимъ! говорятъ они. Зачѣмъ на душу грѣхъ брать, губить человѣка? Богъ накажетъ! Кабы навѣрное зналъ, что онъ, такъ, конечно, сказалъ-бы, а то, можетъ быть, и ошибаюсь? Кто его знаетъ? Кажись, долженъ быть онъ, а можетъ, и не онъ!“ Вотъ вамъ и заключеніе. Встрѣчаются также нѣкоторые, такъ-сказать, артисты, скрывающіе даже человѣка, въ виновности котораго они убѣждены, на томъ основаніи, что и преступника грѣшно губить на всю жизнь. Богъ, дескать, накажетъ! Скрываютъ иногда и по другимъ причинамъ...

Прокуроръ остановился. Антонина хотѣла сказать хоть что-нибудь, но не имѣла силъ...

— Впрочемъ, порѣшилъ Иванъ Ильичъ, въ настоящемъ дѣлѣ едва-ли нужно будетъ свидѣтельство постороннихъ лицъ. Преступника судъ и самъ откроетъ, всенепремѣнно откроетъ, потому что человѣкъ онъ дрянной, очень ужъ подленькій и притомъ, какъ видно, недалекій.

— Почему вы такъ думаете? быстро подняла на него глаза молодая дѣвушка. Она не могла хладнокровно вынести такое оскорбленіе любимаго ею человѣка: пусть онъ преступникъ, совершившій ужасное дѣло въ порывѣ страстей, это она еще могла допустить, но въ преступленіи его, по крайней мѣрѣ, въ ея глазахъ, не было подлости...

— Почему такъ думаю? спокойно продолжалъ прокуроръ, сейчасъ буду имѣть честь вамъ объяснить. Я раздѣляю преступниковъ на двѣ категоріи: нравственныхъ и матеріальныхъ. Лица первой категоріи совершаютъ преступленіе по нравственнымъ побужденіямъ. Они дѣйствуютъ въ порывѣ чувствъ, иногда доходящемъ даже до разстройства умственныхъ способностей. Факторами преступленія являются въ та-

комъ случаѣ или бѣшенство, или ревность, или отчаяніе, или даже ложно понимаемый долгъ, но, во всякомъ случаѣ, чувства. Конечно, поступокъ самъ по себѣ остается безобразнымъ и кары заслуживаетъ, но все-таки онъ, до извѣстной степени, находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что побудительныя причины не могутъ быть названы низкими или подлыми. Бываетъ даже, что такихъ преступниковъ оправдываютъ. Напримѣръ: мужъ неистово терзаетъ жену, оскорбляетъ ее, бьетъ до полусмерти, даже на жизнь посягаетъ. Она, въ порывѣ отчаянія, желая, во что-бы то ни стало, избавиться отъ тирана, убиваетъ его. Я недалеко отъ мысли, что такую преступницу даже оправдать можно...

— Но мнѣ кажется, нерѣшительно вставила Антонина, насколько я, по крайней мѣрѣ, слышала, преступленіе, совершенное у насъ, можно именно отнести къ этой категоріи? Преступникъ, повидимому, дѣйствовалъ въ порывѣ чувствъ...

— То-то и есть, что нѣтъ, перебилъ прокуроръ. Этотъ преступникъ относится ко второй категоріи: онъ совершилъ преступленіе съ самыми низкими побужденіями воровства, грабежа и, наконецъ, замысла еще того хуже... Такихъ преступниковъ я называю матеріальными. По моему мнѣнію, подобные люди гадки, омерзительны и не заслуживаютъ рѣшительно никакого снисхожденія.

— Но вѣдь грабежа не было, пробормотала несчастная Антонина. Вещи всѣ оказались цѣлы...

— Вещи-то цѣлы, это правда, но цѣлы онѣ только отъ того, что преступникъ очень торопился, а, можетъ быть, и не примѣтилъ ихъ; въ противномъ случаѣ онъ ихъ прихватилъ-бы съ собою. Наконецъ, вѣдь брать вещи штука опасная: могутъ попасться—улика. Деньги вѣрнѣе. Если онъ не имѣлъ въ виду грабежа, спрашивается, зачѣмъ-же онъ, покончивъ съ Тименевымъ, ходилъ въ его письменный столъ и именно въ тотъ ящикъ, гдѣ лежали деньги и денежные документы?

— Но вѣдь въ ящикѣ нашли деньги...

— Нашли-то нашли, да только не всё. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Могъ-ли Тименевъ, человѣкъ завѣдомо богатый, имѣть такъ мало наличныхъ денегъ? Нѣтъ-съ, тутъ дѣло ясное: преступникъ либо поторопился и нехорошо обыскалъ ящикъ, либо нарочно оставилъ часть денегъ, чтобы ввести въ заблужденіе слѣдователя. Онъ предположилъ, видите-ли, что слѣдователь тупоуменъ и не догадается, въ чемъ суть, между тѣмъ, какъ она яснѣе дня для всякаго сыщика, мало-мальски знакомаго со своею профессіей. Поэтому-то, основываясь на приведенныхъ соображеніяхъ, я позволяю себѣ утверждать, что грабежъ былъ и слѣдовательно преступникъ оказывается самымъ простымъ, обыденнымъ подлецомъ!..

Молодая дѣвушка была поражена. Всеволодъ—воръ! Она воображала до сихъ поръ, что онъ совершилъ преступленіе въ порывѣ чувствъ, въ состояніи умственного разстройства, а оказывается, что онъ дѣйствовалъ вполне хладнокровно и могъ не только убить, но ограбить... Возможно-ли это? О! Пусть онъ лучше будетъ какимъ угодно убійцей, но только не воромъ, не грабителемъ! Это ужасно!..

Волновавшія Антонину чувства невольно отражались на ея лицѣ, и прокуроръ, который хотя незамѣтно, но внимательно слѣдилъ за выраженіемъ этого блѣднаго, похудѣвшаго, но все-таки прелестнаго личика, читалъ все, что дѣлалось въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Въ томъ, что она знаетъ преступника, онъ уже не сомнѣвался; во время разговора она постоянно выдавала себя. Первую часть своей программы онъ легко выполнилъ, но оставалась вторая часть, несравненно труднѣйшая: узнать, кто именно преступникъ. Если онъ до сихъ поръ порядочно мучилъ и пыталъ ее, то теперь приходилось еще больше пытать...

Несчастная дѣвушка сидѣла, опустивъ голову, подъ гнетомъ отчаянія, какъ приговоренная къ смерти. Послѣдняя

утѣшавшая ее до сихъ поръ мысль погибла — „онъ“ не только убійца, но воръ, подлецъ!

Ивану Ильичу было невыразимо жаль ее. Чуткій, впечатлительный и привыкшій понимать выраженіе лицъ, онъ видѣлъ, какъ жестоко она страдаетъ. Въ эту минуту его профессія, которую онъ такъ любилъ до сихъ поръ, показалась ему отвратительною. Быть учителемъ и кого-же? Несчастливаго, неопытнаго созданія, которое не имѣло даже силъ защищаться и безпомощно склонилось подъ бременемъ тяжкаго горя. „Не отложить-ли? думалъ онъ. Вѣдь она не вынесетъ дальнѣйшей пытки... Чего добраго опять захвораетъ и тогда дѣло затянется надолго. Пощадить ее? Пощадить хоть на сегодня? А долгъ? Я, который всю жизнь ни на минуту и ни для кого на свѣтѣ не нарушалъ своего долга, неужели я забуду его теперь, передъ этимъ слабымъ ребенкомъ? Если я остановлюсь и пощажу ее, то вѣдь самъ сдѣлаюсь участникомъ преступленія... Нѣтъ — нужно идти впередъ и доводить дѣло до конца!“

— Изъ всѣхъ данныхъ, которыя я объяснилъ вамъ, Антонина Аркадьевна, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и какъ будто не замѣчая ея растеряннаго выраженія, слѣдуетъ вывести заключеніе, что человѣка, нанесшаго вамъ такое ужасное горе въ лицѣ вашей сестрицы, отыскать возможно. Заключеніе мое основано на томъ, что, во-первыхъ, онъ, какъ обиденный подлецъ, твердымъ характеромъ не обладаетъ, камня на сердцѣ не выдержитъ и самъ укажетъ намъ ниточку, за которую нужно ухватиться, а, во-вторыхъ, такъ какъ преступникъ кому-либо на свѣтѣ, хоть по одному подозрѣнію, да извѣстенъ, то лицо это или лица помогутъ найти требуемую ниточку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что совершенное преступленіе имѣло свои мотивы и побужденія. Невозможно предположить, чтобы преступникъ, безъ всякихъ основаній, взялъ да убилъ, просто, съ бухта-барахту; конечно,

онъ имѣлъ достаточныя побудительныя причины, чтобы рѣшиться на такой безобразный поступокъ. А побудительныя эти причины непременно кому-нибудь извѣстны, хотя по подозрѣнію, но извѣстны.

— А если такихъ лицъ нѣтъ? проговорила нѣсколько успѣвшая оправиться молодая дѣвушка.

— Есть, Антонина Аркадьевна, не можетъ не быть-съ. Еслибы преступленіе было совершено гдѣ-нибудь на перепутьѣ или въ глухомъ лѣсу надъ одинокимъ, бездомнымъ путникомъ, то я понялъ-бы еще, что можетъ не найтись никого, кто имѣлъ-бы понятіе о побудительныхъ причинахъ, которыя довели до его совершенія, но ограбить и отправить на тотъ свѣтъ мужа и жену, жившихъ, такъ сказать, въ семейномъ кругу, на глазахъ всего города — помилуйте! Да развѣ возможно, чтобы никто изъ окружающихъ не имѣлъ подозрѣнія, что преступленіе совершено именно этимъ лицомъ, а не другимъ? И могу васъ увѣрить, что такое подозрѣніе есть, только оно, до поры до времени, не высказывается.

— Если оно до сихъ поръ не высказалось, прошептала она, то не выскажется никогда...

— Въ этомъ я не раздѣляю вашего мнѣнія. Согласенъ, очень можетъ быть, что лица, имѣющія основательное подозрѣніе, сами собою не выйдутъ на сцену, руководствуясь побужденіями, которыя я объяснилъ раньше, или другими какими-нибудь... Напримѣръ, чувствами, непониманіемъ своего долга, относительно семейства и общества... Все можетъ быть, но тогда...

— Тогда?

— Тогда дѣло слѣдователя или, наконецъ, судьи быть настолько проницательнымъ, такъ сказать, чуткимъ, чтобы обратить именно на нихъ особенное вниманіе и вывести ихъ на сцену... даже противъ ихъ воли. Нарушеніе правъ общества и особенно такое грубое, омерзительное посягательство на его

безопасность, непременно должно быть наказано, и наказано строго, беспощадно. Люди, на обязанности которых лежитъ найти лицо, совершившее это безобразное посягательство, должны отложить въ сторону всякіе личные взгляды, побужденія и даже свои собственныя чувства, чтобы направить всё свои силы, всё способности къ одному: исполнить свой долгъ полнымъ разоблаченіемъ преступника.

— Но въ такомъ случаѣ, рѣшилась, наконецъ, Антонина, вы должны и меня допросить, потому что я одна находилась въ домѣ, когда совершилось преступленіе, и хотя родная сестра убитой, но...

— На этотъ счетъ, Антонина Аркадьевна, прервалъ прокуроръ, — долженъ обратить ваше вниманіе на то, что слѣдствіе произвожу не я и, какъ уже говорилъ вамъ, вмѣшиваться въ него не вижу надобности. Если Михаилъ Алексѣевичъ найдетъ необходимымъ просить васъ дать какія-нибудь разъясненія, то, конечно, сдѣлаетъ это, потому что я знаю его за человѣка, въ полномъ смыслѣ честно относящагося къ своимъ обязанностямъ. Конечно, онъ не упуститъ ничего, что, по его мнѣнію, можетъ послужить къ открытію истины. Но сказать вамъ, какой именно путь онъ избралъ и какой употребляетъ способъ дѣйствій — не берусь.

— Ну, а вы сами?

— То-есть, какъ я самъ?

— Если Крыловичъ меня спрашивать не будетъ, спросите-ли вы?

— Теперь ни о чемъ не спрошу, Антонина Аркадьевна, потому что мое дѣло сторона. А потомъ, когда дѣло поступитъ ко мнѣ, не могу сказать ничего опредѣленнаго. Все будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ видѣ поступитъ дѣло, на сколько произведенное слѣдствіе будетъ полно и опредѣленно, насколько улики будутъ ясны и неопровержимы. По-

милуйте! Могу-ли я теперь, зная дѣло только поверхностно, сказать, какъ поступлю когда узнаю все обстоятельно?

— Во всякомъ случаѣ, вдругъ начала она тревожно, я могу сказать вамъ теперь то-же, что скажу и тогда. Я слышала въ комнатѣ сестры шумъ...

— Антонина Аркадьевна! Вы совершенно напрасно...

— Слышала шумъ, перебила она, но отчего онъ происходилъ—не знаю. Я уже была раздѣта, лежала въ постели и дремала или, вѣрнѣе, спала... Отчета дать въ слышанномъ не могу...

Она говорила въ лихорадочномъ волненіи. Большіе глаза ея устремились въ пространство съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— Мнѣ казалось, что я слышу этотъ шумъ во снѣ... Я не обратила никакого вниманія на этотъ шумъ... Развѣ могла я обратить на него вниманіе? Согласитесь—я спала... Кто могъ быть у сестры я и теперь не могу...

Вдругъ Антонина страшно поблѣднѣла.

— Мнѣ дурно... пробормотала она, опускаясь въ изнеможеніи на скамейку.

Иванъ Ильичъ едва успѣлъ ее поддержать. Она была безъ чувствъ.

— Тоня! Милая Тоня! Что съ тобой? раздался за нимъ звонкій голосъ.

Онъ обернулся. По аллеѣ бѣжала Лиза, за нею быстрыми шагами шелъ Алинскій.

Прокуроръ вздрогнулъ. Неужели „онъ?“

XIV.

Антонину отнесли въ спальню и оставили на попеченіи матери и Лизы.

Иванъ Ильичъ ушелъ въ свою комнату, сѣлъ передъ столомъ и началъ, по обыкновенію, барабанить по немъ пальцами. Это былъ вѣрный признакъ, что мысли его заняты какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ. Дѣйствительно, онъ обдумывалъ свой разговоръ съ Антониной и особенно сцену, завершившую его.

„Что она знаетъ преступника, разсуждалъ онъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Не только я, но даже и неопытный человѣкъ сейчасъ-бы это замѣтилъ. Вѣрно также то, что она рѣшилась, во чтобы-то ни стало, скрыть его. Что руководить ея рѣшеніемъ? Жалость? Соболѣзнованіе? Нежеланіе принять грѣхъ на душу, явившись доносчицей? Нѣтъ, это вздоръ. Она дѣвушка не глупая, образованная и не станетъ увлекаться такими пустыми соображеніями, особенно когда дѣло идетъ объ убійствѣ родной сестры. Еслибы преступленіе совершилъ, напримѣръ, Авдіевъ, она сейчасъ-бы на него указала. А почему такъ? Возможно-ли поручиться, что у нея не было какой-нибудь интриги съ Авдіевымъ? Да, за это возможно поручиться, потому что еслибы у нея была интрига съ Авдіевымъ, то Крыловичъ всенепремѣнно замѣтилъ-бы ее. Не такой человѣкъ Авдіевъ, чтобы могъ скрытно вести интригу. Алинскій, во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе подходящъ для тайной любви. Съ ней сдѣлался обморокъ, когда она вдругъ его увидѣла. Подозрительно, очень подозрительно! Даже больше, чѣмъ подо-

зрительно... Иной сказалъ-бы, что это цѣлый фактъ. Но, съ другой стороны, возможно-ли предположить, чтобы Алинскій былъ убійца? Съ фактической стороны, да, психологической — очень трудно. Если онъ преступникъ, то я долженъ сознаться, что въ теченіе всей моей долготѣнной судебной практики никогда не видѣлъ примѣра подобнаго спокойствія и самообладанія, когда на сердцѣ лежитъ такой камнѣще. Я за нимъ наблюдалъ и вчера, и сегодня, но къ стыду моему долженъ сознаться, что, если преступленіе совершено имъ, то надулъ и провелъ онъ меня вполне — въ полномъ смыслѣ слова! Я даже готовъ былъ отклонить отъ него всякое подозрѣніе, еслибы не то, что сейчасъ произошло. Если дѣло сдѣлано имъ, то надо сознаться, что онъ, дѣйствительно, фениксъ злодѣйства, гигантъ притворства и бороться съ нимъ будетъ трудно, очень трудно. Но, опять таки, онъ-ли? Вѣдь обморокъ могъ произойти и отъ другой причины. Самый разговоръ, особенно при ея слабости и нервномъ состояніи, могъ быть вполне достаточной причиной для обморока. Струна была слишкомъ сильно натянута, ну, и лопнула. А жалъ! Сразу не кончилъ, придется еще разъ пытаться несчастную дѣвушку. Только уже на сей разъ приступлю къ дѣлу рѣшительно и во что-бы то ни стало добьюсь своего. Безъ нея ничего, положительно ничего невозможно сдѣлать. Только не теперь, конечно не теперь! Надо дать ей отдохнуть, собраться съ силами, а то, пожалуй, опять струна лопнетъ слишкомъ рано и я останусь не причемъ. Притомъ-же, весьма вѣроятно, что она будетъ обдумывать сегодняшній разговоръ и убѣжденіе въ подлости предмета ея любви поколеблетъ ея рѣшимость скрыть его преступленіе. Съ характеромъ Антонины это очень, очень возможно. Что дѣлать — поневолѣ приходится подождать!.. Въѣхается-же на меня Крыловичъ за сегодняшнее происшествіе! Скажетъ, что я разстроилъ ее, довѣлъ своимъ мучительствомъ до безчувственного состоянія, на жизнь покушалъ

ся... Изъ такого славнаго малаго врага себѣ сдѣлаю... А какъ прикажете быть? Долженъ-же я открыть убійцу... Долженъ, непременно долженъ—и открою!”

Крыловичъ, дѣйствительно, былъ очень недоволенъ прокуроромъ: такъ безжалостно пытатъ благороднѣйшую дѣвушку, притомъ-же еще слабую, больную... Развѣ можетъ рѣшиться на подобный поступокъ человѣкъ, у котораго есть какія-нибудь человѣческія чувства? Нужно имѣть каменное сердце, чтобы такъ немилосердно попирать ногами и молодость, и слабость, и болѣзнь, стремясь къ достиженію чего-то, еще даже вовсе не доказаннаго. Онъ, напримѣръ, твердо убѣжденъ, что Антонина ровно ничего не знаетъ и выносить пытку совершенно даромъ. Теперь она мучается, страдаетъ... Можетъ быть, опять горячка начинается...

Очень былъ удивленъ молодой слѣдователь, когда, на слѣдующее утро, Лиза отозвала его въ сторону и объявила, что Антонина желаетъ говорить съ нимъ.

Онъ отправился съ нею въ спальню молодой дѣвушки. Больная сидѣла въ креслѣ и встрѣтила его хотя печальной, но ласковой улыбкой. Казалось, вчерашній обморокъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

— Оставь насъ на минуту, милая Лиза, обратилась она къ дѣвочкѣ, — мнѣ нужно поговорить съ Михаиломъ Алексѣвичемъ о важномъ дѣлѣ... Присядьте, Михаилъ Алексѣвичъ.

Лиза вышла. Изумленный молодой человѣкъ опустился на стулъ и ждалъ. Послѣ вчерашняго разговора съ прокуроромъ объясненіе съ Крыловичемъ было для Антонины совершенно необходимо. Прежде всего, она хотѣла точно убѣдиться, что дѣйствительно убійство сопровождалось грабежомъ. Прокуроръ, объявившій это ей наканунѣ, самъ заявлялъ, что лишь поверхностно знакомъ съ дѣломъ и присутствовалъ только при первоначальномъ розыскѣ. Можетъ быть, потомъ обстоятельства выяснились въ другомъ свѣтѣ, замѣчена была ошибка и

обвиненіе убійцы въ похищеніи денегъ оказалось невѣрнымъ. Она ни за что не могла свыкнуться съ мыслію, что человѣкъ, котораго она любила и считала идеаломъ, былъ воръ и грабитель. Съ мыслію, что онъ совершилъ убійство въ порывѣ страстей, она свыклась, даже нашла возможность извинить его до нѣкоторой степени, но съ тѣмъ, что онъ упалъ такъ низко, какъ только можетъ упасть человѣкъ, и совершенно хладнокровно, съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ сдѣлалъ подлость, ограбилъ, она никакъ не могла помириться: и сердце и разумъ ея возставали противъ подобной низости. Нѣтъ! Не можетъ быть! Тутъ неперемѣнно существуетъ какая нибудь ошибка, недоразумѣніе... Затѣмъ ей необходимо было выяснитъ свое положеніе. Изъ словъ прокурора она вывела заключеніе, что ее неперемѣнно будутъ спрашивать, если не Крыловичъ, то самъ прокуроръ. Почему-же ее не спрашиваютъ теперь? Ужъ лучше-бы поскорѣе... Разъ она заявитъ, что ничего не слышала и ничего не знаетъ, то уже отступать будетъ невозможно, и она выйдетъ изъ ужаснаго положенія нерѣшимости и колебаній. Тогда жребій будетъ брошенъ безповоротнѣ...

— Я вчера говорила съ Иваномъ Ильичомъ на счетъ производимаго вами слѣдствія, робко начала она, взглянувъ на молодого человѣка умоляющимъ взоромъ, какъ-бы заранѣе прося его пощадить ее и не слишкомъ ужъ мучить. — Онъ считаетъ себя покуда человѣкомъ постороннимъ, почему и высказалъ мнѣ свое мнѣніе о совершенномъ преступленіи. Вы, конечно, понимаете, насколько интересуютъ меня всѣ подробности происшествія, доставившаго намъ такъ много горя. Я, безъ сомнѣнія, предпочтительно обратилась-бы къ вамъ, какъ къ человѣку, гораздо больше мнѣ знакомому, но побоялась поставить васъ въ неловкое положеніе: слѣдствіе обыкновенно должно производиться въ тайнѣ, а я явилась-бы вдругъ съ разспросами...

— Помилуйте, Антонина Аркадьевна! Разспросы отъ васъ вполне натуральны и я нисколько не затруднился-бы сообщить вамъ все, рѣшительно все...

Бѣдный слѣдователь, находясь передъ своимъ идеаломъ, забылъ, какую роль навязалъ ему прокуроръ. Еслибы она пожелала, онъ, конечно, немедленно нарушилъ-бы свое обѣщаніе и высказалъ ей все. Молодая дѣвушка сама его выручила.

— Ну, я не хотѣла злоупотреблять вашей любезностію и расположеніемъ, продолжала она. Можетъ быть, я сдѣлала ошибку, но, признаюсь откровенно, не раскаяваюсь: Иванъ Ильичъ сообщилъ мнѣ много интереснаго, много новаго для меня о преступникахъ вообще и коснулся характера ужаснаго преступленія, совершеннаго надъ нашимъ семействомъ. Между прочимъ, онъ упоминалъ о томъ, чего я до сихъ поръ не знала...

— О чемъ именно? освѣдомился Крыловичъ.

— Напримѣръ о томъ, что преступленіе сопровождалось грабежомъ. Правда-ли это?

Сердце молодой дѣвушки сильно, очень сильно билось, когда она предлагала роковой вопросъ.

— Васъ эта незначительная въ такомъ дѣлѣ подробность интересуесть? нѣсколько удивился слѣдователь.

— Да, интересуесть... какъ все, касающееся ужасной смерти сестры... До сихъ поръ всѣ говорили, что поводомъ къ преступленію была любовь какого-то безумнаго... Но если совершено воровство, то страшный его поступокъ совершенно мѣняетъ характеръ... Онъ оказывается простымъ грабителемъ и я, значить, тоже подвергалась опасности...

— То-есть, какъ вамъ сказать, Антонина Аркадьевна? затруднился Крыловичъ. Что преступленіе сопровождалось грабежомъ фактъ не вполне доказанный...

— Не доказанный?

Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ молодой дѣвушки.

— Не вполне... Преступникъ ходилъ въ одинъ изъ ящиковъ стола, это вѣрно, но взялъ-ли онъ что-нибудь или нѣтъ, трудно рѣшить. Думать надо, впрочемъ, что взялъ, потому, что иначе зачѣмъ-бы онъ ходилъ въ столъ?

Лучъ надежды началъ угасать.

— Взялъ... деньги?

— Можетъ быть деньги, а можетъ быть бумагу какую-нибудь или вексель. Весьма вѣроятно, что взялъ и то, и другое, потому что наличныхъ денегъ найдено, судя по средствамъ покойнаго Тименева, слишкомъ мало, а бумаги въ большомъ безпорядкѣ. Ясно, что онъ рылся въ нихъ. Можетъ быть, еще денегъ искалъ или документъ какой-нибудь. Чтобы вы подвергались опасности—я не думаю; преступнику и безъ васъ было слишкомъ много дѣла, тѣмъ болѣе, что хотя онъ и воспользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами преступленія, но грабежъ не составлялъ главной побудительной причины его поступка—это несомнѣнно!

— А все-таки ограбилъ... произнесла Антонина глухимъ голосомъ.

— Почему-же и не ограбить, кстати...

— Неужели вы не допускаете, Михаилъ Алексѣевичъ, что можно совершить преступленіе и не сдѣлать низости?

— Не допускаю, Антонина Аркадьевна, потому что убійство само по себѣ уже есть низость. Никогда истинно благородный человѣкъ не рѣшится на подобное дѣло, какія-бы страсти его ни волновали. Онъ долженъ имѣть настолько силы воли и твердости характера, чтобы побѣдить эти страсти.

— А вотъ Иванъ Ильичъ говорилъ вчера, что если, напримѣръ, женщина, которую мужъ немилосердно тиранить, убьетъ его, то ее оправдать можно...

— Женщину, какъ существо слабое, беспомощное, еще можно оправдать, хотя и то въ очень рѣдкихъ, исключитель-

ныхъ случаяхъ, но мужчину — никогда. Мужчина существо сильное и твердое, онъ всегда можетъ и долженъ найти исходъ, не прибѣгая къ такимъ отвратительнымъ средствамъ, какъ убійство.

— И мужчины не всѣ обладаютъ твердымъ характеромъ.

— Я и не говорю этого. Напротивъ, слабохарактерныхъ мужчинъ много, даже слишкомъ много на свѣтѣ, почему и убійства случаются часто. Можно сказать на каждомъ шагу. Я только высказалъ вамъ, какъ, по моему мнѣнію, должно быть, а не такъ, какъ есть, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности.

— Такъ вы до сихъ поръ не пришли еще къ окончательному заключенію, настойчиво продолжала молодая дѣвушка, было-ли ограбленіе или нѣтъ? Неужели ваше слѣдствіе такъ мало подвинулось впередъ?

Крыловичъ смѣшался. Ему приходилось или лгать любимой дѣвушкѣ, или нарушить обѣщаніе, данное прокурору. Весьма вѣроятно, что онъ не устоялъ-бы, но Антонина опять сама его выручила.

— Одно только меня удивляетъ, сказала она вдругъ, какъ вы у меня до сихъ поръ ничего не спросили?

— У васъ? привскочилъ на стулѣ Крыловичъ. Да развѣ возможно предполагать...

— Мнѣ кажется, что по формѣ слѣдствія, такъ какъ я одна находилась въ домѣ...

— Васъ допрашивать, Антонина Аркадьевна? съ жаромъ перебилъ ее молодой человѣкъ. Да развѣ тутъ есть смыслъ? Во-первыхъ, вы были нездоровы и беспокоить васъ никто не рѣшился-бы ни въ какомъ случаѣ, а во-вторыхъ, и это главное, если-бы вы что-нибудь знали или слышали, то неужели не сообщили-бы намъ тотчасъ-же? Помилуйте! Вы—родная сестра такъ ужасно погибшей женщины? Да я, слѣдователь, прямо признаю и готовъ утверждать передъ кѣмъ угодно, что допрашивать васъ поступокъ въ полномъ смыслѣ слова беспо-

лезный и даже бессмысленный! Передъ кѣмъ угодно буду это утверждать, передъ кѣмъ угодно и когда угодно!

Такое искреннее, откровенное довѣріе произвело тяжелое впечатлѣніе на Антонину. Сердце ея болѣзненно сжалось. Какъ онъ благороденъ, прямодушенъ... А она? Какимъ именемъ слѣдуетъ назвать ея поведеніе?

Она была такъ смущена и такъ страдала, что одну минуту у нея явилось неодолимое желаніе открыть ему все, все... Пусть будетъ, что будетъ!...

— Да кто-же, какъ не вы первая, продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, заступится за сестру и пожелаетъ, чтобы преступникъ заплатилъ за свое злодѣйство цѣною цѣлой жизни страданія и раскаянія? И вы будете вполне правы, потому что онъ, дѣйствительно, не достоинъ никакого сожалѣнія!

Антонина вдругъ вспомнила о „немъ“. Онъ будетъ терпѣть наказаніе и страдать всю жизнь? Никогда!

— Вотъ почему я сама, вдругъ рѣшительно подняла она глаза на слѣдователя, не ожидая вашего вопроса...

— Да помилуйте—что вы? Какой тутъ мыслимъ вопросъ?

— Не ожидая вашего вопроса, считаю долгомъ объявить вамъ, что я ровно ничего не знаю. Ровно ничего! Я слышала въ просонкахъ шумъ въ комнатѣ сестры, но не обратила на него никакого вниманія, потому что ничего не могла подозрѣвать... Это я заявляю вамъ теперь, какъ слѣдователю, и то-же самое, слово въ слово, заявлю на судѣ...

Силы ея истощились. Она вдругъ умолкла и опустила голову.

— Антонина Аркадьевна! заводновался молодой человѣкъ, вы совершенно напрасно такъ себя тревожите и беспокоите. Ваши заявленія совершенно излишни, потому что я и раньше былъ убѣжденъ, что вы ничего не знаете. До сихъ поръ я не спрашивалъ васъ ни о чемъ и въ будущемъ не предполагалъ спрашивать. Иванъ Ильичъ тоже не пожелаетъ прижѣ-

шивать васъ къ этому отвратительному дѣлу, потому что если преступникъ будетъ открытъ...

— А вы думаете, что онъ будетъ открытъ? вдругъ встрепенулась молодая дѣвушка.

— Почему-же нѣтъ? хотя, дѣйствительно, обстановка очень трудная, но все-таки надежда на успѣхъ есть. При томъ-же, рѣдко случается, чтобы преступленіе, особенно такое выдающееся, рано или поздно не открылось...

— А я такъ думаю, медленно произнесла она, что преступникъ не будетъ открытъ никогда.

— Вы сомнѣваетесь въ нашемъ умѣнїи и ловкости, слабо улыбнулся Крыловичъ, и, сознаюсь, до сихъ поръ имѣете полное къ тому основаніе. Но погодите, Антонина Аркадьевна, будетъ когда-нибудь и на нашей улицѣ праздникъ!

— Праздникъ!... горько усмѣхнулась она.

— Долго-ли еще вы будете совѣщаться? вдругъ показалась въ дверяхъ головка Лизы. Иванъ Ильичъ просилъ меня позвать Михаила Алексѣевича — говорить; что ѣхать пора. А тебя, Тоня, онъ не хочетъ беспокоить, свидѣлствуетъ почтеніе и надѣется опять скоро увидѣть здоровую и веселую. „Скажите, говорить, Антонинѣ Аркадьевнѣ, что я цѣлую ея ручки и прошу прощенія за вчерашнее беспокойство — я въ немъ неповиненъ“. Такъ и сказалъ „неповиненъ“ — точно въ судѣ!...

XV.

Прокуроръ и Крыловичъ уѣхали.

Дорогою оба они были задумчивы. Иванъ Ильичъ не заикнулся о своемъ разговорѣ съ Антониной, а Крыловичъ продолжалъ его примѣру и тоже промолчалъ. Говорили о предметахъ постороннихъ и оба избѣгали затрогивать жгучій вопросъ. Тѣсный союзъ, существовавшій между ними до сего времени, нѣсколько разстроился. Впрочемъ и нужды одинъ въ другомъ они теперь не имѣли: прокуроръ, всецѣло поглощенный интереснымъ дѣломъ, рассчитывалъ дальнѣйшій ходъ его, а Крыловичъ обдумывалъ новый, пришедшій ему въ голову планъ.

Послѣ ихъ отъѣзда жизнь въ имѣньи Невѣровыхъ сдѣлалась еще печальнѣе и монотоннѣе. Надежда услышать отъ нихъ что-нибудь утѣшительное не осуществилась, даже начали появляться сомнѣнія въ томъ, что она когда-либо осуществится... Что-то ужъ очень туманно выражались они объ успѣшномъ ходѣ слѣдствія.

Нечего и говорить, что всѣхъ тяжелѣе было положеніе Антонины. Молодая дѣвушка понимала, что слѣдователи еще не напали на слѣдъ преступника, ихъ обращеніе съ Алинскимъ показывало, что на него, пока, подозрѣній не имѣлось, но подозрѣніе это могло явиться и она, именно она сама могла подать къ тому поводъ. Разговоръ съ прокуроромъ ясно доказывалъ, насколько будетъ ей трудно скрыть роковую тайну: одно лишнее, неосторожное слово и—все пропало. Съ другой стороны, избѣгать повторенія подобнаго разговора было очень

трудно, даже невозможно. Уклоняясь от него, она ясно покажетъ, что боится выдать извѣстную ей тайну. Прокуроръ — человѣкъ настолько умный и знающій дѣло, что непременно догадается о причинѣ ея молчанія. Наконецъ, онъ даже можетъ самъ требовать отъ нея объясненій. Онъ очень неопредѣленно отозвался о томъ, потребуешь-ли ихъ или нѣтъ... Пусть ужъ лучше потребуетъ, но только формальнымъ путемъ! Ей казалось, что легче притворяться, легче скрыть правду на официальномъ допросѣ, чѣмъ въ этихъ частныхъ разговорахъ, когда затрогиваютъ самыя чувствительныя струны сердца, самыя больныя мѣста неспокойной совѣсти! Такимъ путемъ несомнѣнно доведутъ ее до послѣдней крайности и выведутъ, выпитаютъ роковую тайну. Она, одна она погубить того, за котораго готова сейчасъ-же отдать жизнь! Погубить, погубить — она это видитъ, чувствуетъ...

Грустная, монотонная жизнь Невѣровыхъ была неожиданно прервана прїѣздомъ Олимпиады Семеновны и Капитолины Семеновны Авдѣевыхъ. Левъ Семеновичъ не сопровождалъ ихъ.

Не могли выдержать сестрицы — ужъ очень захотѣлось имъ узнать, что творится у Невѣровыхъ. Городенія сплетни по поводу убійства росли и надувались сначала до возможнаго, а затѣмъ и до невозможнаго, но, наконецъ, начали вянуть и разрушаться — пищи не хватало. Какъ ни старались Авдѣевы и другіе, сплетныхъ дѣлъ мастера, поддержать ихъ въ цвѣтущемъ состояніи, но недостатокъ питанія становился все замѣтнѣе и вель неминуемо къ полному разрушенію всѣхъ языческихъ столпотвореній, какъ выражался Левъ Семеновичъ. Такое положеніе дѣлъ сильно печалило почтенныхъ весталокъ: столь интересный, даже можно сказать, блестящій матеріалъ для разныхъ салонныхъ бесѣдъ и комбинацій и вдругъ замѣнится какимъ нибудь пустенькимъ, обыденнымъ скандалчикомъ, что, дескать, у Ненилы Сидоровны въ собраніи шу-

ровка лопнула или что Аграфена Ооминишна упала въ вальсѣ вмѣстѣ съ кавалеромъ, да такъ упала, такъ упала, что просто... Ну, о чемъ тутъ долго разсуждать? Всѣ соображенія и комбинаціи могутъ быть сдѣланы очень быстро. Такихъ матеріаловъ нужно двадцать на одинъ вечеръ, а невѣровскаго дѣла одного на двадцать вечеровъ хватить—и съ пріятностію можно время провести...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пріѣздъ Авдіевыхъ былъ не особенно пріятенъ Невѣровымъ, но сестрицы не обратили на это большого вниманія.

— Знаете, затараторила толстая Капитолина, мы собирались, каждый день собирались пріѣхать къ вамъ и такъ ужъ намъ было; право, совѣстно... Вы могли подумать, что мы забыли васъ, Богъ знаетъ, что подумать... Но, знаете, никакъ, никакъ не могли выбрать минуту. Тутъ Аннѣ Семеновнѣ Ложкиной Богъ сына далъ... Такой славный, толстый мальчикъ — даромъ-что и онъ, и она такіе маленькіе, худые... Ужъ въ кого только такой уродился — одинъ Господь вѣдаетъ!.. Крестины были официальные, совсѣмъ *aristocratique*... Ивкина, крестной матерью, такое одѣяльце заготовила, просто *charmant*... Шелковое и все въ кружевахъ, въ настоящихъ кружевахъ, вотъ такихъ широкихъ, кругомъ и узорами... Хочетъ показать, что вотъ, дескать, мы каковы! Ну, конечно — чего имъ? Мужъ-то вѣдь служилъ, долго служилъ, и я слышала... А Корошинъ подарилъ Аннѣ Семеновнѣ браслетъ... Ахъ, какой браслетъ! Только, кажется, брильянты-то не совсѣмъ... Нынче, знаете, такъ ловко поддѣлываютъ — не отличишь! Говорятъ, одна парижская графиня всегда поддѣльные носить и никто не можетъ отличить. Ни за что! Ни за что!.. Пузиковы въ Петербургъ уѣхали... Говоритъ Семенъ Ивановичъ — дѣла, а какія тамъ дѣла? Все пустяки! Тутъ другое, знаете... Я слышала, будто интрижка завелась... Ну, конечно, намъ

что за дѣло? Разстраивать семейное счастье... *Fi donc!* Говорятъ, какая-то актриса тамъ совсѣмъ его спутала... А знаете— *c'est dommage!* Такой добрый, прекрасный человѣкъ!.. Проводы устраивались... Ужъ какіе проводы! *Chez nous on ne fait rien comme il faut!* Розалія Карловна отъ этихъ проводовъ захворала и такъ, знаете, серьезно захворала... *Des coliques, des spasmes,* настоящая холера! Думали умереть... И у насъ дома бѣда... Нашъ тиранъ братецъ... Ахъ, Боже мой! Уничтожить, изведетъ насъ этотъ человѣкъ!

— Что-же случилось съ Львомъ Семеновичемъ? освѣдомилась Надежда Ивановна.

— Нездоровъ, процѣдила Олимпиада. Ну, конечно, слѣдствіемъ такой ужасной, невозможной жизни, какую онъ велъ, должно быть разстройство организма, даже самого крѣпкаго...

— Просто ужасно, ужасно! развела руками Капитолина. Съ нимъ такіе припадки дѣлаются, что, право, выносить невозможно. Мы рѣшительно не понимаемъ...

— Что-же говорятъ доктора?

— Не хочетъ доктора, ни за что не хочетъ! Кричить, бьется, бѣснуется...

— Но если болѣзнь серьезна, нужно-бы посоветоваться.

— Ахъ, да развѣ вы его не знаете? Вѣдь это тиранъ, это мучитель, это тяжкое испытаніе, посланное намъ Богомъ!.. Мы ужъ просили его, умоляли, просто на колѣняхъ умоляли — и слышать не хочетъ!.. „Я здоровъ, кричить, я здоровъ—не приставайте!.. Никого и ничего мнѣ не надо! Никто меня не вылечитъ — никто!..“

— Какіе-же съ нимъ дѣлаются припадки? Лежить онъ въ постелѣ?

— Какое тамъ лежить! Бѣгаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, право, *ragdon* за выраженіе, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Все что-то бормочетъ, руками размахиваетъ... Потомъ вдругъ

начнется съ нимъ припадокъ: бросится со всего размаху на постель и рветъ, грызетъ простыни, подушку, одѣяло... Кричитъ „задушу, задушу... Хрипитъ, хрипитъ...“ Мы запираемъ его на ключъ, около комнаты ставимъ дежурить людей, а сами подальше уходимъ—очень ужъ страшно.

— Еще-бы! Но вѣдь нельзя-же такъ оставлять его; непременно нужно доктора.

— Да когда не хочется? Пожалуй еще, чего добраго, на доктора бросится...

— Знаете что, Капитолина Семеновна? серьезно проговорилъ Аркадій Петровичъ. Я могу, если желаете, опредѣлить болѣзнь вашего брата. Конечно, могу ошибиться, но признаки-то ужъ слишкомъ мнѣ знакомые. У насъ, въ военной, эта болѣзнь встрѣчается... Впрочемъ, говоря правду, вездѣ по матушкѣ Россіи встрѣтить ее не рѣдкость.

— Ахъ, Аркадій Петровичъ, ради Бога, помогите намъ! Мы просто не знаемъ, что дѣлать!..

— Только вы меня простите—я буду говорить откровенно. Вѣдь Левъ Семеновичъ не воздерживался отъ крѣпкихъ напитковъ...

Сестры воздѣли глаза и руки къ небу.

— Ужасно! возгласила Капитолина. Ужъ не говорите! Страшный порокъ! Ужасное несчастіе! Болѣзнь, настоящая болѣзнь...

— И не воздерживался, знаете, сильно — что называется во всю... Бутиль и въ хвостъ, и въ гриву...

— Ахъ, Боже мой! Если-бы вы знали, какъ мы удерживали, какъ мы уговаривали его! Какъ мы старались доказать ему все неблагоразуміе, все неблагородство его поведенія! Но что-же прикажете дѣлать? Сознаюсь вамъ откровенно, что хотя онъ намъ и братъ, но подобной грубости обращенія, подобной брани, подобныхъ дерзостей даже отъ брата невозможно выносить! Онъ заѣлъ, погубилъ нашу жизнь!.. Онъ

истерзалъ насъ!.. Сколько невыразимыхъ страданій доставилъ намъ этотъ человѣкъ, котораго мы всегда такъ любили и до сихъ поръ такъ любимъ, что плачемъ, убиваемся о немъ...

Горбоносая весталка пришла въ полное умиленіе. Она даже поднесла платокъ къ глазамъ, хотя надобности въ немъ не было ни малѣйшей, потому что даже и признака слезъ не имѣлось. Впрочемъ, едва-ли она когда-нибудь пролила не только много, но даже одну слезу о братѣ.

— Ну, такъ изволите видѣть, продолжалъ Невѣровъ, покутилъ онъ неумѣренно, а теперь приходится расплачиваться. По признакамъ, которые вы сейчасъ указали, я полагаю, что у него бѣлая горячка.

— Боже мой! ужаснулась Капитолина.

Олимпиада выразила отчаяніе молча. По всей вѣроятности, сестры раньше знали, какою болѣзнью боленъ ихъ братъ, и едва-ли это открытіе могло поразить ихъ. Впрочемъ, если-бы онѣ даже и не знали ничего, то не очень испугались-бы услышаннаго, конечно, съ условіемъ, что болѣзнь скоро приведетъ возлюбленнаго родича къ вождельному концу. Надо думать, что и Невѣровъ былъ безъизвѣстенъ относительно ихъ любви къ брату, почему не поцеремонился сообщить имъ свое предположеніе прямо, безъ употребительныхъ въ подобныхъ случаяхъ приготовленій.

— Тѣмъ болѣе можно предполагать эту болѣзнь, продолжалъ онъ, что въ физическомъ отношеніи Левъ Семеновичъ человѣкъ сильный, крѣпкій, а въ нравственномъ обладаетъ горячимъ, вспыльчивымъ характеромъ. Такіе люди больше другихъ подвержены бѣлой горячкѣ отъ вина и особенно отъ водки, которою онъ, насколько мнѣ извѣстно, злоупотреблялъ преимущественно.

— Но что-же намъ дѣлать? Что намъ дѣлать? Вѣдь припадки и теперь ужасны, а если они будутъ все усиливаться...

— Необходимо позвать доктора. Нуженъ также строгій

надзоръ; если больного этою болѣзнью хоть на минуту оставить безъ присмотра, такъ онъ такихъ можетъ чудесъ натворить, что потомъ концовъ не соберешь. А главное, какъ я слышалъ, не надо давать водки.

Сестры замахали руками.

— Развѣ это возможно? Мы и раньше не давали, а теперь...

— У насъ въ полку разъ такой казусъ случился: офицеръ одинъ, и хорошій офицеръ, очень исполнительный, а въ обыкновенной жизни смирный, тихій, такой, что курицы не обидитъ, тоже, знаете, злоупотреблялъ... Началась у него бѣлая горячка и непримѣтно какъ-то началась; никто сначала не замѣчалъ: ходилъ, говорилъ — какъ будто ничего. Ну, замѣтно что пьянъ, да въ привычку было:—всегда таковъ. Вдругъ является онъ однажды къ начальству и спокойно объявляетъ, что человекъ убилъ. Стоитъ на своемъ—убилъ, да и все тутъ. Начальство и руками развело. Что тутъ дѣлать? Пришлось арестовать. Думаютъ—проспится. Проспался онъ, знаете, а потомъ все тоже: убилъ, да убилъ. Призвали полкового врача—не съума-ли, дескать, спятилъ? Тотъ ужъ опредѣлилъ, что бѣлая горячка. Вѣдь, подумайте, какое обвиненіе на себя изобрѣлъ.

— Вотъ и братъ тоже! подтвердила Капитолина Семеновна. Кричитъ „задушу“, хрипитъ „убью“... Все объ убійствахъ какихъ-то бредить.

— Видно ужъ свойство этой болѣзни, что такія видѣнія представляются. Нашъ-то офицеръ тоже все про убійство... И потомъ, когда въ госпиталѣ лечился: пока припадка нѣтъ, такъ ничего, человекъ какъ человекъ, а только что начинается, сейчасъ опять: убилъ, да убилъ.

Что-же, вылечили. Потомъ опять служилъ, и ничего. Конечно, фельдмаршаломъ быть не рассчитывалъ, а ротой командовалъ. Только не любилъ, страсть какъ не любилъ, если

ему напоминали, какъ онъ прежде пилъ и до бѣлой горячки допился. Что хотите ему говорите, какъ хотите обижайте, все ничего, потому что смирнаго характера былъ человѣкъ, только объ этомъ не намекайте. Слышать не могъ. „Если, говорить, мнѣ будутъ попрекать моимъ прежнимъ порокомъ, такъ я, говорить, застрѣлюсь, не могу вынести... „Даже не любилъ, когда вообще о пьянствѣ рѣчь шла; всегда уклонялся отъ разговоровъ на эту тему, которая, будь сказано не въ укоръ никому, значительно такъ распространена въ нашемъ военномъ быту.

— Кажется, усомнилась толстая Капитолина, вы только утѣшаете насъ, Аркадій Петровичъ, будто братъ можетъ выздороветь. Насколько я слышала, болѣзнь эта неизлѣчима... Она страшно разрушаетъ самые сильные организмы...

Очень ужъ ей хотѣлось, чтобы поскорѣ разрушился въ конецъ организмъ ея любезнаго братца.

— Я и не думаю васъ утѣшать, Капитолина Семеновна, оправдался Невѣровъ, а говорю только чѣмъ кончился описанный мною случай. Конечно, человѣкъ на человѣка не придется, да и болѣзнь бываетъ у одного сильнѣе, у другого слабѣе...

— Ахъ, еслибы вы видѣли, какіе ужасные припадки у бѣднаго брата!...

— Ну, бываетъ, что припадки сильные, а болѣзнь все-таки излечима. Отчаиваться не слѣдуетъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что барышни дѣйствительно отчаивались бы, если-бы рассчитывали, что ихъ братецъ поправится, но онѣ крѣпко были увѣрены въ другомъ исходѣ. Весьма вѣроятно даже, что онѣ медлили позвать доктора именно потому, что онъ, призванный во время, чего добраго, еще справится съ болѣзнью... Вѣрило было пригласить его тогда, когда исходъ будетъ несомнительный. Поведеніе ихъ

было тѣмъ болѣе понятно, что самъ братъ упорно отказывался отъ леченія. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пустяки, такъ пройдетъ...

Долго оставаться на разговорѣ о болѣзни брата посѣтительницы, конечно, не могли, тѣмъ болѣе, что существовали другіе предметы, гораздо больше ихъ интересовавшіе. До смерти хотѣлось имъ узнать что нибудь о ходѣ слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ и онѣ употребили всѣ средства самой тонкой политики, чтобы что нибудь пронюхать.

Однакоже усилія ихъ остались тщетны. Можетъ быть, происходило это отчасти оттого, что и сами разспрашиваемые ничего не знали. Безъ этого весьма вѣроятно, что Авдотья Алексѣевна или Надежда Ивановна, особенно послѣдняя, не утерпѣли-бы кое-что проболтнуть. Трудно удержать женскій язычокъ на привязи!...

Антонина приняла Авдіевыхъ на самое короткое время, да и то только потому, что невозможно было отвязаться: ужъ очень большое участіе онѣ показывали! Но какъ только попробовала Капитолина закинуть удочку, молодая дѣвушка выпроводила ихъ подъ предлогомъ, что ей очень нехорошо. Лиза объяснила имъ, что больной необходимо полное спокойствіе и онѣ, волей-неволей, должны были ретироваться.

Ничего не можетъ быть мучительнѣе положенія сплетницъ, которымъ не удастся узнать то, что ихъ интересуетъ, и, въ то-же время, ничего не можетъ быть отвратительнѣе тѣхъ маневровъ, которые онѣ употребляютъ, чтобы удовлетворить свое любопытство. Даже въ физическомъ отношеніи онѣ дѣлаются противны: нужно взглядѣться въ лицо сплетницы, въ выраженіе ея глазъ, когда она добываетъ матеріалы для своего языка, чтобы на вѣки вѣчныя получить полное отвращеніе не только къ ней, но ко всѣмъ подобнымъ ей существамъ, совершенно незаслуженно почитающимся разумными. Конечно,

такія спеціальныя, присяжныя дѣятельницы на полѣ раздиранія ближняго встрѣчаются не часто, большинство принадлежитъ къ этой наукѣ слегка, такъ сказать поверхностно, но все-таки онѣ встрѣчаются. Дѣятельность ихъ не бросается въ глаза, не рѣжетъ уха, какъ, на примѣръ, убійство или поджогъ, но часто служить источникомъ тяжкихъ, тайныхъ страданій и отравляетъ жизнь многихъ, очень многихъ...

XVI.

Крыловичъ былъ страшно недоволенъ прокуроромъ. Возможно-ли дѣло считать такую чистую, невинную дѣвушку, какъ Антонина, соучастницею гнуснаго преступника, двойнаго убійцы ея сестры и зятя? Мыслимое-ли дѣло, чтобы она, при своемъ прямотишии и благородствѣ, могла такъ обманывать — и кого-же? Родного отца и мать! Неужели она могла настолько увлечься кѣмъ-бы то ни было, чтобы забыть для него родныхъ, долгъ, честь, однимъ словомъ, всѣ благородныя чувства, которыми отличалась до сей поры? Нѣтъ—это невозможно! Этого быть не можетъ. Онъ сомнѣвается, даже больше—онъ увѣренъ, что вся эта страстная любовь къ неизвѣстному преступнику чистѣйшая фантазія прокурора. Человѣкъ увлекся какими-то психологическими данными, нравственными примѣтами, распалилъ свое воображеніе и сочинилъ небывалую трагедію—вотъ и все! Вѣдь легко доказать это, очень легко: стоитъ только сдѣлать ей предложеніе. Она согласится быть его женой и, когда они будутъ стоять передъ алтаремъ, пусть-ка кто-нибудь осмѣлится подумать, что она влюблена въ какого-то мерзавца, совершившаго гнусное преступленіе... Тогда ея чистота, ея благородство, ея невинность будутъ доказаны, несомнѣнны... Несомнѣнны даже для Ивана Ильича!

Мысль сдѣлать предложеніе Антонинѣ охватила и увлекла молодого слѣдователя. Мысль эта, конечно, могла увлечь его и безъ всякихъ постороннихъ причинъ и предлоговъ, а теперь важная причина еще болѣе побуждала его сдѣлать рѣ-

шительный шагъ. Однимъ этимъ шагомъ онъ достигалъ своей завѣтной мечты сдѣлаться мужемъ любимой дѣвушки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда выгораживалъ ее отъ подозрѣній, намековъ, объясненій и тому подобныхъ гадостей по дѣлу, ей совершенно чуждому, въ которомъ она была совсѣмъ безучастна. Какъ онъ хорошо понималъ послѣднее ея объясненіе съ нимъ: изумленная, оскорбленная намеками прокурора, а, можетъ быть, даже допросомъ, потому-что кто его знаетъ, какъ и что онъ говорилъ ей, она бросилась къ нему, Крыловичу, и старалась убѣдить его, что она ровно ничего не знаетъ, что она сильно оскорблена выраженными ей подозрѣніями. Какъ она торопилась показать свое невѣденіе о происшествіяхъ роковой ночи. Еще-бы! Какой стыдъ, какое униженіе для нея быть подозрѣвасю въ сокрытіи убійцы сестры и допрашивасю на судѣ! Понятно, что она спѣшила высказать ему все, какъ будто умоляя спасти ее отъ позорнаго допроса... Да, онъ спасетъ ее, спасетъ непременно—сдѣлавъ ее своей женой, милой, обожаемой женой... Это, безъ сомнѣнія, самый лучший, самый вѣрный исходъ. Хотя онъ и чувствовалъ въ глубинѣ души, что Антонина не любитъ его такъ, какъ-бы онъ желалъ, но надѣялся, что любовь придетъ, былъ увѣренъ, что своими стараніями, своимъ безпредѣльнымъ обожаніемъ заслужить, наконецъ, эту любовь...

Увлечшись задуманнымъ планомъ, Крыловичъ тотчасъ началъ приводить его въ исполненіе и отправился къ Павлу Аркадьевичу.

На его счастье, Павелъ оказался въ городѣ.

— Я къ вамъ по важному дѣлу, Павелъ Аркадьевичъ! Такъ началъ Крыловичъ затруднительное, щекотливое объясненіе, выпадающее на долю каждаго смертнаго, имѣющаго намѣреніе вступить въ законный бракъ. Почему оно затруднительно и щекотливо? Рѣшить этотъ вопросъ трудно, но есть люди, остающіеся всю жизнь холостяками, потому-что у нихъ

не хватаетъ духу объясниться. Кажется, рѣшился, окончательно рѣшился, а какъ дошло до объясненія—баста! Точно кто-нибудь языкъ веревочкой связалъ...

— Есть что-нибудь новое по нашему дѣлу? засуетился Павелъ.—Наконецъ-то! Что вы открыли, Михаилъ Алексѣевичъ? Ради Бога—расскажите скорѣе!..

— Нѣтъ, нѣтъ, замылся Крыловичъ,—я не по тому дѣлу... Въ томъ дѣлѣ новаго, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ... Надѣюсь, что будетъ, ѣскоре будетъ... А, впрочемъ, Богъ знаетъ!.. Теперь нельзя сказать ничего опредѣленнаго...

Молодой человѣкъ окончательно сбился.

— Какъ-же вы говорили недавно, удивился Павелъ,—что слѣдствіе на хорошей дорогѣ, а теперь опять — Богъ знаетъ! Неужели-же и со мною нужно такъ скрытничать? Помилуйте!..

— Я не скрытничаю... право...

— Ну, въ такомъ случаѣ, я ровно ничего не понимаю! невольно засмѣялся Павелъ.—По вашему взволнованному виду я думалъ, что есть интересныя новости...

— Да, я взволнованъ, Павелъ Аркадьевичъ, это вѣрно—я очень взволнованъ и есть новости интересныя, очень интересныя — это тоже вѣрно, только не объ этомъ проклятомъ слѣдствіи. Богъ съ нимъ совсѣмъ!..

— Какъ Богъ съ нимъ? Помилуйте!..

— Виновать—вы правы... Конечно, нужно открыть преступника... Это важно, очень важно...

— Вы, Михаилъ Алексѣевичъ, не въ своей тарелкѣ. Что случилось? Объяснитесь, пожалуйста! забеспокоился Павелъ.

— Не тревожьтесь — ничего не случилось, ровно ничего не случилось... Мнѣ, видите-ли, необходимо поговорить съ вами, крайне, крайне необходимо. Не знаю только, какъ приступить, какъ начать...

— Да начинайте сначала. Что это вы, церемониться со мною вздумали или ужасный секретъ намѣреваетесь открыть?

— Секретъ-то большой, это правда, но не ужасный, совсѣмъ, вовсе не ужасный... Только ужъ вы позвольте мнѣ начать не съ начала, а съ конца...

— Начать съ конца?

— Да, съ конца, конечно, съ конца. Такъ будетъ гораздо легче и удобнѣе, много удобнѣе... Я, Павелъ Аркадьевичъ, хочу предложить руку вашей сестрѣ! бухнулъ Крыловичъ и остановился.

Павелъ вытаращилъ на него глаза.

— Видите-ли, Павелъ Аркадьевичъ, вдругъ разразился молодой слѣдователь, — я давно уже обожаю, боготворю Антонину Аркадьевну, однимъ словомъ — такъ люблю, какъ никто, никогда никого не любилъ! Я нѣсколько разъ хотѣлъ высказаться, открыть ей мою любовь, но вѣдь это неловко, согласитесь сами, очень неловко!.. Просто невозможно! Вы сами знаете, какая она всегда серьезная, строгая, неприступная!.. Я все молчалъ, все молчалъ... Но теперь у меня больше не хватаетъ силъ молчать — пусть она узнаетъ правду, пусть рѣшить мою участь! Быть или не быть, существовать или погибнуть!.. Я вѣдь могу жениться, Павелъ Алексѣевичъ, право, могу: средства у меня есть, положеніе въ обществѣ тоже есть, наконецъ, и по наружности, хоть я и не красивъ, а все-таки не очень противенъ... Мнѣ нужно, необходимо жениться. Лучше, совершеннѣе дѣвушки, какъ ваша сестрица, найти нельзя, невозможно; въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія... какъ-же мнѣ упустить такой случай? Неужели дожидаться, чтобы она полюбила кого-нибудь другого, отдала свою руку другому? Вѣдь я тогда совсѣмъ пропаду — клянусь честью! Поймите меня, войдите въ мое положеніе! Если Антонина Аркадьевна согласится быть моею женой, то она ошастливить меня на всю жизнь, а если не согласится, тогда.. Тогда ужъ я и самъ не знаю, что будетъ! Вы сами видите,

Павель Аркадьевичъ, я больше не могу откладывать, не могу и не могу! Моя судьба должна рѣшиться...

— Все это прекрасно, добрейшій Михаилъ Алексѣевичъ, удалось, наконецъ, вставить Павлу, я очень горжусь вашимъ предложеніемъ, только, мнѣ кажется, вы выбрали такую минуту...

— Какую минуту? Чѣмъ-же минута не хороша? Кажется, минута самая удобная... Да, наконецъ, какое мнѣ дѣло до минуты? Я люблю, обожаю Антонину Аркадьевну, я хочу, чтобы она была моей женой, хочу страстно... Вотъ, буду я еще выбирать минуту!.. Какая приплась—такая и ладно! Впрочемъ, развѣ необходимо сейчасъ-же устраивать свадьбу? Пусть только она согласится, пусть я буду имѣть право любить ее, говорить ей о моей безпредѣльной любви, говорить о ней всѣмъ и каждому... Пусть только всѣ узнаютъ мое счастье, что я любимъ ею, что я женихъ ея—больше мнѣ ничего не нужно! Я буду счастливъ, вполне, неизмѣримо счастливъ!

— Позвольте мнѣ сказать только нѣсколько словъ, перебилъ Павель расходившагося Крыловича. Повторяю, что я горжусь вашимъ предложеніемъ и совершенно сочувствую мысли, чтобы Тоня была вашей женой. Я увѣренъ, что бракъ этотъ доставить ей счастливую жизнь, потому что вы такой женихъ, лучше котораго мы не можемъ найти...

— О! Это вы напрасно... хотѣлъ было начать молодой слѣдователь.

— Позвольте, позвольте! перебилъ Павель. Еще два слова. Я хотѣлъ только замѣтить, что въ настоящую минуту Тоня, во-первыхъ, сильно огорчена потерей сестры, а во вторыхъ, больна, почему я сомнѣваюсь, чтобы она расположена была думать о замужествѣ. Вѣдь согласитесь сами—это дѣло не шуточное и я знаю характеръ сестры: она серьезно обдумаетъ такой важный шагъ. Вѣдь это не Вѣра, вздохнулъ молодой человѣкъ; та скоро рѣшила-бы вопросъ...

— Но о чемъ-же тутъ думать? горячо возразилъ Крыловичъ. Развѣ я для Антонины Аркадьевны незнакомый, неизвѣстный человѣкъ? Развѣ она мало меня знаетъ? Слава Богу—не первый день знакомы! Если любить меня хоть немножко, скажетъ согласна, если не любить—несогласна, вотъ и все тутъ! порѣшилъ онъ.

— Да, это современный способъ, и мы, особенно въ настоящую минуту, очень его одобряемъ. Только Тоня не такого характера и едва-ли ему придерживается. Она, какъ вы сами знаете, дѣвушка не современная: для нея бракъ не афера, не свѣтская игра, а жизненный вопросъ, рѣшеніе участи. Вотъ почему я боюсь, что, выбравъ неудачно минуту, вы подвергаетесь опасности потерпѣть неудачу, что для васъ и, скажу откровенно, для меня также будетъ весьма непріятно. Когда вы кончите слѣдствіе, а главное, когда она поправится, тогда, по моему мнѣнію, будетъ удобнѣе приступить къ атакамъ моей строгой сестрицы, этой неприступной крѣпости. Соперники у васъ за это время едва-ли могутъ появиться, потому что, какъ вамъ извѣстно, у насъ теперь ровно никто не бываетъ, да и Тоня больна—почти не выходитъ изъ спальни.

У Крыловича чесался языкъ высказать Павлу, что онъ сильно подозрѣваетъ существованіе соперника у самыхъ воротъ крѣпости, которою хочетъ овладѣть, но онъ удержался. Чего добраго, Павелъ, большой другъ Алинскаго, покинетъ его и перейдетъ на сторону соперника. Молодой слѣдователь на этотъ разъ схитрилъ и промолчалъ.

— Позвольте, Павелъ Аркадьевичъ! возразилъ онъ. Сами вы говорите, что Антонина Аркадьевна дѣвушка положительная, не современная, что для нея вступленіе въ бракъ составляетъ жизненный вопросъ, рѣшеніе участи. Неужели-же такая дѣвушка можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ минуты? Значить, выходитъ такъ: сегодня она не въ духѣ и скажетъ нѣтъ, а завтра будетъ въ духѣ и скажетъ да? Позвольте мнѣ засту-

питься за нее: подобные капризы при ея характерѣ немислимы... Если она скажетъ да, то это да будетъ и завтра, и всегда одно и то же—это будетъ вѣчное, неизмѣнное да, а если нѣтъ...

— Вы уже слишкомъ высокаго мнѣнія объ Антонинѣ, улыбнулся Павелъ. Бываетъ, что не говорятъ ни да, ни нѣтъ... Не забудьте, что она женщина, а вѣдь ужъ женскій характеръ всегда намножко того...

— Характеръ у нея вовсе не того! разгорячился Крыловичъ. Такого превосходнаго, благороднаго характера никогда и ни у кого еще не было!..

— А все-таки женскій...

— Совсѣмъ не женскій!

— Ну, это не дай Богъ! засмѣялся Павелъ. Пусть будетъ женскій—для васъ лучше.

— Ну, женскій, такъ женскій, будь по вашему! А все-таки, добрѣйшій Павелъ Аркадьевичъ, прошу васъ, серьезно прошу: переговорите о моемъ предложеніи съ вашей сестрицей, и если она захочетъ осчастливить меня, дать свое согласіе, тогда я формально буду просить ея руки. Я объяснился-бы съ нею лично, расхрабрился молодой слѣдователь,—но она теперь больна, и я боюсь слишкомъ обезпокоить и взволновать ее; вамъ это гораздо удобнѣе исполнить.

— Вы непременно хотите?

— Не хочу, а жажду!

— А если выйдетъ фіаско?

— О, Павелъ Аркадьевичъ! Какъ вы можете шутить подобнымъ серьезнымъ дѣломъ?

— Простите! Это какъ-то невольно... Сдѣлаю, все что хотите сдѣлаю! Буду стараться въ вашу пользу всей душой и всѣмъ помышленіемъ...

Долго еще Крыловичъ рассказывалъ Павлу о своей любви, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Долго объяснялъ ему, какъ лучше приступить къ дѣлу, что говорить и какъ говорить.

Заставлялъ его повторять, чуть не выучивать наизусть цѣлыя фразы и тирады о пламенной любви, безграничной преданности, неизмѣримомъ обожаніи, которыя онъ, Крыловичъ, питаетъ къ его сестрѣ. Мало-по-малу юный Павелъ Аркадьевичъ тоже разгорячился, общалъ, во что-бы то ни стало, достигнуть успѣха и, напутствуемый наставленіями и пожеланіями молодого слѣдователя, полетѣлъ въ деревню.

Антонинѣ въ этотъ день было получше и хотя сердце ея не переставало мучительно болѣть при мысли о страшной опасности, которой подвергался Алинскій, но все-же на видъ она была спокойнѣе. Судьба рѣшилась безповоротно—ея объясненія съ прокуроромъ и Крыловичемъ опредѣлили путь, по которому она должна была слѣдовать, и отступать теперь было, по крайней мѣрѣ, по ея мнѣнію, невозможно.

Нетерпѣливый Павелъ искалъ случая остаться съ сестрою наединѣ и только-что это ему удалось, немедленно приступилъ къ дѣлу.

— Знаешь-ли, съ кѣмъ я провелъ сегодня все утро, Тоня?

— Съ кѣмъ?

— Съ нашимъ милымъ слѣдователемъ, съ Михаиломъ Алексѣвичемъ.

Антонина вздрогнула. Всякое воспоминаніе о слѣдствіи, а слѣдовательно и о Крыловичѣ, было для нея тяжело. Она промолчала и даже не поинтересовалась узнать, не открыто-ли чего новаго.

— Цѣлое утро просидѣли вмѣстѣ, упорно продолжалъ Павелъ. Много говорили, много, очень много...

— О чемъ-же вы говорили?—процѣдила молодая дѣвушка, очевидно, чтобы сказать что-нибудь.—О слѣдствіи?

— То-то, что не о слѣдствіи. Казалось-бы, о чемъ намъ представъ цѣлое утро, какъ не о слѣдствіи? А между тѣмъ, говорить себѣ, о слѣдствіи и помину не было. Больше все

о крѣпости толковали... лукаво взглянулъ молодой человѣкъ на сестру.

— О крѣпости?—изумилась она.

— Охъ, ужъ лучше и не говори! О серьезной, строгой, непрístupной крѣпости! Аttaковать хотимъ, да просто не знаемъ, какъ и взяться за нее...

На лицѣ Антонины выразилось неудовольствіе.

— Какія ты все глупости говоришь, Павелъ! Развлекать ты меня, что-ли, хочешь? Лишній трудъ! Мнѣ вовсе не нужно подобныхъ развлеченій—я не дитя!

— Вовсе не имѣю намѣренія развлекать тебя глупостями и ты, милая Тоничка, напрасно сердишься. Я говорю дѣло. Совершенно вѣрно, что мы говорили о крѣпости и обсуждали вопросъ, какъ намъ взяться за дѣло, чтобы овладѣть ею.

— Этою „строкою“ крѣпостью? невольно улыбнулась она.— Если ты говоришь дѣло и хочешь что-нибудь рассказать мнѣ, то говори, пожалуйста, просто. Ты знаешь—я больна и, вѣроятно, болѣзнь повліяла на мою голову: соображеніе стало у меня плохое. Не понимаю я твоихъ намековъ.

— Сейчас поймешь! засмѣялся онъ весело. — Эта крѣпость—ты.

— Я?

— Да—ты, самолично ты.

— Вы все утро говорили обо мнѣ?

— О тебѣ—и ни о комъ болѣе.

Антонина поблѣднѣла. Опять пытка! Слѣдователь говорилъ о ней цѣлое утро съ ея братомъ, значитъ, ея не теряютъ изъ виду. Крыловичъ, не зная ничего опредѣленнаго, основываясь на однихъ смутныхъ подозрѣніяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, внушилъ ему прокуроръ, не рѣшился еще допрашивать ее лично. Трудно было ему исполнить это еще и по другой причинѣ, которая была ей хорошо извѣстна. Вотъ онъ и взялся предварительно за ея брата, которому она тотчасъ послѣ

убійства, непосредственно передъ началомъ болѣзни, что-то высказывала. Она хорошенько не помнить, что она ему говорила, насколько обнаружила роковую тайну. Это нужно узнать, непременно узнать! А какъ узнать, не возбудивъ подозрѣній? Павелъ простодушенъ, откровененъ: онъ, безъ сомнѣнія, все разсказалъ Крыловичу. Да и почему было не разсказать? Развѣ тутъ есть секретъ? Если-же она теперь будетъ выпрашивать его, что именно тогда говорила, то онъ непременно опять раскажетъ слѣдователю о ея разспросахъ... Подозрѣнія еще усилятся... Боже! На каждомъ шагу пропасть, гибель! Какъ выйти изъ этого ужаснаго положенія? Какъ спастись? Необходимо хитрить, притворяться... Нужно узнать...

— Чѣмъ-же я похожа на крѣпость? проговорила она нерѣшительно.

— Конечно, похожа. Развѣ тебѣ неизвѣстно, милая сестричка, что для насъ, мужчинъ, вы, дѣвушки, всегда представляетесь крѣпостями и подчасъ весьма неприступными...

— Ну, если я представляюсь кому-нибудь крѣпостью, то, въ настоящемъ положеніи, крѣпость эта очень доступная... растерянно улыбнулась она.

— Не говори, не говори! Въ настоящемъ положеніи, больная и печальная, ты еще болѣе неприступна, чѣмъ когда-либо. Такъ или иначе, сегодня утромъ нашъ уважаемый слѣдователь пришелъ ко мнѣ взволнованный, воодушевленный огнемъ храбрости и рѣшительно объявилъ, что хочетъ владѣть крѣпостью и сдѣлаться ея обладателемъ, иначе говоря, просить твоей руки и жаждетъ сдѣлаться твоимъ законнымъ супругомъ. Онъ, надо тебѣ сказать, долго училъ меня, въ какихъ именно выраженіяхъ слѣдовало мнѣ повергнуть къ твоимъ стопамъ сію его всенижайшую просьбу и какъ убѣдить тебя положить на ней благосклонную резолюцію, но я, признаюсь откровенно, имѣлъ неосторожность забыть его полезные уроки,

почему, къ великому прискорбію, вынужденъ ограничиться простымъ отъ имени его предложеніемъ: желаешь-ли ты вступить съ нимъ въ бракъ и быть его законной женой? Кажется, такъ будетъ просто, ясно и вполне убѣдительно.

Пока Павелъ передавалъ такъ странно предложеніе Крыловича, Антонина смотрѣла на него большими, удивленными глазами. Она чувствовала то-же, что чувствуетъ человѣкъ, который отчаянно борется съ волнами среди разъяренного, бушующаго моря: оно уже начинаетъ поглощать его, силы истощаются, несчастный чувствуетъ, что тонетъ, и вдругъ случайно схватывается за доску, невѣдомо откуда посланную небомъ какъ разъ во время, чтобы спасти его хотя временно, на нѣсколько минутъ, потому-что недолго ослабѣвшая рука его удержитъ спасительную доску. Яростная стихія безжалостно вырветъ изъ рукъ его этотъ жалкій кусокъ дерева, обрушится на него всей громадой своихъ ужасныхъ волнъ и тогда онъ погибъ, совсѣмъ погибъ...

Неожиданность такъ поразила молодую дѣвушку, что она не могла сразу прійти въ себя и молча смотрѣла на брата.

— Тебя нѣсколько удивляетъ это предложеніе? продолжалъ онъ.—Понятно. Меня также сначала оно нѣсколько удивило. Я даже подумалъ, не шутить-ли онъ? Не задумалъ-ли какой-нибудь ужъ очень замысловатый слѣдственный маневръ? Но нѣтъ, могу тебя увѣрить, что никакого маневра съ его стороны нѣтъ; просто серьезное, обдуманное предложеніе. Онъ говорилъ мнѣ, что давно уже любить тебя, и тебѣ, милая сестричка, — погрозилъ онъ ей шутливо пальцемъ, — должно быть это безъизвѣстно. Почему, полагаю, его предложеніе не должно-бы слишкомъ удивлять тебя. Такъ-ли? Сознайтесь-ка, mademoiselle, по совѣсти, вѣдь такъ? Правда? Во всякомъ случаѣ, предложеніе это очень меня обрадовало. Крыловичъ молодъ, уменъ, съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, можетъ рассчитывать на блестящую карьеру и, наконецъ, не

безъ средствъ. Хотя матеріальныя средства для насъ не важны, ты и сама богата, особенно теперь, когда послѣ смерти бѣдной Вѣры вся ея часть имѣнія принадлежитъ тебѣ, — мнѣ и своей части довольно, — а все-таки средства не мѣшаютъ. По крайней мѣрѣ, ясно, что не изъ-за денегъ женится. Да какое тамъ изъ-за денегъ! Довольно поговорить съ нимъ пять минутъ, чтобы убѣдиться, что онъ просто сума по тебѣ сходить, души въ тебѣ не чае, однимъ словомъ — боготворить. Говорю серьезно, милая Тоня, что лучшаго мужа тебѣ не найти, и высказываю мое твердое убѣжденіе, что ты будешь съ нимъ счастлива.

Во время длинной тирады брата Антонина обдумывала положеніе, въ которое была поставлена неожиданнымъ предложеніемъ Крыловича. Слѣдовало принять рѣшеніе: согласиться или отказать? Такой важный вопросъ необходимо было обдумать основательно, но онъ былъ рѣшенъ ею въ одну минуту. Нужно-ли говорить, какое было ея рѣшеніе?

— Я совершенно согласна съ тобою, милый Павелъ, тихо проговорила она, — ты совершенно правъ во всемъ, кромѣ послѣдняго заключенія. Я не могу согласиться на предложеніе Крыловича, потому-что счастлива съ нимъ не буду...

— Не будешь счастлива? изумился Павелъ. — Это почему-же?

— Потому-что не буду — никогда! заключила она рѣшительно.

— Но почему-же? Почему? Влюблена ты, что-ли, въ кого-нибудь?

Она съ укоромъ посмотрѣла на брата.

— Станный вопросъ, Павелъ.

— Станный или не странный, разгорячился молодой человѣкъ, — а вопросъ совершенно подходящий и понятный. Помилуй, на что-же это похоже. Человѣкъ, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлаетъ тебѣ честь предложеніемъ, а ты

отказываешь ему сразу, даже не обдумавъ хорошенько его предложенія... Почему? Объясните, изложите причины вашего отказа! Вѣдь нельзя-же такъ: не хочу—да и баста!

— Приходится такъ, Павелъ...

— Просто не хочу—да и баста?

— Просто—не хочу, съ усиліемъ произнесла Антонина.—
Зачѣмъ вынуждать меня говорить такъ?

Взволнованный, раздраженный такимъ безусловнымъ отказомъ, разстроившимъ всѣ его предположенія и расчеты, молодой человѣкъ быстро зашагалъ по комнатѣ. Очень ужъ досадно ему было, что порученіе, за которое онъ такъ горячо взялся, не удалось.

— Вѣдь говорилъ я ему, говорилъ! Женщины! Характеръ женщины всегда того... Вѣдь говорилъ! И вышла правда, совершенная правда!.. Нѣтъ, Антонина, вдругъ остановился онъ передъ сестрой:—ты должна объяснить мнѣ причину, по которой такъ оскорбляешь и его, и меня, и всѣхъ, всѣхъ! Потому-что я знаю, что отецъ и мать тоже рады были-бы видѣть тебя замужемъ за такимъ человѣкомъ, какъ Крыловичъ. Они любятъ и уважаютъ его, я это хорошо, отлично знаю! Это просто ни на что не похоже!.. Это Богъ знаетъ, что такое!..

— Павелъ! Павелъ!

— Что Павелъ? Знаю я, что я Павелъ, и притомъ глупый Павелъ, потому-что у меня не хватаетъ умишка доказать тебѣ всю неразумность, всю легкомысленность твоего поступка! Нѣтъ, ты мнѣ скажи причину, объясни причину... Вѣдь нельзя-же такъ!..

— Причина очень простая: я уважаю Крыловича, но не могу любить его, какъ мужа, вотъ и все.

— Не можешь любить какъ мужа? Это еще что? Гдѣ это вы такихъ свѣдѣній набрались, что знаете, какъ любить мужа

или не мужа? Откуда это столько познаний? Объясните, пожалуйста!

— Павелъ, ты говоришь глупости.

— Глупости? Нѣтъ, это не глупости! разбушевался молодой человѣкъ. — Вы говорите, что не любите его, какъ слѣдуетъ любить мужа, и я прошу васъ объяснить мнѣ, какъ слѣдуетъ любить мужа! Я не знаю! Вы лучше меня знаете! Вы отказываете достойному человѣку, потому-что не любите его, какъ мужа, и выйдете за мерзавца, котораго будете любить, какъ мужа? Конечно! Боготворить будете! Извѣстно — женщины! Все хорошее имъ противно, все скверное, отвратительное имъ нравится...

— Павелъ, довольно...

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите причину отказа! Въ какое положеніе вы меня ставите? Я долженъ дать ему отвѣтъ, долженъ объяснить ему вашъ отказъ, объяснить прилично, благородно... А что я могу сказать? Что вы не любите его, какъ мужа? Хорошо! Прекрасно! Кого-же вы любите, какъ мужа? Кого?..

XVII.

Въ эту минуту вошла Лиза.

— Что это у васъ за шумъ? Павелъ Аркадьевичъ, помилуйте! Тоня больна, слаба, а вы...

Раздраженный молодой человѣкъ не могъ такъ скоро утомиться.

— Да какъ-же это возможно, Лиза? Больна, слаба, а посмотрите, какая упрямая... Какую ужаснѣйшую глупость дѣлаетъ! Непостижимую глупость!

— Павелъ! умоляющимъ голосомъ проговорила Антонина.

— Нѣтъ, вы, Лиза, дѣвушка умная — судите сами: вы знаете Крыловича—хорошій онъ, благородный человѣкъ?

— Хорошій; только однимъ не хорошъ: секретничаетъ на счетъ слѣдствія. Это съ его стороны очень дурно.

— Ну, это пустяки; тутъ не въ слѣдствіи дѣло. Крыловичу, видите-ли, понравилась Антонина Аркадьевна и онъ, какъ благородный, вполне, порядочный человѣкъ, поручилъ мнѣ спросить ее, согласна-ли она выйти за него замужъ, чтобы просить ея руки у отца.

— Что-же Тоня—согласна? встревожилась Лиза.

— Въ томъ-то и дѣло, что Антонина Аркадьевна имѣетъ легкомысліе, чтобы не сказать больше, отказаться отъ предложенія... Моя сестрица, изволите видѣть, находить, что Крыловичъ не подходящій для нея женихъ!

— Позволь, Павелъ! вступилась Антонина. Я вовсе не упоминала, подходящій онъ или нѣтъ, а просто сказала тебѣ, что не могу принять его предложеніе, потому что не разсчи-

тываю быть съ нимъ счастливою. Сознаю, что Крыловичъ умнѣ, лучше меня во всѣхъ отношеніяхъ, и почитаю себя недостойною быть его женой..

— Ты отказала? видимо обрадовалась Лиза.

— Вы, какъ будто, радуетесь тому, Лизавета Александровна, что ваша подруга дѣлаетъ глупость? горячо замѣтилъ Павелъ.

— Нѣтъ... смутилась дѣвочка, я только нахожу что если... она считаетъ себя недостойною...

— Она считаетъ себя недостойною? Да вѣдь это все фразы, уловки и больше ничего! Человѣкъ обожаетъ, боготворить ее, она отлично знаетъ, что своимъ согласіемъ сдѣлаетъ его счастливымъ, и вовсе не считаетъ себя недостойною, а имѣетъ другія причины...

— Павелъ! прервала Антонина.

— Я говорю правду: отказывается она потому, что онъ, видите-ли, имѣлъ несчастье ей не понравиться!

— Если онъ ей не понравился, живо замѣтила Лиза, скрывая на этотъ разъ свою радость, такъ затѣмъ-же ей выходить за него? Развѣ ей непременно нужно выйти замужъ? Пусть лучше подождетъ и выйдетъ за того, кто ей понравится...

— Вы, Лиза, еще слишкомъ молоды, чтобы разсуждать о замужествѣ! рѣшилъ Павелъ, которому логика дѣвочки припала не по вкусу.

— Вы сами спросили моего мнѣнія, даже судьей предлагали быть. Судьей я не хочу быть, потому, что судейская обязанность очень трудная и скучная, а сказала вамъ то, что думаю.

— И сказали совсѣмъ не впопадъ, съ досадою замѣтилъ молодой человѣкъ. Сказали, потому, что еще очень неопытны. Дѣвушка въ лѣтахъ Антонины должна дорожить хорошимъ женихомъ и не отказывать ему съ бухта-барахты, потому что хорошіе женихи рѣдки и она рискуетъ или остаться на вѣки

въ дѣвкахъ, или выйти за какого-нибудь афериста и прощальгу.

— Почему-же такъ? какъ будто обидѣлась Лиза. Развѣ кромѣ Крыловича нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ, благородныхъ людей?

— Есть-то есть, да захотятъ-ли еще они жениться на Антонинѣ или не захотятъ, это вопросъ.

— Почему-же не захотятъ? освѣдомилась Лиза.

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы понимать такія вещи.

— Что вы все молоды да молоды? Оттого я и спрашиваю, что молода, не понимаю. Объясните-же, почему не захотятъ? Гдѣ они найдутъ невѣсту лучше Тони?

— Полноте, Лиза! Ты говоришь вздоръ, замѣтила Антонина.

— Нѣтъ, не вздоръ! разгорячилась дѣвочка. Вотъ тутъ почему-то находятъ, что Крыловичъ лучше тебя и ты его недостойна, а я утверждаю, что ты во сто милліоновъ разъ лучше Крыловича и онъ мизинца твоего не стоитъ. Вотъ еще! Выйти замужъ за какого-то слѣдователя, чтобы онъ всю жизнь надѣдалъ своими слѣдствіями—да ни за что! Большая находка—слѣдователь! Пусть себѣ преступниковъ преслѣдуетъ и въ Сибирь посылаетъ, а насъ оставить въ покоѣ! закончила она рѣшительно.

Какъ ни былъ недоволенъ Павелъ, а невольно засмѣялся.

— Вотъ опытный, серьезный совѣтникъ, насмѣшливо посмотрѣлъ онъ на сестру, слушайся ея! Она прекрасно тебя научить, какъ поступать въ важныхъ дѣлахъ.

— И научу, подтвердила дѣвочка.

— Однако-же, сестра, серьезно обратился Павелъ къ Антонинѣ, ты хорошенько подумай о предложеніи Крыловича. Онъ прекрасный человѣкъ и любить тебя безгранично. Отказомъ ты, просто, убьешь его. Прости меня, ласково продолжалъ онъ, цѣлуя хорошенькую головку молодой дѣвушки,

прости меня, что я погорячился, но вѣдь это невольно... Очень ужъ я люблю тебя и желаю твоего счастья. Свадьба Вѣры была мнѣ не душѣ. Хотя я и молчалъ, потому что покойную сестру трудно было въ чемъ-нибудь убѣдить, она всегда стояла на своемъ—но какъ будто предчувствовалъ, что супружество ея будетъ несчастливо. Такъ и случилось,—насъ поразило большое горе... А бракъ твой съ Крыловичемъ будетъ счастливъ—я въ томъ увѣренъ. Говорю тебѣ откровенно: по моему мнѣнію, лучшей партіи тебѣ не представится и если ты ему откажешь, то поступишь въ высшей степени неразумно.

Антонина грустно опустила голову.

— Прежде, чѣмъ я повезу Крыловичу рѣшительный отвѣтъ, закончилъ Павелъ, мы еще серьезно поговоримъ о его предложеніи. Подумай о немъ, милая Тоня, подумай хорошенько...

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что Лиза отправилась розыскивать брата. Онъ куда-то ушелъ, и дѣвочка ожидала его возвращенія съ большимъ нетерпѣніемъ. Только вечеромъ ей удалось поймать Всеволода.

— Вотъ, ты пропадаешь цѣлые дни, бродишь Богъ вѣсть гдѣ и не знаешь, что здѣсь дѣлается, объявила она ему съ недовольнымъ видомъ.

— А что дѣлается? разсѣянно спросилъ Алинскій.

Онъ какъ-то испуганно посмотрѣлъ на сестру.

— Предложеніе?

— Да, предложеніе. Что-же тутъ невозможнаго?

— Теперь... предложеніе!

— Теперь—предложеніе.

— Но какъ-же это? здѣсь никто не бываетъ, она не выходитъ изъ спальни... Кто-же могъ сдѣлать ей предложеніе? Странно какъ-то...

Молодой человѣкъ неопредѣленно смотрѣлъ на сестру.

— Что ты такъ на меня смотришь? проговорила она съ досадой. Тебя это не интересуеть? Тебѣ все равно? Я тебѣ

говорю, что Тонѣ предлагаютъ руку, что она, можетъ быть, выйдетъ замужъ, а ты такъ глядишь, какъ-будто это и не касается вовсе до тебя...

Онъ молчалъ.

— Послушай, Володя! вдругъ начала Лиза рѣшительно, я вѣдь давно знаю, что ты любишь Тоню, знаю также, что и ты ей нравишься. Любимой мыслию, любимой мечтой моей было видѣть тебя ея мужемъ. Я всегда была увѣрена, что только она одна можетъ составить твое счастье. Не такъ-ли? Вѣдь правда? Конечно, правда. Поэтому я рѣшила, что такъ непременно должно быть, непременно...

Всеволодъ хотѣлъ остановить ее.

— погоди! дай ужъ мнѣ все сказать. Я знаю, что ты хочешь возразить: она богата, а ты бѣденъ, почему и не партія для нея; родители не согласятся... Но все это пустяки! Во-первыхъ, Аркадій Петровичъ и Авдотья Алексѣевна никогда не будутъ возставать противъ ея выбора и она можетъ совершенно свободно располагать своей рукой; а во-вторыхъ, хотя ты и бѣденъ, но съ твоимъ умомъ, съ твоими способностями и познаніями, находясь на хорошей дорогѣ, ты можешь сдѣлать блестящую карьеру... и сдѣлаешь, непременно сдѣлаешь! Я готова поклясться въ томъ чѣмъ угодно! Я тебя отлично знаю. Слѣдовательно, ты вовсе не будешь жить на счетъ жены. Ты будешь работать, у тебя будутъ свои средства, у нея свои, и вы составите прекрасную пару. Только тебѣ непременно слѣдуетъ теперь-же выяснитъ положеніе. Пойми, что это совершенно необходимо! Иначе всѣ мои мечты, всѣ надежды могутъ разрушиться... Теперь она больна, слаба, ее могутъ уговорить, увѣрить...

— Но кто-же такъ хлопочетъ о ея бракѣ? кто дѣлаетъ ей предложеніе? Ты еще ничего мнѣ не сказала...

— Предложеніе дѣлаетъ Крыловичъ, а хлопочетъ Павелъ.

— Павелъ—мой другъ?

— Да, твой другъ Павелъ. Вотъ ты каковъ! Даже другъ твой Павелъ не знаетъ, что ты любишь его сестру. Если-бы онъ это зналъ, то я увѣрена, что онъ не сталъ-бы хлопотать за другихъ и съ радостію отдалъ-бы ее тебѣ. Но развѣ у тебя возможно что-нибудь разобрать? Цѣлый день бѣгаешь, отъ всѣхъ скрываешься, ни съ кѣмъ слова не скажешь. Кто тебя знаетъ—что съ тобой? Совсѣмъ дикаремъ сдѣлался. Если ты воображаешь, что Тоня тебя не любитъ, то ты ошибаешься; ручаюсь головой, что ошибаешься! Она тебя любитъ—я это отлично знаю. Только не падай духомъ и не теряй времени.

— Но что-же я могу сдѣлать?

— Что ты можешь сдѣлать? разгорячилась Лиза. Что ты можешь сдѣлать? Ты не только можешь, но непременно долженъ объясниться съ Тоней, выяснить и свое, и ея положеніе, во всемъ условиться и все рѣшить. Я не говорю, чтобы была необходимость сейчасъ-же и подъ вѣнецъ идти. Сначала найдешь мѣсто, упрочишь свое положеніе и тогда... Нужно только, чтобы она знала, что ты любишь ее, потому что вѣдь ты ей никогда ничего не говорилъ, я увѣрена, что ничего..

— Ничего, опустилъ онъ голову.

— Ну, конечно! вотъ теперь и нужно все ей сказать, иначе ты потеряешь ее, говорю тебѣ—потеряешь! А я этого не хочу, ни за что не хочу!

— Но какъ-же мнѣ говорить съ ней? она не выходитъ изъ спальни...

Лиза улыбнулась.

— Я тебѣ все устрою, порѣшила она, будь спокоенъ. Только ужъ, пожалуйста, отбрось хоть на одинъ разъ твою застѣнчивость, будь смѣль и рѣшительнень. Пожалуйста, милый Володя, будь рѣшительнень! Подумай—вѣдь тутъ вся твоя будущность, все твое счастье... Вѣдь такъ? вѣдь такъ?

— Если возможно устроить...

— Конечно, возможно! говорю тебѣ—не сомнѣвайся: я все устрою и сдѣлаю.

Дѣвочка крѣпко поцѣловала брата и поторопилась убѣждать изъ опасенія, чтобы онъ не отказался отъ принятаго рѣшенія.

Алинскій и желалъ, и боялся объясненія съ Антониной. Поведеніе ея въ послѣднее время казалось ему чрезвычайно страннымъ и непонятнымъ: она какъ будто боялась его, избѣгала... Прежнее простое, откровенное обращеніе замѣнилось тяжелымъ, натянутымъ, отъ котораго вѣяло невыразимымъ холодомъ... Какая могла быть причина такой перемѣны? Что онъ сдѣлалъ? Въ чемъ виновенъ? Перебирая постоянно въ головѣ каждое слово, каждый поступокъ Антонины, Всеволодъ пришелъ къ убѣжденію, что это совсѣмъ не та Антонина, какую онъ зналъ прежде, до рокового убійства... Вдругъ у него мелькнула мысль: не подозрѣваетъ-ли она... Отъ этой чудовищной мысли все спуталось въ его головѣ и онъ чуть не сошелъ съ ума. Нѣтъ — это невозможно! Если-бы она даже слышала его разговоръ съ Вѣрой въ ночь убійства, то она могла-бы убѣдиться, что онъ не любилъ ея сестру, а только ее, ее одну! Наконецъ, она должна была слышать также, что онъ ушелъ, потому что разговоръ окончился, пока Вѣра еще не дожилась, убита-же она была въ постелѣ. А что если Антонина не слышала, какъ онъ ушелъ? Тогда...

ХVIII.

Отправивъ Павла въ деревню съ предложеніемъ Антонинѣ, Крыловичъ подумалъ, что необходимо сообщить принятое рѣшеніе Ивану Ильичу.

Молодой слѣдователь сознавалъ въ душѣ, что своимъ поступкомъ порвалъ союзъ съ прокуроромъ, сознавалъ, что изъ союзника превратился теперь въ его противника, потому что, какъ женихъ Антонины, долженъ былъ употребить все старанія избавить ее отъ привлеченія къ формальному допросу, которое, при извѣстномъ ему взглядѣ на дѣло прокурора, неминуемо должно было послѣдовать. Именно съ этой цѣлью онъ и поспѣшилъ сдѣлать ей не совсѣмъ своевременное предложеніе. Между тѣмъ, признавая большое знаніе и опытность Ивана Ильича, убѣжденный въ его искреннемъ, чистосердечномъ расположеніи, онъ какъ-бы боялся объясненія и стыдился открыть ему, что чувства взяли верхъ надъ долгомъ. Пойметъ-ли старый, такъ сказать, отжившій юристъ, преданный душой и тѣломъ только своей обязанности, побѣду сердца надъ головой? Не будетъ-ли онъ осуждать его за слабость и малодушіе? Не будетъ-ли стараться отклонить его отъ принятаго рѣшенія? Послѣднее едва-ли, потому что прокуроръ, при всей своей сухости, пойметъ, что отступленіе невозможно, но осуждать, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ жестоко...

Вечеромъ молодой человѣкъ собрался съ духомъ и отправился къ Ивану Ильичу. Онъ засталъ его за бумагами и дѣлами. Около него, по обыкновенію, стоялъ стаканъ чаю.

— Я пришелъ не во время, Иванъ Ильичъ, и помѣшалъ вамъ...

— Нѣтъ, ничего. Напротивъ, очень радъ, что пришли. Цѣлый день сижу за бумагами и не мѣшаетъ немножко отдохнуть—голову освѣжить. Садитесь. Чаю хотите?

— Благодарю васъ. Что-то въ послѣднее время совсѣмъ аппетитъ пропалъ: ни ѣсть, ни пить ничего не хочется.

— Чай всегда можно пить, для этого аппетита не нужно. Вотъ я вамъ налью стаканъ—попробуйте.

Поставивъ передъ Крыловичемъ стаканъ чаю, прокуроръ уѣлся въ свое кресло и поправилъ очки.

— Ну-съ, есть что-нибудь новенькое?

— Есть, Иванъ Ильичъ, и даже довольно важныя новости...

— Излагайте.

— Только вотъ, слабо улыбнулся Крыловичъ,—не знаю, какъ приступить...

— Приступомъ приступите, прямо на штурмъ. Я вѣдь полководецъ бывалый, со мною хитрости, пожалуй, что и не удадутся — пронюхаю.

— Я и не думаю пускаться на хитрости, а буду говорить прямо. Помните, Иванъ Ильичъ, рѣшительно началъ слѣдователь, вы говорили мнѣ, что я, по производству слѣдствія объ убійствѣ Тименевыхъ, могу ретироваться когда захочу?

— Помню, говорилъ.

— Вотъ, теперь, я и пришелъ къ тому заключенію, что такъ какъ взгляды наши на это дѣло не сходятся и я не раздѣляю вашихъ догадокъ и предположеній, то неловко и неудобно мнѣ, противъ убѣжденія, слѣдовать за вами и помогать вамъ въ этомъ дѣлѣ. Внимательно обсудивъ и обдумавъ все, я рѣшилъ, что лучше будетъ мнѣ окончательно ретироваться. Дѣйствуйте сами, какъ хотите, но дозвоьте мнѣ остаться въ сторонѣ.

— Вижу состояніе ваше, Михаилъ Алексѣевичъ. Не въ первый разъ уже вы собираетесь учинить это отступленіе...

— Правда, не въ первый, но за-то въ послѣдній, ружаюсь вамъ. Мое рѣшеніе принято безповоротно.

— Это не мой-ли разговоръ съ Антониной Аркадьевой, котораго вы, сказать къ слову, даже не знаете, побудить васъ принять ваше безповоротное рѣшеніе?

— Разговоръ-ли или что другое, но только я порѣшилъ, о чемъ почелъ своимъ долгомъ васъ увѣдомить. Я, Иванъ Ильичъ, въ послѣднее время чувствовалъ себя въ такомъ тяжеломъ, невыносимо тяжеломъ положеніи, что просто съума сходилъ. Вы не можете себѣ представить, сколько я перемучился за послѣдніе дни! Можетъ быть, я еще слишкомъ молодъ, можетъ быть, у меня еще не окрѣпло сердце настолько, чтобы направить всѣ силы ума и сердца къ полному безпристрастному исполненію обязанностей, но я не чувствую себя въ силахъ продолжать слѣдствіе объ убійствѣ Тименевыхъ. Весьма даже вѣроятно, что я совсѣмъ брошу юридическую дѣятельность, потому что получилъ теперь къ ней отвращеніе. Нѣтъ въ ней простора душѣ, нѣтъ ничего святаго: ни любви, ни дружбы, ни привязанности... Все подчинено одному холодному расчету, одному исполненію долга. Если братъ твой виновенъ — губи брата, если жена — губи жену. Это твой долгъ! Чтобы быть хорошимъ, выдающимся юридическимъ дѣятелемъ, нужно жить исключительно исполненіемъ долга, не имѣть ни семьи, ни родныхъ, ни друзей, не любить никого и ничего на свѣтѣ... Нѣтъ, вижу я, что подобное существованіе не по мнѣ и никогда я къ нему не привыкну. Богъ съ нимъ!

Крыловичъ зашагалъ по комнатѣ. Прокуроръ слушалъ спокойно, барабани пальцами по столу.

— Знаете, продолжалъ молодой человѣкъ, прежде я иначе представлялъ себѣ юридическую дѣятельность. Громкія слова: разумная работа ума, наказаніе и искорененіе преступленій, польза обществу, благо человѣчества и т. д. казались мнѣ

очень хорошими, но примѣненіе ихъ на дѣлѣ вышло слишкомъ труднымъ и можетъ удаться только рѣдкимъ, исключительнымъ натурамъ. Надо обладать особымъ строемъ ума, особыми свойствами души, чтобы достигнуть чего-нибудь въ этой профессіи разума и пользы человѣчеству. Я не обладаю необходимыми свойствами—и довольно. Будетъ съ меня. Много есть другихъ видовъ дѣятельности, и безспорно полезной дѣятельности, которые придутся мнѣ больше по душѣ. Вотъ почему я ретируюсь, и ретируюсь не только отъ дѣла Тименевыхъ, а, пожалуй, и отъ всѣхъ другихъ юридическихъ дѣлъ...

— Насколько я могу понять, замѣтилъ прокуроръ, это именно тименевское дѣло привело васъ къ открытію глубокихъ истинъ, сейчасъ вами высказанныхъ.

— Тименевское дѣло доказало мнѣ, что я не способенъ къ юридической дѣятельности, больше ничего.

— Позвольте-же мнѣ замѣтить, что хотя въ вашихъ словахъ и есть доза правды, но только доза и, знаете-ли, скажу откровенно, очень небольшая доза. Нужно, по моему, понимать дѣло такъ: юристъ или вообще судья долженъ и можетъ быть безпристрастнымъ только въ томъ случаѣ, если дѣло не касается близкихъ ему людей, вообще тѣхъ, кого онъ любитъ или съ кѣмъ друженъ. Разъ дѣло коснется ихъ, такъ ужъ — не тронь меня. Но вѣдь эгоизмъ общая человѣческая слабость. Въ какой-же профессіи возможно обойтись безъ него? Всегда онъ существовалъ и существовать будетъ. Личности, одинаково безпристрастныя ко всѣмъ, близкимъ и дальнимъ, представляютъ рѣдкія исключенія изъ общей массы, которая всегда руководствуется эгоизмомъ. Въ юридической профессіи подвизаются совершенно такіе-же люди, какъ и другіе, и никакихъ особенныхъ свойствъ ума и души отъ нихъ не требуется. Необходимы только знаніе дѣла и привычка. Правда, въ судебной дѣятельности затрогиваются наиболѣе важные, жизненные интересы, почему нѣсколько труднѣе отрѣшиться

отъ эгоизма. Въ данномъ случаѣ вы, простите за откровенность, сами причислили себя къ массѣ...

— Я никогда и не воображалъ составлять исключенія...

— Причислили себя къ массѣ. Ретируйтесь—воля ваша. Только одно странно: почему вы не скажете мнѣ прямо настоящей причины вашего отступленія? Что-то ужъ очень внезапно и неожиданно приняли вы такое безповоротное рѣшеніе... Я всегда былъ съ вами откровененъ, Михаилъ Алексѣевичъ, а вы со мной теперь не откровенны. Причисляйте меня сколько угодно къ мыслящимъ машинамъ, я не обижаюсь, ибо на таковую машину дѣйствительно отчасти похожимъ себя признаю, но только отчасти. Могу сказать отъ души (какая ни на есть, а все таки душа у меня имѣется), что всегда былъ къ вамъ расположенъ и добра вамъ желалъ...

— Иванъ Ильичъ! возмущился Крыловичъ, неужели вы можете думать, что я имѣю намѣреніе хитрить или обманывать васъ? Знаю очень хорошо, что вы расположены ко мнѣ, и самъ отъ всей души привязанъ къ вамъ...

— Отъ не-юридической души? улыбнулся прокуроръ.

— Не смѣйтесь надо мною, ради Бога! Я столько вытерпѣлъ за это время, такъ страдалъ, что силъ не хватило и я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, чтобы выпутаться изъ моего безвыходнаго, безотраднаго положенія...

— Какой-же это рѣшительный шагъ?

— Я сдѣлалъ предложеніе Антонинѣ Аркадьевнѣ, сознался молодой человѣкъ.

Онъ ожидалъ, что прокуроръ разсердится или, по крайней мѣрѣ, удивится его поступку, но тотъ только улыбнулся.

— Ожидалъ-съ, милѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ, говорилъ онъ спокойно. Предполагалъ, что этимъ должно кончиться и — ожидалъ.

— Ожидали?

— Всенепремѣнно. Иначе и быть не могло. Только вотъ

вопросъ, и весьма интересующій меня вопросъ: приняла она ваше предложеніе или не приняла?

— Павелъ только сегодня поѣхалъ въ деревню съ предложеніемъ и завтра я получу отвѣтъ.

— Такъ это Павелъ Аркадьевичъ принялъ на себя обязанность свата?

— Онъ очень обрадовался моему намѣренію и ручается за успѣхъ.

— Ну, а я не ручаюсь.

Крыловича покорило.

— Вы опять за старое, Иванъ Ильичъ?

— Ваше старое для меня все еще новое, Михаилъ Алексѣевичъ. Не буду читать вамъ длинныхъ рѣчей и поученій, а только выясню вкратцѣ общее положеніе дѣла. Задолго еще до занимающаго насъ такъ сильно загадочнаго убійства вамъ понравилась Антонина Аркадьевна, скажу больше — вы влюбились въ нее. Взаимности на вашу любовь съ ея стороны не воспослѣдовало, хотя любовь эту она отлично видѣла и знала.

— Она ея не знала, потому что я никогда ничего не говорилъ ей...

— Ну, ужъ позвольте! Женщина всегда отлично видеть и знаетъ, кому она нравится—истина давно всѣми признанная и вполнѣ доказанная. А чтобы видѣть вашу любовь не нужно даже быть женщиной; я, человѣкъ уже старый и профанъ въ сердечныхъ дѣлахъ, сразу ее замѣтилъ. Итакъ-съ, вы любили дѣвушку, а взаимностію не пользовались, почему и разсчитывать, чтобы она пошла за васъ замужъ, не могли. Случился фактъ убійства ея сестры и зятя, фактъ совершенно посторонній относительно вашихъ любовныхъ дѣлъ. Она послѣ убійства сильно захворала и только теперь начала понемногу поправляться. Ставлю первый вопросъ: почему вы полагаете, что она, не согласившись выйти за васъ за мужъ до убійства,

выйдетъ теперь? Увлекли вы ее, что-ли, блестящимъ веденіемъ слѣдствія или отъ физической болѣзни въ ней произошелъ нравственный переворотъ?

— Для васъ, Иванъ Ильичъ, обидѣлся Крыловичъ, — все это дѣло можетъ представляться пустою шуткою, а для меня оно очень важно...

— Вовсе оно не представляется для меня пустою шуткою и говорю я совершенно серьезно, только манера ужъ у меня такая—передѣлать себя не могу и прошу у васъ прощенія, если обидѣлъ. Во всякомъ случаѣ, не откажите разрѣшить первый вопросъ.

— Вы говорите, что она не приняла-бы моего предложенія до убійства? Но я ей никогда предложенія не дѣлалъ. Если-бы я тогда предложилъ ей руку, можетъ быть, она и пошла-бы за меня.

— Не любя? Полноте! Вы такого высокаго мнѣнія объ Антонинѣ Аркадьевнѣ, что не можете такъ думать. Признаюсь, что даже я, хотя знаю ее гораздо меньше вашего, убѣжденъ, что она не способна на подобный поступокъ. Изъ разсчета могла выйти замужъ ея сестра, но она едва-ли. И такъ, первый вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ для успѣха вашего дѣла: тогда не пошла-бы, слѣдовательно, и теперь не пойдетъ. Будемъ продолжать. Печальнымъ стеченіемъ обстоятельствъ эта молодая дѣвушка оказалась замѣшанною въ дѣлѣ объ убійствѣ ея сестры. Положимъ, до сихъ поръ никто ничего у нея не спрашивалъ, хотя-бы по причинѣ болѣзненнаго ея состоянія, но она отлично понимаетъ, что въ концѣ-концовъ спросить могутъ. Она сама мнѣ высказывала во время нашего разговора, что ее могутъ притянуть къ допросу. И могутъ—вѣрно. Если другой слѣдователь возьмется за дѣло, а не мы съ вами, то онъ первымъ дѣломъ привлечетъ Антонину Аркадьевну. И такъ, она находится теперь въ самомъ шаткомъ положеніи неувѣренности: будутъ или не

будутъ ее допрашивать, а если будутъ, то къ чему приведетъ допросъ и что можетъ воспослѣдовать?

— Вы упорно держитесь вашего прежняго убѣжденія, что она знаетъ преступника?

— Какого я держусь убѣжденія, къ дѣлу вовсе не идетъ; мое убѣжденіе тутъ не при чемъ. Важно ея убѣжденіе — что ее привлекутъ къ слѣдствію и будутъ допрашивать. Въ эту-то самую минуту она получаетъ ваше предложеніе. Ставлю второй вопросъ: какъ вы полагаете, милѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ, приметъ она при данныхъ обстоятельствахъ это предложеніе или не приметъ?

— Почему-же не принять? Я доказываю своимъ предложеніемъ, что считаю ее совершенно непричастною къ совершенному преступленію, какъ оно и есть въ дѣйствительности.

— Вы доказываете? Нѣтъ, позвольте—виновать! Этимъ вы ровно ничего не доказываете, а только выражаете ваше личное убѣжденіе, что далеко не одно и то-же. Вотъ тутъ-то и весь вопросъ. Вы, какъ человѣкъ молодой и не вполне опытный, вообразили себѣ, что, женившись на ней, выгородите ее отъ всякаго подозрѣнія и никто не посмѣетъ даже подумать, что она причастна къ убійству, разъ „самъ слѣдователь“ на ней женился. Оно, конечно, эффектно, но строгой критики не выдерживаетъ. Во-первыхъ, любовь слѣпа и вы, слѣдователь, преотлично могли влюбиться въ преступницу, тѣмъ болѣе въ такую, которая завѣдомо сама убійства не совершала и даже, быть можетъ, не вѣдала о немъ раньше. Вся вина ея въ томъ, что она изъ гуманности, изъ великодушія или изъ другихъ какихъ-либо человѣческихъ побужденій не хочетъ выдать преступника. Въ ея поведеніи есть даже своего рода благородство. Слѣдовательно, почему-же не влюбиться? Во-вторыхъ, при вашемъ отступленіи, слѣдователь, которому передадутъ дѣло, принадлежащій къ категоріи бездушныхъ дѣятелей юридической профессіи, не поцеремонится,

во имя долга, привлечь даже вашу супругу къ допросу и, буде представится необходимость, обвинить ее. Наконецъ, въ третьихъ, въ глазахъ свѣта вашъ рыцарскій поступокъ оцѣненъ не будетъ.

— О! что касается до свѣта, мнѣ рѣшительно все равно!

— Вамъ все равно, но не ей. Хорошо-ли будетъ, если начнутъ рассказывать, напримѣръ, что она, чтобы избѣгнуть суда, опутала, влюбила въ себя слѣдователя и, наконецъ, принудила его на себѣ жениться! Это еще ничего-бы, а то, пожалуй, и похуже что-нибудь выдумаютъ, чего добраго, васъ участникомъ преступленія объявятъ. Много можно тутъ разныхъ комбинацій сочинить. Вы знаете, на какія хитроумныя измышленія способенъ свѣтъ, сами поучительный тому примѣръ у Авдѣевыхъ видѣли. А вѣдь у нея есть семья, почему пренебрегать до такой степени мнѣніемъ свѣта она никакъ не можетъ. Если-бы еще обуяла ее, какъ васъ, романтическая идиллія, что „мы съ нимъ убѣжимъ, скроемся отъ свѣта и будемъ вдвоемъ блаженствомъ наслаждаться“; съ милымъ, дескать, рай и въ шалашѣ... Да то горе, что и любви-то не хватаетъ, романизма не изъ чего набраться... Я вѣдь всю эту канитель къ чему веду? Къ выясненію второго вопроса: приметъ она ваше предложеніе при данныхъ обстоятельствахъ или не приметъ? Скажите откровенно?

Крыловичъ молча опустилъ голову. Спокойныя, логическія разсужденія прокурора разбили въ прахъ всѣ его розовыя мечты и онъ уже раскаявался въ душѣ, что рѣшился на такой важный шагъ.

— Вотъ видите-ли, Михаилъ Алексѣевичъ, продолжалъ почтенный юристъ,—какъ стоитъ дѣло. Вы молчите и отвѣта не придумаете, такъ я отвѣчу за васъ: такая разумная и, скажу отъ души, благородная дѣвушка, какъ Антонина Аркадьевна, не захочетъ поставить васъ и себя въ двусмысленное положеніе, почему предложенія вашего не приметъ.

— Не приметъ... какъ-то неопредѣленно проговорилъ Крыловичъ.

— Не приметъ-съ. Вашъ рѣшительный шагъ не приведетъ ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ, чему вы, по крайнему моему разумѣнію, должны радоваться, потому-что онъ хотя и рѣшительный, но необдуманый и къ хорошему концу привести не можетъ.

— Вы, Иванъ Ильичъ, во второй разъ разбиваете самыя лучшія, самыя дорогія мои мечты! Сегодня я хоть нѣсколько часовъ былъ счастливъ, надѣялся, а теперь опять...

— Только разочаровались нѣсколькими часами раньше, Михаилъ Алексѣевичъ. Въмѣсто завтрашняго утра разочарованіе послѣдовало сегодня вечеромъ—больше ничего. Оно, пожалуй, даже лучше—подготовлены будете. Не хочу ужъ я слишкомъ огорчать васъ, а то есть у меня и еще одна небольшая причина, почему я твердо убѣжденъ, что Антонина Аркадьевна вамъ откажетъ.

— Опять ваши подозрѣнія?

— Опять мои подозрѣнія.

— Не можете вы, Иванъ Ильичъ, отрѣшиться отъ нихъ, не можете взглянуть съ другой точки зрѣнія...

— Ахъ, Михаилъ Алексѣевичъ! Да какъ-же отрѣшиться, помилуйте, когда все такъ и лѣзетъ, такъ и напрашивается подтверждать ихъ? Я, изволите видѣть, объяснялъ еще недавно Антонинѣ Аркадьевнѣ, что для того, чтобы открыть преступника, необходимо ухватиться за ниточку, хотя-бы самую маленькую, которая всегда существуетъ. Въ данномъ дѣлѣ, что вы мнѣ ни говорите, ниточка эта въ рукахъ Антонины Аркадьевны; мнѣ остается только протянуть руку и вотъ, ть—схвачу ее.

— А если ошибетесь? Если ниточка окажется гнилою и оборвется.

— Не оборвется—ручаюсь! Еще прежде могъ сомнѣваться, но теперь—ни за что?

— Это послѣ разговора?

— Послѣ разговора. Важныя данныя имѣю, Михайлъ Алексѣвичъ, весьма важныя данныя. Еще-бы немножко и тогда...

— И тогда?

— Нѣтъ, ничего. Что отсрочено, то не пропало.

— Опять мучить будете?

— Чего ужъ теперь мучить? Дѣло на прямки пойдетъ.

— Мнѣ только кажется, попробовалъ Крыловичъ, что если Антонина Аркадьевна замѣшана въ дѣло убійства, то она, можетъ быть, приметъ мое предложеніе...

— Какъ вы говорите? изумился прокуроръ.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ молодой человѣкъ, выйдя за меня замужъ, она будетъ хоть нѣсколько ограждена, если и не вполне обезпечена отъ привлеченія къ слѣдствію, а въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ за соломенку хватаются. Можетъ быть, свѣтъ будетъ злословить, рассказывать Богъ знаетъ что, но тутъ, ужъ, не до свѣта: пусть болтаетъ—съ дѣловой точки зрѣнія положеніе ея все-таки улучшится. Предположеніе, что она знаетъ преступника, основано на томъ, что онъ любимъ ею. Бракомъ со мною она порветъ съ прошлымъ и уничтожитъ это предположеніе. Неужели-же возможно будетъ утверждать, что она скрываетъ убійцу сестры изъ одной гуманности или великодушія? Ни одинъ слѣдователь подобнаго предположенія не сдѣлаетъ. Конечно, многое будетъ зависѣть отъ васъ, Иванъ Ильичъ: если вы укажете слѣдователю дорогу, то онъ, зная вашу опытность и знаніе дѣла, пойдетъ по ней; если-же не укажете...

— То-есть вы хотите, чтобы я, изъ любезности къ Антонинѣ Аркадьевнѣ, покривилъ душой и оставилъ звѣрское преступленіе безнаказаннымъ? Вы приносите въ жертву своему эгоизму правосудіе и справедливость?

— Я хочу спасти ту, которую люблю больше жизни!

— Та, которую вы любите, не подвергается никакой опасности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не принимала участія въ убійствѣ и даже ничего не знала о немъ до утра, когда прислуга, а потомъ братья сказали ей. Извѣстно ей только, кто былъ ночью въ спальнѣ ея сестры. Пусть она назоветъ его и ея дѣло кончено.

— Но если она не можетъ назвать его? Если она только подозрѣваетъ или если убѣждена, что своимъ сознаниемъ сдѣлаетъ низость? Можетъ быть, она теперь и раскаивается въ прошломъ, въ томъ, что она, какъ вы предполагаете, любила такого изверга, а все-таки не считаетъ себя вправѣ погубить его и готова скорѣе пожертвовать собою. Вѣдь это благородно и великодушно! Неужели-же возможно погубить дѣвушку за ея благородство и великодушіе?

— Мы съ вами, Михаилъ Алексѣевичъ, переходимъ съ почвы дѣловой на почву чувствительности и великодушія, коимъ нѣсть предѣла... Видно очень ужъ вы сильно влюблены, очень сильно! Впрочемъ, я и раньше замѣчалъ неоднократно, что помимо Антонины Аркадьевны ничего для васъ въ мірѣ не существуетъ...

— Ничего не существуетъ! Хотя жизнь возьмите, только спасите ее!

— Ну, хорошо! Допустимъ, даже, что я соглашусь покривить душой и промолчу—въ первый разъ въ жизни, замѣтите! Только дѣлать мнѣ этого не придется, потому что и зная преступника, и желая во что-бы то ни стало спасти его, она за васъ замужъ все-таки не пойдетъ.

— А можетъ быть...

— Не пойдетъ. Если Антонина Аркадьевна настолько благородна, что готова пожертвовать собою, чтобы спасти убійцу, это самое благородство помѣшаетъ ей низко обмануть васъ, человѣка ни въ чемъ не повиннаго, выходя за васъ замужъ

безъ любви и дѣлая васъ слѣпымъ, невольнымъ орудіемъ спасенія соперника, за котораго выйти замужъ она, конечно, не можетъ, но котораго любить всѣми силами души. А что она его любитъ, въ этомъ я не имѣю тѣни малѣйшаго сомнѣнія, потому что, какъ вы сами говорите, скрывать его изъ одной гуманности немыслимо. Если-бы еще онъ убилъ посторонняго ей человѣка, хотя-бы Тименева, то подобную гуманность допустить возможно, но вѣдь онъ звѣрски задушилъ ея сестру, ея родную сестру—подумайте!

— Она любила его прежде...

— И теперь любить — несомѣнно. Воровство, ничтожество, мелкая подлость легко уничтожаютъ любовь, убійство-же, особенно изъ ревности, далеко не всегда. Однимъ словомъ, такъ или иначе, завтра вы получите отвѣтъ и убѣдитесь, что я правъ. Она вамъ откажетъ.

— А если не откажетъ? Вѣдь вы ее спасете, Иванъ Ильичъ? Спасите ее и меня вмѣстѣ съ нею!

— Тамъ увидимъ, печально улыбулся прокуроръ. Я твердо убѣжденъ, что обѣщанія мои будутъ излишни — не придется мнѣ васъ спасать.

— А если придется—спасете?

— Жаль мнѣ и васъ, и ее, протянулъ почтенный юристъ руку молодому человѣку, хорошіе вы люди и безвинно страдаете... Если придется—спасу.

Крыловичъ вышелъ отъ прокурора нѣсколько успокоенный. Еще не все пропало—надежда есть...

Проводивъ молодого слѣдователя, Иванъ Ильичъ уселся въ свое кресло и крѣпко задумался.

— Пора все это кончить, проговорилъ онъ, наконецъ. Завтра-же ѣду къ Невѣровымъ.

XIX.

На слѣдующее утро всѣ въ домѣ Невѣровыхъ были удивлены раннимъ и неожиданнымъ пріѣздомъ прокурора. Серьезное и задумчивое выраженіе его лица показывало, что онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ.

Послѣ краткаго разговора, изъ вѣжливости, съ хозяевами, онъ объявилъ, что ему крайне нужно переговорить о важныхъ дѣлахъ съ Антониной Аркадьевной и просилъ справиться, можетъ-ли она теперь-же принять его.

Сильно забилося сердце Антонины, когда ей передали желаніе прокурора видѣть ее, выраженное такъ настойчиво, что избѣжать разговора не представлялось никакой возможности. Она чувствовала, что объясненіе это будетъ послѣднее, рѣшительное, и собрала всѣ силы, чтобы бороться до послѣдней крайности. Если она не выскажется, любимый ею человѣкъ будетъ спасенъ, потому что никто, никто въ мірѣ, кромѣ нея, не знаетъ роковой тайны. Рѣшимость придала ей увѣренность, и она довольно спокойно встрѣтила страшнаго противника. Иванъ Ильичъ, съ своей стороны, былъ хотя серьезенъ, но тоже совершенно спокоенъ. Любезно поздоровавшись съ молодой дѣвушкой, онъ усѣлся около нея въ кресло.

— Вы меня извините, Антонина Аркадьевна, началъ онъ, что я побеспокоилъ васъ, можетъ быть, слишкомъ рано, но дѣло, о которомъ я имѣю говорить съ вами, слишкомъ важно, чтобы возможно было отложить его даже на самое короткое время.

— Я готова васъ слушать, отвѣтила она просто.

— Крыловичъ сообщилъ мнѣ вчера вечеромъ, будто онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе?

— Сдѣлалъ.

— И вы... приняли его?

— Вашъ вопросъ нѣсколько страненъ, вспыхнула Антонина. Вы принимаете участіе въ дѣлахъ Михаила Алексѣевича, какъ близкій ему человѣкъ, или уполномоченный имъ узнать мой отвѣтъ на его предложеніе?

— Человѣкъ я ему не особенно близкій, но участіе въ дѣлахъ его принимаю, потому что душевно расположенъ къ нему и желаю ему добра. Что-же касается до полномочій, то хотя я ихъ и не имѣю, но считаю себя вправѣ предложить вамъ сдѣланный мною вопросъ. Если я выразилъ его въ нѣсколько рѣзкой формѣ, то вы меня извините — такая ужъ у меня скверная манера говорить, а переучиваться поздно.

— На чемъ-же основывается ваше право? рѣшительно спросила Антонина.

— Право мое основывается на производящемся въ настоящее время разслѣдованіи объ убійствѣ вашей сестры и зятя.

— Я не понимаю, невольно смутилась молодая дѣвушка, какую вы нашли связь между этимъ преступленіемъ и сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ?

— Связь довольно ясная: Крыловичъ производить слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ. Если онъ сдѣлается вашимъ женихомъ, придется передать производство слѣдствія другому лицу.

— Я все-таки не вижу, почему вопросъ о томъ, кто производитъ слѣдствіе, Михаилъ Алексѣевичъ или другое лицо, можетъ касаться меня? Даже не вполне понимаю, почему Крыловичъ не можетъ одновременно быть моимъ женихомъ и производить слѣдствіе? Мнѣ кажется, что, имѣя въ виду сдѣлаться членомъ нашей семьи, онъ еще съ большимъ стараніемъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ.

„Что это она? подумалъ прокуроръ. Откуда храбрости такой набралась? Дѣвочка-то, какъ видно, не глупая: поняла, куда клонился нашъ послѣдній разговоръ, и теперь встрѣчаетъ меня во всеоружіи. Что только изъ этого выйдетъ?“

— Такъ-то такъ, Антонина Аркадьевна, возразилъ онъ, только, къ великому сожалѣнію, въ данномъ случаѣ Крыловичу, сдѣлавшись вашимъ женихомъ, не совсѣмъ удобно будетъ вполнѣ безпристрастно обсуждать всѣ факты и обстоятельства этого несчастнаго дѣла...

Антонина собралась съ духомъ и проговорила рѣшительно:

— Потому, что я въ немъ замѣшана? Я одна находилась въ домѣ во время совершенія преступленія и должна подвергнуться допросу въ качествѣ свидѣтельницы. Можетъ быть, даже въ качествѣ обвиняемой? слабо улыбнулась она.

— Что вы можете быть спрошены, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Крыловичъ составилъ уже себѣ убѣжденіе относительно производимаго имъ слѣдствія и идетъ по намѣченному имъ себѣ пути, только сознаюсь, я не вижу, чтобы путь этотъ, до сего времени, привелъ, не скажу даже къ важнымъ, но хотя вообще къ какимъ-нибудь открытіямъ. Слѣдовательно можно усомниться въ правильности выбраннаго имъ пути.

— Вы мнѣ въ прошлый разъ говорили, вставила Антонина, что знаете только поверхностно ходъ дѣла. Можетъ быть, Крыловичъ открылъ что-нибудь еще вамъ неизвѣстное...

— Если-бы онъ открылъ что-нибудь важное, улыбнулся прокуроръ, то едва-ли-бы сталъ скрывать такое открытіе отъ меня. Вы сами знаете, что онъ питаетъ нѣкоторое довѣріе къ моей опытности и не пренебрегаетъ моими совѣтами. Я вполнѣ увѣренъ, что онъ до сего времени ничего не открылъ, да и врядъ-ли что-нибудь откроетъ, слѣдуя по избранной имъ дорогѣ.

— Если вы предполагаете, подняла голову Антонина, что привлеченіе меня къ слѣдствію и допросы, которые мнѣ бу-

дуть дѣлать, выведутъ слѣдователя на болѣе вѣрную дорогу, то очень ошибаетесь. Я уже въ прошлый разъ, безъ допроса, передала вамъ все, что знаю о совершенномъ преступленіи, и болѣе ни на какихъ допросахъ ничего добавить не могу.

— Такъ-ли, Антонина Аркадьевна? сдержанно, но твердо спросилъ прокуроръ, пристально взглянувъ на молодую дѣвушку.

— Вы предполагаете, что я говорю неправду? вспыхнула она.

— Я ничего не предполагаю, отрѣзалъ Иванъ Ильичъ, а составилъ убѣжденіе, основанное не на догадкахъ какихъ-нибудь, а на фактахъ. Мнѣ все извѣстно: какъ вы приняли извѣстіе объ убійствѣ, о чемъ вы спрашивали брата, когда у васъ уже начиналась горячка, потомъ ваше поведеніе съ тѣхъ поръ, какъ вы начали выздоравливать, и до сей минуты. Наконецъ, нашъ недавній разговоръ, даже онъ одинъ, безъ всего остальнаго, представляетъ ясное доказательство, что хотя вы въ преступленіи личнаго участія и не принимали, но имя преступника вамъ извѣстно, только вы по какимъ-то причинамъ не желаете его открыть.

Они пристально посмотрѣли другъ на друга, чувствуя, что наступило время прямой, открытой борьбы. Антониною овладѣла лихорадочная рѣшимость: въ эту минуту она готова была скорѣе идти на смерть, чѣмъ выдать свою тайну, и никакія силы въ мірѣ не могли принудить ее высказаться.

— Если я знаю, кто совершилъ преступленіе, проговорила она рѣзко, и до сихъ поръ не назвала преступника, то не назову его никогда, можете быть въ этомъ совершенно увѣрены.

— Такъ вы его знаете? спокойно освѣдомился прокуроръ.

— Что вамъ пользы отъ того, знаю я его или нѣтъ, разъ я никогда не назову его, въ чемъ клянусь честью!

— Не клянитесь, Антонина Аркадьевна—будущее неизвѣстно. Должно быть причина, вынуждающая васъ молчать,

очень важна, если вы изъ за нея рѣшились принять на себя такую пытку, рѣшились стоять всю жизнь, замѣтьте—всю жизнь передъ страшной картиной убійства родной сестры, принимая въ этомъ злодѣйствѣ не скажу фактическое, но хотя нравственное участіе...

Молодая дѣвушка страшно поблѣднѣла.

— Если я приняла эту пытку, глухо проговорила она, то значить такъ нужно...

— То-то, нужно-ли такъ? Не ошибаетесь-ли вы, Антонина Аркадьевна? ласково, съ участіемъ возразилъ Иванъ Ильичъ. Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Дозвольте мнѣ говорить съ вами прямо, безъ всякихъ хитростей и уловокъ?

— Говорите, прошптала она.

— Вы думаете, что мнѣ неизвѣстна важная причина, вынуждающая васъ принимать такую пытку? Извѣстна, Антонина Аркадьевна, слишкомъ извѣстна и что-бы доказать вамъ, что я теперь говорю съ вами вполне откровенно, я выскажу ее безъ обиняковъ: вы влюблены въ того человѣка, который совершилъ преступленіе... Вы любите его такъ сильно, что рѣшились принести ему въ жертву не только жизнь, но даже больше чѣмъ жизнь—честь.

Она испуганно взглянула на него. При чемъ тутъ ея честь?

— Да—честь! продолжалъ онъ рѣшительно. Неужели вы такъ узко понимаете значеніе чести, что нарушеніе ея примѣняете только къ одной категоріи преступленій? Неужели вы предполагаете что убійца, если онъ не укралъ и не ограбилъ, не сдѣлалъ преступленія противъ чести? Вѣдь если онъ не укралъ деньги у своей жертвы, то онъ укралъ у нея благо по важнѣе денегъ, онъ укралъ ея жизнь, которая ему не принадлежала. Слѣдовательно—онъ воръ и подлецъ. А какъ прикажете назвать соучастника убійцы? Не понимайте подъ соучастникомъ только такое лицо, которое фактически принимаетъ участіе въ совершеніи преступленія—нѣтъ, соучастникомъ яв-

ляется также и тотъ, который скрываетъ преступника, который лишаетъ правосудіе возможности наказать его за безобразный поступокъ, который даетъ ему возможность опять совершать такіа-же злодѣйства, потому что кторѣшился на преступленіе разъ, тотъ способенъ и повторить его. Это доказанная истина. Итакъ, зная и скрывая преступника, вы являетесь его соучастницей, вы лишаетесь чести и спокойствія на всю жизнь! Возможно-ли съ вашимъ умомъ, съ вашимъ благородствомъ выдержать такое положеніе? Еще если-бы жертва была для васъ постороннее, незнакомое лицо, то любовь могла-бы оправдать подобное молчаніе, хотя и въ такомъ случаѣ совѣсть мучила-бы васъ, но вѣдь убитая была ваша сестра, ваша родная сестра!

Несчастная дѣвушка слушала, опутивъ голову. Развѣ онъ говорилъ ей что-нибудь новое, что-нибудь ей неизвѣстное? Она уже безчисленное число разъ повторяла себѣ тѣ-же слова, тѣ-же доказательства... Она отлично сознавала, что совершаетъ преступленіе, страшное преступленіе, что жизнь ея погибла навсегда, но что-же ей дѣлать? Развѣ жизнь ея уже не погибла въ ту роковую ночь, когда онъ, онъ, котораго она обожала всѣми силами души, совершилъ ужасное дѣло—двойное убійство? Нѣтъ, не двойное, а тройное—потому что онъ и ее убилъ въ эту ночь... Но выдать его, быть сознательнымъ орудіемъ его гибели, убить его, такъ-же какъ онъ ее убилъ—развѣ это возможно?...

— Скрывая убійцу, продолжалъ неумолимый прокуроръ, вы дѣлаете преступленіе и противъ семьи, и противъ общества. Не говоря уже о потерѣ уваженія къ себѣ самой, не говоря уже о томъ, что вы жертвуете своею честью, вы своимъ эгоизмомъ наносите глубокое оскорбленіе вашимъ родителямъ, доставляете имъ незаслуженныя страданія, вы наносите оскорбленіе обществу, оставляя въ средѣ его гнуснаго злодѣя,

убійцу! Неужели-же вашъ эгоизмъ сильнѣе чувства справедливости, сознанія долга? Этому трудно повѣрить...

— Вы находите, что быть доносчицей благородно? схватилась молодая дѣвушка за соломенку.

— Доносчицей? Указать убійцу сестры по вашему значить сдѣлать доносъ? Помилуйте, Антонина Аркадьевна! Вѣдь этотъ человѣкъ вашъ жесточайшій врагъ, вѣдь онъ нанесъ вашей семьѣ самое ужасное оскорбленіе, причинилъ самое страшное горе и вы считаете доносомъ предать его въ руки правосудія? Признаюсь, я даже не ожидалъ услышать отъ васъ такія слова, почему и не буду опровергать ихъ... Перейду къ другому вопросу, къ вопросу о томъ, достоинъ-ли тотъ, кому вы жертвуете вашей жизнью и честью, такой великой жертвы? Если вы любите его такъ сильно, то значить признаете, по вашимъ понятіямъ, за человѣка до извѣстной степени благороднаго, потому что иначе едва-ли возможно было бы вамъ любить его...

— Я признаю его за человѣка благороднаго, прошептала она.

— Пусть такъ. Является вопросъ: что побудило его пуститься на такое отчаянное дѣло? Я полагаю, только одна причина могла побудить его—любовь.

— Любовь... беззвучно отозвалась несчастная Антонина.

— Любовь. Значить онъ любилъ вашу сестру, а вы жертвуете для него своею честью, семьею и всѣмъ, что есть для васъ дорогаго въ мірѣ? Достоинъ-ли человѣкъ, завершившій любовную интригу съ замужней женщиной гнуснымъ злодѣйствомъ, такой жертвы? Не увлеченіе-ли съ вашей стороны отречься для него отъ всего? Мнѣ кажется—увлеченіе. Пройдетъ увлеченіе, Антонина Аркадьевна, и на душѣ останется только страшный упрекъ совѣсти, только тяжелый гнетъ преступленія... А что увлеченіе пройдетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Много еще увлеченій предстоитъ вамъ увидѣть, ваша жизнь впереди...

— Моя жизнь кончена! опустила она голову.

— Не говорите так—Богъ знаетъ! Все въ жизни проходить, все забывается. Самыя тяжелыя страданія, самыя страшныя минуты кажутся намъ впослѣдствіи сномъ, какимъ-то неопредѣленнымъ видѣніемъ... Мы даже любимъ вызывать это видѣніе, отъ котораго ноетъ и болитъ сердце. Повѣрьте мнѣ: пройдетъ время, вы проснетесь и воспоминаніе тяжелаго сна мало-по-малу сгладится и исчезнетъ. Задача только въ томъ, чтобы проснуться во время... Проснитесь, Антонина Аркадьевна! Подумайте о вашемъ долгѣ, о любящей васъ семьѣ, подумайте о мертвой сестрѣ!

— Иванъ Ильичъ! вдругъ подняла измученная Антонина голову, я знаю, что я преступница! Повѣрьте, я это знаю... То, что вы говорите мнѣ, не разъ уже повторяла я сама себѣ, но... Какъ вы меня ни убѣждайте, какъ вы меня ни мучьте, я ничего не скажу и вы не узнаете имени, которое вамъ такъ хочется отъ меня выпытать.

Хотя молодая дѣвушка произнесла послѣднія слова въ полномъ изнеможеніи, но въ нихъ слышалась та отчаянная рѣшимость, при которой человѣкъ пойдетъ скорѣе на смерть, чѣмъ выдастъ свою тайну. Иванъ Ильичъ замѣтилъ ея выраженіе и понялъ, что ему будетъ трудно, если не невозможно, скоро достигнуть своей цѣли. Конечно, съ теченіемъ времени, дѣйствуя настойчиво, онъ могъ надѣяться довести ее до признанія, но долго ждать онъ не могъ и не хотѣлъ. Поэтому онъ прибѣгъ къ послѣднему средству, которымъ очень не желалъ пользоваться.

— Въ такомъ случаѣ, произнесъ онъ холодно, мнѣ остается только одно: такъ какъ Крыловичъ, предлагая вамъ руку, которую вы, можетъ быть, примете, оказывается человѣкомъ пристрастнымъ въ производимомъ имъ слѣдствіи, необходимо передать дѣло другому лицу.

— Я отказала ему въ моей рукѣ...

— Это рѣшительно все равно, приняли вы его предложеніе или отказали. Во всякомъ случаѣ, онъ равнодушенъ къ вамъ, почему и не обратитъ должнаго вниманія на факты, которые я считаю долгомъ ему передать.

— Факты, доказывающіе мое соучастіе въ преступленіи?

— Если не соучастіе, то, по крайней мѣрѣ, то, что вамъ извѣстно лицо, его совершившее. Новый слѣдователь отнесется къ этимъ фактамъ безучастно и результатомъ будетъ, конечно, немедленное привлеченіе васъ къ дѣлу. Подумайте, Антонина Аркадьевна, въ какое положеніе поставите вы вашихъ родителей, когда они узнаютъ, что вы привлечены къ слѣдствію объ убійствѣ вашей сестры не только какъ свидѣтельница...

Антонина съ ужасомъ взглянула на него.

— Какое будетъ ихъ страшное горе и отчаяніе, когда до нихъ дойдетъ вѣсть о томъ, что на васъ падаетъ подозрѣніе въ знаніи того, кто совершилъ преступленіе, и въ намѣреніи скрыть его отъ правосудія? Одна дочь убита, другая держитъ сторону убійцы! Не будетъ-ли этого достаточно, чтобы окончательно свести ихъ съ ума? Я не говорю уже о свѣтѣ, объ обществѣ... Въ мнѣніи общества не только вы, но вся семья ваша погибнетъ навсегда, потому что общество не ограничится хладнокровнымъ разборомъ причинъ привлеченія васъ къ слѣдствію, а пойдетъ гораздо дальше, пополнить пробѣлы сплетень, уже и теперь разросшихся до невозможнаго, и признаетъ васъ фактической участницею убійства сестры. Вы, конечно, рѣшаясь на вашъ образъ дѣйствій, пренебрегаете мнѣніемъ общества, въ которое рѣшили не возвращаться, но при этомъ вы забываете, что въ своемъ эгоизмѣ увлекаете за собою всю вашу семью, унижаете имя вашего отца и вашего брата, который только начинаетъ жить...

Молодая дѣвушка, въ отчаяніи, ломала себѣ руки. Ея блѣдное, измученное лицо выражало такое страданіе, что невозможно было смотрѣть на нее безъ сожалѣнія. Иванъ Ильичъ

почувствовалъ въ душѣ глубокую жалость и даже раскаяніе, что говорилъ съ нею такъ жестоко, немилосердно...

— Не предавайтесь такому отчаянію, Антонина Аркадьевна, ласково проговорилъ онъ, успокойтесь, ради Бога! Понимаю я очень хорошо состояніе вашей души, понимаю, какъ вамъ тяжело, невыносимо тяжело отказаться отъ этой роковой любви, которую вы, быть можетъ, лелѣяли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на которой сосредоточивались всѣ ваши мысли, мечты и надежды, но подумайте — вѣдь эта любовь сдѣлалась теперь преступленіемъ! Не можете вы принадлежать человѣку, который убилъ вашу родную сестру—это было бы слишкомъ чудовищно!

— Не могу-же я также, почти вскрикнула она, предать его на вѣчный позоръ, на вѣчное мученье!..

— Но вѣдь этотъ позоръ, это мученье имъ вполне заслужены! Значитъ, лучше спасти его и предать на позоръ и на мученье родную семью, ни въ чемъ не повинную? Значитъ лучше?

— Сжальтесь надо мною! простонала она. Дайте мнѣ время прійти въ себя, подумать... Развѣ вы не видите, что я не могу больше такъ страдать? Дайте мнѣ время, умоляю васъ!...

— Время не ждетъ, Антонина Аркадьевна! Нужно рѣшиться или теперь, или никогда. Вы должны или спасти преступника, погубивъ свою семью, или взять надъ собою верхъ и отказаться отъ него...

— Хоть убейте меня на мѣстѣ, я теперь не могу ничего сказать! Ничего!..

Она опустила въ полномъ изнеможеніи. Прокуроръ увидалъ, что она близка къ обмороку.

— Ну, хорошо! проговорилъ онъ. Если вы теперь настолько взволнованы и разстроены, что не можете принять энергическаго рѣшенія, то придется подождать... Но обѣ-

спайте мнѣ, дайте мнѣ слово, что, обдумавъ внимательно, серьезно нашъ разговоръ, вы постараетесь побѣдить себя и откажетесь отъ преступной, безнадежной любви, за которую приходится платить счастьемъ и спокойствіемъ вашей семьи?

Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ Антонины. Отсрочка составляла для нея все. Она могла предупредить Всеволода, помочь ему скрыться... Наконецъ, она могла покончить съ жизнію и тогда пусть спрашиваютъ у ея могилы роковое имя!..

— Даю вамъ слово, прошептала она, что сдѣлаю все возможное, чтобы побѣдить себя... Только, ради Бога, дайте мнѣ хоть немножко успокоиться! Если-бы вы знали, какъ я теперь страдаю, такъ, право, сжалились-бы надо мною...

— Я васъ сожалью, Антонина Аркадьевна, повѣрьте, отъ души сожалью! Но поступать иначе не могу. Не подумайте, что моими дѣйствіями руководить только холодный эгоизмъ слѣдователя, желающаго, какою-бы то ни-было цѣною, достигнуть цѣли и найти человѣка, совершившаго преступленіе. Нѣтъ, кромѣ этой цѣли, у меня есть еще и другая, не менѣе важная, скажу даже болѣе важная цѣль...

Молодая дѣвушка вопросительно взглянула на него.

— Моя цѣль—желаніе спасти васъ и ваше семейство. Я уже говорилъ вамъ, что самыя тяжелыя испытанія въ жизни со временемъ сглаживаются и исчезаютъ. Кто знаетъ будущее? Скажите сами, могу-ли я, съ спокойною совѣстью, оставить среди васъ человѣка, доказавшаго на дѣлѣ свою способность совершать преступленія, зная притомъ, что этотъ человѣкъ успѣлъ пріобрѣсти настолько ваше расположеніе, что вы жертвуете для него всѣмъ, что для васъ есть дорогого въ мірѣ? Кто можетъ поручиться, что онъ когда-нибудь, замѣтя это расположеніе и пользуясь своимъ вліяніемъ, не опутаетъ васъ настолько, что вы для него погубите и себя, и свою семью?

— Это невозможно! протестовала она.

— Теперь вамъ кажется, что невозможно, а со временемъ явится весьма простымъ и понятнымъ. Человѣкъ этотъ несомнѣнно имѣть дурные инстинкты, потому что тотъ, кто способенъ задушить женщину, хотя-бы изъ ревности, не можетъ имѣть благородныхъ наклонностей. Если-же онъ, овладѣвъ вашимъ умомъ, увлечетъ васъ за собою—тогда что будетъ? Я понялъ вашъ характеръ, Антонина Аркадьевна, понялъ вполне. Вы дѣвушка благородная, но настойчиво держащаяся своихъ убѣждений, хорошія они или дурныя, правильныя или неправильныя. Кромѣ того, вы способны настолько любить, что для любимаго человѣка готовы на все...

— На все! прощептала она.

— Слѣдовательно, если любимый вами человѣкъ дурной, даже преступный, вы не будете въ силахъ противиться его влиянію, раздѣлите его убѣжденія и погубите себя... Вотъ какія могутъ быть послѣдствія, если преступникъ останется въ вашей средѣ.

— Онъ не останется...

Прокуроръ тотчасъ понялъ мысль молодой дѣвушки.

— Конечно, спокойно проговорилъ онъ, предупрежденный во время преступникъ можетъ скрыться на время отъ правосудія, но только на время, потому что въ наше время трудно скрыться навсегда—даже бѣгство за границу не спасетъ его. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, скрыться ему невыгодно, потому что онъ такимъ поступкомъ только выдастъ себя. Это все-равно, какъ если-бы вы прямо его мнѣ назвали...

— Вы обѣщали дать мнѣ время...

— Обѣщаль—и не отказываюсь. Обдумайте все и рѣшитесь. Не хочу васъ запугивать, Антонина Аркадьевна, это не въ моихъ правилахъ, но положеніе такъ серьезно, что дозволю себѣ еще разъ напомнить, что, желая вамъ добра, я употребилъ всѣ средства, чтобы избавить васъ и вашу семью отъ большихъ несчастій, которыя неминуемы, если васъ привле-

кутъ къ слѣдствію... А что васъ привлекутъ, нѣтъ сомнѣнія. Повторяю, я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, а теперь мнѣ остается только отложить участіе частнаго лица въ сторону и исполнить мой долгъ, какъ представителя закона.

Прокуроръ уѣхалъ отъ Невѣровыхъ въ самомъ непріятномъ настроеніи духа. Онъ сознавалъ, что употребилъ всѣ средства, даже такія, которыя въ глубинѣ души не оправдывалъ, чтобы достигнуть своей цѣли, и все-таки достигъ ея не выполнѣ. Конечно, онъ поставилъ такой ultimatum Антонинѣ, что она должна была высказаться, должна была открыть тайну загадочнаго убійства, но все это въ будущемъ. Однимъ только осязательнымъ результатомъ являлось ея сознаніе, что преступникъ ей извѣстенъ, но онъ и раньше это зналъ, помимо ея сознанія. Теперь остается одно: если она будетъ упорствовать въ молчаніи, дѣйствительно привлечь ее къ слѣдствію. Но что онъ отъ этого выиграетъ? Она и на допросѣ также будетъ молчать. Послѣдствія могутъ выйти очень грустныя: какъ сама молодая дѣвушка, такъ и родные ея пропадутъ въ мнѣніи свѣта, будутъ влечить печальную семейную жизнь, а правда все-таки не откроется и преступникъ останется безнаказаннымъ.

Всѣ эти выводы были крайне непріятны.

— Вотъ характеръ женщины! закончилъ свои размышленія Иванъ Ильичъ. Если забыть она себѣ что-нибудь въ голову, то поставь ее въ какое хочешь положеніе, поставь ее хоть передъ Медузой, она будетъ смотрѣть, глазомъ не моргнетъ... и все-таки поставить на своемъ!

XX.

— Мнѣ необходимо переговорить съ твоимъ братомъ объ очень важномъ дѣлѣ, сказала Антонина Лизѣ послѣ отъѣзда прокурора, но нужно сдѣлать такъ, чтобы разговоръ нашъ остался для всѣхъ тайною. Передай ему, что я буду ждать его сегодня, въ семь часовъ вечера, въ бесѣдкѣ надъ обрывомъ.

Лиза очень обрадовалась. Ей самой хотѣлось устроить свиданіе Всеволода съ Антониной. Она собиралась просить свою подругу согласиться на него, въ случаѣ-же затрудненій съ ея стороны, убѣдить ее всевозможными доводами—и вдругъ сама Антонина просить ее устроить это свиданіе. Значить, она также поняла необходимость выяснить положеніе и, безъ сомнѣнія, оно выяснится такъ, какъ того желаетъ Лиза. Конечно, она поспѣшила отыскать брата и передала ему пріятное извѣстіе, но, къ ея удивленію, Всеволодъ принялъ его далеко не съ такою радостію, какъ она.

Тяжелое предчувствіе несчастія тяготило душу молодого человѣка. Онъ чего-то смутно боялся; чего — и самъ точно опредѣлить не могъ. Что если Антонина знала о его присутствіи въ спальнѣ Вѣры въ роковую ночь и не слышала, какъ онъ ушелъ?

Съ печальными, тревожными мыслями пошелъ Алинскій въ бесѣдку. Много пріятныхъ, сладкихъ часовъ провелъ онъ когда-то въ этой бесѣдкѣ со своей дорогой, обожаемой ученицей въ прежнія, счастливыя времена. Онъ вспоминалъ, какъ они сидѣли тамъ вмѣстѣ, какъ она смотрѣла на него своими большими, простодушными и въ то-же время умными глаз-

ками, какъ онъ впивался въ эти милые взоры, дышавшіе невинною любовью, какъ онъ прикасался къ ея нѣжной, маленькой ручкѣ, и сладкій трепеть любви, восторгъ обожанія охватывалъ все его существо... Тогда они были счастливы, спокойны... Спокойны! Гдѣ-же это счастье, это безмятежное спокойствіе? Возвратится-ли оно? Почему-же не возвратится? Неужели оно пропало навсегда? Кто-же разрушилъ на вѣкъ это счастье, это спокойствіе? Разрушилъ его страшный трупъ съ восковымъ лицомъ и подвязанной челюстью... О, какое страшное лицо! Онъ какъ теперь видитъ его! Вотъ она лежитъ вытянутая, руки сложены на груди, ноги въ бѣлыхъ туфляхъ выглядываютъ изъ-подъ платья. Глазъ прищурился и смотритъ на него... Смотрить! Смотрить!.. „Ты мой! говорить этотъ глазъ. Хоть я мертвая, а все-таки ты мой“...

Вошла Антонина. По блѣдному лицу молодой дѣвушки видно было, что она измучилась до послѣдней степени, хотя и старалась казаться спокойною.

Она сѣла. Онъ стоялъ передъ нею съ опущенными глазами, блѣдный отъ волненія. Оба, хотя и по разнымъ причинамъ, не могли рѣшиться начать разговоръ.

— Мнѣ передавала Лиза, что вы хотѣли говорить со мною, Антонина Аркадьевна? наконецъ, началъ онъ, но какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Да... хотѣла. Мнѣ нужно передать вамъ очень важныя свѣдѣнія, пролетѣтала она.

— Мнѣ также. Я давно собирался просить у васъ разговора, но... боялся.

Она молчала.

— Боялся... обезпокоить васъ. Вы были такъ больны...

— Теперь мнѣ лучше...

— Слава Богу! Я очень, неизмѣримо счастливъ! Теперь, наконецъ, я могу открыть вамъ то, что уже давно мнѣ слѣдовало открыть...

Сердце Антонины болѣзненно сжалось. Онъ хочетъ сознаться, открыть ей все... О, если-бы такъ! Все-таки такой поступокъ былъ-бы проблескомъ благородства! Пусть сознается, пусть самъ сознается! А то—какъ ей сказать ему? Хотя и невыносимо больно ей будетъ слушать, а все-таки лучше, чѣмъ сказать самой...

— Говорите, прошептала она, смущенная, готовясь съ замираніемъ сердца услышать страшную исповѣдь.

Молодой человѣкъ былъ также очень смущенъ. Открыть ей свою любовь, свое обожаніе! Открыть дорогую тайну, которую онъ такъ долго скрывалъ въ глубинѣ сердца! Что она подумаетъ, что скажетъ? Но жребій брошенъ — нужно рѣшиться...

— Антонина Аркадьевна! началъ онъ дрожащимъ голосомъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ я имѣю счастье быть съ вами знакомымъ. Вы были еще очень, очень молоды, когда я въ первый разъ встрѣтилъ васъ и съ тѣхъ поръ видѣлъ часто, увы! можетъ быть, слишкомъ часто... Сама судьба постоянно сводила насъ и доставляла намъ случаи быть вмѣстѣ. Скажите, видѣли-ли вы отъ меня что-нибудь, кромѣ искренней преданности, глубокаго, душевнаго уваженія къ вамъ?

— Не видѣла, прошептала она.

— Но находясь постоянно около васъ, имѣя возможность всегда видѣть васъ, говорить съ вами, удивительно-ли, что не одно только чувство уваженія и преданности наполнило мало-по-малу мое сердце? Неужели возможно быть около васъ, дышать однимъ съ вами воздухомъ и не... Простите! Простите меня, Антонина Аркадьевна, но я не могу... Я рѣшился высказать вамъ все! Понимаете-ли—я рѣшился!.. Вы можете оттолкнуть меня, удалить меня отъ себя, разбить всѣ мои надежды, всю мою жизнь, но молчать я больше не могу! Не могу!..

По мѣрѣ того, какъ Всеволодъ говорилъ, какъ глаза его,

всегда скромно опущенные, загорались огнемъ страсти и щеки покрывались яркимъ румянцемъ, глаза молодой дѣвушки медленно поднимались, пристально глядя на него, и лицо ея все больше и больше блѣднѣло. Казалось, она хотѣла что-то сказать, что-то проговорить, но не могла...

— Я люблю васъ! порывисто прошептала онъ. Люблю больше всего въ мірѣ, больше жизни, больше спасенія души!.. Я готовъ отдать все, отдать послѣднюю каплю крови за одинъ взглядъ, за одну улыбку!.. Антонина Аркадьевна! Я бѣденъ, ничтоженъ, я очень хорошо понимаю, что не имѣю права такъ говорить... Не мнѣ, человѣку безъ средствъ, безъ положенія въ свѣтѣ, даже безъ опредѣленной будущности, открывать вамъ состояніе моей души, говорить вамъ о безпредѣльной моей любви... И повѣрите—я долго сомнѣвался, долго мучился... Я хотѣлъ бѣжать, исчезнуть, какъ существо недостойное не только вашей любви, но даже вашего вниманія... Вы думаете—я всего этого не понимаю? О, понимаю! Слишкомъ хорошо понимаю! Но что-же мнѣ дѣлать, когда это выше моихъ силъ? Я не могъ побѣдить себя! Ни благородство, ни самолюбіе, ни честь не могутъ больше удержать меня! Я долженъ все высказать вамъ... и выскажу!..

Антонина слушала и не могла собрать мысли. Что-же это? вмѣсто признанія въ страшномъ убійствѣ, вмѣсто раскаянія въ совершенномъ преступленіи, она слышитъ пылкое объясненіе, пламенные слова любви... Невольно пришли ей на мысль слова прокурора: „Замѣтя вашу любовь и пользуясь ею, онъ опутаетъ васъ настолько, что вы для него погубите и себя, и свою семью“. Да развѣ подобная низость возможна? Онъ, задушившій изъ ревности ея родную сестру, теперь, черезъ мѣсяцъ послѣ злодѣйскаго преступленія, уже говоритъ ей про любовь! Что же это?

Страшное чувство бѣшенства и отчаянія овладѣло всѣмъ существомъ несчастной дѣвушки. Она хотѣла-бы броситься

на него, уничтожить, задушить его своими руками и не могла... Она сидѣла молча, неподвижно и глядѣла пристальнымъ, страннымъ взглядомъ...

Этотъ взоръ смутилъ его.

— Вы не говорите ничего? Мои слова оскорбили васъ? Простите, молю васъ, простите мой дерзкій поступокъ, мое жалкое признаніе! Скажите слово—и я исчезну навсегда... Вы никогда не услышите обо мнѣ! Простите мнѣ мои мечты, мои безумныя надежды... Надежды невозможнаго блаженства, неземнаго счастья!.. Да—я былъ такъ безуменъ, надѣялся, что вы сжалитесь надо мною, будете ко мнѣ снисходительны, можете быть, полюбите меня...

— Васъ? Убійцу моей сестры?

Роковое слово вырвалось у нея безотчетно, безсознательно...

Алинскій страшно поблѣднѣлъ и отшатнулся. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли другъ на друга.

— Я... убійца? Едва внятно прошепталъ онъ. Я... убійца?

Антонина порывисто встала. Въ ея кроткихъ глазахъ сверкнула молнія.

— Убійца! Да—убійца!.. Вы думаете, я не знаю? Вы думаете, что съ той самой страшной, роковой ночи, когда совершено было звѣрское злодѣйство, мнѣ неизвѣстно, кто его совершилъ? Вы думаете я не слышала ваши шаги, когда вы шли черезъ залу послѣ убійства мужа, и вашъ голосъ передъ убійствомъ жены? Вы думаете—я не слышала? Не слышала? Нѣтъ, я все слышала, понимаете-ли—все!

— Но это неправда! пробормоталъ онъ растерянно.

— Неправда? Вы осмѣливаетесь говорить мнѣ, мнѣ—которая все слышала и все знаетъ, что это неправда? О, Господи! Человѣкъ, котораго я такъ любила, для котораго готова была принести въ жертву свою жизнь, да мало того—честь, осмѣливается сказать мнѣ прямо въ глаза, что это неправда? Да развѣ есть у него сердце? Развѣ есть совѣсть?

Развѣ возможно, чтобы Богъ допускалъ существованіе такихъ чудовищъ?

Онъ стоялъ неподвижно, блѣдный, какъ смерть. Мысли перемѣшались въ его головѣ и ясно, отчетливо слышалось только одно слово: „убійца!“

— Пойми-же, несчастный, порывисто схватила она его руку, пойми, что я тебя любила! Пойми, что съ тѣхъ поръ, какъ я узнала тебя, все мое сердце принадлежало тебѣ!.. Я жила тобою, дышала тобою... Я любила тебя такъ сильно, такъ безгранично, что когда замѣтила, что ты пренебрегаешь мною, что ты любишь мою сестру, я молчала... Понимаешь-ли—я молчала! Я рѣшилась принести себя въ жертву тебѣ, одному тебѣ! Я видѣла въ тебѣ идеаль, идеаль всѣхъ совершенствъ... Я хотѣла, чтобы ты былъ счастливъ, даже цѣною моего счастья, моей жизни! И что-же? Для кого лишала я себя на вѣки спокойствія? Кому приносила я въ жертву свою жизнь? Человѣку, который, послѣ цѣлаго ряда самыхъ безчестныхъ, низкихъ поступковъ, продалъ любимую женщину другому, потомъ вступилъ съ нею въ преступную связь и кончилъ тѣмъ, что злодѣйски задушилъ ее!...

— Это неправда! пролепеталъ онъ безсвязно. Я не убійца!

— Неправда? Опять неправда? Вижу, вижу хорошо, что въ тебѣ нѣтъ ни совѣсти, ни стыда! Не только въ судѣ, на глазахъ людей, но даже здѣсь, съ глазу на глазъ со мной, свидѣтельницей твоего преступленія, ты притворяешься! Конечно—развѣ можетъ быть иначе? Вѣдь ты теперь любишь меня—пришла и моя очередь... Ты низокъ! А я-то надѣялась, что, несмотря на твое страшное преступленіе, въ душѣ твоей осталась хоть искра благородства! Я, несчастная, обрекала себя на вѣчное мученье, чтобы спасти тебя! Я, зная убійцу, молчала! Пойми—вѣдь ты убилъ мою сестру, мою родную сестру! И я молчала... Меня допрашивали, мучили, пытали... и я молчала!

Она въ изнеможеніи упала на диванъ и закрыла лицо руками. Нѣсколько секундъ длилось мучительное молчаніе. Наконецъ, Алинскій медленно поднялъ голову и тяжелымъ движеніемъ провелъ рукою по лбу. — Убійца! прошепталъ онъ!

Вдругъ несчастный молодой человѣкъ весь задрожалъ и глаза его дико сверкнули...

— Да нѣтъ-же! рванулся онъ съ мѣста, я заявлю передъ всѣмъ свѣтомъ, я докажу, что это неправда! Я былъ въ эту ночь въ ея комнатѣ, я говорилъ съ нею, но я ея не убивалъ! Это неправда! Не можетъ-же быть, чтобы возможно было обвинить невиннаго человѣка! Я невиненъ—клянусь Богомъ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, клянусь честью...

— Честью? горько усмѣхнулась она. — У тебя еще осталась честь?

— Да, честью! дико вскрикнулъ онъ. Честь моя при мнѣ, нетронутая, незапятнанная! Я не убійца! Я никогда не дѣлалъ никакого преступленія! Вѣдь это ужасно! Никогда не любилъ я этой женщины, никогда не продавалъ ея, никогда не былъ съ нею въ связи... Она любила меня—это правда! Она сама созналась мнѣ въ своей любви, она хотѣла увлечь меня, бѣжать со мной...

— Несчастный! вдругъ поднялась Антонина. — Замолчи! Ты осмѣливаешься клеветать на покойницу, ты осмѣливаешься обвинять ее во всемъ, зная, что она не явится опровергнуть твои безчестныя обвиненія, твои клеветы! Ты знаешь, что безмолвная могила все приметъ, все перенесетъ... Вѣдь это чудовищно!

— Это правда!

— Правда? Это правда? Такъ значить она во всемъ виновна—она одна? Хорошо! Иди-же дальше, назови ея убійцу, тебѣ теперь это легко сдѣлать! Назови-же! Назови!

— Я не знаю, кто ее убилъ!

— А! Ты не знаешь? Ты не знаешь? У тебя не хватаетъ

смѣлости, не хватаетъ дерзости обвинить другого? А! Ты обвиняешь ее, потому что ты знаешь, что на мертвую можно клеветать безнаказанно, а на живого не смѣешь? Не смѣешь? Ты знаешь, что живой можетъ защищать себя, можетъ доказать свою невинность и бросить тебѣ въ глаза убійцу! Ты это знаешь—и боишься!

— Какъ-же я могу знать, кто убилъ ее, почти вскрикнулъ онъ, когда ушелъ раньше?

— Ты ушелъ раньше? А потомъ другой пришелъ и убилъ? Конечно, другой, а не ты! Какъ-же можетъ быть иначе? Такъ докажи-же мнѣ это—докажи! Кто-же другой? Обвини другого!

Онъ въ отчаяніи опустилъ голову. Она нервно засмѣялась, но это былъ не смѣхъ, это былъ тяжелый стонъ...

— Вдобавокъ ко всему, ты еще трусь... Жалкій трусь! О, Господи! Какъ я была слѣпа, что не видѣла раньше, съ самаго начала... Съ той самой страшной ночи развѣ нельзя было замѣтить по всему, что онъ труситъ, боится? Онъ скрывался, бѣгалъ отъ людей... Онъ дрожалъ отъ мысли, что на него можетъ упасть подозрѣніе... Онъ былъ-бы радъ, если-бы обвинили другого, невиннаго... Его совѣсть не мучилась-бы тѣмъ, что другой за него гибнетъ... Да развѣ у него есть совѣсть? Боже! Боже! И такого-то человѣка могла я любить! Такъ страстно, такъ беззавѣтно любить!

Она горько, отчаянно зарыдала.

— Послушай! вдругъ поднялась она рѣшительно. Я не хочу, чтобы ты погибъ! Не хочу! Я рѣшилась тебя спасти... Помни—цѣною моей чести и жизни... Помни это! Оставь притворяться! Довольно! Ты преступникъ, пусть такъ, но ты долженъ быть спасенъ... Я этого хочу!...

Несчастный стоялъ неподвижно. Въ его мутномъ взорѣ виднѣлись признаки безумія. Онъ еще слышалъ, что она ему говорила, онъ еще понималъ ее, но какъ-то смутно, неопредѣленно... Только одно слово, одно страшное слово вбива-

лось, какъ гвоздь, въ его голову, доставляя страшныя, неслыханныя мученія... Убійца!

— Видишь-ли, начала она шептать быстро и глухо, они меня мучили, пытали... Я все выдержала, не сказала... Я тебя не назвала—не бойся! Никто не знаетъ, что это ты... Никто, кромѣ меня! Но, тебѣ надо спастись, надо бѣжать... Они вывѣдаютъ, они узнаютъ и тогда—все пропало! Пойми—ты погибъ! Тебѣ нужно спастись теперь-же, немедленно! Они могутъ прійти каждую минуту... Я выиграла время... Спасайся! Пусть узнаютъ, что это ты, но потомъ, когда тебя уже не будетъ... Поздно...

Она хрипло смѣялась и, въ то-же время, слезы медленно текли по ея щекамъ.

— Поздно! Онъ говорилъ, что найдутъ? Неправда! Никогда не найдутъ! Только бѣги дальше, дальше... Видишь-ли, я больше не могу выносить... Боюсь... Одно слово, одинъ намекъ и они догадаются... О, какъ они пытаются!.. Какъ невыносимо тяжело пытаются!.. Я, вѣдь, только оттого и могла все вынести, что люблю тебя... люблю тебя... а ты убилъ мою сестру! Это безчеловѣчно, Всеволодъ—это безчеловѣчно!..

Молодая дѣвушка, въ изнеможеніи, опустилась на диванъ. Голосъ ея дѣлался все слабѣе и слабѣе.

— Зачѣмъ ты обманывалъ меня? Отчего ты не сказалъ мнѣ правду? Я бы выдержала, я-бы все выдержала... Вѣдь я ужъ знала, все знала... Твои шаги... твой голосъ... О! Этотъ голосъ... Бѣги—ради Бога! Спасайся! Я любила сестру, видитъ Богъ—любила! Зачѣмъ ты ее убилъ? Но тебя... Тебя я любила больше, чѣмъ сестру, больше, чѣмъ жизнь, больше, чѣмъ честь... Бѣги, умоляю тебя... Спасенія нѣтъ... навсегда...

Она упала безъ чувствъ. Онъ какъ будто опомнился и бросился было къ ней, но вдругъ остановился... Убійца! Убійца! Передъ нимъ поднялась страшная Медуза... Лицо ея скри-

вилось въ отвратительную усмѣшку, ужасныя руки змѣи охватили его со всѣхъ сторонъ и, казалось, хотѣли задушить въ страшныхъ объятіяхъ...

Дикій, хриплый крикъ вырвался изъ его груди и онъ какъ бѣшеный, выбѣжалъ изъ бесѣдки.

Гдѣ онъ былъ? Гдѣ онъ ходилъ весь этотъ ужасный вечеръ? Онъ самъ не зналъ...

Въ полночь онъ очутился на краю обрыва у бесѣдки, гдѣ навсегда погибла его жизнь.

Онъ сѣлъ на обрывѣ. Голова его горѣла, глаза блуждали, мысли путались... Чудовищная Медуза крѣпко держала его въ своихъ страшныхъ объятіяхъ и съ безобразной усмѣшкой заглядывала ему въ лицо...

То онъ видѣлъ мать съ грустнымъ, заплаканнымъ лицомъ... Да! Онъ успокоить ее... Онъ будетъ беречь ее, поддерживать ее въ старости... То сестра смотрѣла на него своимъ задумчивымъ, любящимъ взоромъ... Бѣдная сестра! Невинный, благородный ребенокъ! Онъ слышитъ ея голосъ: „Она любитъ тебя... Я хочу, чтобы ты былъ счастливъ...“ Счастливъ! Вдругъ страшное видѣніе застало родныхъ, дорогія лица... Онъ видитъ мертвое, восковое лицо... Носъ свернуть на сторону... Глазъ какъ будто глядитъ на него изъ-подъ опущенной рѣсницы... Онъ смотритъ на него! Смотритъ!.. Подвязанный платкомъ ротъ вдругъ начинаетъ улыбаться отвратительной, страшной улыбкой мертвеца... „Ты мой!“ шепчутъ ея холодныя, посинѣвшія губы... „Ты мой!“ „Не я! Не я!“ Кричитъ онъ въ отчаяніи, стараясь избѣгнуть этого ужаснаго, пристально впившагося въ него взгляда... Вдругъ ему какъ будто слышится дорогой, обожаемый голосъ... „Это ты!“ Онъ широко открываетъ глаза: передъ нимъ стоитъ „она“... Ея большіе, сѣрые глаза смотрятъ на него съ ужасомъ, съ отвращеніемъ... Горькое отчаяніе искажаетъ прекрасныя черты...

Ея губы шевелятся, что-то шепчутъ... и онъ слышитъ страшное, роковое слово—„убійца!“.

На слѣдующее утро на берегу рѣки нашли обезображенный трупъ несчастнаго Алинскаго. Самъ-ли онъ лишилъ себя жизни, или упалъ нечаянно въ порывѣ безумнаго отчаянія—было извѣстно одному Богу.

XXI.

Павель, вернувшійся въ городъ послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ сестрой, сидѣлъ у Крыловича и отдавалъ ему отчетъ о неудачномъ исходѣ порученнаго ему дѣла.

— Ничего не могъ сдѣлать! говорилъ онъ печально.— Какъ я ни убѣждалъ ее, какъ ни доказывалъ, что она дѣлаетъ непроходимую, непростительную глупость—ничего не помогло! Уперлась на своемъ и кончено! Полнѣйшая неудача.

— Я зналъ, что такъ будетъ, задумчиво проговорилъ молодой слѣдователь.

— Знали? нѣсколько удивился Павель.—Такъ зачѣмъ-же вы просили меня дѣлать ей предложеніе, если заранѣе были увѣрены въ отказѣ?

— Когда просилъ, тогда еще надѣялся, но потомъ...

— Потомъ?

— Потомъ понялъ, что счастьемъ не бывать! Не судьба!

Въ эту минуту Павлу принесъ его человѣкъ только-что полученное письмо. Оно было изъ деревни и весьма нужное.

Молодой человѣкъ быстро пробѣжалъ его и громко вскрикнулъ.

— Что такое? встревожился Крыловичъ.

— Еще ужасное несчастье! Боже мой! Что-же это такое? Чѣмъ мы прогнѣвили Бога? Несчастный! Несчастный!

— Да что такое? Говорите-же, ради Бога!

— Алинскій упалъ нечаянно съ обрыва, что надъ рѣкой, и разбился на смерть...

— Алинскій?

— Да. Несчастный, вѣрно, гулялъ тамъ вечеромъ... Вѣдь онъ послѣднее время все гдѣ-то пропадалъ... Ночь была темная... Конечно, оступился и... Вѣдь высота страшная? О, Боже мой! Боже мой!

— Крыловичъ вздрогнулъ. Оступился... упалъ нечаянно... Такъ-ли?

— А что Антонина Аркадьевна? какъ-то невольно спросилъ онъ.

— Ей вчера вечеромъ сдѣлалось вдругъ очень дурно... Опять сильно захворала и никто не можетъ понять причины, потому-что смерть Алинскаго отъ нея скрыли.

— Она ничего не знаетъ?

— Пока ничего. Въ настоящемъ ея положеніи невозможно ей сказать...

— О, конечно! заторопился слѣдователь.—Нужно скрыть отъ нея, непременно скрыть! Знаете, такая ужасная неожиданность можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія...

„Такъ вотъ чѣмъ все кончается! подумалъ онъ.—Преступникъ сознался—онъ самъ покончилъ съ собою... А она несчастная? Да! Она любила его... Теперь это ясно... слишкомъ ясно... Иванъ Ильичъ былъ правъ!..“

— Отъ Авдіевыхъ, доложилъ человѣкъ, подавая слѣдователю письмо.

Крыловичъ съ нѣкоторою досадою взялъ его и распечаталъ.

— Отъ Авдіевыхъ? Что нужно отъ меня этимъ...

Письмо было отъ Олимпіады Семеновны.

„Братъ очень сильно боленъ, писала она.—Съ нимъ дѣлаются такіе страшные припадки, что мы опасаемся за его жизнь. Онъ непременно желаетъ васъ видѣть и постоянно требуетъ, чтобы васъ попросили прійти къ нему. Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить вамъ что-то чрезвычайно важное, но ни за что не хочетъ сказать, что именно. Если имѣете

свободную минуту, не откажите зайти къ намъ. Несчастный братъ находится въ ужасномъ положеніи.“

Крыловичъ молча передалъ письмо Павлу.

— Нужно идти, сказалъ тотъ, прочитавъ посланіе.

— Нужно, хоть и очень не хотѣлось-бы. Пойдемте вмѣстѣ, Павелъ Аркадьевичъ, все какъ-то веселѣе...

— Ахъ! До того-ли мнѣ? Въ домѣ несчастіе...

— Ничего — развлекетесь. Горю теперь нельзя ничѣмъ помочь. Несчастный случай...

— Бѣдный, бѣдный Алинскій! Такой славный, благородный человѣкъ и такъ ужасно покончилъ! Что будетъ съ его матерью и сестрой?

— Ну, относительно ихъ я спокоенъ, потому-что увѣренъ, что ваши родители ихъ не покинутъ.

— Это конечно, а все-таки тяжелая для нихъ потеря... И притомъ такъ неожиданно...

„Для нихъ, пожалуй, лучше, подумалъ Крыловичъ. Что было-бы съ ними, если-бы его признали виновнымъ въ двойномъ убійствѣ? Теперь хоть честь и доброе имя спасены“.

Они отправились къ Авдіевымъ.

Сестры встрѣтили посѣтителей съ печальными, вытянутыми лицами. Онѣ, повидимому, были въ отчаяніи отъ страшнаго положенія брата, но отчаяніе это, надо полагать, происходило больше отъ опасенія, чтобы онъ въ припадкѣ бѣшенства не оплатилъ имъ за всѣ притѣсненія, за всѣ оскорбленія, которыя онѣ наносили ему. Взаимная ненависть ихъ достигла въ послѣднее время крайнихъ предѣловъ. Пользуясь его безпомощнымъ, жалкимъ положеніемъ, онѣ постоянно осыпали его тяжелыми упреками, горькими жалобами и довели, наконецъ, до того, что при одномъ ихъ появленіи имъ овладѣвала страшная ярость и если-бы не дворникъ и кучеръ, здоровые мужики, приставленные для сдерживанія его во время припадковъ, то, конечно, имъ пришлось-бы плохо. Онѣ

не призывали доктора, чтобы ускорить желаемую развязку, которая по всемъ признакамъ была уже близка. Впрочемъ, и самъ больной не заикался о докторѣ: казалось, ему самому хотѣлось покончить расчеты съ жизнью. Въ промежуткахъ между припадками онъ былъ спокоенъ и все время молчалъ. Невозможно было добиться отъ него ни одного слова.

Вдругъ онъ заявилъ желаніе, чтобы позвали Крыловича, которому онъ будто-бы имѣлъ передать что-то весьма важное. На просьбу его сестры, конечно, не обратили никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что имъ, изъ личныхъ расчетовъ, не хотѣлось допускать къ брату кого-бы то ни было изъ постороннихъ. Видя, что его желаніе не исполняется, онъ сталъ повторять его все съ большей настойчивостью и не только въ спокойныя минуты, но даже во время припадковъ вспоминалъ все чаще и чаще имя слѣдователя, требуя, чтобы его непременно привели къ нему, потому что иначе произойдутъ большія несчастія. Однажды онъ пригрозилъ, что если не исполнять его требованія, то сестры его попадутъ подъ судъ. Угроза подѣйствовала лучше, чѣмъ всевозможныя просьбы и молебны: Олимпиада написала Крыловичу письмо.

Понятно, что при отношеніяхъ, существовавшихъ между Львомъ Семеновичемъ и его сестрами, онѣ только проводили посѣтителей до его комнаты и воздержались, подъ благовиднымъ предлогомъ, войти въ нее.

Въ печальной, уже извѣстной коморкѣ, на жалкой постелѣ, названной имъ самимъ ложемъ изъ булыжника, лежалъ Авдіевъ. Глаза его были закрыты, синебагровое лицо горѣло, какъ въ огнѣ, густые, давно уже не чесанные волосы торчали клоچьями. Около него находились два дюжихъ мужика, готовые схватить и держать его въ случаѣ припадка.

Войдя безъ шума, посѣтителѣ нѣсколько минутъ съ невольнымъ страхомъ смотрѣли на этого человѣка, напоминавшаго

дикаго звѣря, хотя и изнемогшаго отъ физическихъ страданій, но все-таки готоваго броситься на свою жертву.

Авдѣевъ открылъ мутные, кровавые глаза.

— А! Слѣдователь! произнесъ онъ хриплымъ, глухимъ голосомъ. Наконецъ-то! Пришли? Хорошо, что пришли! Мнѣ васъ нужно... Павелъ Аркадьевичъ тоже... Кстати!.. Очень кстати...

— Что это съ вами, Левъ Семеновичъ? освѣдомился Крыловичъ. — Съ чего это вы хворать вздумали?

— Съ чего? Ну, это намъ съ вами долго разбирать придется... Некогда!.. Есть дѣла поважнѣе...

Глаза больного начали неопредѣленно блуждать по комнатѣ.

— Сначала поправьтесь, а тамъ о дѣлахъ переговорить успѣемъ. Прежде всего вамъ нужно вылечиться.

— Вылечиться? Ну, ужъ это вы оставьте, слѣдователь! Поздно теперь лечиться!.. Ужъ я пробоваль... Такое себѣ лекарство прописаль, что—ну!..

— Какое-же это лекарство? Вы-бы, право, лучше доктора позвали.

— Какое лекарство? Сказать вамъ — какое?

Ротъ Авдѣева скривился въ ужасную улыбку, глаза опять начали блуждать по комнатѣ.

— Скажите, только я сомнѣваюсь, чтобы отъ вашего лекарства была польза, возразилъ Крыловичъ. Вы больны серьезно и вамъ недостаточно домашнихъ средствъ. Подумайте, что съ каждымъ днемъ положеніе ваше дѣлается опаснѣе. Если теперь докторъ легко и скоро справится съ болѣзнию, то потомъ ему будетъ уже гораздо труднѣе—потребуется серьезное, продолжительное леченіе. Право я совѣтоваль-бы вамъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Позовите-ка доктора, да вылечитесь хорошенько.

Пока Крыловичъ говорилъ, лицо Авдѣева дѣлалось все безпокойнѣе и выражало сильное волненіе. Казалось, онъ вовсе

не слушалъ слѣдователя и думалъ о чемъ-то другомъ. Въ немъ какъ будто происходила борьба... Глаза его страшно блуждали и лицо еще болѣе побавровѣло. Въ ожиданіи припадка, къ нему приступили, готовясь схватить его, но онъ отстранилъ людей руками.

— Оставьте! глухо проговорилъ онъ. — Не бойтесь! Съ мѣста не тронусь!.. Тутъ другое...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Вдругъ мутные глаза больного пристально устремились на Павла.

— Похожъ! пролепеталъ онъ. — Напоминаетъ — по мало! Есть что-то...

— Вамъ нехорошо, Левъ Семеновичъ? смутился Павелъ отъ этого пристального взора.

— Нѣтъ, ничего! И такъ... вспомнилъ...

Опять наступило молчаніе. Посѣтители стояли у постели, не зная, что сказать.

— Левъ Семеновичъ! началъ, наконецъ, Крыловичъ. — Вы просили меня прійти, чтобы сообщить мнѣ что-то весьма важное. Вотъ я здѣсь и готовъ васъ выслушать...

— Просиль... да... просиль... Имѣю дѣло важное... очень важное...

Онъ замолкъ.

— Скажите-же, какое дѣло?

— Дѣло...

Онъ вдругъ приподнялся, зрачки расширились, кровавые глаза блеснули страшнымъ огнемъ... Его хотѣли схватить, но онъ уже упалъ, какъ-бы въ изнеможеніи, на постель и закрылъ глаза.

Опять наступило тяжелое молчаніе.

— Слѣдователь! вдругъ началъ Авдіевъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ. Помните, вы были у меня мѣсяць тому назадъ... вечеромъ...

— Помню.

— Я тоже помню. Мы говорили объ... убійствѣ.

Крыловичъ вздрогнулъ.

— Я вамъ рассказывалъ тогда исторію... Помните? Я вамъ говорилъ, что вы никогда не откроете преступника... Помните?

— Помню.

— Ну что-же? Правъ я былъ тогда или нѣтъ? Открыли вы его или нѣтъ?

— Хотя я не открылъ, но онъ самъ открылся.

Авдѣевъ быстро приподнялся и вытаращилъ свои кровавые глаза на Крыловича съ невыразимымъ удивленіемъ.

— Онъ... открылся?

— Да. Онъ сдѣлалъ поступокъ, равносильный сознанію.

— Поступокъ, равносильный сознанію? Что за вздоръ! Этого не можетъ быть!.. Вы всё съ ума сошли! Обвинили какого-нибудь невиннаго... Вамъ это ни почемъ! Все объясните, все докажете, что угодно... Поступокъ, равносильный сознанію? Говорю вамъ—этого не можетъ быть!..

— Почему-же не можетъ быть?

— Почему? проговорилъ Авдѣевъ глухо, но отчетливо. Потому, что Тименевыхъ убилъ я!

Всѣ въ ужасѣ отшатнулись. Авдѣевъ тяжело опустился на подушку и закрылъ глаза.

— Вы мнѣ не вѣрите? вдругъ заговорилъ онъ глухимъ голосомъ. Вы мнѣ не вѣрите? Такъ я вамъ докажу! Вы думаете, я не могу доказать? Вы думаете, что у меня горячка, бредъ... что я говорю вздоръ? Нѣтъ, не вздоръ! Нѣтъ у меня бреда... Я убилъ ихъ—я! Его убилъ потому, что ненави-дѣлъ, ее убилъ, потому что любилъ... О, какъ любилъ!

Онъ замолкъ. Глаза его были закрыты, дыханіе тяжелое, прерывистое. Свидѣтели страшнаго сознанія еще не могли опомниться и молча смотрѣли на него. Во взорахъ ихъ было недоумѣніе и страхъ, страхъ невольный, понятный, всегда ощущаемый при видѣ убійцы.

— Да, я любилъ ее! продолжалъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ее въ первый разъ, какъ услышалъ ея голосъ, я понималъ, что моя судьба рѣшена... Я предлагалъ ей себя... Предлагалъ свою жизнь... Она не хотѣла! Она оттолкнула меня, унизила меня, насмѣялась надо мной! Надо мной!

Онъ скрежеталъ зубами...

— Она продала себя Тименеву... барышнику, мошеннику! Она—идеаль красоты, совершенства, отдалась низкому, безчестному торгашу!... И она думала, несчастная, что я, Левъ Авдѣевъ, перенесу такое униженіе, такой позоръ? Она думала, что со мною можно такъ жестоко, такъ безчеловѣчно шутить? О, глупое, легкомысленное созданье!..

Онъ хрипло засмѣялся.

— Можетъ быть, я и перенесъ-бы свое униженіе, если-бы не такъ страстно ее любилъ... О какъ я ее любилъ!.. Какъ я ее любилъ!.. Мысль, что она принадлежитъ другому, доводила меня до ярости, до изступленія!.. Я не могъ выносить этой страшной мысли!.. Она ласкаетъ его, она цѣлуетъ его. А я?

Авдѣевъ поднялся. Страшное бѣшенство исказило его черты. Багровое лицо его подергивалось судорогами, кровавые глаза горѣли мрачнымъ огнемъ...

Довольно было взглянуть на этого человѣка, чтобы понять, что онъ, именно онъ совершилъ двойное убійство.

Сильное напряженіе не могло долго продолжаться: онъ ослабѣлъ и упалъ.

— Она должна была умереть! заговорилъ онъ опять послѣ нѣкотораго молчанія. Я не могъ вынести мысли, что она принадлежитъ другому... Она должна была умереть! А онъ? Развѣ можно было допустить, чтобы тотъ, который отнялъ у меня счастье, отнялъ жизнь, остался ненаказаннымъ? Я ему говорилъ, я его предупреждалъ... Онъ не послушался! Хуже! Онъ пустился на низость... Онъ хотѣлъ купить меня,

также какъ купилъ ее... только подешевле... за тысячу рублей... А все-таки сохранную росписку взять!.. Въ рукахъ хотѣлъ меня держать... Меня держать въ рукахъ!.. О, бездушный, презрѣнный ростовщикъ! Онъ воображалъ, что я буду терпѣть и молчать... Терпѣть униженіе, позоръ! Да развѣ я могъ вынести такую пытку? Нѣтъ—никогда!.. Вонъ она, проклятая росписка—тамъ!.. Въ углу... за обоями... найдете! Не разорвалъ росписки... на ней кровь, его кровь! Сохраняю... бережно сохраняю... Онъ отнялъ у меня ее, я отнялъ у него жизнь—мы поквитались!..

Губы Авдіева опять скривились въ отвратительную улыбку. Онъ обвелъ мутнымъ взоромъ присутствующихъ.

— Вы все-таки мнѣ не вѣрите? Вы думаете, что я шучу? Да, я пошутилъ... пошутилъ... А вотъ теперь умираю, потому что пошутилъ! Хорошо пошутилъ, не правда-ли? Хорошо? Двухъ однимъ взмахомъ... Онъ-то что... Объ немъ и говорить не стоитъ... Ничтожная, мерзкая гадина! Его-же ножомъ, кстати тутъ случился... Разъ — и готово... Не пикнулъ!.. Но ее...

Авдіевъ остановился. При одномъ воспоминаніи жестокое страданіе изобразилось на его страшномъ лицѣ. Волосы встали дыбомъ... Мутные глаза широко открылись и бессмысленно перебѣгали съ одного предмета на другой...

— Когда я шелъ, продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ, я не думалъ убить ее... Я хотѣлъ только, чтобы она была моею... Это была моя цѣль, моя завѣтная мечта... Для достиженія этой цѣли я отдалъ всю мою жизнь... Я сдѣлалъ преступленіе, зарѣзалъ... Я достигну цѣли! Она будетъ моею!.. Подойдя къ двери ея спальни, я вдругъ услышалъ голоса... Тамъ говорили... и говорилъ мужчина!.. Страшное бѣшенство овладѣло мною... Я хотѣлъ броситься, убить ихъ обоихъ на мѣстѣ, но остановился... Почему я остановился?.. Развѣ

я могъ сказать, почему, когда самъ не соображалъ, что дѣлаю? Я сталъ слушать...

Авдіевъ замолкъ на минуту, измученный страшнымъ воспоминаніемъ.

— О, какъ я страдалъ во время ихъ разговора! Какъ страдалъ!.. Каждое слово рѣзало ножомъ мое сердце!.. Она говорила ему, что любить его... Она убѣждала его бѣжать съ нею, она просила, умоляла... Она!.. Онъ не хотѣлъ... Есть же такой человѣкъ на свѣтѣ, который могъ устоять противъ ея желанія, противъ ея мольбы!.. Еслибы я былъ на его мѣстѣ!.. Сколько разъ порывался я войти, но останавливался. Терпѣніе! Придетъ мой чередъ... Она будетъ моею... Терпѣніе!.. Наконецъ, онъ ушелъ... все стихло...

Лицо Авдіева исказилось. Глаза блеснули безумнымъ взглядомъ.

— Она хотѣла кричать, да я не далъ... Кричать? Какъ бы не такъ!.. А подушка зачѣмъ?.. Врешь—не будешь кричать!.. Молчи! Молчи!.. А!.. Противиться, еще противиться?.. Покрѣпче... вотъ такъ... вотъ такъ... Хрипнуть, все еще хрипнуть... Довольно—не хрипи!.. Нѣтъ! Все хрипнуть... Конецъ? Нѣтъ—не конецъ!.. Хрипнуть... Да перестань же!.. Нѣтъ.. Еще!.. Еще!..

Страшный, безобразный, съ искаженнымъ, звѣрскимъ лицомъ и вытаращенными, налитыми кровью, глазами, Авдіевъ вдругъ поднялся и бросился съ кровати. Его схватили. Началась отчаянная борьба... Наконецъ, его одолѣли и положили на постель.

— Хрипнуть, все хрипнуть... бормоталъ онъ разбитымъ, измученнымъ голосомъ. Спасите... Помогите... Все хрипнуть...

Крыловъ и Павелъ вышли отъ Авдіевыхъ, пораженные тяжелымъ зрѣлищемъ.

— Ужасно! проговорилъ, наконецъ, Павелъ. Хоть этотъ

несчастный убилъ мою сестру, но я долженъ сознаться, что наказаніе его страшное... Какія страданія! Ужасно!..

— Тѣмъ болѣе ужасно, объяснилъ Крыловичъ, что онъ опоздалъ признаніемъ и произошла роковая ошибка... Теперь я все понимаю.

— Ошибка?

— Да. Несчастный Алинскій погибъ безвинною жертвою. Его смерть не случайная...

— Алинскій? взглянулъ на него съ удивленіемъ Павелъ.

— Антонина Аркадьевна слышала его голосъ въ комнатѣ сестры и была убѣждена, что преступленіе совершилъ онъ. Доведенная до крайности допросами прокурора и желая спасти преступника, котораго любила, она сказала ему все, а онъ, не имѣя возможности доказать свою невинность, покончилъ съ собою. Несчастливая дѣвушка! Она не перенесетъ страшнаго удара...

Крыловичъ не ошибся. Извѣстіе о томъ, что Авдіевъ убійца ея сестры и Алинскій погибъ безвинно, рѣшило участь Антонины. Она скоро утасла на рукахъ родныхъ. Но послѣднія минуты ея были облегчены свѣтлою мыслью, что сердце ея не ошиблось въ выборѣ: человѣкъ, котораго она такъ сильно любила, не былъ преступникомъ.

К о н е ц ъ.

